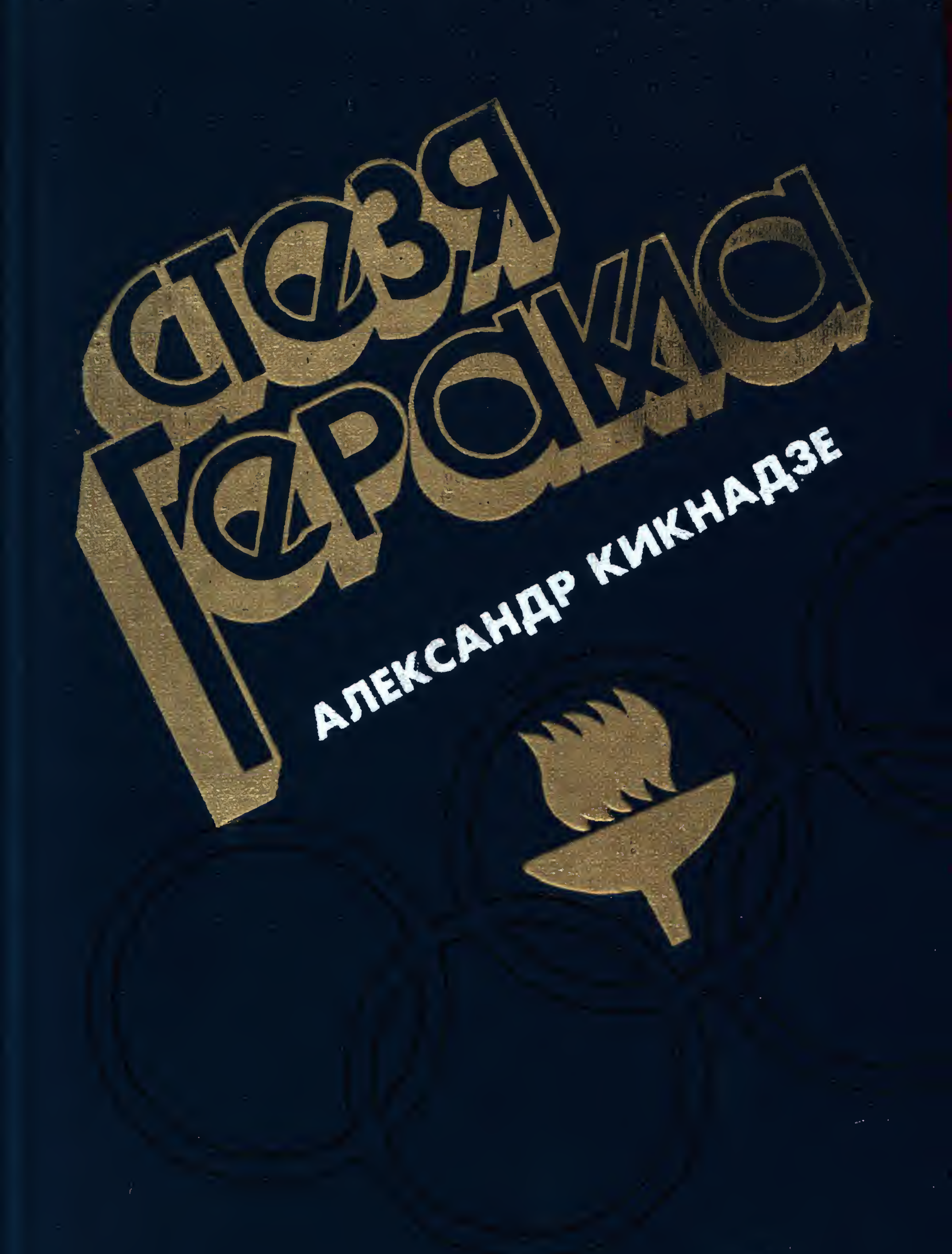

• ФИЗКУЛЬТУРА
И СПОРТ •

АЛЕКСАНДР КИКНАДЗЕ

Стезя Гераклa

Рассказ об олимпиадах и олимпийцах, об искусстве спортивного противостояния и о том, что увидел, понял и запомнил автор на матчах в Багио и Мерано, на трех футбольных чемпионатах мира и на стадионах разных стран

Москва
«Физкультура и спорт»
1983

ББК 75.4
К 38

Рецензент — Кудрявцев В. Г.

Кикнадзе А. В.

К 38 Стезя Геракла. Рассказ об олимпиадах и олимпийцах, об искусстве спортивного противостояния и о том, что увидел, понял и запомнил автор на матчах в Багио и Мерано, на трех футбольных чемпионатах мира и на стадионах разных стран. — М.: Физкультура и спорт, 1983. — 262 с.

Книга писателя Александра Кикнадзе «Стезя Геракла» посвящена олимпийской тематике. Автор рассматривает некоторые вопросы современного олимпийского движения. Отдельная глава посвящена Московской олимпиаде, путям, которые открыла Москва перед олимпийским движением.
Для массового читателя.

К $\frac{4700000000-161}{009(01)-83}$ 54—83

ББК 75.4
7А.02

ОТ АВТОРА

Синьор Андреа, маленький, кругленький живчик лет пятидесяти пяти, смотрит по телевизору, как его «Наполи» проигрывает футболистам «какого-то там Милана», и на чем свет стоит клянет нерасторопных форвардов:

— Нет, вы поглядите на этого несчастного Сандро, из какого положения промазал! Вот как надо было ударить, щечкой, щечкой в дальний от вратаря угол.

Андреа с трудом поднимается, бросает на пол коробок спичек и, легонько ударив по нему «щечкой», посылает в створ между ножками двух столов.

Слышится восхищенное:

— Браво, браво!

Пока консультант-общественник устраивается в своем кресле, неаполитанцам забивают еще один гол.

— Кто так играет? Вратарь должен был перекинуть мяч через штангу... — знаток футбола снова встает и, с трудом подняв руки, пытается показать, как это надо было сделать.

— Вы очень справедливо замечаете, — поддакивает сосед и, открыв новую банку пива, ставит ее перед Андреа.

— Мы кое-что повидали, кое-что знаем, — без излишней скромности отвечает тот и присасывается к банке.

Как хочется иной раз человеку, который «кое-что повидал», вскарабкаться на судейское возвышение — порицать, поучать и прорицать. Такой знаток считает безошибочным, непогрешимым, не подлежащим обсуждению лишь свой взгляд на то или иное явление спортивной жизни.

Автор хотел бы удержаться от подобного соблазна и ничем, ни в одной из глав не напомнить читателю синьора Андреа, с которым познакомился в меранском отеле «Эмма» в один из свободных от шахмат вечеров.

Эта книга о том, что увидел, понял и запомнил автор на шести летних олимпиадах и на международных соревнованиях в двадцати странах мира. Об искусстве спортивного противостояния. О находках и потерях. О том, как печалится и торжествует бессмертный спортивный дух. О спорте как вселенском измерителе человеческих сил, способностей и страстей. О счастье служения ему.

Время несет с собой не только забвение. Но и узнавание тоже. Помогает многое лучше понять, точнее осмыслить, а порой и заново открыть для себя. К воспоминаниям, подаренным олимпиадами и крупными международными соревнованиями прошлых лет, полезно обращаться, как к мудрой книге, в которой с годами, по мере взросления, обнаруживаешь мысли и наблюдения, мало отвечавшие твоему опыту и умонастроениям в минувшие годы.

...Записные книжки уже давно не умещаются в одном ящике. Время от времени я обращаюсь к ним. И благодарю старых друзей за воспоминания, которые они пробуждают.

Часть первая

ИСКРА, ЖИВУЩАЯ В КРЕМНЕ

ГЛАВА 1

Прославленный той, которую зовут Гера. «Здесь растут священные оливы». Камень Бибона: миф или реальность. Мироновский Дискобол и ЭВМ

Однажды во время дружеского кавказского застолья в день 8 Марта услышал из уст тамады:

— Историки олимпиад на все лады расхваливают знаменитого Геракла. Описывают подвиги, которые он совершил, рассказывают легенды о том, как пришла ему в голову мысль положить начало Играм в Олимпии. Но я хотел бы спросить вас — кем был бы Геракл, если бы не одна женщина?

Вообще-то компания, сидевшая за столом, догадывалась, что рано или поздно оратор свернет на женщин. И все же показалось странным, что он начал с Геракла.

Обведя победным взглядом компанию, тамада продолжал:

— Не знаете? Я вам скажу. Так и остался бы неизвестным ваш Геракл, не будь у него одной противницы, умной и мстительной... У нее была заветная цель: доказать батюшке Геракла — а им, по преданию, был сам Зевс, — что он поступил опрометчиво, изменив ей, богине Гере, с обыкновенной смертной. Гера не обратилась в высший совет богов с заявлением: «Считаю своим долгом довести до вашего сведения, что мой законный супруг польстился на жалкую Алкмену. Я прошу наказать Алкмену, разбившую семью, и вернуть мне моего мужа». И так далее, как пишут обычно в таких случаях. Нет, Гера ничего такого не написала. Она приняла решение действовать самостоятельно.

Помолчав, тамада поднял рог с вином и торжественно произнес:

— Я предлагаю выпить за женскую неповторимость. И вообще за тех, кто помогает нам лучше узнать себя и свои способности. Дай бог здоровья настоящим противникам! Без них наша жизнь была бы скучна и пресна!

Через три месяца у меня появился повод вспомнить те мудрые слова тамады.

...Олимпия, первый стадион земли. Симпатичный и не по годам серьезный экскурсовод приглашает к руинам храма Зевса. Неширокая, отполированная временем и ступнями лестница ведет к площадке, на которой беспорядочно разбросаны остатки древних колонн.

— Здесь стояла статуя Зевса, одно из семи чудес света. Это в честь отца своего Зевса установил олимпиады Геракл. Но огонь зажигают чуть поодаль, у храма Геры.

— За что такой почет этой даме? Ведь она, если не ошибаюсь, была мачехой Геракла.

— Так утверждает легенда. Но все дело в том, что, если бы не Гера, мы вряд ли знали бы о Геракле. Эта могущественная богиня посылала ему одно испытание за другим, она и заставила его совершить двенадцать знаменитых подвигов. Между прочим, «Геракл» означает: «Прославленный той, которую зовут Гера»...

Робко, неторопливо ступаю кончиком туфель на стезю Геракла и чувствую, как гулко и счастливо начинает стучать сердце. Сколько лет мечтал об этой минуте! Судьба помогла мне стать свидетелем многих олимпиад, впитать в себя впечатления и чувства, которые не избывают с годами, а теперь, а теперь... Сейчас тряхну стариной, черт побери! Пробегу круг по стадиону... ведь если не сделаю этого, никогда себе не прощу.

Представлю, что с того вон холма наблюдают за мной бронзоволицые, полные достоинства греки (не подозревающие, что они на самом деле древние греки), а с этого возвышения остроглазые бородачи в пурпурных одеяниях — судьи-элланодики. Главный из них держит в руках оливковую ветвь, срезанную золотым ножом, он ждет минуты, чтобы преподнести ее самому быстрому. Эта ветвь будет напоминать мне до последних дней о счастливейшем миге. Кто здесь смелый? Кто готов выйти со мной на стезю Геракла? Поборемся! Поможем друг другу лучше узнать, на что мы способны! Кто здесь смелый?

Стоявший недалеко француз турист лет пятидесяти перехватил мой взгляд, кажется, подумав о том же. Быстро снял с себя джинсовый костюм и, не дождавшись официального вызова, бросился бежать по дорожке. Пока я переодевался, он удалился достаточно далеко. Никогда в жизни я не бегал так быстро. На финише я едва-едва не догнал француза. И хотя был вторым, на меня решительно никто не обратил внимания. Все почести были возданы триумфатору.

«И все же стезя Геракла помогла тебе лучше узнать, на что способен... ведь ты действительно никогда так быстро не бегал», — сказал я себе.

Но уже через несколько минут появился повод для новых рассуждений.

«Ого, оказывается, не всякая победа — радость, — произнес внутренний голос... — Но ведь это значит, что и не всякое поражение — горе».

Между тем недалеко от финиша происходили странные события. Глаза моего вмиг помолодевшего соперника еще сверкали отсветами победы. Одна из его почитательниц сорвала ветвь с оливковыми плодами и уже собиралась, как это делали в древние времена, увенчать олимпионика, когда...

Ритуал чествования прервал человек средних лет в черных очках и фуражке с черным околышем. Он произнес фразу, после которой вдруг заскучали французы:

— Вы находитесь в священной Олимпии. Здесь растут священные деревья. Вы нанесли урон одному из них. Если каждый турист

сорвет по веточке, здесь не останется ни одного дерева. Поэтому вы будете оштрафованы.

Так говорил Панайотис Зафейропулос, хранитель аллеи Эллинов. После чего назвал сумму, способную ошеломить самого стойкого олимпионика.

Волею судьбы (в лице Комиссии Союза писателей СССР по шефству над Морским флотом) я, дублер старпома теплохода «Шота Руставели», разделял ответственность за спокойствие и благополучие тех людей, которым читал мораль хранитель аллеи Эллинов. Потому что они были с нашего борта. Следовало действовать быстро, взывая не столько к уму, сколько к сердцу грека (учебники психологии советуют в подобных ситуациях смотреть собеседнику прямо в глаза и говорить как можно проникновеннее).

— Высокочтимый друг Панайотис, — сказал я, — многие из этих господ собираются приехать к нам на Олимпиаду... в Москву. И потому так хотели повидать Олимпию. Не омрачайте, пожалуйста, их настроения.

— Вы из Москвы? А чем могли бы это доказать?

— Зная, что мне придется побывать у вас, я привез немного сувениров с эмблемой Олимпиады-80.

Не предполагая, не предвидя, что произойдет в следующую минуту, я протянул Панайотису несколько значков и наклейку на машину. Торопливо поблагодарив, грек вскинул руку и издал клич, на который тотчас же откликнулись хранители самых дальних аллей.

— Желаю вам, господа, благополучного путешествия, — сказал французам Панайотис и, обратясь ко мне, добавил: — Рад встретить гостя из Москвы.

Через минуту я имел честь познакомиться с запыхавшимся хранителем аллеи Платанов Теодорасом Панагопулосом. На троих у нас оказалось некоторое количество общепонятных немецких, турецких и английских слов, а еще несчетное количество жестов, коими оснащал свою речь Теодорас.

Прежде всего он дал мне понять, что собирает значки, посвященные олимпийским играм, и что в его коллекции недостает только московских. Я заметил, что это, мол, не проблема, и сунул руку в карман. Подошли любопытные французы. Панайотис, видимо, не желая, чтобы часть значков перепала им, вежливо сказал:

— Господа, вы можете идти, только, пожалуйста, больше ничего здесь не трогайте.

Французы заверили, что ничего не тронут, однако уходить не торопились. Тогда находчивый Теодорас доверительно сказал мне:

— Пойдемте, мы покажем вам музей и все, что здесь было найдено.

Едва ли не все экспонаты этого музея должны внушить посетителю мысль — древние были сильнее, искуснее, совершеннее нас. На фресках — разъяренные, запряженные в колесницы кони, послушные воле своих могучих повелителей. Под стеклом — копья и щиты не простых смертных, а титанов. Гипсовый слепок неимоверной величины якобы со стопы Геракла. И, наконец, этот камень, на котором написано: «Бибон поднял меня над головой одной рукой».

— Теодорас, скажите, пожалуйста, сколько весит этот камень?

— Если считать по-современному, что-то около полутора центнеров.

— Ого! А когда жил этот достославный гражданин?

— Примерно две с половиной тысячи лет назад.

— Он случайно не любил того... прихвастнуть? Хроники ничего не говорят?

— Не помню уже у кого услышал: «красота для нас важнее правды».

— Мифы потому-то и называются мифами, что ...

— Зато в них так приятно верить.

— Я слышал, что итальянцы с помощью ЭВМ рассчитали, что знаменитый Мироновский «Дискобол» был способен послать «сегодняшний снаряд» не далее как на тридцать метров. В это верю, как и в то, что цивилизация — восхождение, а не спуск. И что всякому времени даны не только свои открытия, но и свои пределы.

ГЛАВА 2

Встречи за Северным полярным кругом. Человек, который смеется. Что такое «запретный барьер»? Несколько минут из жизни летчика-штурмовика. Как нашли спринтера Хорхе Алоссио. Размышления о пределах. «Мексиканское опровержение»

Да, всякому времени даны свои пределы — технические, спортивные, медицинские и прочие. «Как слаба была старая медицина! — восклицал доктор Антон Павлович Чехов. — Если бы я был рядом с Пушкиным, я не дал бы ему умереть». Живи в наш век А. П. Чехов, разве медицина дала бы ему погибнуть от туберкулеза?

Вспомним высказывание другого великого писателя о свойствах и возможностях человеческой натуры. Принадлежит оно Виктору Гюго, относится к шестидесятым годам девятнадцатого столетия и свидетельствует о том, как мало знал себя человек, каким хрупким и ненадежным казался.

Одна из глав романа «Человек, который смеется» называется довольно пространно и... категорично: «Всякий, кого в одно мгновение перебросили бы из Сибири в Сенегал, лишился бы чувств». Есть в этой главе такие строчки: «Нет ничего удивительного в том, что даже самый крепкий и выносливый мужчина теряет сознание под влиянием внезапной перемены судьбы».

Согласитесь, читатель, два весьма любопытных высказывания. Увы, в эпоху Гюго «экспериментально доказать» его первое утверждение не представлялось возможным: в ту пору не знали ракет. Мог ли догадываться писатель, что не пройдет и ста лет, как над земным шаром начнут летать космические корабли, что в них будут сидеть люди, в считанные минуты переносящиеся «из Сибири в Сенегал», и никто не будет падать в обморок, потому что такие полеты станут делом привычным, хорошо освоенным. Может ли быть «более внезапной перемена судьбы», чем у космонавта, взле-

тающего в заоблачные выси, в сферу невесомости, «где все совсем другое»?

Современникам Виктора Гюго не снились нагрузки, которые лягут на плечи человека в последней четверти двадцатого века и так высветят новые качества его.

* * *

Случилось так, что вскоре после Олимпийских игр в Монреале, где шла упорная, видимая всему миру, освященная давними законами борьба человека с человеком, командировка привела меня на Крайний Север СССР. Быть может, для того, чтобы помочь по-новому понять, как испытываются и воля, и сила, и жизнестойкость в каждодневной, бескомпромиссной борьбе с немилосердной природой.

Над Таймыром непроглядная — чернее не придумаешь — ночь, да Северное сияние, ярче которого ни природа, ни фантазия, кажется, ничего не изобрели. Словами не выразишь того, что способны передать только краски Рериха. Будто веселятся солнечные разведчики — первые лучики, пробившиеся к краю земли — поистерлись, поломались, преломились, но все же дошли, пусть солнце пока далеко, оно придет, придет, оно будет с вами!

А может быть, в том сиянии волшебно отразились все краски и переливы, все неожиданные комбинации таймырской земли — такой скудной на поверхности и такой щедрой в глубине? Тот, кому выпало счастье увидеть эту глубину под Норильском или под Талнахом — близким соседом его, сохранит на долгие годы картины, встречающиеся разве что в счастливых цветных детских снах. Вкрапления драгоценных металлов, выхваченные фонариком над шлемом, казались звездами под рудничным сводом — горели, играли, манили.

А на поверхности самоуправствовала метель; вечная стылость, сковавшая землю, реки, озера, будто сковала и воздух, он здесь совсем не такой, как «на материке».

Мы пробивались к Норильску по невидимой дороге, подгоняемые и подстегиваемые метелью. Телеграфные столбы, до середины занесенные снегом, были единственными ориентирами, по которым шофер угадывал путь из аэропорта. Часы показывали полдень, а вездеход шел с включенными фарами. Но и они помогали мало. По временам видимость, как понятие, исчезала начисто: кругом подвижная, мечущаяся в разных направлениях молочная пелена, больше ничего. Наконец, вездеход безнадежно уперся в снежную гору. Три «Урала» одновременно атаковали ее, стремясь сдвинуть с места, открыть путь замершей веренице машин. Дело было в «Долине смерти». Мнилось, что от надсадного рокота машин проснутся мертвые.

Тридцать шесть градусов ниже нуля. Ветер до двадцати метров в секунду. Обычная работа. Машина двинулась вперед, стрелка спидометра редко переваливала через цифру «10».

Шофер, звали его Николаем, голубоглазый парень с резко очерченными скулами, работал так, как не работают шоферы нигде: каждый пройденный километр было бы справедливо приравни-

вать к десяти, а может быть, и к двадцати. На лбу поблескивали бисеринки пота. Он снял ушанку, распахнул тулуп, и на одной из остановок перед очередным завалом я увидел на его пиджаке значок мастера спорта. То, что рядом со мной сидел спортсмен, было видно не только по значку. И не только по помятым ушам, выдававшим борца. По той четкости, точнее было бы сказать гармонии, с какой он управлял машиной на этой тяжелейшей из всех существующих на свете дорог. Сказал Николай, что приехал на Таймыр из-под Новороссийска и мастером спорта стал здесь, за Полярным кругом.

— Ну и как работается вам, южанину, в этом краю?

— Нормально. Человек ко всему привыкает.

— Часто вспоминаете родные края?

— Вспоминаю, но уже не так, как раньше.

— Это почему же?

— Прихватил Север. Ездил в прошлом году в отпуск, отпуск у нас, сами знаете, длинный, пожил в родном доме, поплескался в море... все это столько раз видел во сне, а наяву... оказалось, что не могу теперь без Севера. Привык, одним словом. Вернулся через две недели.

— Друзья, наверное, удивились.

— Нет. Удивляются, когда человек все три месяца выдерживает в Сочи. Там санатории построили. Но наши из них бегут.

— Куда же, если не секрет?

— Какой может быть секрет, домой, в Норильск. Выражение такое есть — «плененные Севером». Трудно жить, но говорят, организм привыкает на полную катушку работать, тут ему все что ни на есть выкладывать приходится. Ну, а когда в нормальные условия попадает, к солнышку, к морю, оказывается, что эти нормальные условия для него не нормальны.

Через несколько дней я встретился с человеком, которого знают и чтут в этом заполярном городе.

Зовут его Искандер Газизович Файзуллин, он заслуженный мастер спорта. В конце сороковых и начале пятидесятых годов прославился сверхдальними проплывами, на каких только реках не плавал, на какие только расстояния! — имя его достойно вошло в историю отечественного спорта.

Беседа проходила в современном дворце плавательного спорта, кажется, ничуть не уступающем своей популярностью у северян другой первоклассной стройке — Дворцу спорта — стадиону под крышей. Долгие годы Файзуллин руководил всей работой по плаванию. Я умышленно написал работой, ибо здесь эта работа считается первостатейной. В книгах и брошюрах он рассказывал на примерах живых и убедительных, что есть спорт в жизни северян, как важны тут и особая методика и особые тренерские знания и навыки.

— Мне бы хотелось услышать от вас, Искандер Газизович, об одной особенности человеческой натуры — ее умении приспосабливаться к самым суровым условиям. Не считаете ли вы, что здесь, за Полярным кругом, человек демонстрирует нагляднее, чем «до По-

лярного круга» свою способность жить под постоянным напряжением долгие годы? Что подсказывают вам опыт и медицинские и спортивные знания?

Задаю этот вопрос неспроста. Не раз приходилось слышать от родителей и педагогов опасливый вопрос: а не вредят ли постоянные спортивные нагрузки здоровью? Не сказываются ли отрицательным образом постоянно усложняющиеся требования спорта? Один из американских астронавтов, слетавших на Луну, утверждал, что он не позволял себе никаких дополнительных спортивных упражнений, помимо тех, которые были разработаны специальной программой, даже зарядки по утрам не делал, чтобы не убыстрять ход сердца — мол, каждому сердцу дано отсчитать определенное количество ударов — кому три миллиарда, кому — четыре, для чего же убыстрять этот счет? Может быть, не так уж неправы те родители и педагоги? Где найти ответы на их вопросы? Не лучше ли всего в городе, где люди постоянно живут под напряжением? Несколько месяцев ночь, жуткие морозы и колючие, сбивающие с ног ветры; перейти улицу — и то проблема.

В поисках ответа я и прибыл в Норильск и сидел в теплом врачебном кабинете с бесчисленными графиками и диаграммами на стенах и беседовал с человеком, который мог судить об этих проблемах лучше, чем кто-либо другой; долголетняя работа в необычном этом городе придавала особый вес его словам.

— Вы, должно быть, слышали не раз, — говорил Искандер Файзуллин, — как в минуту опасности человек становится другим — откуда только силы берутся? Один описывает эпизод, как в молодые годы, спасаясь от преследователей, перемахнул в полном обмундировании через двухметровый забор. Другой — как схватился с барсом и задушил его. Третий — как выпрыгнул при пожаре с четвертого этажа и остался цел-целехонек. Все это полезно знать тем, кто приходит в спорт, — пусть догадываются, на что способны. У нас на Севере все по-другому: человек учится жить не под кратковременным — под постоянным напряжением. Если проведете в Норильске даже небольшой срок, заметите, что здесь ровнее отношения между людьми, больше расположенности, что ли, друг к другу, доброжелательности.

— Успел обратить внимание: идет машина — легковая ли, грузовик ли, если кто-нибудь голосует, шофер обязательно остановится, распахнет дверь.

— Приезжим это кажется странным, а у нас закон, иначе нельзя, от долгого стояния на морозе, сами знаете, что может случиться.

— На улицах меня уже несколько раз останавливали, советовали потереть нос или щеки. Видимо, признавали приезжего.

— Нет, и это правило тоже, пешеход не носит зеркала, а мороз — предатель, лизнет раз, не заметишь, а второй раз — быть беде. Эта расположенность и доброжелательность вызвана тем (так написал один психолог, и я соглашаюсь с ним), что главные силы человека уходят на борьбу с природой, хилый не выдерживает, уезжает... но если ты стал норильчанином на все сто процентов, это значит, прошел проверку и на прочность, и на разрыв, и на раз-

лом. Побывает наш житель в ином другом большом городе, зайдет в метро или автобус и поразится — до чего же люди иногда бывают раздражительны и вспыльчивы, казалось бы, кругом теплынь, солнышко, травка зеленеет, а не чувствуют этой благодати.

Или геологические партии. Люди уходят в тайгу, случается, надолго. Норильск подготовил их к жизни в экстремальных условиях. Она вырабатывает многое.:. Стремление понять не только умом, но и сердцем другого человека, прийти к нему на помощь, умение приглушать свои претензии и амбиции, а говоря иными словами — быть человеком уживчивым, это, что ни говори, много значит в наше время всеобщих перегрузок.

— Не потому ли удалось вам прижиться на севере, что в юные годы привыкли к перегрузкам? Рассказывали, что после одного заплыва вы похудели на девять килограммов, а если собрать все заплывы...

— Получится не один центнер. Но это все ерунда. Организм имеет удивительную способность возмещать затраты. А затраты спортивные — одни из самых жизнетворных, тут не бывает просчетов, спорт возвращает сторицей... Почему я вспомнил про геологические партии? Говорят, чтобы узнать человека, с ним надо пуд соли съесть. В неторопливое время родилась поговорка. Но имеем ли мы право на такую роскошь теперь? Нет, такого срока на важнейшее из всех узнаваний нам не отпущено. Мы обязаны знать не просто кто на что способен в привычно текущей жизни. Обязаны предвидеть, обязаны знать, кто как поведет себя в самой острой ситуации.

Тогда в Норильске я услышал рассказ о молодом и невидном парне из геологической экспедиции. Дело было давнее, а запомнилось хорошо. Партия должна была закончить работы до наступления морозов, но она наткнулась на месторождение, ради обследования которого решила пойти на риск. Мороз ударил раньше времени. Кто-то обморозил руку, кто-то ногу, до ближайшего жилья было не менее ста километров. На беду, вышла из строя рация. В партии были сильные, закаленные ребята, но первым вызвался пойти за помощью самый невидный и неразговорчивый. Трудно представить, как смог он за четыре неполных дня пройти по заснеженной тайге те сто километров, как смог собрать добровольцев — лесников и старателей — и еще через пять дней привести группу, ни разу не сбившись с пути, к своей партии. Владимир Коняхин его имя. Ему не было и двадцати одного года, когда товарищи начали, не договариваясь друг с другом, называть его по имени-отчеству... Жила в парне искра, а в минуту опасности высветилась. И вовсе не для того, чтобы подтвердить банальную истину — спорт готовит человека к борьбе с жизненными невзгодами — скажу, что Владимир Коняхин прошел хорошую спортивную школу, у него разряды и по плаванию и по бегу. А что такое спортивный разряд? Это, прежде всего, готовность к работе на втором дыхании. Надежность, которая ценится в человеке везде, а на этой широте — особенно. Не редкие — постоянно действующие «исключительные обстоятельства» показывают истинные возможности человека наших дней.

Я вспомнил слова Виктора Гюго — о Сибири и Сенегале. Искандер Файзуллин искренне рассмеялся. И добавил: — А вы никогда не задумывались над тем, что лет через тридцать, а может быть, и двадцать будут так же свысока поглядывать и на нас с вами и на наши сегодняшние «высшие достижения»?

...Есть много общего между человеком, добывающим для страны глубоко под землей драгоценный металл, и человеком, добывающим этот металл на олимпийских ристалищах, — надежность, умение работать и состязаться, включая «второе дыхание», готовность прийти на помощь товарищу, пожертвовать личным интересом ради интересов команды и еще... сознание ответственности, облагораживающее и возвышающее человека. Пусть по-особому давит на плечи, на грудь, на сердце атмосферный столб — пусть на привычное ртутное давление накладывается давление особого свойства, порождаемое сверхответственностью: только такому человеку дано утвердить себя в жизни, со всей полнотой проявить свое «я».

А узнав и проявив в полной мере свои возможности и «включив резервы», такой представитель человечества помогает современникам составлять более точное представление о своих способностях и резервах. А это значит более точно заглядывать в будущее, строить планы, делать реальностью то, что для предыдущих поколений было только мечтой «на грани фантастики».

Разделяю точку зрения Искандера Газизовича: нам надо не просто знать свои возможности, но и описывать всякий факт их превышения.

Думаю, что знакомство с этими примерами одинаково полезно и тому, кто сделал по жизненной стезе много шагов, и тому, кто делает по ней только первые шаги.

* * *

Попытки проникнуть за запретный барьер, способность черпать из того «неприкосновенного запаса», который хранит в нас рачительная и дальновидная природа, превышать «привычные нормативы» (я взял эти два последних слова из лексикона Искандера Файзуллина) не могут не привлекать самого пристального внимания тех, кто служит спорту.

Как в каждом не до конца ясном деле, нужны свидетельства.

Уже немало лет веду я картотеку, в которую заношу примеры преодоления запретных барьеров. Хотел бы познакомить с несколькими карточками, а говоря точнее, страницами из нее.

Страница первая.

Это случилось в небе Сталинграда в дни, когда на правом берегу Волги шли особенно яростные бои. С третьего задания возвращалось звено штурмовиков, ведомое Нури Алиевым. Голос в наушниках:

— Командир, шестерка «мессершмиттов» слева.

— Дотянем?

— Непохоже.

— Приготовиться к бою.

Все это они не раз проходили на учебных занятиях — как сра-

жаться «ИЛу» против «мессеров». Маневры были расписаны в схемах и настенных плакатах. Все это крепко сидело в уме. Но тут одно звено против двух. К тому же на исходе боекомплект. Фашистские истребители педантично размыкаются, бьют снизу и сверху. Видит Алиев, как отчаянно сражаются его ребята, как старается прикрыть его ведомый, как чуть не в лоб идет на атакующего «мессера». Да только слишком неравны сила.

Алиев почувствовал, как захлебнулся мотор... — это было последнее, что он увидел и запомнил. Остальное делал машинально, с почти отключенным сознанием. Машинально, потому что был ранен в голову.

Он не понимал и через три дня, когда начал приходить в сознание, не понимает и теперь, как смог вывести самолет из падения, определить, в какой стороне родной аэродром, довести до него машину и, сделав по всем правилам разворот (это потом рассказывали ему друзья с удивлением, что он сделал разворот), посадить машину.

Первыми к самолету подбежали, опережая механиков и друзей, врачи, бережно перевалили через борт безжизненное, казалось, тело, положили на носилки, донесли до машины с красным крестом, ее водитель понесся по полосе напрямик в медсанбат. Командира звена положили на операционный стол. И немолодой хирург, должно быть многое повидавший на свете, но больше всего — за первые годы этой войны, как и молодые его коллеги, дивился неведомой силе, заставившей пилота бессознательно совершить на изрешеченной машине точную посадку.

Много лет знаком я с Нури Меджидовичем Алиевым, помню его юным, горячим, самолюбивым боксером, не одно крупное соревнование он выиграл; бокс дал не только «школу». Не будет большим преувеличением сказать «дал жизнь», без той школы он вряд ли перенес бы то, что выпало на его долю. Он кавалер высоких наград... среди них орден Ленина и Боевого Красного Знамени. Я прошу старого друга рассказать о тех минутах в небе Сталинграда.

— А что я помню? Все, что знаю, знаю с чужих слов. И еще фронтовая газета, может быть, что-нибудь она?..

— Понимаю удивление военного корреспондента, но мне хотелось бы услышать, как сам ты объясняешь ту историю... Ведь если честно, понять ее трудно, даже обладая хорошо развитой фантазией.

— Дело в том, что каждый летчик перед боевым вылетом старается проиграть в уме, а это значит предусмотреть любую неожиданность, как поступить в одном случае или в другом, видимо, эта привычка сидит глубоко.

— Говоря иными словами, ты предполагал, что тебя могут подбить, и, если так можно сказать, запрограммировал свои действия и на такой вариант?

— Черт его знает как лучше сказать. С одной стороны, вроде так, а с другой. Если ты только о том думаешь, что могут сбить, тебе как боевому летчику цена две копейки в базарный день. Ты должен думать только об одном — как лучше выполнить задание.

Это твоя жизнь. Это даже больше: от того, как ты выполнишь его, зависят жизни многих твоих соотечественников. Говоришь себе: плохо выйдешь на фашистскую танковую колонну или на укрепленный пункт, многие твои боевые товарищи полягут под огнем их пушек и пулеметов. Ты штурмовик, тебе доверили первоклассный самолет, и не случайно же прозвали фашисты «ИЛы» «летающей смертью». В бою всякое может произойти, и в тебе подспудно живет мысль, как поступить, какую команду отдать ведомым и себе, если подобьют. Держи в памяти крепко-крепко расположение родного аэродрома. Но не только... Любой площадки, любой дороги на нашей стороне, где можно совершить вынужденную посадку. Научись что-то делать механически, полуотключив сознание. Выработай такое умение тренировкой. Это как на ринге, только ставка другая. Там у тебя один противник, ты его видишь и все внимание концентрируешь на нем, тебя никто не ударит сзади, и все же что-то общее есть: выходя на бой, ты должен отчетливо понимать, как поступить в том случае, если он пойдет совсем не так, как ты предполагал. Должен ли ты, пропустив сильный удар, очертя голову броситься в ответную атаку, или тебе лучше переждать, отразить натиск стойкой обороной и лишь в конце раунда вернуть инициативу? Каждый бой на ринге — задача со многими неизвестными. Я был бы просто неблагодарным человеком, если бы не сказал, как научили меня тренеры-боксеры предвидеть ситуацию, принимать быстрые решения... В этом смысле их помощь была ничуть не меньше, чем учителей в военном летном училище.

— И если мы снова вернемся к тому, что предшествовало бою?..

— Я учил себя водить самолет вслепую и еще... чувствовать, где, в какой точке неба должен оказаться в секунду, которую заранее загадал. Понимал, что могу попасть в критическую ситуацию, когда землю скроет низкая облачность или туман.

— Итак, ты хочешь сказать, что вырабатывал в себе навыки действия с полуотключенным сознанием и эта тренировка... ведь после того как захлебнулся мотор, ты перевел его на другой режим.

— Это я еще помню. Это было сделано автоматически. Ну а после ранения... видимо, каким-то краешком мой котелок еще варил. И подсказал рукам, как поступить. Убежден, в моих действиях не было ничего, что напоминало бы о попытке выброситься: уж больно удобная цель — медленно спускающийся парашют.

— И ты считаешь, что если бы не бокс...

— Мы бы не беседовали теперь.

Страница вторая.

Ранний предутренний час, на земле еще темно, но тяжелый бомбардировщик, возвращающийся с боевого задания домой, освещают первые лучи солнца. Неожиданно пресекается плавный гул винтов: заметив фашистский истребитель, командир бросает машину вниз, в спасительную темноту — в тучу.

Стрелок-радист выпускает две очереди и замолкает. Невысокий тонколицый штурман лет двадцати трех видит, как, не выпуская штурвала, тяжело оседает на пол командир корабля. Штурман заставляет себя доползти до двери; его подкидывает, переворачивает,

бросает, но он продолжает двигаться вперед. Пробует открыть дверь и выброситься с парашютом. Но дверь заклинило, она не поддается. Самолет падает, оставляя длинный дымный след.

Что же было дальше? Что могло быть?

Выступая много лет спустя по телевидению, штурман В. Чибисов вспоминал:

— Я понимал, что погибну, если не сделаю что-то чрезвычайное. Обозлился. Поднялся. Вложил всего себя в удар. И... дверь слетела с петель. Не поверил глазам. Прыгнул. До земли оставалось метров пятьсот-шестьсот, опустился нормально. Где шагом, где ползком добрался до наших. Объяснил, как все случилось. Как дверь кулаком выбил. Кто-то сказал: «Заливай, да знай меру». Я бы и сам не поверил, если бы мне кто-нибудь рассказал такое. Но, оказывается, когда дело жизни касается, человек такие силы в себе находит, о которых ни он сам, ни другие и предполагать не могли. Значит, есть в нас эти самые силы, узнать бы, как ими распоряжаться.

Страница третья.

Если бы книга Семена Вишенкова «Испытатели» не называлась документальной, можно было бы подумать, что автор дал волю творческому воображению. Но все было на самом деле. Описывается эпизод из жизни известного летчика-испытателя... Неожиданно вышла из повиновения новая машина.

«Рули уже были не в состоянии преодолеть развивающейся силы инерции, приостановить вращение самолета.

Когда Степанченок это понял, он торопливо начал расстегивать ремни. Но, как это часто бывает, когда что-нибудь нужно сделать очень быстро, получается наоборот, — пряжка не поддается.

У летчика глаза налились кровью. Он перестал различать, что вокруг него делается. Но быстро надвигавшуюся землю почувствовал инстинктивно и рванул державшие его ремни с такой силой, какую в другое время ему вряд ли удалось бы показать. Ремни, выдерживавшие на испытаниях сотни килограммов груза, лопнули, как бечевки, и через три-четыре секунды над летчиком вспыхнул купол парашюта».

Командир звена, штурман и летчик-испытатель. Прожившие кто считанные минуты, а кто и секунды между небом и землей — между жизнью и смертью. И показавшие нам таинственные силы, живущие в мускулах и сердце.

Страница четвертая.

Рассказ спортивного врача Киры Владимировны Серой:

— В годы войны, совсем девчонкой, я участвовала в художественной самодеятельности, которая давала концерты для раненых воинов в госпиталях. Был в нашей группе немолодой солдат Михаил Михайлович, обладатель чистого баритона; все думал, как встретит его, однорукого, молодая жена. И вот горькое получил письмо, мать написала, что жена ушла к другому. Михаил Михайлович заперся в костюмерной и долго не выходил. В тот вечер мы давали концерт на сцене гарнизонного Дома офицеров. До начала оставалось минут двадцать, и меня попросили разыскать Михаила Михайловича. В костюмерной его уже не было. Я вышла на полутемную сцену...

то, что я увидела, долго снилось в ужасных снах. Я вскрикнула, кинулась прочь со сцены и перепрыгнула через оркестровую яму. В зале уже были первые зрители. Они подхватили меня, у меня зуб на зуб не попадал, я показывала рукой на сцену и только говорила: «там, там он». Через несколько дней после похорон Михаила Михайловича ко мне подошел инструктор физкультуры и как-то странно спросил:

— Кира, ты когда-нибудь прыгала в длину?

Я не поняла, к чему это он. А инструктор:

— Три свидетеля подтвердили, что ты перепрыгнула яму для оркестрантов. Мы измерили ее, оказалось — шесть метров двадцать два сантиметра. Это мировой рекорд. У нас скоро гарнизонные соревнования, вот мы и решили выставить тебя на соревнования по прыжкам в длину.

Не хотел он поверить, что я никогда раньше не прыгала. На тренировки пригласил, ничего у меня, честно сказать, не получалось, на самих соревнованиях едва-едва за четыре метра прыгнула.

— Что же ты это так меня подвела, Кира? — в сердцах спросил инструктор. — Мы от тебя верного первого места ждали, а ты... — и безнадежно махнул рукой.

— Ничего я тогда не понимала, — продолжала рассказ Кира Владимировна. — Подруги уговорили меня лично проверить ширину ямы, взяли бечевку, натянули как следует, наложили на нее сантиметр, действительно за шесть двадцать оказалось.

Страница пятая.

Рассказ писателя К.:

— Я вернулся домой с дачи и увидел, что горит электропроводка. От занавесок огонь перекинулся к большому старому книжному шкафу. В том шкафу находились две моих еще не изданных рукописи. С трудом, но мне все же удалось вытолкнуть шкаф в другую комнату. И только тогда я вызвал пожарную команду. Та довольно быстро справилась с огнем, а потом помогла мне навести порядок в квартире. И вот, значит, трое здоровяков взялись за книжный шкаф и... еле-еле водворили его на место... таким он оказался тяжелым. Один из пожарных поинтересовался:

— А кто помогал вам перетащить его в другую комнату?

— Никто.

— Выходит, вы сами?

— Сам, честное слово.

— Ну, папаша, не зря вы сочинителем работаете. Где же это видано, чтобы при такой субтильности?

— Там были страницы, которые я писал много лет... это было главным моим богатством.

Посмотрели на меня недоверчиво. Понял я, что не поверили. Да уж и не стал я их разубеждать.

И только командир пожарных философски изрек:

— Когда горит, еще и не такое случается с человеком. Это она, молодежь, вам не верит. А я всякого навидался... как в минуту опасности хиляк (это, простите, я не про вас) Геркулесом становится... это бывает.

Становятся не только могучими Геркулесами, но и быстроногими Гермесами.

Страница шестая.

Из «Недели». Однажды во время народного праздника на аргентинского юношу Хорхе Алоссио, щеголявшего в красной куртке, набросился разъяренный бык. За бегом Хорхе не без интереса наблюдал сидевший в машине тренер Мануэль Кайе. Машинально нажал на секундную кнопку часов. И не без удивления обнаружил, что на двухсотметровом отрезке (его легко можно было вычислить по электрическим столбам) юноша развил скорость, которая не снилась в спокойной «стадионной обстановке» самым быстрым бегунам страны. Тренер не без труда разыскал Хорхе. Пригласил его в свою группу. Через три года занятий тот стал чемпионом Аргентины в спринте.

Страница седьмая.

Эта история произошла на советском Севере. Сидя недалеко от самолета, полярный летчик был занят ремонтом стремянки. Сзади до его плеча дотронулись. «Не мешай», — сказал пилот, думая, что это товарищ. Но ему тяжело задышали в затылок, он обернулся и... в следующее мгновение оказался на плоскости крыла. На него смотрел большой белый медведь. Постояв немного, гость с соседней льдины мирно удалился, а товарищи пилота застали того в состоянии глубокой задумчивости:

— Ребята, хотите верьте, хотите нет, но это я сам запрыгнул на крыло.

— В дохе и унтах? Отталкиваясь от плохо утрамбованного снега?

— М-да, — задумчиво почесал затылок «прыгун». — Братцы, честное слово, сам.

— Высота плоскости, между прочим, метр восемьдесят.

— Но ведь это медведь...

— Трави, да знай меру.

И тогда только поверили пилоту, когда обнаружили медвежьи следы.

... Заговорили о резервах физических. Справедливо ли «оставить в стороне» резервы умственные? Догадываемся, что нам по плечу. А что «по уму»?

Услышали бы наши деды об эксперименте, который проводит молодой москвич Юрий Горный, сказали бы: «Не может быть». Горный, выйдя на сцену, кладет на столик маленький калькулятор и начинает соревнование с машиной. Из зала задают вопрос: сколько будет 76 в четвертой степени?» Покамест доброволец нажимает клавиши, Горный отвечает.

Следующий вопрос: извлеките корень пятой степени из 79 миллионов 235 тысяч 168. Откликается, без запинки отвечает: 38. Угадывает чужие мысли, с завязанными глазами находит предметы, спрятанные в зале.

И так далее, и тому подобное.

Сто процентов наших современных мыслительных ресурсов — это лишь малая частица того, что будет «по уму» потомкам. Услышали бы жители второй половины неторопливого XIX века, что их

внукам предстоит иметь дело с потоком информации в 180 раз шире того ручейка, из которого они черпали свою мудрость, удивились бы, наверное, немало. Хотя и понятия такого — «поток информации» — при дедах не существовало, как и многих других понятий, рожденных научно-технической революцией.

Сколько же пройдет столетий, пока человеческий мозг, обладающий естественной способностью беречь в закоулках своих, надежных, как камера хранения, самые ничтожные воспоминания далекого прошлого, до конца познает сам себя? Фантазия не срабатывает. Ясно только, что ближайшим потомкам нашим не дано будет до конца познать все чудеса мозга, какими бы сложнейшими орудиями познания ни наградил бы их тот же самый мозг. Но можно ли сомневаться, что сама высокоорганизованная материя, которую мы только по цвету, не проявив какой-либо выдумки, окрестили серым веществом, уже сегодня заключает в себе все, что рассчитано на способности и на задачи мыслящих существ далекого будущего?

Юмористы утверждают, что мозг первобытного человека имел две извилины, из которых одна была совершенно прямая, а вторая параллельна ей, что по мере развития цивилизации извилин становилось все больше. Но, оставив в покое извилины, которые ведают фантазией, и почесав затылок, словно для того, чтобы возбудить извилины, управляющие отделом «Факты, события, люди», ученые делают вывод — в восьмидесятые годы XX века человек, не честолюбивый, не перенапрягающий себя особыми заботами и стремлениями, включает в оборот до десяти процентов своих мыслительных запасов. В это еще можно поверить. Ну а сколько «включает» человек, занимающийся умственной деятельностью, человек одаренный и трудолюбивый? Увы, только 12—14 процентов. На этом сходятся мнения ученых, работающих в разных странах.

Вспомним теперь, какие спортивные рекорды пленяли наше воображение еще совсем недавно. Храню депешу из «Красного спорта»: «Подробно, не скупясь на телеграфные расходы, напишите установлении женского рекорда страны прыжке высоту метр шестьдесят три». Не я ли всю ночь писал репортаж о штангисте из суперкатегории, первым в мире поднявшем над головой 202,5 кг, то была ночь с 10 на 11 сентября 1960 года в олимпийском Риме... нервная стенографистка уже четвертый или пятый раз вызывала меня, потом в сердцах разбудила мирно почивавшего после всех треволнений редактора и пожаловалась на меня. Редактор был славным человеком, он пришлепал ко мне из соседней комнаты в тапочках на босу ногу и чистосердечно спросил: «Может быть, помочь?» — и сладко зевнул в кулак. Все, что я написал в ту ночь, казалось бледной тенью того, что испытал несколько часов назад под кровлей Малого спортивного дворца, едва не рухнувшей от рукоплесканий итальянцев, умеющих, кажется, более чем кто-нибудь еще, выражать чувства. То был ужасный репортаж, его нельзя читать не краснея; до сих пор не могу понять, почему не перестал здороваться со мной честолюбивый, как все (или почти все) талантливые люди, штангист.

Было так...

Тренер команды США Боб Гофман выставил против Юрия Власова Джеймса Бредфорда, большого, толстого и добродушного негра, и сухопарого, жилистого Норбера Шемански, двух талантливых штангистов, задавшись целью не отдавать того, что принадлежит Америке уже давно, и хоть каким-то образом возместить американские потери в Риме. Все должно решиться в толчке.

Во втором часу ночи Бредфорд подходит к штанге в последний раз. Торопливо и застенчиво крестится, сжимает штангу так, словно задался целью оставить вмятину на грифе, шепчет молитву.

Если возьмет 185 килограммов, достигнет цели, к которой шел четыре года, побьет олимпийский рекорд в троеборье (тогда в программу тяжелоатлетических состязаний входили три упражнения) и первым в мире превзойдет рубеж 500.

Правда, рядом русский. Слов нет, он силен. Но как у него с нервами? У Бредфорда, когда он волнуется, едва уловимо дрожит веко. Не задрожат ли у русского колени, если Бредфорд вот сейчас...

Через несколько секунд американец танцует, широко раскинув руки, нечто среднее между лезгинкой и самбой.

Шемански заказывает 192,5 килограмма. Зал будто вздрагивает — от штанги, которую бессильно бросает на помост Шемански. И тогда просит прибавить десять килограммов Юрий Власов. Он борется против двоих. Те могут рисковать, он — нет, те могут рассчитывать друг на друга, он — только на себя. Поправляет очки. Неторопливо растирает магнезией грудь. Издали кажется олицетворением спокойствия и хладнокровия. Но это только издали. «Олимпийское спокойствие»? Легковерным авторам, щеголяющим этим эпитетом в отчетах с соревнований, невдомек, что спокойный олимпиец никогда и ничего не сотворит.

Он подходит к штанге с рекордным весом — 202,5, расставляет ноги, замирает.

... — Юрий Петрович, о чем вы думали в те минуты?

— Старался представить, как буду чувствовать себя после победы. Рад, что представления сходятся. Я уже чувствовал себя так. Помогает.

Ночь была тихая, звездная, радостная. Ночь после Олимпиады.

В зале долго гремели аплодисменты. Были цветы. Длинная очередь выстроилась за автографами. Потом его подняли на руки и вынесли на улицу. Казалось, радость Юрия Власова делит чуть ли не весь ночной Рим.

Как недавно и как давно все это было!

Спустя двадцать лет в другом итальянском городе — Леньяно проходил чемпионат мира и Европы среди юношей. В категории до 90 килограммов выступал 18-летний Юрий Захаревич из г. Димитровграда Ульяновской области. В толчке поднял 222,5 кг. На двадцать килограммов больше, чем когда-то Юрий Власов.

* * *

Нам вовсе небезынтересно знать, на что способен человек сегодня, на что будет способен через пять, десять, сто лет. Знать, что-

бы лучше планировать, точнее рассчитывать. Есть прогнозы долгосрочные. Английский писатель и ученый Артур Кларк считает, что в течение семи тысяч ближайших лет человеку предстоит, ни много ни мало, освоить и заселить все планеты солнечной системы: матушка Земля к той поре будет перенаселена до предела. Артур Кларк убежден, что внешне далекий потомок будет отличаться от нас так же мало, как мы отличаемся от предков, живших семь тысяч лет назад. Но зато овладеет искусством, которое не дано нам: использовать те резервы, которые природа заложила в человека, так сказать, при «изначальном конструировании» и о которых мы имеем пока отдаленное представление. Тот, кому дано заселить планеты солнечной системы, будет не просто человеком думающим, но и обязательно человеком мирным, ибо если он разовьет в себе агрессивность, ненависть к другим... просто не сохранится до той поры.

Есть в нашей жизни событие, происходящее раз в четыре года, которое незаметно, исподволь помогает все лучше представлять, на что же мы способны. Дает основания сравнивать, высчитывать, заглядывать вперед. Эти вселенские смотры не что иное, как олимпийские игры. Только в мирном соперничестве, в мирном состязании, которое ведет не к расколу, не к вражде, а к сотрудничеству, способен человек проявить все то доброе и великое, что несет в себе. И что дано развить ему в будущем.

Бежит с веселой спринтерской скоростью спортивное время.

К счастью, для деятельных, сильных сердцем. К несчастью, для хилых духом. Не всем дано попасть в темп, угнаться. Вопрошают: «Если так будем торопиться, к чему в конце концов придем? Не настанет ли один такой совсем не прекрасный день, когда вынуждены будем сказать себе: «Стоп, приехали. Мы уже достигли всего, чего могли, и теперь никому никогда не удастся пробежать сто метров быстрее чем за девять с половиной секунд, а прыгнуть в длину дальше чем на девять метров. Давайте не будем так торопиться, а то кто знает, чем все кончится».

Между прочим, не новая мысль и не новая забота. И рассуждают так, случается, достойные уважения ученые мужи.

В 1968 г. в дни зимних Олимпийских игр в Гренобле я встретился с человеком, который в общем-то близко подошел к этой мысли. Моего собеседника, профессора-социолога Гренобльского университета, зовут Франсуа Эйдсек.

Эйдсек говорил:

— Мы рады Олимпиаде. Это и хороший фестиваль, и хорошая реклама городу. О нем узнают во всех странах мира. Но я футуролог и обязан смотреть на сегодня из завтра, говоря точнее, из далекого завтра. Не собираюсь навязывать своего мнения, но буду рад если вы разделите его: с каждой олимпиадой спорт все ближе к самоиссечению. Он иссякнет, в этом сомнения нет, потому что, как бы это точнее сказать, человек приближается к абсолютному спортивному рубежу. И соревнования в испытании физических сил, мне кажется, в достаточно близком времени потеряют какой-то смысл. Люди скажут: «Помянем добрым словом олимпиады, когда-то нашим предкам они доставляли радость. Но предки слишком спешили

и ничего не оставили на нашу долю, никаких открытий, откровений. Что делать, месье, сеньоры, товарищи и сэры? Что делать? Опустим флаг олимпиады в последний раз и навсегда».

Только не подумайте, пожалуйста, что я человек, который «не чувствует спорт» и совершенно безразличен к его судьбам, — продолжал Франсуа Эйдсек. — Сам я играл в футбол и баскетбол, а теперь хожу на лыжах. И дети мои — лыжники. Люблю спорт и, мне кажется, имею право сказать, что знаю его. Повторяю, радуюсь тому, что Олимпиада подгоняет спорт, и огорчаюсь этим, — профессор снова оседлал своего конька. — Чем быстрее растут рекорды сегодня, тем медленнее они будут расти завтра.

— С вами можно было бы поспорить, профессор. Полагаю, что придет время, когда изобретут такие электронные секундомеры, которые позволят высчитывать тысячные, а может быть, десятитысячные доли секунды в беге спринтеров, а штангисты начнут соревноваться за десятые доли килограмма. Что же касается попыток определить пределы спортивных достижений, возможно, вам что-либо говорит имя Гамильтона, американского исследователя и тренера, не приходилось ли слышать об его таблице пределов в легкой атлетике?

— Как же, слышал. Догадываюсь, что хотите сказать: «пределы», определенные в 30-х годах, были превзойдены уже в конце 40-х и начале 50-х. Но я добавлю, что мы, футурологи, не оперируем такими понятиями, как десять, как двадцать лет. Стараемся загадывать дальше, и там, в этом далеке, я вижу пределы. Вы скажете, что есть такие виды спорта, где не нужны измерения в сантиметрах, граммах или секундах, как, например, фигурное катание, спортивные игры, где совершенствование может длиться долгие годы. И я соглашусь с вами. Возможно, эти виды и обречены, если можно так сказать, на длительное существование. Что касается метаний, прыжков, бега по земле и по льду, плавания, пределы в них будут, будут, — решительно рассек воздух ладонью Франсуа Эйдсек.

— Не кажется ли уважаемому профессору, что если человечество остановится, замрет в какой-то одной сфере своего бытия, то оно будет обречено на остановку и в других?

— Нет, я этого не полагаю. Верю в неисчерпаемые духовные возможности. Что же касается физических... Какие бы оптимистические предсказания ни делали время от времени физиологи, психологи, антропологи, они строго ограничены. Мы можем сконструировать искусственную руку и поднимать тонну. Собственной же рукой сможем делать только то, что делаем сегодня, может быть, чуть больше. И это все. И тогда не помогут ни миллиграммы, ни десятитысячные доли секунды, ни миллиметры.

— А что если нам условиться с вами, профессор? На календаре 3 февраля 1968 года. Попробуем, скажем, раз в десять лет писать друг другу, быть может, эти годы помогут нам убедиться, кто же прав? Не могли бы вы как знаток спорта назвать предельные результаты, скажем, в прыжках в высоту и длину?

— Десять лет — слишком короткий срок, хотя, впрочем, почему

бы нам не взять в союзники время? Когда-то, в чем-то оно подтвердит вашу правоту. Но я не сомневаюсь в том, что «длинные годы» докажут правоту мою. Запомните две цифры: «230» и «8.80». Это предел.

— Благодарю вас, профессор, за беседу. Лет через десять я постараюсь прислать первые доводы в свою пользу. Если измените адрес, известите меня, пожалуйста.

Но письмо в Гренобль ушло уже через семь месяцев. На конверте была мексиканская марка. Просто в том же самом году, на другом конце Земли, в Мехико, на Олимпиаде произошло событие...

Прыгал в длину американский атлет Бимон. Нескладный, длинный, тонкий, с ногами как спички. И разбегался как-то странно — вприпрыжку. И совсем «не по правилам» складывал руки во время полета. Ступни задирались неестественно. Новичка с такой техникой долго и упрямо переучивал бы любой уважающий себя тренер.

А прыгнул Бимон на 8 метров 90 сантиметров. Судьи долго приходили в себя. Один из них, стоявший у ямы, рассказывал позже, будто показалось ему, что на измерительной линейке с диоптром неправильно нанесены цифры. «Я протер глаза и увидел, что этот парень приземлился у самого края ямы. Она не была рассчитана на такой прыжок». Бимон вскочил и давай от радости целовать землю.

Он подошел к границе 9 метров. Может быть, и установил абсолютный рекорд? Может быть, это и есть тот самый рубеж, «за которым больше уже ничего нет?»

Что же касается прыжков в высоту... Пятнадцать лет спустя талантливый двадцатилетний китайский атлет Чжу Цзяньхуа установил мировой рекорд — 237 сантиметров, перечеркнув еще один прогноз на «длинные годы» профессора Эйдсека.

Спорт в лице его наиболее ярких представителей показывает современникам, на что будет способно человечество в будущем. И показывает это не только на беговых дорожках, орбитах стадионов, но и на орбитах иных. Ибо на разведку в космос Земля посылает лучших своих спортсменов. Перегрузки, которые испытали в космосе и Юрий Гагарин, и Валентина Терешкова, которые выпадают на долю современных космонавтов, совершающих в космическом пространстве многомесячные путешествия, по плечу немногим. Завтра станут по плечу многим.

Скульптор Мирон донес до нас образ древнего дискобола, изготовившегося к броску. Так же, или почти так же, изгибается перед броском наш современник и замирает в секундной сосредоточенности. И мускулы точно так же играют на его теле, когда он начинает неторопливый поворот. Все точно так же. Да только диск летит не на тридцать метров (специалисты утверждают, что на большее современник Мирона был не способен), а за семьдесят. Куда улетит он завтра?

Человек становится сильнее. Это доказывает статистика. Это подтверждает антропология. Об этом написано немало научных трудов. Но вряд ли вы прочтете даже в самом увлекательном труде то, что расскажет вам история олимпиад.

ГЛАВА 3

Возвращение к истокам. Первый антиолимпиец. Железный пароход «Бирма» и его пассажиры. Награда г-ну Макферсону. Точка отсчета

Мы с Панайотисом и Теодорасом проходим мимо руин гимнасиума, Филлипеона, Парламента.

Не время — люди порушили стадион. Видны аккуратно распиленные бруски — остатки колонн, украшавших некогда гимнасиумы. Остатки массивных стен, рассчитанных на века и поросших травой забвения. Сбитые киркой и ломом ступени, которые вели к площадке, где чествовали олимпиоников. Как много сил, таланта, изобретательности вложили зодчие славной Элиды, чтобы возвести сооружения Олимпии, до сих пор пленяющие воображение отточенностью и совершенством форм. Какой же силы должно было быть зло разрушающее!

— Все это делишки одного только человека, — произносит Теодорас.

* * *

Жил-был на свете император Феодосий. К счастью, жил давно, шестнадцать веков назад. Но имя свое увековечил. Что доброго он сделал для своих соотечественников и для человечества вообще, это не известно никому. Зато хорошо памятно, что сделал недоброго. Феодосий известен тем, что прикрыл олимпийские игры древности. Ему не нравилось, что молодежь Эллады собиралась в Олимпии, состязалась в ловкости и силе, а знаменитые поэты слагали оды в честь самых искусных и ловкосилых атлетов. Венценосный неулыба считал, что человек является на свет божий, чтобы совершенствовать душу и истязать тело — его греховное вместилище.

Был император человеком напористым и энергичным, какими часто бывают, увы, люди злобные и недалекие. И немало сил положил, чтобы добиться своего. Печально знаменитый Герострат не сгодился бы ему в подметки для сандалий: один только храм уничтожил — и всего-то? Сколько лет могли возводить храм — десять, пятнадцать, ну, положим, сорок. Олимпийские же игры «возводились» ни много ни мало одиннадцать веков. Их идеи, распространившись далеко за пределы Греции, владели умами многих достойных мужей.

Добился-таки своего император! И дабы закрепить в памяти поколений свой вклад в историю цивилизации, предложил подчиненным именовать себя Великим.

Для того, чтобы выправить то, что сотворил этот «великий», человечеству понадобилось полтора тысячелетия с гаком. Олимпиады были восстановлены лишь в конце XIX века.

Олимпиады учат человека терпению, трудолюбию, выдержке. И еще умению соразмерить свои возможности и претензии. В назидание людям, «недостаточно замечательно» владеющим этим искусством, хотелось бы привести пример из жизни одного правителя древности.

Понимая, как возвеличивает человека участие в Олимпиаде, и мечтая прибавить к множеству пышных титулов звание олимпионика, римский император Нерон изъявил желание выступить в 211-х играх, проходивших в конце шестидесятых годов нашей эры. Садясь в колесницу, запряженную десятью жеребцами, он многозначительно оглядел своих соперников, молчаливо намекнув им, какие «лавры» завоюют они, если осмелятся опередить владыку. Зная крутой нрав императора, состязатели решили не испытывать судьбу. Уже в те времена в подлунном мире существовали высококвалифицированные лизоблюды (древние называли их блюдолизами)... «Конкуренты» старательно сдерживали бег своих коней, позволяя Нерону выйти в лидеры. Но недолго приковывал он к себе восхищенные взоры верноподданных зрителей. Физподготовка богоподобного оказалась обратно пропорциональной его самомнению. Неловко взмахнув на повороте кнутом, он, как куль с мукой, вывалился из колесницы.

А кому присудили победу?

Конечно же, мудрейшему из мудрых. Когда ему вручали приз, раздавались аплодисменты, переходившие в овацию».

Олимпию во всех направлениях пересекают ручейки сопровождаемых гидами туристов. Особенно многолюдно у арки, ведущей к стезе Геракла. С его именем и связывают зарождение олимпиад. По одной версии Геракл решил отметить торжеством победу над прижимистым элидским царем Авгием, не выплатившим ему обещанного по словесному контракту вознаграждения за чистку конюшен. По другой — посвятил игры своему отцу, явившемуся однажды в долину Алфея в дурном расположении духа — он рассек молнией Землю и лишь после этого, немного поостыв, вернулся на свой Олимп «прежним Зевсом»... Люди, дабы задобрить главного небожителя, построили в пропасти святилище, начали приносить жертвы, Геракл же, очевидно, хорошо знавший характер своего батюшки и его любовь к разного рода посвящениям, объявил без обиняков, что устанавливает игры в честь отца.

И еще есть одна легенда. Геракл будто бы решил увековечить в играх подвиг аргонавтов, только-только возвратившихся из Колхиды с бесценным трофеем — золотым руном.

Вот как описывает зарождение игр историк Диодор:

«И тогда предложил им Геракл поклясться по сему случаю, что если кому из них (аргонавтов) будет нужна помощь, остальные ее окажут. Договорились они отыскать в Элладе самое красивое место для воинских игр и народных празднеств и посвятить ее Зевсу Олимпийскому. Поклялись в вечной дружбе и распорядителем игр определили Геракла. Потом Геракл выбрал для сего торжественного события место у реки Алфей на земле Элидской, посвятил его верховному божеству и в честь его назвал место сие Олимпией. Провозгласил там состязания на конях и воинские игры, назначил награды победителям и разослал неприкосновенных послов, дабы они объявили по всем городам, что будут проведены игры».

Те же игры, которые существуют не в мифических представлениях, а в летописных сводах, связывают с именем царя Элиды Ифи-

та. Хроника донесла до нас упоминание о поваре Коребе, победителе бега на одну стадию, составлявшую немногим более 192 метров. Проходили те Игры двадцать семь с половиной веков назад, а не забылось, и очень хорошо, что не забылось, имя первого олимпионика.

Стою у памятника, на котором имя Кубертена выбито по-гречески: «Петрос», и вспоминаю одного его русского сподвижника, снискавшего добрую память потомков.

Среди представителей девяти стран, участвовавших в Учредительном олимпийском конгрессе 16 июля 1894 года, был русский генерал А. Бутовский, активный пропагандист физической культуры, автор ряда теоретических работ. «Идея международных Игр — счастливая идея, — писал А. Бутовский в русском журнале «Педагогический вестник». — Она отвечает насущной потребности физического и нравственного возрождения молодого поколения».

П. Кубертен (в статье «Олимпийские игры 1896 года») воздавал должное энергии представителя России в борьбе за возобновление Игр.

* * *

Спорт помогает устанавливать контакты не только между разными континентами, но и между разными десятилетиями тоже.

И сравнивать.

Перенесемся, читатель, в 1912 год, в Стокгольм. В V Олимпийских играх впервые выступала представительная делегация России — почти сто семьдесят человек.

Сохранились снимки, сделанные на петербургской пристани, от которой должен вот-вот отойти «железный пароход» «Бирма» с олимпийцами на борту. На фоне «Бирмы» улыбающиеся, гордые доверием стрелки, бегуны, пловцы, в белых фуфайках и соломенных шляпах — в центре исполненные достоинства руководители Российского олимпийского комитета. Они не улыбаются, быть может, лучше других чувствуют, каким будет возвращение. Возвращение в самый канун праздника, который готовится с таким размахом отметить официальная Россия — трехсотлетия царствующего дома Романовых.

Фотография — встреча в Стокгольме.

Фотография — выступление на празднике открытия сводной офицерской колонны из Петербурга — в руках гимнастов деревянные щиты и копья (позже одна шведская газета напишет, не скрывая иронии: «Нам еще не доводилось видеть столь помпезного и скучного зрелища... военный балет — это нечто новое»).

Фотография победителей соревнования по плаванию, среди них немцы, американцы, англичане.

Фотографии чемпионов по гимнастике, фехтованию, борьбе. Кого угодно встретишь среди лауреатов... Кроме посланцев Российской империи.

Один любопытный кадр. Планку на высоте 3 м 95 см преодолевает американец Гарри Бэбкок. В центре снимка на мгновение застыл параллельно стойкам шест, крепкий и негнущийся. Его

поддерживает ассистент судьи — усатый господин в шляпе. На лице — удивление и радость — подумать только, человек приблизился к четырем метрам, могли ли мечтать о такой высоте чемпионы предыдущих олимпиад?

Русский участник того состязания оказался «за кадром» в полном смысле слова. Имея лучший результат 2 м 80 см, он просто не вышел на старт, увидя, как играючи справляются с трехметровой высотой его конкуренты.

В последний момент отказались от участия в играх некоторые пловцы и легкоатлеты российской команды.

С той поры минуло много лет, и я прекрасно понимал, сколь тщетны попытки разыскать хотя бы одного из тех, кто видел V Олимпиаду своими глазами.

На вечере в Государственном Центральном ордена Ленина институте физической культуры рассказал о своей заботе. И неожиданно получил записку: «В нашем институте долгие годы преподавал историю Крадман Дмитрий Александрович, который был участником Игр в Стокгольме». Сотрудники институтской многотиражки помогли устроить встречу со старым спортсменом, сыном эстонского рабочего, ставшим доктором наук. Дмитрию Александровичу много лет, но память его цепка, а речь ровна и отчетлива.

— О том, сколь «уважительно» относились к олимпийцам руководители нашего олимпийского комитета, можно рассказывать много. Сословные различия ощущались на каждом шагу. Никудышный бегун из дворян пользовался куда большим почетом, чем победитель петербургского первенства, происходивший из мещан. По сословному принципу и были поделены с самого начала члены нашей делегации. Господам из олимпийского комитета и офицерам были отданы лучшие каюты на «Бирме», сами же спортсмены жили по шесть человек в каютах третьего класса. Горько шутили — хорошо еще, что не в трюме везут. У рядовых членов делегации не было заграничных паспортов, поэтому ни одна гостиница не могла принять их. Жили на той же «Бирме». Железный пароход за день накалялся, ночью нечем было дышать. Торопливо собранная, не имевшая тренеров, занимавшаяся в примитивных условиях команда, горько вспоминать об этом, возвращалась домой так, как возвращаются после бесславно проигранного сражения. Почти никто нас не встречал, а тем, кто встречал, стыдно было в глаза смотреть.

Ленинградский журналист Георгий Ильич Фепонов, прекрасно знавший историю спорта, показал мне как-то пригласительный билет на «благотворительный вечер с лотереей» в пользу олимпийцев, «имеющий быть в гостинице «Астория». Такие вечера проходили во многих городах России, собирали деньги на экипировку и дорогу в Стокгольм, имена толстосумов-жертвователей публиковались на первых страницах петербургских газет.

К той поре в России была учреждена должность главнонаблюдающего за физическим развитием. Назначили на эту должность «свиты Его Величества генерал-майора В. Воейкова». Генерал был известен во дворе как человек, с удовольствием изображавший

«лошадку», на которой катались маленькие наследники. Бросая льстивые взоры на их державных родителей, он мог проползать на коленках и полчаса, а если детишки были в настроении — и час. Разве не свидетельствовало это о хорошей физподготовке и проницательности генерала? Кто мог лучше него наблюдать?

Новая должность не слишком обременяла ее исполнителя.

Наблюдать-то, собственно, было за чем? По всей стране — около сорока тысяч «зарегистрированных спортсменов»... футбольные клубы восьми городов, входящих во «Всероссийский футбольный союз», десятка два гребных и лаун-теннисных клубов, а что еще?

Перед Олимпиадой 1912 года не удосужились провести хотя бы одно мало-мальски заметное соревнование по плаванию (первый чемпионат России был проведен лишь в 1913 году). Участников олимпийской команды отбирали на глазок: «умеешь плавать? до того вон причала и обратно сумеешь дотянуть? покажи! молодец! быть тебе олимпийцем!»

Познакомимся с теми, кто ходил в чемпионах. Для этого обратимся к подшивкам журнала «Вестник спорта и туризма», полюбуемся фотографиями. Вот «лучшая двойка России, состоящия из англичан гг. Клеберт и Кнебель (С. Петербург)». Вот «лучший лаунтеннисист России граф Сумароков-Эльстон». Вот «госпожа Готье, выигравшая дамское первенство Москвы по лаун-теннису».

Уже один этот перечень имен свидетельствует о том, сколь плодотворно распространяли среди граждан России «свои виды спорта» Всероссийские союзы гребных обществ и лаун-теннисных клубов. Их «деятельность» не осталась без внимания. Заметка из того же журнала:

«Первая награда за спортивные заслуги. Насколько в России начали ценить спортивные заслуги, можно судить хотя бы по тому, что известный спортсмен, председатель Всероссийских союзов гребных обществ и лаун-теннисных клубов А. Д. Макферсон пожалован орденом св. Станислава 3-й степени».

Итак, «разрывавшийся» на два союза г-н Макферсон пожалован орденом. А что еще сделало правительство для спорта, что оно было способно сделать? Высшим проявлением заботы было разрешение на проведение благотворительных вечеров в пользу олимпийцев и учреждение должности главнонаблюдающего.

С какими же спортивными достижениями подходила к V Олимпиаде царская Россия? Познакомимся, например, с ее мужскими рекордами: прыжок в высоту 1 м 77 см, прыжок в длину — 6 м 62 см, бег на 200 м — 24,8 сек., бег на 800 м — 2 мин. 09,2 сек. Эти результаты уступали рекордам крохотных европейских государств.

Россия не имела своих тренеров. Приглашали на работу из-за рубежа спортивных преподавателей гимназии Петербурга и Москвы, Тбилиси и Ростова-на-Дону. Несколько тренеров по гимнастике было выписано из Франции и Греции для того, чтобы помочь командам крупных городов подготовиться к Российской олимпиаде 1914 года.

Но это уже позже. После того как наступило отрезвление V Олимпиадой.

Как же выступила на ней делегация, жившая на «железном пароходе «Бирма»? Какие достижения могла продемонстрировать страна, занимавшая в Европе первые места лишь по числу неграмотных на тысячу человек да по числу болезней и смертей на ту же тысячу.

Мы помним и чтим имена Николая Панина-Коломенкина — первого русского олимпийского чемпиона — и Павла Струнникова, Михаила Чигорина и Александра Алехина, Ивана Поддубного и Ивана Заикина, Платона и Василия Ипполитовых... но сколько тысяч, сколько миллионов не открытых талантов приходилось на один чудом открывшийся талант?

Стараюсь мысленно перенестись в двенадцатый год и представить себе, что испытывал бы я, гражданин самой большой в мире страны, вчитываясь в официальные результаты Олимпийских игр в Стокгольме:

— Швеция — 25 золотых медалей,
Соединенные Штаты Северной Америки — 23,
Великобритания — 10,
Финляндия — 9,
Франция — 7,
Германия — 5,
Норвегия — 4
...Россия — 0.

Забыть бы ту Олимпиаду двенадцатого года. Но из истории, как и из песни, не выкинешь слова.

* * *

Не в шелку и не в кружевах была колыбель советского спорта. Ее вытачивали руки, у которых забот через край. Им приходилось класть кирпичи и держать трехлинейку, стучать по наковальне молотом и срезать серпом небогатые послереволюционные урожаи.

Физкультура и спорт росли вместе со страной и вместе со страной наливались новыми силами.

Сегодня нас много миллионов, тех, кто познакомился со спортом в школе, на стройках или на пограничной заставе, кто понял, что спорт дает не только хорошее здоровье, но и хорошее настроение.

Нам жаль человека, который постигает спорт только со страниц газет да с экранов телевизоров; мы считаем, что он обкрадывает себя, лишает многих радостей жизни... Хорошо, что таких людей становится все меньше.

Спорт многообразен и полон неведомых сил. Он помогает узнавать других. Но прежде всего — себя, свои силы, способности. характер.

ГЛАВА 4

«Человек — это стиль» или «человек- — это штиль»? Григорий Пыльнов, борец, повторившийся через два поколения. Туфля, обведенная кружком. Рим, первого сентября 1960 года. Тренер, ушедший со стадиона

Есть люди и Люди. Одни считают высшим благом прожить жизнь без перенапряжений, а это значит без лишних волнений и ненужных тревожных снов. «Не выделяйся, не мни себя выше и лучше других. Помни, что «скромный человек» во все времена было одним из самых достойных определений».

Своим движением вперед цивилизация обязана людям иного разбора. Смелое сердце и незамутненное честолюбие — отличали их во все времена. Это они брали на свои плечи ношу, которая и не снилась тем, кто не охочь перегибаться. Это они раздвигали представления о вселенной. И они же помогали человеку лучше узнавать себя, понимать, как глубоки запасы его сил, его нервов, его ума.

Само по себе слово «скромный» привлекательно. Не спорит никто. Но как странно начинает оно звучать будучи применимым к конкретному человеку: «скромный летчик», «скромный изобретатель», «скромный спортсмен». Если дал себе зарок быть скромным, спускайся на землю, пилот, меняй цель жизни, выдумщик, не выходи на беговую дорожку, атлет. Иначе ничего, кроме разочарований, тебя впереди не ждет.

Мы называем спорт моделью жизни. Спорт — это то же стремление к утверждению своего «я» через преодоление препятствий, то же совершенствование через соперничество, та же окрыляющая радость достигнутой победы и то же свойственное молодежи движение к дружбе.

Спорт немыслим без борьбы, порой самой жестокой и суровой. Но он немыслим и без дружелюбия, рыцарского великодушия. Людям тщеславным, самолюбивым, замкнутым в самих себя — не место в спорте.

Мы гордимся молодыми соотечественниками, которые с молоком матери впитали представление о дружбе, товариществе, коллективизме, которые посвятили лучшие свои годы спортивному совершенствованию для того, чтобы показать не только родной стране, но и всему миру, на что способен человек наших дней.

Не задумывался ли ты, читатель, над тем, как начинается будущий чемпион или рекордсмен, не старался ли представить его первые шаги? Ты видишь чемпиона в лучах славы — он стоит высоко на пьедестале почета, его освещают юпитеры, и фоторепортеры наводят на него свои объективы. Вот сейчас к нему подойдут с медалью на ленте, он сделает еще одно последнее усилие, наклонится, приятно улыбнется. Ты увидишь его счастливое лицо, эту радостную и добрую улыбку на экране телевизора или в газете и подумаешь, быть может: вот повезло человеку, вот какая у него красивая и счастливая жизнь!

Но в спорте не бывает ровных и счастливых дорог. Спорт — это суровое испытание всех душевных и физических качеств человека. Тут идет всемирный, в полном смысле слова, отбор. В спорте кристаллизируется лучшее, здоровое, сильное. А на первых порах, и это не только в спорте, шаги дебютанта — тяжелые шаги. Не всякому дано пройти это изначальное испытание.

Лауреат в искусстве и чемпион в спорте — это не просто талант, помноженный на труд. Это еще и жизнестойкость особого свойства, ибо на пути к пьедесталу почета — овраги и вершины, которые не снятся человеку, избравшему ровную, спокойненькую дорожку.

Бывают и счастливые люди, которые достигают звезд, минуя тернии. Бывают, но их очень немного, они — не правило, они исключение.

Мы учимся ценить и считать время, потому с таким неподдельным интересом следим за людьми, умеющими бороться за десятые, да что там за десятые, за сотые доли секунды. Мы учимся переносить сверхнагрузки в жизни и, быть может, поэтому, затаив дыхание, следим за теми, кто добровольно взваливает на себя высшие нагрузки. Человеку издавна свойственно стремление испытывать себя в обстоятельствах неведомых. И какие бы опасности ни подстерегали смелого сердцем, он заставит себя сделать шаг навстречу им. Отсеются хилые телом и душой, а смелый выйдет вперед. Быть может, именно здесь, в спорте, зримее всего показывает он многообразие своих умений.

Стремительно мчатся с горы лыжники, мастера скоростного спуска. Скорость 100 км в час здесь — не скорость. Тот, кто хочет быть первым, должен уметь владеть собой и лыжами на скорости 130 — 140 км в час. Кажется, еще чуть-чуть, и начнут дымиться лыжи.

А гимнасты, эти тринадцати-четырнадцатилетние мальчишки и девчонки, показывающие нам, какие силы собрались в них, как много можно загадывать в эти годы, как много уметь! Двойное сальто, «прыжок Цукахара», знаменитая «вертушка Диомидова» — все, что заставляло восторгаться еще не так давно, что казалось доступным только избранным, освоено ими прочно и солидно.

А альпинист? Ради чего идет он на величайшие испытания? Трудно дышать, кружится голова, до вершины еще семьдесят метров — целых семьдесят метров. Беснуется буря над вершиной. Голос разума и голос в наушниках приказывают: остановись, поверни назад, подумай о себе, о родных, наконец! Каждый метр — это усилия, которые неведомы живущим на равнине. Какая же сила заставляет горовосходителя, едва не вгрызаясь зубами в корку льда, ползти вперед и вперед? Метр — минута. А то и две. А то и три. Но он ползет. И достигает вершины. Оглядывается кругом, смотрит на своих друзей, которые помогали ему и которым помогал он, и начинает испытывать то, что дано испытать только созидателю истинных ценностей — а какая ценность дается в наши дни без сверхнапряжения! — тот неземной подъем духа, который запомнит на долгие годы и который будет согревать

его в самые трудные дни иной, обычной жизни. Он будет вспоминать минуту — на вершине завоеванной горы — и говорить себе: я ничего не боюсь, я знаю свои силы и верю в плечо друга.

Альпинист, прокладывающий путь к безымянной вершине, бескорыстен. Кажется все, нет такой «высотной точки» на земном шаре, куда бы ни ступил он. Но сколько других точек приложения сил, способностей, воли и упорства есть, оказывается, на этом свете для вступающего в жизнь! «В полях, за станком, за столом», и на дне океана, и в бездонной космической дали.

Человек опускается на дно и видит на немыслимой глубине неожиданно для себя, как безграничен и многообразен подводный мир. Добровольно заточает себя на несколько месяцев в глубочайшую пещеру, чтобы помочь ученым познать секреты одиночества. И прокладывает путь к звездам.

Весь мир следит за тем, как круг за кругом, виток за витком совершает в таинственной дали корабль с твоими соотечественниками: они стараются выяснить не только возможности организма в долгом космическом полете, но и его возможности в обстановке так называемого сенсорного голода, когда сын Земли лишается привычных источников эмоциональных переживаний и когда в результате этого становится иным, не похожим на себя. Нет, не случайно на борт космического корабля в качестве одной из важнейших информаций посылают информацию в последних событиях спортивной жизни в стране и в мире — кто с кем играл, и кто у кого и как выиграл.

Спорт обогащает человека всеми душевными красками этого мира.

В спорте ярко раскрывается характер: выражение «человек — это стиль» относится к фехтовальщику с рапирой в такой же степени, как к хирургу, владеющему скальпелем, и к литератору, владеющему стилем.

Мы изучаем в стенах специальных и научно-исследовательских институтов историю спорта, разрабатываем теорию спорта, его психологию. Придет пора и иных исследований, связанных с таким понятием, как «спортивный характер». Можем ли мы составить представление о том, что такое советский спортивный характер?

* * *

Вся советская земля начинается с Кремля. С Москвы, с Кремля начинались преобразования, которые произошли в экономике, культуре, науке братских социалистических республик.

И спортивные преобразования в самых дальних уголках нашей страны тоже.

Столичные учителя стояли у истоков побед узбекских боксеров, белорусских борцов, казахстанских фехтовальщиков и дальневосточных мастеров тяжелой атлетики.

Мы можем проследить на нескольких поколениях это облагораживающее влияние.

В давно минувшие годы я познакомился на одном всесоюзном

соревновании с московским борцом Григорием Пыльновым. Это был человек немногословный, с добрым и открытым лицом и силой, которая не сразу читалась в фигуре, скрытой цивильным костюмом.

А борец это был необыкновенный.

Вот уже сколько лет как нет его с нами, но если слышим мы «борется, как Пыльнов», это звучит высшей аттестацией одаренному мастеру.

Тогда, в сороковом году, Григорий Пыльнов заботливо и ненавязчиво опекал молодых белорусских борцов. Они не сводили с него глаз, и улыбка скупого на похвалы Пыльнова бывала лучшей наградой каждому из них. В ту пору не очень здорово выступали белорусские борцы. Но Пыльнов был убежден, что опыт и мастерство — дело наживное. Ему нравились азарт и усердие белорусских ребят, и он верил, что среди них с годами появятся истинные мастера.

Пыльнов был из тех многих людей, которые, побывав единожды в Белоруссии, на век слились душой с этим краем, где живут умелые, добросердечные и быстрые умом люди. Он руководил тренировочным сбором молодых борцов и передавал им все, что накопила московская школа. Были не часты международные встречи — каждая превращалась в событие. Но, верно, думая о той поре, когда широко выйдут на мировую арену наши борцы, так старался Пыльнов обогатить опыт своих учеников.

Помню весенний день шестьдесят второго года в далеком американском городке Толидо, когда впервые стал чемпионом мира Александр Медведь. Помню победные его встречи на Олимпийских играх в Токио, Мехико и Мюнхене. Помню, что произошло через минуту после того, как его провозгласили олимпийским чемпионом в Мюнхене. Саша вышел на середину, встал на колени и поцеловал ковер. Когда-то давно он дал себе слово так вот проститься с ковром, поцеловать его за все то, что дал он.

Эта сцена продолжалась несколько секунд, но какой-то незнайка, сидевший недалеко от меня на трибуне, вдруг свистнул осуждающе — мол, не подобает борцу становиться на колени. Но Мастеру, быть может, и не пристало иное расставание.

Так вот трехкратный олимпийский чемпион Александр Медведь и был учеником Григория Пыльнова.

Учеником... Каким же образом? Ведь Пыльнов погиб на войне в один из самых первых и трудных ее месяцев: он сражался в бригаде особого назначения, составленной из лучших спортсменов Москвы, и погиб как герой в ту пору, когда Саша пешком ходил под стол.

Через два поколения передал мастерство свое и умение Александру Медведю Григорий Пыльнов! Передал зримо, доказательно, великодушно.

Это Пыльнов помог стать борцом и тренером белорусскому юноше М. И. Мирскому. Это М. И. Мирский в «третьем поколении» воспитал среди прочих учеников упорного и смышленого борца П. В. Григорьева. Это П. В. Григорьеву суждено было стать прямым учителем Александра Медведя.

Вот какая цепочка протянулась с довоенных лет от московского

борца, семикратного чемпиона страны Григория Пыльнова к трехкратному олимпийскому чемпиону Александру Медведю.

Преемственность — драгоценная отличительная черта отечественного спорта.

* * *

В один из летних дней 1957 года в Ленинграде, недалеко от стадиона «Динамо», можно было увидеть увешанного фотоаппаратами иностранца, тщетно пытавшегося остановить такси. Наконец рядом с ним затормозил грузовик. Представившись водителю, фоторепортер попросил: «Как можно быстрее в аэропорт!» Грузовик подъехал к аэропорту за несколько минут до того, как от самолета, улетавшего в Хельсинки, собирались убрать трап. Людям, которые остановили репортера и попросили показать пропуск, он сказал:

— Мой пропуск здесь, в этих катушках. Это фоторепортаж о вашем ленинградском рекордсмене мира. Вы еще ничего не знаете.

Сунув бортпроводнице две кассеты, иностранец быстро записал ее фамилию, бросил на ходу: «Вас встретят» и помчался на телеграф.

В конце того же дня финский журналист получил поздравление от главного редактора и сообщение о том, что его фотографию закупили крупнейшие агентства мира. В тот же вечер и на следующий день они появились в многочисленных газетах и журналах. Был в кадре участник матча Ленинград — Хельсинки советский прыгун Юрий Степанов, преодолевший планку на высоте 2 метра 16 сантиметров и установивший новый мировой рекорд.

Одни зарубежные газеты не жалели добрых слов для того, чтобы рассказать о ленинградце. Другие удивлялись, а третьи...

Французская газета обвела на фотографии жирным кружком туфлю Степанова. И сперва в виде вопроса, а потом в виде утверждения написала о том, что все дело в хитроумном приспособлении — металлической подошве, изобретенной советскими тренерами, которая служит неким трамплином.

К той поре в западной печати было опубликовано немало статей, — преследовавших одну цель — принизить победы советских мастеров. Буржуазные обозреватели, которые в свое время писали о том, что рекорды советских атлетов так высоки потому, что регистрируются специально приспособленными секундомерами типа «budilnik», были просто-напросто недалекими выдумщиками по сравнению с репортерами новой формации. Эти понимали, что новые времена требуют новой сноровки. Поэтому, например, спортивный обозреватель журнала «Лайф» утверждал с полной серьезностью, что победы советских мастеров, например, в прыжках в высоту, объясняются не чем иным, как магией. «Речь идет о том, — писал «Лайф», — что перед началом соревнований советский чемпион с силой пожимал руки своим соперникам и благодаря этому психологически нокаутировал их». Эти строки были напечатаны в американском издании. Но слава об открытии «Лайфа» довольно быстро разнеслась по Европе. И газета «Дойчесшпортэхо» опубликовала эти строки без

каких-либо комментариев, давая читателям возможность догадываться об интеллектуальном уровне американского издания. Были любопытными и рассуждения другого американского обозревателя, господина Марина. Он вполне серьезно писал о том, что советские тренеры, замышляя всевозможные неприятности для наивных и легковерных американцев, используют многие принципы, «взятые у йогов». «Эксперт» рассуждал о секретах дыхания йогов, об их психологической подготовке, об их воле к победе, которые вынуждены были «занять русские». И еще, утверждал он, «советские руководители заставили более 60 миллионов выйти на старты Спартакиады народов СССР с тем, чтобы отобрать среди них тех, кто способен побеждать американцев».

Что еще оставалось делать «экспертам» по советскому спорту? Надо же было как-то объяснить читателю, благодаря чему советские мастера занимают все более прочные позиции на мировой арене. Вот они и объясняли по-своему.

Газета, которая ставила под сомнение рекорд Юрия Степанова, просто не могла тогда, в 1957 г., поверить в то, во что научили ее верить последующие годы; рекорд Степанова, воспитанника ленинградской спортивной школы, казался загадочным.

Дело было, разумеется, не в особой туфле. Дело было в том, что в недрах нашего спорта накапливались силы, которые уже через три года... Посмотрим, кому передал эстафету ленинградец.

Исследование, которое вел тбилисский аспирант Роберт Шавлакадзе, называлось «Стабильность результатов в прыжках в высоту». Одна простая мысль сквозила в работе и подтверждалась многочисленными примерами. Настоящий спортсмен не тот, кто, вспыхнув однажды, показал высокий результат в привычной обстановке, на небольших скромных соревнованиях. Но только тот, кто смог сделать свои результаты постоянными, кто надежен, кто заслуживает доверия. Когда мы говорим о связи теории с практикой, часто сетуем на то, что практика не слишком усердно и умело пользуется услугами теории. Аспирант же нашел достойное место и вполне подходящую аудиторию для того, чтобы показать, насколько связана его теория с практикой. Аудиторией был римский Олимпийский стадион.

Ему предстояло вступить вместе со своими товарищами в противоборство не только с тремя сильными американскими спортсменами. Но и с традицией, если угодно, с правилом, по которому, начиная с 1896 г. — 64 года — в этом виде спорта властвовали на олимпиадах американцы.

Цель была давняя, далекая, заманчивая, и казалась трудно осуществимой. Но, как говорят японцы, если будешь долго думать, что-нибудь придумаешь, а если будешь идти к цели — придешь к ней. Он видел много раз себя во сне на стартовой олимпийской площадке. Ноги легко несли его к планке, и он окрыленно преодолевал ее. А иногда ноги бывали чужими, казалось, будто пудовые гири на каждой. Только когда узнал, что включен в олимпийскую команду, понял, как много в нем сил, возможностей и азартного желания показать себя. Стучала в висках мысль: «Выиграю». Ни-

кому об этом говорить было нельзя. Чтобы не вызвать снисходительных улыбок.

Шавлакадзе, Брумель, Большов. Считалось, если возьмет кто-нибудь из них второе или третье место, это будет удачей. Просто потому, что от американцев выступали Томас, которому принадлежал теперь мировой рекорд — 2 метра 20 сантиметров, и чемпион предыдущей, Мельбурнской олимпиады Дюмас. Третьим же соперником нашей тройки в финале был Фауст, которого одни называли за его взрывной характер «Фауст-патроном», а другие «светлой восходящей звездой на черном небосводе», как бы подчеркивали то, что белый Фауст обещает стать премьером в команде черных (Томас и Дюмас — негры).

Олимпийский стадион на 75 тысяч зрителей. Торопливые южные сумерки, опускающиеся над стадионом. Огонь в чаше над дальней трибуной не столько освящает, сколько освещает место, где соревнуются прыгуны. Почему-то не торопятся зажечь электричество. И вот где-то вдали проносится гулкий вздох, что-то вроде «ох». Это прыгнул Томас. Планка на высоте 214 сантиметров не устояла. Но впереди у него две попытки.

Наблюдаю за Робертом в бинокль. Он вроде бы непричастен к тому, что сейчас произошло. Не обернулся, не посмотрел на соперника и на планку. Настраивает себя. В его распоряжении несколько минут. Сам он преодолел эту высоту с первой попытки и теперь ждал, пока с ней справится мировой рекордсмен. В том, что он с ней справится, сомнений быть не могло. Надо было забыть о Томасе, о его результатах. О том, что произошло три дня назад.

К той поре начинали все лучше узнавать друг друга советские и американские легкоатлеты. Случилось так, что за три дня до соревнований нашего тренера Гавриила Коробкова вместе с прыгунами пригласили посетить лагерь американцев. Гостей встретили приветливо. Коллега Коробкова подозвал Томаса и что-то негромко сказал ему. Подошел к стойке, уложил планку, небрежно бросил: «2.15», после чего отошел в сторону и начал беседовать с нашими, делая вид, что не обращает внимания на Томаса: «мол, у меня нет никаких сомнений, что он без труда возьмет и эту высоту и следующую». Действительно, так и произошло. Наши беседовали с американским тренером и не отрывали глаз от планки, а на душе скребли кошки. На этой встрече присутствовало немало итальянских корреспондентов. На следующий день они написали о том, что русские в шоке от тренировки Томаса и надежды их, кажется, окончательно развеяны. Когда уходили, Гавриил Коробков спросил себя, стоило ли откликаться на приглашение? А потом добавил: «Ничего страшного, настоящих мужчин такая встреча только раззадорит».

...Шесть атлетов СССР и США преградили дорогу к финалу прыгунам остальных стран. Теперь испытывалось не только и не столько мастерство, сколько воля, мужество, способность показать все лучшее в трудном соревновании на виду у всех.

Первым отступил Фауст, а через недолгий срок принимал соболезнования Дюмас. У него раньше, чем у Томаса, сдали нервы. Дважды подходил к давно освоенной высоте 209 сантиметров и

дважды сбивал планку. Долго собирался с силами перед третьей попыткой — тщательно отмерял длину разбега, что-то шептал. И вот разбежался — на секунду замешкался, будто ноги судорогой свело; не прыгнул, сделал шаг под планку. С надеждой посмотрел на судей — вдруг не засчитают попытку. Но те показали жестом: все, кончено. Томас подошел к неудачнику, положил большие руки ему на плечи, как бы утешая, «ничего, я постараюсь за тебя».

Когда Томас, сжавшись пружиной, начал неторопливо приближаться к планке во второй попытке, Роберт не выдержал, оглянулся. Американец взял высоту, но с большим трудом.

Планку установили на высоте 216. К прыжку готовился Шавлакадзе, а Томас смотрел на него не отводя глаз, словно стремился загипнотизировать.

Не этой ли минутой жил столько лет Роберт Шавлакадзе? Не ради ли нее отказывался от простых человеческих радостей, чтобы сберечь и развить все, что дали ему природа и спорт? Человек кавказского склада характера, он должен был смирить темперамент, укротить волнение, превратить его из врага в союзники.

«Ну пошли», — словно сказал себе Роберт. Начал разбег легко, постепенно наращивая скорость, оттолкнулся; взмыл ввысь. Планка затрепетала. Замер стадион, словно боясь, что дыхание снесет зыбкую деревянную рейку. Спортсмен недвижно лежал в груде опилок и опасливо смотрел вверх: упадет — не упадет, упадет — не упадет. Не упала! И тогда он вскочил. Именно в ту минуту атлет в красной майке с номером 572 на спине, тбилисский аспирант Роберт Шавлакадзе стал обладателем драгоценнейшего приза нашей команды. Драгоценнейшего потому, что все прочили его другому.

Ну а тот, другой? После каждого из трех прыжков Томаса на световом табло загорался минус. После третьей неудачи Томас упал на землю и обхватил лицо руками. Показалось, что он рыдал. А над ним стоял большой Дюмас. Забыв о себе, утешал друга.

Тогда в Риме на пьедестале почета рядом с неизвестным Шавлакадзе стоял Валерий Брумель. Как и Роберт, он взял высоту 216 сантиметров, только со второй попытки. как и Роберт, опередил мирового рекордсмена Джона Томаса. 216 — была визитная карточка будущего рекордсмена.

В тот самый час вы могли бы встретить на дружелюбно гудевшем римском стадионе человека, чьи невозмутимость и спокойствие выглядели вызывом окружающим. Можно было подумать, что он приехал в этот темпераментный Рим из краев, где считается высшей добродетелью хранить свое в себе, из края, где живут люди, не привыкшие выказывать чувств.

Он встал со своего места и стал пробираться к выходу. Неторопливо дошел до автобусной остановки и все равно пришел раньше своих товарищей по туристской группе. А ведь ему-то полагалось в эти минуты забыть обо всем на свете, в том числе и о полицейских, охранявших подступы к чемпиону, броситься к нему и расцеловать.

Если бы вам пришлось встретить в эту минуту на безлюдной остановке недалеко от стадиона грузинского тренера Дмитрия Мелитоновича Иоселиани, вы бы услышали от него:

— Боялся не совладать с собой. — Не столько слова, сколько интонация, с которой они были произнесены, позволили бы вам догадаться, что испытывает человек, бывший первым тренером Роберта, кто много лет так же, как и он, ждал этого дня, этого часа и приближал его.

Разве будет преувеличением сказать, что Шавлакадзе шел по следам Иоселиани и в иные годы, при иных обстоятельствах продолжил дело, начатое им.

Дмитрий Иоселиани был первым советским спортсменом, который превысил мировой рекорд американца. В давнюю пору фиксировался рекорд в прыжках в длину с места. Принадлежал он американцу Ю. Эври и равнялся 3 метрам 47 сантиметрам. Но в 1930 году студент Тбилисского университета Дмитрий Иоселиани в соревнованиях с участием немецкого атлета Балла прыгнул на 3 метра 48,2 сантиметра. Об этом написали, кажется, все советские газеты. То была первая радость. Заявка, залог. Мы не входили тогда в Международную федерацию легкой атлетики, только это не позволило 23-летнему юноше быть официально провозглашенным рекордсменом мира. Но это, повторяю, было первым покушением на американскую легкоатлетическую гегемонию.

Не один год готовил себя к заочному поединку с американским спортсменом тбилисский студент. Его помощниками были: пример отца (лесной инженер Мелитон Иоселиани в молодости перепрыгивал через две бурки, разложенные на земле; это считалось большой доблестью), живая заинтересованность друзей (среди них был чемпион Всесоюзной спартакиады 1928 года по прыжкам в высоту, ставший с годами действительным членом Академии наук Грузии Георгий Шхвацибая). Мы не были богаты тренерами. Иоселиани учителей не имел. Учителями были горы. Он сван, из края вертикальных измерений, над его селом было крохотное небо, стиснутое заснеженными горами. Вместе с пастухами ходил по горам, перепрыгивал через пропасти. Где-то вычитал, что во время древних олимпиад торжествовал некий прыгун, которому удавалось совершать фантастические прыжки с двумя камнями в руках, которые он откидывал назад, прежде чем оторваться от земли. Попробовал «заимствовать опыт». Что-то не очень получалось. Он приглядывался к тому, как сжимаются в пружину козы перед прыжком, и не обращая внимания на добродушные подтрунивания пастухов, старался подражать им. В горах крепнет сердце и крепнут ноги. Став тренером, Иоселиани выделял горцев. Случалось, что он за один только год занятий подводил свана-новичка к высоте 180—185 сантиметров.

Он был легким и стройным, студент Иоселиани. Брал на свои плечи нагрузки, которые казались невероятными в те времена. Тренировался пять раз в неделю. Потому-то и стал рекордсменом Закавказья и в прыжках в высоту, и в толкании ядра. Одна газета сопроводила фотографию счастливого атлета воспоминанием об улыбке фортуны.

В предвоенном году Иоселиани пригласили в Москву. Избрали председателем всесоюзного студенческого общества «Наука». Войну он начал 24 июня 1941 г. парторгом полка Пролетарской дивизии.

Под Борисовом полк понес большие потери. Остатки его обороняли мост через Березину. Иоселиани взял винтовку погибшего снайпера. Когда-то в снайперской школе его учили задерживать дыхание при выстреле. Тогда это было легко. Он стрелял в фигуры, пробегавшие по мосту, который не успели взорвать. Потом его засек фашистский пулеметчик. Были тяжелые раны и долгие часы беспамятства. На рассвете он открыл глаза и увидел склонившегося над собой старика крестьянина. Едва Иоселиани открыл рот, незнакомец перекрестился и бросился бежать. Но потом вернулся. Что-то было во взгляде, в голосе командира, что заставило старика уложить раненого на шинель и потащить к ближайшему сараю. Крестьянин где-то разыскал врача, и тот с помощью сахарных щипцов и самогона, которым дезинфицировал рану, вытащил пулю. Потом в сарай пришли эсэсовцы. Его пытали. Офицер эсэс выбивал ручкой пистолета зубы: «А теперь скажете?» «А теперь?» «А теперь?» Он перенес и это. В ноябре 41-го бежал из плена. В Белоруссии стал партизаном. Отряд сражался в лесах. Однажды, возвращаясь из разведки, преследуемый противником отряд четверо суток двигался по болотам, четверо суток в воде по колено, по пояс, по грудь. В отряде были закаленные бойцы. Но перенести тот поход смогли не все. Он и сегодня напоминает о себе обрывками кошмарного сна.

Из отзывов:

«Т. Иоселиани Д. М. участвовал в диверсионных группах по уничтожению живой силы и техники противника... Им был уничтожен эшелон из 7 вагонов, 7 танков, 10 автомашин и 350 солдат и офицеров».

«Т. Иоселиани Д. М. является парторгом партизанского отряда. Пользуется деловым авторитетом и любовью бойцов и командиров».

Если у вас в Тбилиси срочные дела и вы спешите, не желаю вам в попутчики Иоселиани. Через каждые 20—30 шагов вам придется останавливаться. За минуты, что мы шли с ним по проспекту Руставели, нам встретился доктор наук, с которым Иоселиани воевал в партизанском отряде, преподаватель института физкультуры (с 1945 года по 1952 год Дмитрий Мелитонович был директором института; многое сделал, чтобы собрать в его стенах крепкие преподавательские кадры). Потом встретились два его ученика. Иоселиани не без гордости сказал, что один из воспитанников Шавлакадзе — Мдивани — взял недавно 2 метра 10 сантиметров.

Недалеко от нас торопливо пересекала улицу знакомая спортсменка.

— Должно быть, торопится на занятия. Теперь у Нины своя школа, — заметил Иоселиани.

Когда-то я читал, что это он, Иоселиани, в 1934 году в Одессе во время городских соревнований познакомился с милой худенькой девочкой. Случилось так, что они стали вместе тренироваться. Вскоре ученица Иоселиани стала чемпионкой страны в прыжках с места. Потом она повредила ногу. По совету Иоселиани начала пробовать силы в метании диска. И первые уроки ей давал Иоселиани. Мог бы он мне рассказать, не скромничая, про ту самую знакомую — Нину Думбадзе, ставшую со временем рекордсменкой мира.

В 1956 г. Иоселиани защитил в Ленинграде кандидатскую диссертацию, которая помогает прыгунам и их тренерам на долгом и нелегком пути совершенствования. Иоселиани изобрел множество приспособлений и аппаратов для этой цели. Если бы он не имел звания заслуженного деятеля физкультуры и спорта Грузинской ССР, он мог бы стать заслуженным изобретателем или заслуженным педагогом, потому что педагог он действительно первоклассный.

Шавлакадзе повезло — он нашел учителя. И учитель нашел его. В ту пору Иоселиани был еще вспыльчив. Одним казалось, что давала о себе знать война. Другие готовы были сослаться на неукротимый сванский темперамент. Но факт остается фактом, он был вспыльчив как спичка. И быстро угасал. Оставался крохотный уголек. Угольком можно было нацарапать: «Найди себе другого тренера». На большее уголька не хватало. И очень хорошо, потому что учитель успевал остыть. Он разрывал листок на мелкие кусочки и почему-то раскидывал их в разные стороны, может быть, потому, что ему было стыдно своей минутной слабости.

С другой стороны, ему вовсе не хотелось менять себя, свои привычки, взгляды на взаимоотношения тренера и ученика.

Он привык, его слово — закон, его слушают, его понимают, с ним соглашаются. А этот ученик — Роберт Шавлакадзе, такой вежливый и мягкосердечный на вид, словно бы не признавал авторитетов. Он внимательно слушал учителя, добросовестно повторял все, что ему говорили, неторопливо подходил к планке для прыжков и...

Тренер постепенно закипал.

— Когда ты подходишь к планке, ты почему-то забываешь, о чем тебе говорили один раз, второй раз, третий раз. Хочешь, я скажу в пятый раз. Может быть, тогда ты запомнишь? Кроме того, я просил бы вас (тренер незаметно для себя переходил на «вы», что выдавало высшую степень его волнения) не тратить зря время и энергию на то, чтобы усовершенствовать стиль, которому я вас обучаю.

Теперь Роберт Шавлакадзе — сам тренер. Он через всю жизнь пронес благодарность человеку, который помог завоевать ему высший спортивный титул. И все же...

И все же Роберт говорит своим ученикам:

— Когда подходите к планке, вы должны забыть обо всем на свете. Вы должны помнить только об одном — об этой высоте. Кроме того, я не хочу, чтобы вы копировали меня, во всем абсолютно слушали. Я не хочу, чтобы вы прыгали так, как я. Я хочу, чтобы вы прыгали лучше.

Среди учеников Роберта я уже давно приметил одного, знал, что этот парень многое обещает, и потому так захотел посмотреть на него в деле, на Спартакиаде народов СССР.

Роберт был невозмутимым, а его ученик... Его трепала несносная лихорадка. В компании с известными прыгунами стушевался, оробел. Робость породила сомнения. Сомнения притупили волю. О том, как выступал этот парень, лучше не вспоминать. Просто он оказался далеким от тех сантиметров, которые показывал на родном стадионе.

Ничего, говорил себе Роберт, с годами это проходит.

Шавлакадзе предан спорту так же, как предан его учитель. Роберт знает, что способен сделать спорт с любым человеком, как преобразить и возвысить, какие радости принести. После Рима жизнь Роберта круто пошла вверх, стала полнее, интереснее, богаче. Вдруг оказалось, что в сутках куда меньше времени, чем он привык думать. Первое и главное, что он начал замечать после того, как к нему пришла известность, это то, что остается совсем мало времени для себя. Эгоист пожалел бы об этом, постарался бы избавиться хотя бы от половины тех хлопотливых дел, которые выпадают на долю олимпийского чемпиона. Его приглашали и приглашают на заводы, в школы, воинские части, колхозы. Он старается никого не обидеть. Стал директором школы высшего спортивного мастерства. Его новые радости — это радости тренера и педагога, на глазах которого растет, мужает, набирается спортивного ума-разума молодежь. Школа имеет свои отделения почти во всех крупных городах Грузии. Забот хоть отбавляй. Школа — это его жизнь, его дом.

Однажды Роберт сказал:

— Мне пришлось потратить девять лет, чтобы подойти к высоте 210. В ту пору это казалось нормальным. Теперь мы не имеем права тратить так много. Это расточительство. У тренеров новые методы, новые знания, наконец, новая школа. И я убежден, уже сейчас где-то ходит по земле молодой человек, которому дано прыгнуть на 240. — Шавлакадзе лукаво смотрит на меня, словно бы переспрашивая: «Что, не верите?» И убежденно добавил: — Мы еще доживем с вами до этого времени.

У Дмитрия Иоселиани орден Ленина — за войну.

У Роберта Шавлакадзе орден Ленина — за олимпийскую победу.

Один отобрал у американцев первый мировой рекорд в далеком 1930 году. Другой — олимпийский рекорд спустя 30 лет. Оба показали, как это стоит делать.

Часть вторая

МЛАДШИЕ СЕСТРЫ ПОБЕДЫ

ГЛАВА 1

Ключ к Геезинку. «Нет ничего предосудительного в том, чтобы знать противника лучше, чем знает тебя он». Об искусстве предусмотрительности. Многое в малом

Олимпиада, как и любой чемпионат Европы или мира, — это не только борьба за сиюминутную победу. Это и школа, которая учит, как добывать победу завтра. Учитель в этой школе опытный, надежный, имя ему Спорт. Вот только ученики у него разные. Он выделяет не только ловких телом. Но прежде всего ловких умом.

Многое зависит от того, кто учит, но куда больше — от того, кто учится.

Без воспоминаний нет прошлого. Без прошлого нет опыта. Без опыта нет будущего.

Процесс накапливания «опытного материала» в спорте фантастически стремителен. Он виден, пожалуй, нагляднее всего в шахматах с их идеально поставленной информацией о любой, мало-мальски примечательной новинке. Ее берут на вооружение, пробуют развить и опровергнуть не только гроссмейстеры... их изучают в пионерских кружках. «Бессмертная партия», «вечнозеленая партия», «бриллиантовая партия», пленявшие воображение наших не столь уж далеких предков, были возможны, что ни говори, потому что один из партнеров «был не в курсе» и знал, как ставить изначальные, дебютные, позиции чуть похуже, чем современный шахматист-второразрядник из того же пионерского кружка.

Не бывало случая, чтобы победа в турнире, а в особенности в матче, пришла к тому, кто досконально и дотошно не изучил своего противника (в шахматах говорят: партнера), его излюбленные начала, его манеру ведения атаки, его сильные и слабые стороны и так далее. Есть святая святых у любого уважающего себя шахматиста — картотека! Поразитесь, узнав, с каким терпением и трудолюбием собирает он сведения о любом потенциальном сопернике.

В шахматах все просто: любую партию можно проиграть наедине с самим собой, в руках газета, или журнал, или знаменитый югославский «Информатор», перед тобой доска, освещаемая полукружьем настольной лампы, сиди себе спокойненько, переставляй фигуры, здесь ты можешь, ты обязан делать то, чего не позволяют турнирные правила — брать ходы назад один за другим... набирайся ума-разума — ни один такой час самостоятельной работы не пропадет зря — тут счет верный.

Хорошо шахматистам... ну а как быть, скажем, борцам или прыгунам в воду? Или баскетболистам? Не будешь же расстилать перед собой простыню-протокол интересующего тебя матча. Что делать им?

...В одном углу ковра стоял Гамид Каплан, чемпион, воспетый турецкими поэтами. В другом русский, первый раз приехавший на мировой чемпионат еще мало кому известный Александр Иваницкий. Он едва заметно поводил языком по пересохшим губам, потому что понимал и без напоминаний тренера, какую роль в его судьбе сыграет этот заключительный, этот финальный поединок.

Чемпион поднимал руку, отвечая на приветствия своих земляков, съехавшихся из разных городов Америки в Толидо. Студенты экономили на завтраках, рабочие разыгрывали лотереи, подгадывая приезд в Толидо к этому самому дню.

В ту пору (повествование относится к 1962 году) советские туристы на подобные чемпионаты не выезжали. Некому было на трибуне поддержать Сашу. Да и вообще, найдись такой человек, все равно не услышал бы его борец. Все его чувства ушли в зрение. Вообще-то он ходит в роговых очках, делающих его похожим на ученого. Но и без очков было видно, как любуется собой чемпион, какой сладкой музыкой отзываются в его ушах аплодисменты. Тогда-то и вспомнил москвич еще раз совет тренера Сергея Преображенского: «Каплану понадобится какой-то срок на переключение;

он привык к тому, что первые минуты от него бегают. Поэтому он не может предположить, что ты, в общем-то новичок, сразу же начнешь атаку. Значит, атака на первой же минуте, резкая, решительная, если хочешь, безжалостная. И тот прием, который...»

То был прием не описанный, не разложенный на «элементы», прием, изобретенный борцами армейского клуба, — нечто среднее между полусуплесом, подсечкой и вертушкой, по меньшей мере, шесть человек вырабатывали и шлифовали его и преподнесли в подарок самому достойному — тому, кого посылали в США.

Изловчившись, Саша нырнул под руку турка, обхватил его и вместе с ним бросился на ковер, как в пропасть. К началу падения турок был наверху. К моменту приземления оказался внизу. Четким отпечатком своих лопаток на ковре Гамид Каплан как бы заверял печальный для себя факт: «Я был самонадеян и не знал новичка». Турок был огорошен, растерян и смущен. Настолько, что забыл пожать руку победителю. Очевидно, в знак уважения к чемпиону, в одну минуту столь неожиданно и огорчительно прибавившего к своему титулу малоприятную приставку «экс», рефери не вернул его на ковер.

В ту самую минуту новинка перестала быть новинкой.

Потому что за поединком следило из своих дальнозорких кино- и телекамер десятка три операторов (половину которых составляли японцы). Это были не только кино- и телеоператоры. Это были помощники тренеров, работающие в «жанре спортивной разведки».

Взял с собой на чемпионат мира громоздкий, в полпуда, киноаппарат и один из наших тренеров. Он задался целью снять тех борцов из разных стран, которые смогут оказать конкуренцию нашим на ближайшей Олимпиаде. Бедняга обливался потом, но дело свое делал честно. Но когда вышел на ковер очень сильный японец О. Ватанабе, аппарат заело. Тренер чертыхался, ему искренне старался помочь американский коллега, но конструкция допотопной камеры была столь хитроумна, что консультант только беспомощно развел руками.

Тот эпизод вспомнился на Играх в Токио.

В финале с О. Ватанабе встречался наш борец. Некоторые считали их силы равными. Силы, быть может. Но возможности, были ли равны и они?

Великое преимущество имел Ватанабе: он знал противника, японская спортивная разведка демонстрировала перед Олимпиадой свою изобретательность и неутомимость. Ватанабе «помнил наизусть» четыре небольших, но очень полезных ленты, «героем» которых был советский чемпион. А что знал о противнике он? Тренеры говорили: «Между прочим, имей в виду, здорово бросается в ноги... И еще, это самое, резок, так что будь начеку. И вынослив к тому же. Так что постарайся все это запомнить и учесть».

Но в чем проявляется выносливость и резкость Ватанабе, как он бросается в ноги — этого словами не объяснишь. Это надо видеть своими глазами. Наши же продолжали пользоваться привычными и уже тогда безнадежно устаревшими методами спортивной разведки — визуальными наблюдениями, заносимыми в блокноты.

Когда финалисты вышли на последнюю схватку, нашему борцу предстояло решать множество задач с множеством неизвестных. Ватанабе же, знавший, как неторопливо, словно разогреваясь, вступает в борьбу соперник, имел перед собой одну тактическую задачу — выиграть в самом начале встречи резкой атакой хотя бы очко, а затем, как говорят борцы, «профехтовать» до конца. Ватанабе хорошо выполнил тренерский наказ. Когда прозвучала финальная сирена, расплылись в улыбке лица японских секундантов, функционеров, ученых, приезжавших за опытом в Советский Союз. Одно только очко, выигранное в начале схватки, редкой по напряжению и остроте, разделило чемпиона и второго призера Олимпиады.

* * *

В те же дни я услышал из уст руководителя нашей команды дзю-до Владлена Андреева одну странную просьбу:

— Послушай, сейчас на татами выйдет Геезинк, я буду снимать его с той трибуны, а ты попробуй с этой.

Он сказал так, будто я всю жизнь только и занимался этим делом. Что было известно о голландском великане? То, что он единственный борец, к которому так и не смогли подобрать ключи родоначальники дзю-до японцы, что за восемь лет он не проиграл ни одной схватки.

Как ни странно, на пленке что-то запечатлелось. Что-то получилось и у других операторов-общественников, и у самого тренера — тоже. Так или иначе, но в распоряжении наших дзюдоистов (сами проявляли пленку, сами монтировали ее с интересом, который компенсировал недостачу профессионального умения) оказался фильм, который вполне можно было назвать: «Геезинк — человек, у которого мы будем выигрывать».

Был в нашей команде дзюдоистов киевлянин мастер спорта Владимир Саунин. которому предстояло «вжиться в образ Геезинка» (Владимир, больше чем кто-либо другой, напоминал его комплекцией). На тренировках он был обязан сменить манеру борьбы, забыть о любимых приемах, одним словом, поработать на команду и на других своих товарищей-тяжеловесов. Но и на себя тоже: кино помогало ему лучше узнать чемпиона, попытаться поискать у него ахиллесову пяту.

Проходит год. В Мадриде открывается европейский чемпионат. Как только объявляют о выходе Геезинка, на трибунах начинается переселение зрителей, каждый спешит занять место поближе к его татами. Но очень скоро все становится на свое место и все возвращаются на свои места: голландец, «не испортив собственной прически», расправляется с соперниками. Делает это так: обхватив кимоно противника, он не бросает, не кидает, аккуратненько так кладет его на ковер, наваливается всей могучей тушей и спокойно ждет. когда тот забарабанит пятерней по ковру.

И вот напротив Геезинка становится Саунин. Наш первый раз выходит на европейское татами, а перед ним Геезинк.

Голландец. верный своему правилу «не тянуть резины», сразу же пробует с помощью подсечки уложить соперника. Но, поняв по

движению ног чемпиона, какой прием он готовится провести (это подсказало кино: движение ног Геезинка выдает его намерение), Саунин находит противоядие. Не получился и второй прием голландца, не удается и третья попытка. Противники, обхватив друг друга за отвороты кимоно, кружат по ковру. Оба тяжело дышат. Это и радует нашего тренера больше всего: Геезинк, не привыкший встречать упорное, а главное — длительное сопротивление, не научился ставить дыхание, сохранять силы до конца поединка... Саунин должен вымотать Геезинка и тем помочь своим товарищам-тяжеловесам, которые выйдут на другие поединки с чемпионом.

Первый раз тишина в зале, когда борется Геезинк. Пот льет с него ручьями, он расхристан и взлохмачен, судья просит его поправить кимоно, и делает голландец это неторопливо, нарочито неторопливо, пользуясь возможностью несколько раз спокойно вдохнуть воздух. Саунин ждет его, ждет достойно, лишь едва заметно выказывая нетерпение. Наконец они сходятся снова.

В самом конце схватки, почувствовав не столько техническое, сколько моральное превосходство над чемпионом, Саунин идет на обострение. Оно было заранее запланировано тренерами. В этом эпизоде и сказались мастерство и опыт голландца. Будто всего себя вложив в прием, он подловил-таки Саунина, сумел вырвать победу в тяжелейшем поединке. То была пиррова победа.

Саунина наши тренеры поздравляли ничуть не менее искренне, чем голландские тренеры своего кумира, в победу которого перестали было верить.

Но что это? Почему Геезинк покидает татами прихрамывая? Почему демонстративно, так, чтобы видел весь зал, показывает на свою правую ногу и прямо с ковра направляется к врачу?

Вечером, когда наши встретились в финале командного турнира с голландцами, стало ясно почему. Телеграфные агентства разнесли по миру весть о том, что многократный чемпион дал слово больше не выходить на татами. Никогда. Он решил уйти непобедимым. Ибо все хорошо рассчитал. Догадался, что советские дзюдоисты подобрали под него ключи. И ему не захотелось искушать судьбу во встрече с самым именитым из них.

Вот как заговорило вдруг нехитрое немое кино! Между прочим, в тот день наши дзюдоисты выиграли командный приз.

* * *

Спорт признает только победу. Поражение всегда поражение, после него вместе с настроением садится голос и доводы тренера, отчитывающегося перед руководством, звучат, случается, как жалкие оправдания.

«Выигрывает команда, проигрывает тренер» — изречение, подтверждающее свою мудрость многолетней практикой того же футбола.

Тренерские невзгоды (и раньше и теперь) часто порождаются высокомерным отношением к заведомо слабому противнику. В судьбе высокомерных спортивных наставников запрограммирована обреченность на поражения и крутые повороты в жизни.

Не так далеко ушло время, когда, отправляя команды в далекие зарубежные поездки, мы напутствовали их общими, мало что говорящими словами: «У Жаирзиньо мяч как на ниточке», «Чарльтон здорово бьет по воротам издали», «Зеелер прыгает на голову выше других», «Мюллер никогда не теряется перед чужими воротами, и за ним следует следить в оба» и т. д. и т. п. Это называлось, так сказать, информацией о противнике. Теперь в распоряжении тренеров ведущих команд страны видеомагнитофоны, специальные помощники-операторы, ответственные за подбор документальных материалов о противнике. Футболисты тбилисского «Динамо» перед встречей с сильнейшими командами на Кубок обладателей Кубков имели достаточное количество фильмов о стиле и манере их игры. Не приходилось импровизировать (импровизация в футболе, как и в спорте вообще, хороша в известных долях), не пришлось играть с листа. Неожиданные ходы противников не были неожиданными. Предвиденная опасность — не опасность — учат на шоферских курсах. То же самое можно сказать и о матчах на самом высоком уровне. Не наградой ли за умело проведенную работу по выяснению возможностей противника явилась почетнейшая награда? Вовсе не зазорно поучиться искусству узнавать противника и у футболистов киевского «Динамо», где эта работа поставлена на серьезную научную основу... Знать противника.

* * *

Хорошо помню давний предолимпийский митинг, ораторов, чьи выступления были согласованы и пересогласованы много раз, торжественно чинных функционеров, сидевших за столом президиума, и фоторепортеров, суетившихся у трибуны.

Митинг решили провести с благородной целью, сплотить команду, сказать ей еще раз об ответственности перед страной, внушить спортсменам веру в свои силы.

Трибуну предоставляли тем, кто имел отношение к делу, высокими результатами мог бы послужить примером, сегодня задать тон словом, а завтра — на Олимпиаде — и делом.

— Вчера я читал обращение к олимпийцам нашего известного борца (оратор назвал фамилию), который дал обязательство выиграть золотую медаль. Я принимаю близко к сердцу его призыв и в ответ обязуюсь со своей стороны (оратор заглянул в бумажку и, повысив голос, продолжил) выиграть золотую медаль в своем виде.

Речь оратора, пока он не произнес две последние фразы, была умной, и слушать его было интересно. А вот «сверхобязательство» резануло слух. Тем более что результаты, которые показал наш бегун перед соревнованиями, не давали много поводов для такого оптимистического заявления.

«Беру обязательства»... Хорошие слова, рожденные нашим временем, соревнованием. Но они хороши только тогда, когда подкреплены твердым учетом своих сил и возможностей.

Благо знать свои силы, верить в них. Но это еще половина спортивного дела. Надо обязательно знать силы чужие, надо иметь чет-

кое представление о том, как изменились противники, как изменились отношения между ними.

К той давней Олимпиаде мы еще не накопили опыта, умения, знаний, всего того, что помогало в иные годы проводить такие митинги и встречи, которые действительно надолго врезались в память. А тогда...

Стоит ли говорить, с каким вниманием следили товарищи по команде за выступлением оратора, но уже не на трибуне, а на беговой дорожке. Уже после третьего круга он, скорее всего, жалел о торопливом самообязательстве, а после четвертого наверняка дал себе слово не выходить на трибуну, как бы ни уговаривали. Хотя и понимал прекрасно, что никто его теперь уговаривать не будет: проигравшим полагается помалкивать. А так, как проиграл на той Олимпиаде наш экс-чемпион, он не проигрывал никогда. Хотя и показал результат лучше, чем на предыдущих играх. Значит, можно сказать, вырос. Он только не догадывался, как выросли за четыре года противники.

Знать противника не значит только одно — выведывать его тайны. Нет, это понятие гораздо шире и пристойнее, оно подразумевает знание путей развития того или иного спорта в его стране, национальных особенностей и традиций, взглядов, которые исповедует тренер... Это серьезная работа — собирать, систематизировать и использовать все лучшее, что есть в мировой практике, ставить это лучшее на службу победе, а значит, спортивному прогрессу.

«Нет ничего предосудительного в том, чтобы знать противника лучше, чем знает тебя он» — эти слова стали девизом большой группы кубинских специалистов — тренеров, психологов, статистиков, создавших одну из серьезнейших и многообразных картотек и фильмотек о своих главных соперниках. На это не надо жалеть ни денег, ни усилий — работа окупается!

* * *

Перед началом окинь противника взглядом. Если ты форвард, посмотри на защитника, с которым тебе придется иметь дело, и на вратаря, которому придется иметь дело с тобой. Если ты боксер, брось взгляд на того, кто стал в противоположном углу и делает вид, что кроме собственных перчаток его ничего не интересует. «Когда я увидел, что мой противник бросил взгляд на меня, а потом торопливо отвел его и забегал глазами, словно бы не зная куда их деть, я почувствовал, что он сомневается в себе. Это придало мне уверенность на все три раунда», — пишет олимпийский чемпион.

Перед выходом на циновку дзюдоист сбрасывает сандалии, японские психологи учат оставлять в одной из них неуверенность, а во второй — робость. «Я учу Инокуму смотреть противнику прямо в глаза. Все они выше и тяжелее Инокумы, но я учу его показывать, что он не боится никого. Он укрепляет свою волю и тем достигает первого преимущества перед соперником», — говорил тренер чемпиона мира.

В дни Универсиады 1961 года в Софии запомнился венгерский фехтовальщик. Глаза его горели. Он только что закончил трудный

бой с итальянцем и проиграл, хотя вел 4 : 1 ...всем своим видом показывал, что его засудили, что последняя атака итальянца была недействительной... с досадой выкинул шпагу и топнул ногой. Следующий бой предстояло ему провести с советским фехтовальщиком.

К нашему шпажисту подошел тренер и сказал:

— Посмотри на венгра, пока он не надел маску. У него все написано в глазах. Еле сдерживает себя, ждет начала боя, и ясно, что очертя голову бросится вперед. А ты противопоставь ему хладнокровие, не заводись, встреть как следует. Не думаю, что его атаки будут хорошо подготовленными и точными. Охлади его!

Это был мудрый совет. Наш мастер, который до этого два раза проигрывал венгру, первый раз взял над ним верх.

Что значит посмотреть противнику в глаза?

Профессор-психолог А. А. Бодалев пишет:

«Восприятие человека человеком вместе с основывающимся на нем пониманием одним человеком другого является совершенно обязательной стороной процесса любой совместной деятельности людей, необходимым условием целесообразности ориентации и действий... При распознавании настроений противника очень важно получить информацию, написанную на его лице и в глазах, ибо глаза наиболее явственно выражают внутреннее состояние человека».

«Процесс любой совместной деятельности» — это относится к спорту целиком. В том числе — к шахматам. До чего же важно бывает, взглянув на партнера, представить его состояние. А он... если опытен и искушен, постарается скрыть чувства, обуревающие его, не позволит вам оценить ситуацию с помощью собственных эмоций.

Этим искусством в полной мере владеют Борис Спасский и Анатолий Карпов. Но всем ли дано оно?

В книге доктора психологических наук гроссмейстера Николая Крогиуса «Психологическая подготовка шахматиста» есть много метких наблюдений, с которыми было бы полезно познакомиться не только любителям игры на шестидесяти четырех клетках.

«Мирное тиканье часов. За доской двое. Вот один из них коротким и энергичным жестом передвигает фигуру. На его лице упрямая непреклонность. Взор магнетически прикован к квадрату черно-белых клеток. Другой же весь в движении — он бросает настороженный взгляд то на противника, то на часы, то в сторону зрителей, теребит волосы, откидывается на стул, сутулится и, наконец, как будто спохватившись, порывисто делает ход.

Подобную сцену можно наблюдать чуть ли не в каждом турнире. Очень выразительно и очень по-разному проявляется в борьбе внешность шахматиста... По внешнему виду шахматиста судят и о его позиции. Если, к примеру, заметны тревожный взгляд, частое покачивание корпусом, то создается впечатление, что дела у этого шахматиста плохи. Однако интересна не только реакция зрителей. Для шахматиста-практика большое значение имеет ответ на вопрос: представляет ли какую-либо ценность информация о внешности противника, можно ли по лицу, движениям, одежде судить об игре, эмоциональном состоянии, намерениях соперника?»

Иллюстрируя эту мысль, Н. В. Крогиус приводит в книге любопытные наблюдения.

Беспристрастные свидетели обуревающих шахматиста страстей — бланки с записями партий. В. Смыслов, почувствовав озабоченность, быстрым взмахом руки оставлял на бланке короткий и неразборчивый знак. Р. Нежметдинов, стремившийся едва ли не в каждой партии до предела обострить борьбу, когда надвигался кризис, едва заметно привставал со стула. Терял свою бравую осанку А. Гипслис. Т. Петросян любил прогуливаться со скрещенными на груди руками лишь тогда, когда на «Шипке все спокойно». Изменение позы сразу выдавало обеспокоенность ситуацией на доске.

Знание основ спортивной психологии помогает интерпретировать, и к тому же весьма безошибочно, внешние проявления поведения противника. Бледность рассматривается как признак страха; испарина, пот — как признак гнева, смущения, нервозности; ерзание на стуле, частая перемена позы, потирание лба, изменение положения ног — внутреннего беспокойства.

Разве не напоминает шахматист, ведущий свое войско в наступление, полководца, замышляющего тактическую операцию? И тот и другой стараются выяснить не только замыслы противника, но и его характер, привычки, любимые приемы. Это нужно для того, чтобы знать, как будет действовать противник при разных обстоятельствах.

Без этого искусства нет победы!

В футбольном чемпионате страны 1981 года произошли одно за другим два события, которые показали, чем бывает чреват взгляд на слабого противника свысока, как наказывается неумение оценить его потенциальные возможности.

Динамовцы Тбилиси, боровшиеся за второе место, играли в Днепропетровске с «Днепром», перед которым маячила малоприятная перспектива вылета из высшей лиги. Спартаковцы Москвы, сохранявшие надежды на первое место, встречались в Ташкенте с «Пахтакором», замыкавшим таблицу. Гости рассчитывали на безоговорочные победы, приверженцы и «Динамо», ставшего героем сезона выигрышем Кубка обладателей Кубков, и «Спартака», с крупным счетом завершившего серию игр, готовы были заранее проставить в таблице по два очка.

В день матча «Динамо» — «Днепр» еженедельник «Футбол — Хоккей» писал:

«Семь матчей подряд провели на чужих полях динамовцы Тбилиси, набрали десять очков, дважды выиграли со счетом 4 : 1, а в двадцать шестом туре победили «Кайрат» и радуют не столько набранные очки, сколько их красивый комбинационный стиль игры... От коллектива все ждут новых успешных выступлений как во внутренних соревнованиях, так и на международной арене».

«Днепр» в обзоре даже не упоминался.

Но если бы вам удалось присутствовать на том матче, вы бы спросили себя: «кто борется за второе место? кто находится среди кандидатов на выбывание?» — с такой непреклонной решимостью действовал «Днепр», как трудно было узнать тбилисцев, ведущих

игру в не свойственной им размеренно-академической манере, без ярких вспышек и комбинаций — с призрачной надеждой на случай. Не зря говорят — случай приходит к тому, кто его ждет. В футболе «готовить случай» — значит всей командой бороться за инициативу с первой минуты до последней. Но так боролась в том матче лишь одна команда — из числа аутсайдеров. В самом деле, разве не лестно было ей показать землякам, как никогда заполнившим стадион, что не лыком шита, что имеет потенциал и честолюбие и вовсе не намерена сдаваться на милость одного из лидеров. Торжествовал закон, четко сформулированный Андреем Петровичем Старостиным: «порядок бьет класс». Было такое впечатление, что все без исключения игроки «Днепра» точно знали свои обязанности, порядок слился с азартом, мяч, влетевший в ворота тбилисцев за несколько секунд до конца матча и решивший его исход, был закономерным следствием этого благотворного слияния.

Но той сенсации было дано жить только сутки.

Ее затмила другая.

Спросим себя — не должен ли бы насторожить спартаковцев выигрыш «Пахтакора» со счетом 3 : 1 у ереванского «Арарата»? Имели ли они право столь легковерно подойти к матчу с аутсайдером? Не учитывать его сил и возможностей. Или забыли правило — со «Спартаком», в особенности когда он среди лидеров, все играют с особым упорством?

Те фрагменты матча, которые показали по телевидению, свидетельствовали в пользу ташкентцев, просто бери и посылай их на любой международный турнир, а со спартаковцами... можно «погодить».

Вы скажете, это была вспышка «Пахтакора», что это был его лучший матч сезона, и с вами согласятся. И что «Спартак» давно не выглядел таким растерянным и уставшим. Согласятся тоже.

Но чтобы «Спартак», забивший до этого в двадцати пяти матчах больше всех мячей — 56 — не смог ни разу поразить ворота аутсайдера? Многие ли поверили бы до игры, что такое может случиться?

И уж никто бы не поверил, что в ворота москвичей влетят три красивейших мяча.

Не в те ли дни начался затяжной спад тбилисского «Динамо» и подъем «Пахтакора»?

Спорт одаряет только за искусство безгрешного предвидения. За умение знать не только свои силы. Но и силы противника. На каком бы месте турнирной таблицы он ни стоял!

* * *

Известный прыгун в высоту рассказывал:

— Утром того дня, когда мне предстоит выйти на соревнования, я стараюсь мысленно проиграть их. Сперва начинаю думать о том, что может помешать мне. Например, готовлюсь к прыжку, а в этот момент по радио объявляют о награждении участников только что закончившегося соревнования. Начинает звучать марш. Как мне поступить? Ясно, что внимание зрителей моментально переключится от сектора для прыжков на беговую дорожку, по которой ша-

гают к пьедесталу почета лауреаты. Но ритуал может отвлечь и частицу моего внимания. Значит, я должен сказать себе, что ничего не слышу и ничего не вижу кроме планки и той линии, которую я к ней мысленно проложил. Так, идем дальше. Всякое соревнование — это прежде всего тактическая борьба. Соперник, сбив планку на высоте, взятой мною, первый и второй раз и осилив с трудом в третьей попытке, может сыграть на моем самолюбии и пропустить следующую высоту, вызывая на дуэль на рискованной для него (и для меня тоже) высоте. Никакого риска! Не поддаваться искушению! Последовательно назначать только те высоты, которые предварительно намечены с тренером. Был такой случай в молодости. Я приготовился к прыжку, а соперник посмотрел на меня с ухмылкой и демонстративно перешел дорогу к планке. Было это на городских соревнованиях, но вскипел я страшно и сбил планку на привычной для себя высоте. Да ладно, дело прошлое. Главное — не позволить неожиданности выбить тебя из колеи.

Что заставляет вспомнить эти мудрые слова?

Лейк-Плэсид, зимние Олимпийские игры. 17 февраля 1980 года. На телевизионном экране почти все (если не все) малейшие детали мужской пятнадцатикилометровой лыжной гонки.

После десяти километров ясно — главная борьба развернется между знаменитым финном Юхи Мието и малоизвестным шведом Томасом Вассбергом. В двухстах метрах от финиша швед легко обгоняет очередного гонщика. Это происходит на виду у трибун. Уязвленное самолюбие заставляет молодого и неискушенного гонщика устремиться в погоню, через несколько секунд он наступает своей лыжей на лыжу Вассберга.

«Что же ты делаешь, негодник?» О, сколько соблазнов у шведа обернуться, испепелить взглядом соперника.

Гонщик приглушает в себе естественную реакцию. Этому благородному приглушению, без сомнения, содействовали качества, выработанные занятиями спортом, взрослый Вассберг стал совершеннее, хладнокровнее, мудрее юного Вассберга, не знавшего законов спортивной борьбы. Эти качества вовсе не бесполезны в наш век усилившейся по всему жизненному фронту конкуренции. Он не поступил так, как поступил бы на его месте «человек обычный», не повернул головы. И в награду стал чемпионом, выиграв у Юхи Мието, давно закончившего гонку, одну сотую долю секунды. Обернулся бы — и чемпионом не стал. Золотая медаль была наградой за сосредоточенность и предусмотрительность тоже.

* * *

На протяжении одного сезона мне довелось («выпала честь» — будет поточнее) знакомиться с методом работы футбольного тренера Бориса Андреевича Аркадьева. Случилось это лет через шесть после того печального события, когда — в пятьдесят втором — была расформирована руководимая им сборная команда страны... Полагаю, не одному поколению футболистов и тренеров дал Борис Андреевич пример того, как надлежит истинному спортсмену выходить из жизненного пике, был полон достоинства, о пережитом старался

не вспоминать... тогда подумалось мне, сколько же людей на его месте повествовало бы, смакуя подробности, о несправедливости, ища сочувствия, сострадания, не знаю чего еще.

Борис Андреевич понимал, что в повторном олимпийском матче его тактически переиграл югославский тренер, смог внести больше коррективов во вторую игру, чем это сделал Аркадьев (например, пошел «на размен» К. Бесков — З. Чайковский, превратив своего быстрого и цепкого полузащитника в тень нашего форварда и по существу, выключив обоих из игры).

Тот матч, скорее всего, больше чем любой в долгой суровой и славной жизни Б. А. Аркадьева учил его тому, что есть предусмотрительность в работе тренера, что есть искусство представить наперед любую мелочь в любом футбольном поединке. Разве не соткан футбол из неожиданностей? Разве не они придают ему главную прелесть в глазах зрителей? Эта игра справедлива тем, что неожиданности со знаком минус чаще всего оборачиваются против слабых мастерством, духом, против тренеров, ленивых умом.

В классной комнате у доски с двуцветными фишками идет беседа Б. А. Аркадьева с футболистами о предстоящем матче. Она подчинена поиску ответов на бесчисленное множество вопросов типа: «если мы так, то они — так, а если они так, то как мы?»

Вот несколько запомнившихся тренерских установок.

— Я хочу, чтобы вы представили себе облик команды, с которой играем завтра. Это команда взрывная и самолюбивая и еще, вы это знаете не хуже меня, команда настроения. Мяч, которым владеет соперник, производит на нее такое же впечатление, как красный плащ в руке матадора на быка. Такого безобразия она не терпит. Задача в игре — подольше контролировать мяч. Максимум внимания точной передаче. Темп средний, во всяком случае в первом тайме.

Подойдя к доске с магнитными фишками, Б. А. Аркадьев показал несколько схем, как, убыстряя игру на половине противника, следует подключать по правому флангу в атаку защитника. По правому потому, что там у гостей будет играть бек необстрелянный, разбегутся глаза, когда придется действовать не против одного форварда, к которому его прикрепят, а и против еще одного его партнера.

На другом занятии:

— Благодарю за четко выполненную установку. Ничья, добытая в прошлом матче, с одним из лидеров, почетна. Полагаю, что результат мог быть иным, если бы не одиннадцать неточных пасов во втором тайме. я причисляю к ним и пасы «на борьбу», которые сделал полузащитник имярек. Завтра ему придется отдохнуть, а заодно и поразмыслить... Мы не имеем права позволять себе такой роскоши...

Что касается предстоящей игры... У них будет полон стадион, и нельзя быть уверенным, что его эмоции не передадутся судье, который не отличается ровным и устойчивым характером. О гуле и выкриках на трибунах прошу забыть. На решения судьи реагировать спокойно, ни в коем случае, повторяю, ни в коем случае в

споры не вступать. Борьба за инициативу — с первых минут. О чужом поле — забыть.

Еще на одной установке:

— Очередной наш соперник — кандидат на выбывание из лиги. Нам будет навязана жесткая борьба по всему полю. Два очка для него — дело жизни и смерти. В сегодняшней газете письмо уважаемых граждан своим футболистам с призывом «отстоять честь родного города и показать все свое мастерство». Но два очка нужны и нам, давайте скажем об этом друг другу без громких слов. Наше оружие реактивность, мы превосходим очень правильную, а потому несчастную команду соперников искусством быстрого принятия решений. Больше импровизации, маневренности, неожиданных для противника ходов.

...Тренер знал отличительные особенности почти каждого, если не каждого игрока соперников, его сильные и слабые стороны. В индивидуальных беседах с футболистами старался представить, как можно воспользоваться сторонами слабыми и как не дать развернуться сторонам сильным. «Работу перед матчем» тренер считал куда важнее работы «после матча». Известный тренер, рядом с которым росли, набирались ума-разума тренеры молодые, показывал пример того, как следует переигрывать возможные ситуации «из будущего», не давая возможности неожиданностям выбивать из колеи. Такие неожиданности портят жизнь многим талантливым людям, перегружают их обилием отрицательных эмоций, от которых ведет лишь одна хорошо проторенная дорога — к поражениям.

Один только год проработал Борис Андреевич с командой «Нефтчи», бывшей до него добросовестным поставщиком очков. Учил ее не только искусству владения мячом, но куда важнее — искусству владения собой, сумел вселить в нее веру в себя. Не осталась бесследной работа мастера, ровно через год команда стала призером первенства страны. «Искусство спортивного предвидения»... не могла бы эта тема лечь в основу специальной и, надо думать, полезной книги?

Поговорка «слово — серебро, молчание — золото» не наша — турецкая поговорка.

Поищем же примеры, когда слово становится золотом.

...Жил-был в Мадриде в середине шестидесятых годов один хороший человек по имени Франко. Был он директором известного в Испании клуба дзю-до; на следующий день, после того как в Мадрид на чемпионат Европы прибыла советская команда, нанес ей визит и пригласил посетить школу. Замечено не сегодня — спортсмены, живущие в разных странах, имеют способность и обычай сходиться друг с другом быстро и легко, ибо понимают друг друга с полуслова — футболист — футболиста, шахматист — шахматиста, а борец — борца.

Сердечно принял гостей из СССР сеньор Франко. Познакомил с профессором, приезжавшим два раза в год из токийского центра дзю-до Кадокана консультировать испанских тренеров, представил ведущих мастеров клуба, показал библиотеку, в которой было бесчисленное множество книг и журналов, посвященных дзю-до (пом-

нию, как загорелись глаза у наших ребят), а потом провел в главный зал. Там на двух татами одновременно шел городской чемпионат католических школ. В зале, вмещавшем человек триста, было достаточно много юных зрителей, не по годам серьезных и степенных. Они болели — каждый за свою школу, но болели как-то уж слишком не по-испански: про себя. Должно быть, будущих священников с юных лет учат непростому искусству — сдержанному проявлению чувств. Лишь самые маленькие зрители, если проигрывал их товарищ, позволяли себе шлепнуть ладошкой по колену, на них смотрели с осуждением.

— Что он ему говорит, что он ему говорит? — обратился к Франко через переводчика наш глазастый тренер Владлен Андреев, показывая на падре в сутане, готовившего к выходу на циновку своего ученика.

— Мне трудно об этом судить, — застенчиво отвечал Франко.

— Большая просьба... если это вас, конечно, не затруднит, спросите, пожалуйста, у того священника, что он сказал дзюдоисту... если можно... слово в слово.

Слегка пожав плечами и улыбнувшись, Франко сказал: «Попробую», — и, дождавшись конца поединка, спустился к падре. О чем-то переговорил с ним и, вернувшись минут через десять, сказал:

— Падре очень доволен, что его ученик победил. Ученика зовут Мигель, он родом с юга, из-под Кадиса. В прошлом году проиграл своему противнику, хладнокровному северянину. Так вот, перед началом схватки тренер, в смысле падре, сказал Мигелю: «Не горячись, сын мой, представь себе, что андалузец не ты, а он, прошлый раз ты проиграл потому, что горячился. Ты еще не знаешь, как ты силен и какую радость доставишь мне не столько победой над ним, сколько победой над собой. И да поможет тебе бог».

— Передайте вашему падре мой низкий поклон, — серьезно сказал Андреев. — Его совет строго согласуется с законами спортивной педагогики.

Невольно вспомнилось, как года за два до того случилось оказаться в одной комнате с нашим борцом-классиком Анатолием Рощиным, настраивавшим себя на решающий поединок со шведом Свенссоном (дело происходило на чемпионате мира в шведском городе Хельсингборге).

Толя мерил комнату огромными ножищами и, не обращая внимания ни на кого, уйдя в самого себя, говорил спокойным рассудительным тоном:

— Этот Свенссон не знает, как я силен. Просто никакого представления не имеет. Полетает он у меня сегодня, устрою ему день авиации. Значит, если он так, то я так... р-р-аз и готово. А если он так? Тогда я так...

Сцепив руки и сделав энергичный полуоборот, Рощин как бы прорепетировал контрприем. После чего продолжал размышлять вслух:

— Ну и что из того, что за него будут болеть? Скажу себе — ничего не слышу, я глухой. Перестану быть глухим, когда проведу хороший прием. Тогда-то и открою уши. Чтобы услышать аплодисмен-

ты. Не будет аплодисментов? Не страшно. На мне моя счастливая майка. Она еще ни разу меня не подводила. А под этой майкой матросская сила. Полетает он у меня сегодня! Приложу его — и готово дело, чемпион мира. Залу будет неприятно. Зато как приятно будет моим друзьям и тренерам.

Бывший минер Анатолий Рощин помнит день, когда тральщику было дано боевое задание извлечь мину, одну из тех, которые сохранились кошмарной памятью о войне и заставляли вахтенных матросов до боли в глазах вглядываться в море. Мину подняли на борт, хотя проще было бы расстрелять ее. Она была с хитрым взрывным устройством. А ее попробовали обезвредить привычным способом. В тот день минер Анатолий Рощин был без пяти минут на краю гибели. Ему повезло дико. На нем была эта самая тельняшка. С тех пор и не расстается с ней.

Устроил-таки «день авиации» Рощин: летал над ковром стодвадцатикилограммовый колосс Свенссон. Собранный, суровый, настроивший все свои «системы» на победу, Рощин вел схватку одушевленно. И победил красиво и услышал аплодисменты не щедрых на похвалу чужеземцам шведов.

А тогда, в Мадриде, на следующий день после знакомства с тренером-падре... Не убежден, что неожиданная психологическая находка Владлена Андреева была порождена знакомством с напутствием падре, но, с другой стороны, нет оснований утверждать и обратное.

Наш переводчик невысокий симпатичный живчик Артемио говорит Владлену Андрееву утром последнего дня соревнований:

— Вот посмотрите, что пишут газеты: Рюска, мол, выйдет на татами просто ради проформы, «советский борец-тяжеловес, победитель предыдущего первенства, проиграв голландцу накануне в командных соревнованиях и получив травму, выбыл из числа претендентов, других же достойных соперников у бармена из Утрехта нет». Я ужасно рассердился, прочитав эти строки, — продолжает простодушно Артемио. — Хорошо бы проучить этого Рюску, который налево и направо раздает интервью и автографы, будто уже стал чемпионом.

— А ты случайно не хотел бы получить автограф чемпиона в абсолютной категории?

— Хотел бы... еще как.

— Так за чем же дело? Анзор, подойди на минутку. Распишись в блокноте Артемио.

— Это еще зачем? — недоверчиво спросил мой однофамилец, не снимая с затылка руки с мокрым полотенцем.

— Распишись, раз я прошу. Человек собирает автографы чемпионов, ты ведь не откажешь ему.

— Когда стану чемпионом, тогда и распишусь.

— А у тебя что, есть сомнения? Ты меня знаешь?.. Ты мне доверяешь? Я тебя хоть раз обманывал? Распишись, говорю.

— Попросите кого-нибудь другого. Я этого не сделаю.

— Сделаешь... в шесть часов вечера, — примирительно произнес Андреев и, обратясь к Артемио, попросил: «Подожди, пожалуйста,

немного, сегодня мы как следует проучим этого зазнайку Рюску».

Честно сказать, Рюска, неторопливый немногословный молодец, — ему бы в лесорубы, а не в бармены — никогда не казался зазнайкой. И вообще трудно было поверить в то, что он «не видит достойных противников». Просто Артемио несколько своеобразно интерпретировал одно из высказываний Рюски и сделал это по просьбе тренера, желавшего разжечь самолюбие Анзора.

— Нет, ты прочитай, что сказал Рюска, — подзадоривал Анзора Андреев.

— Мало ли что пишут в газетах... в особенности буржуазных, — меланхолично парировал борец.

«Ничего, не сработало одно, так сработает другое, — будто самому себе под нос произнес Андреев. — Я что-нибудь придумаю, я заставлю тебя выиграть у Рюски». — Однако этот Рюска... здорово прибавил за год, — неожиданно обращается ко мне. — Помнишь, как легко справился с ним в Берлине Анзор? А вчера... ничего не смог поделать. Ни одного приема. Как думаешь, здорово переживает?

— Вроде бы, не похоже.

— Это он виду не подает. А сам горит. Ты помнишь хоть одну схватку, в которой он не провел ни одного приема. Помнишь, как начал с Инокума в Токио?.. Нет, брат, у Анзора трудный день и надо ему помочь.

Много забот было у главного тренера сборной страны Владлена Андреева, но очень уж не хотелось ему расставаться со званием абсолютного чемпиона Европы, которое как-никак принадлежало одному из его учеников. Эту потерю Андреев рассматривал бы как удар по собственному самолюбию.

.Главный спортивный дворец Мадрида представляет собой велотрек под высокой крышей. Над полотном — трибуны тысяч на десять. Внутри кольца еще накануне было разложено три татами, но едва кончился командный турнир (соревнования дзюдоистов, к радости организаторов и составителей смет, скоротечны), два боковых ковра убрали и оставили один. Зрителей полным полно. Самые дорогие билеты — на двух противоположных секторах, амфитеатром спадающих к оставшемуся татами. И с этой и с той стороны много голландцев. На одной стороне транспарант: «Вим, пора!» На другой — тоже адресованный Виму Рюске: «Быстрее кончай дело, и поехали домой!»

Видимо, и телеоператорам передалось настроение публики, всегда (или почти всегда) дарящей свои симпатии новой звезде: рубеж между татами и «всем остальным миром», на который должен выйти голландец, обильно заливается светом юпитеров. Туда нацелены все камеры. Будто и не существует другой стороны татами, на которую вот-вот ступит Анзор, абсолютный чемпион Европы. То звание — за прошлые заслуги. Прошлые заслуги есть прошлые заслуги, и отношение к ним снисходительно скептическое. Спорт исключения не составляет. Тем более что близится минута, когда состоится «передача полномочий».

Очевидно, эффектно выглядят на телеэкранах эти два великана: Вим Рюска и ставший рядом с ним в позе покровителя и секундан-

та Антон Геезинк. Геезинк — киноактер, ему предложили роль Голиафа в фильме на библейский сюжет, сколько бы ни искали, лучше исполнителя не нашли бы. Держится перед телекамерами Геезинк как профессиональный актер. На лице спокойная полная достоинства улыбка. Ни малейшего сомнения в победе преемника. Что-то говорит тому на ухо, Рюска едва заметно кивает в ответ. Увидев на плече ученика капельку пота, Геезинк неторопливо подходит к стулу (камера скользит за ним), берет полотенце и промокает ту самую капельку. Все это действие сопровождается приветственными выкриками в честь будущего чемпиона: звукооператор держит на длинном шесте микрофон, обращенный в сторону голландских зрителей.

Обстановка, сказать честно, не самая благоприятная для нашего борца.

Судьи приглашают противников на ковер. Называют голландца. и имя его, словно эхо, разрастающееся в горах, прокатывается по трибунам. «Рюс-ка! Рюс-ка! Рюс-ка!» Называют нашего борца, эхо мгновенно глохнет, первозданная тишина воцаряется в зале, слышен только стрекот аппаратов, направленных на публику.

Андреев не выпускает Анзора. Тот рвется вперед, а Андреев продолжает держать его за локоть. Слышу, как говорит он сквозь плотно сжатые зубы:

— Не торопись. Пусть немного подождет тебя. Ничего не случится. Ты понимаешь, что это твой главный поединок? Понимаешь, да, это я уже тебе сказал? Так. А знаешь ли ты, куда идут эти телепередачи. Нет?

Весь день, как могло показаться, Анзор провел в состоянии глубокой ипохондрии. Проигрывать не привык. Вот и переживал. Хоть и стали наши чемпионами в командном зачете, проигрыш Рюске глубоко его уязвил. Но, скорее всего, мучило сознание того, что на европейском татами появился борец, с которым он ничего не смог поделать. Рюска моложе на восемь лет. А у Анзора уже заметная лысина, впору заводить прическу типа «заем». Перед отъездом из отеля я зашел к нему. Он выжимал полотенце. Его лоб был влажным.

— Это вода, — сказал он смущенно.

— Слушай, скажи честно, как чувствуешь себя? Я-то помню, как ты упал за татами и ударился головой. Что сказал врач?

— Если правду, чувствую себя погано. Башка трещит. А врач сказал: жить будешь и бороться тоже.

— И разрешил бороться... с легким сердцем или через силу?

— Через силу ему не позволил бы Андреев.

— Но если так чувствуешь себя, не лучше ли все прямо сказать ему?

— Если бы не проиграл вчера, сказал бы. А так подумает, что...

— ... Что ты сдрейфил?

— Почему он должен так подумать? Или мы мало знакомы друг с другом?

В автобусе Андреев сказал:

— Ясно, что Анзор не в порядке. Но я тут одну штуку ему при-

готовил. Хочу посоветоваться... Не знаю только, не перегорит ли он еще больше?

И Андреев открыл тайну. Теперь я знаю, что шепчет он Анзору, перед тем как выпустить его на татами.

Андреев говорит Анзору, что телевизионные передачи поединка на звание абсолютного чемпиона Европы, единственного из всех, что проходил в Мадриде, идут через систему «Евровидения» и Интервидения на Москву и Тбилиси. Это он сочиняет специально для Анзора: пусть забудет об этих громогласных трибунах, так демонстративно выражающих симпатии голландцу, пусть представит себе родных и друзей, сидящих у телевизоров в Тбилиси, пусть подумает, сколько радости принесет им, если выиграет, и сколько горя, если...

Нет, никакого «если» быть не должно. Не за тем ехали. Ну и что из того, что до последней финальной встречи Анзору пришлось провести несколько трудных поединков, отнявших много сил, в то время как Рюска дошел до финала играючи и сохранил почти нетронутым свой невероятный запас сил. Ну и что из того, что Рюску прочат в победители чуть не все эксперты и тренеры... и только судьи до поры до времени не высказывают мнения: на то они и судьи, ждут, пока само время даст им это право. Зато ни у кого нет такого тренера, как Андреев, гораздого и на острое словцо, и на беззлобный розыгрыш, и на благодетельную выдумку. И как еще назовешь такую выдумку? Сколько думал, сомневался, клял себя за нерешительность, пока наконец не принял решения. Он знал характер Анзора, достаточно самолюбивый и резкий, и это знание характера убеждало — новое сильнодействующее средство, выдуманное тренером, заставит Анзора отдать победе всего себя, до последней клеточки, до последней капельки. Естественно, ни о какой телепередаче из Испании в Советский Союз тогда, в шестьдесят пятом, не могло быть и речи.

Спросил Анзор:

— Правду говорите? Дайте честное слово.

О, у нас за этим дело не станет! Андреев, ни минуты не сомневаясь, скороговоркой произносит нечто среднее между «чеснок с луком» и «четверть шестого». Борец делает глубокий вдох, решительно поправляет пояс на кимоно:

— Ну, я пошел?!

— Иди.

Лишь одна из полдюжины телевизионных и кинокамер наведена на Анзора. Он хитро подмигивает в объектив, приглаживает то, что некогда называлось прической, выходит на татами, кланяется судьям и противнику и делает три решительных шага к центру, где ждет его Рюска.

А у Андреева слегка дрожат руки. Он с трудом достает из пачки сигарету, разминает ее, безуспешно ищет спички и сразу забывает о ней. Впивается взглядом в Анзора, будто по невидимому каналу передавая ему приказ: одолей его!

Переношусь мыслью в тот предвечерний час жаркого во всех смыслах слова майского дня в Мадриде и думаю — о, как бы не-

уютно чувствовал себя в этой ситуации тот тренер, у которого на все случаи жизни был уготовлен для борцов один совет: «Давай, иди вперед, не бойся!»

Ведь, по существу, к этому же сводилось и приказание, которое мысленно передавал своему ученику и Андреев. Но как разнились эти приказы!

Не случайно говорят, что слово «храбритесь» можно передать с помощью десяти разных интонаций. Андреев нашел единственно точную. Эта остроумная выдумка о телепередаче в Тбилиси, которая легла бы новым дополнительным грузом на плечи борца с иным душевным складом, была пригодна только для Анзора, только для него, и больше ни для кого другого. Но, повторю, тренер хорошо знал спортсмена.

Много раз приходилось видеть на татами Анзора — и в Тбилиси, и в Москве, и в Берлине, и в Токио. Но такого — решительного, собранного и злого в лучшем, спортивном смысле слова — первый раз.

Постараюсь бесхитростно расшифровать невообразимые каракули, которыми описал быстротечную схватку в блокноте:

«Анзор всего себя вложил в прием. Оторвал Рюску от татами. Вцепился в отвороты кимоно так, что показалось, будто хрустнули пальцы. Повалил голландца на спину. Прижал к татами, навалившись на него всем телом. На лице Геезинка недоумение, огорчение, испуг. Все оставшиеся до конца поединка секунды он будет кричать лишь одно: «Вставай, уходи!» Одинокий голос в притихшем зале. На татами — большая колючая рыба, судорожно бьющаяся на берегу и жадно ловящая ртом воздух, и рыбак, который пробует ее усмирить. Прием на языке дзюдоистов называется «удержание». Уже давно начали отсчет тридцати магическим секундам судьи. Только они и даны голландцу на то, чтобы вывернуться или, на худой конец, уползти с ковра и как можно дальше за его пределы... Но Анзор проводит классический прием дзюдо, ускоряющий конец схватки. Первым начинает аплодировать этому приему сам Рюска — он бьет огромной пятерной по татами в знак сдачи. И только потом уже начинает сперва через силу, а потом от души аплодировать зал. К Анзору подбежали наши борцы. Подхватили, подкинули в воздух. Откуда-то сверху спросил он Андреева:

— Меня видели в Тбилиси?

— Произошла неприятность, — ответил Андреев. — В районе Бердичева прервалась телевизионная связь.

* * *

Любопытное воспоминание о Сергее Петровиче Боткине:

«Пациенты ценили С. П. Боткина не за его вклад в науку, а за то, что он лечил их. Чем? Если вспомнить набор терапевтических средств, бывших в распоряжении С. П. Боткина, то невольно поражаешься скудности фармакологических средств, — писал действительный член Академии медицинских наук СССР Б. Е. Вотчал. — Молодым врачом, повторяя рецепты, рекомендованные С. П. Боткиным, я не раз бывал огорчен и обескуражен полным отсутствием

эффекта... Для эффекта лечения нередко имеет значение не только что назначено, но и как назначено».

Иными словами, что при этом было сказано. Какой интонацией. И каким сопровождалось взглядом.

ГЛАВА 2

Старая телевизионная лента. Весло с поломанной лопастью. Воспоминание о московских снежинках в знойном Мельбурне. Слово о стойкости. Рискованная поездка из Багио в Манилу. Через три года в Мерано

Как бы ни был одарен, как бы хорошо ни был подготовлен атлет, если нет в его душе неистовой жажды победы, не на что ему надеяться по нынешним временам. Любое мало-мальски примечательное международное соревнование привлекает к себе внимание и телевидения, и радио, и прессы и делает лауреата известным если и не всему миру, то его стране уж наверняка, готовятся к таким состязаниями с одинаковым усердием и именитые и безвестные, никто не хочет проигрывать, к финишу идут «в одну линию» не только спринтеры, но и стайеры, случается, одна сотая доля секунды отделяет чемпиона от второго призера.

А если это чемпионат Европы? Или чемпионат мира? Или Олимпиады? На состязаниях такого ранга мы все чаще встречаемся с той самой сотой долькой секунды. Чего в ней больше всего? Мастерства? Тактического расчета? Нет! Быть может, не совсем точно будет сказано по законам грамматическим, но зато очень точно по законам спортивным: больше всего в ней от стойкости. От способности сыграть, прыгнуть или проплыть не только «в свою силу» — выше своих сил!

Не позволить неблагоприятно складывающимся обстоятельствам смутить душу, подточить веру в победу, не растеряться, не оробеть! Впереди финишная черта. Ты должен дойти до нее! На данном этапе твоей жизни у тебя нет цели святее! Дойти, даже если перестали тебя слушать ноги.

Весной восемьдесят второго года в телевизионной передаче для молодежи показали одну старую документальную ленту. И хотя я видел ее не раз, захватила так, как способно захватить лишь подлинное произведение искусства. Показали бег Хуберта Пярнакиви в Филадельфии на давнем матче года США — СССР. До финиша десятикилометрового бега оставались считанные шаги, когда атлета поразил тепловой удар и когда ноги отказались нести его вперед. Было видно — отключилось сознание. Но сердце работало! Оно и заставило спортсмена продолжить бег, как в страшном сне, зигзагами, на полусогнутых ногах... вперед, к финишу, другого не дано, все другое исключено!

То был пример великой спортивной запрограммированности.

Смотришь те кадры и ловишь себя на мысли — почему у нас так много хороших документальных картин о спорте и так мало картин игровых? Не потому ли, что в художественных фильмах мы встречаемся с более или менее талантливой имитацией спортивных

страстей, а не с самими страстями, придающими такую неповторимую ценность лентам, подобным той, филадельфийской.

Думаю, не преувеличу, если напишу, что бег Пярнакиви был примером высшей спортивной стойкости, подаренным нам пятидесятыми годами.

Не сделать ли попытку найти такой же пример в годах иных?

На берегах Белградского гребного канала несколько тысяч зрителей ждут одно из самых красивых зрелищ — гонку байдарок на десять километров. Прозвучал сигнал, вместе с лодками — по суше — тронулись в путь машины телевизионных операторов. Мощные телеобъективы позволяют наблюдать не только за ходом борьбы, за лицами гребцов, одушевленных азартом. И вдруг одно из лиц искажается гримасой, похоже, что губы шепчут проклятья.

За секунду до того лодку потряс легкий толчок.

— Отломился кусок лопасти, — словно через силу произнес один и чуть выше, чем обычно, приподнял после гребка весло, чтобы напарник взглянул на него и решил, что делать дальше.

Тот зло посмотрел на соседнюю байдарку, чуть сбившуюся с курса и задевшую носом весло.

Им нужно было несколько секунд на то, чтобы приказать себе: «идем дальше» или на то, чтобы внять голосу разума: «сходим, делать нечего, шансов нет». Тем временем лодка — виновница происшествия — ушла на метр-полтора вперед.

Они потеряли несколько секунд, несколько метров, два товарища Вячеслав Кононов из Владивостока и Константин Костенко из Барнаула. Сколько тысяч километров прошли они по озерам и каналам страны, чтобы оказаться в конце концов в одной лодке! Сколько отборочных состязаний, одно напряженнее другого, завершили с честью! С тем, чтобы сейчас так бесславно сказать себе: «суши весла, сворачивай к берегу»?

Происшествие из тех, которые трудно, просто невозможно предусмотреть.

На одном весле повреждена лопасть. Надо верить в чудо, чтобы продолжать борьбу. Да здравствует такая вера, такая непреклонность, такое дикое желание преодолеть неудачу!

Они приняли единственно допустимое решение: они сделают все, что обязан сделать мужчина, спортсмен, боец, которому подставила подножку фортуна. Взять ее крепко-накрепко за косы, заставить посмотреть на себя. И улыбнуться.

На воде, где самые что ни на есть малые скорости, догонять ушедшего вперед непросто. В руках двух гребцов четыре двигателя. А у этих же один двигатель работает далеко не на полную мощность.

Зато на полную мощность работают мускулы. И сердца, посылающие им свои приказы.

Уже давно перешагнули они ту самую невидимую и такую многозначительную грань, за которой начинается «второе дыхание». Эти два слова хорошо известны людям, имеющим дело с высокими физическими нагрузками. То трудные, очень трудные секунды, только преодолев, пережив их, человек начинает ощущать окрыляющую

радость благословенного «второго дыхания». Оно как награда за стойкость, выдержку, веру в себя, в свой счастливый час.

Двое в лодке не произносят ни слова (каждое слово сейчас стоит неимоверных трудов), но прекрасно понимают друг друга. Вот оставлена позади одна лодка, вторая, третья.

А впереди туман. Нет, нет, канал чист, туман перед глазами Кононова, перед глазами Костенко. Как и у Пярнакиви, у них выключены все чувства кроме одного — собственного достоинства. На нем и идут. Они и не подозревали раньше, какой это великий двигатель!

Ни один из них не помнит, как они дошли до финишного створа, ни один из них не видел, как им машут, и не слышал, что им кричат: опередив на самых последних метрах главных своих конкурентов, Костенко и Кононов стали чемпионами мира.

Им помогли выбраться из лодки. Их бережно подняли под локти, помогли устроиться на ближайшей скамейке. И люди, стоявшие рядом, старались разговаривать тихо.

И кто-то произнес удивленно и едва слышно.

— Вы посмотрите... посмотрите на это весло.

Видно, в каждом из этих двух гребцов жил невиданно чудесный резерв, о котором ни один, ни другой не догадывался. Природа заботливо хранила его, а накапливали, исподволь неторопливо, но верно сами гребцы — теми годами, что были отданы спорту. Когда же пришел час...

Тренеры считали, что ни техникой, ни выносливостью никто в стране не мог сравниться с Кононовым и Костенко. А оказалось, что со стойкостью их не может сравниться никто в мире.

И гонка на Белградском канале, состоявшаяся в начале семидесятых годов, подтвердила это.

Что можно было бы вспомнить еще?

Подвиг Иоганнеса Коткаса, выигравшего в сорок седьмом году звание чемпиона Европы, несмотря на то что в финале боролся с поломанным ребром? Помню дискуссию, которая развернулась на страницах спортивной печати — а стоило ли замечательному борцу рисковать своим здоровьем, разве не важнее оно медали, пусть даже золотой? Имел ли право борец скрыть от врача свое недомогание? Разве были неправы те, кто задавал эти вопросы? Но неповторимость спорта, его многообразие выражаются, между прочим, и в том, что правота иногда лежит «сразу на двух сторонах». Можно ли порицать отважного борца, хорошо понимавшего, что значило добыть для страны главную награду в одном из первых международных соревнований?

А разве забудется изумительный бег Владимира Куца на Олимпиаде 1956 года в Мельбурне? Англичанин Гордон Пири шел по пятам за нашим стайером первый круг, десятый, четырнадцатый. Москвич демонстративно перешел с первой дорожки на вторую, как бы предлагая Пири выйти вперед и повести бег. Этот закон обязателен для велосипедистов, ушедших в отрыв: поочередно лидируя и рассекая воздух, они ведут друг друга вперед. Пири не среагировал. Мало того, когда Куц перешел со второй дорожки на третью, англичанин последовал за ним как тень. Замысел был ясен: до по-

следних метров продержаться за спиной Куца, а затем «выстрелить» из-за его спины. Сто тысяч зрителей на стадионе Святого Георга, кажется, не сомневались, чем кончится это противоборство: русский не выдержит, сникнет, даст опередить себя.

Много лет спустя, вспоминая о том поединке, Владимир Куц писал:

«На трибуне уже никто не сомневался, что спор межу нами окончен, что я вот-вот сойду с дорожки».

А дальше автор «Повести о беге» рассказывает об одном удивительном переживании, которое придало ему силы: «Слепящее солнце резало глаза, пропеченная зноем дорожка мягко пружинила под ногами, и вдруг непроизвольно мысль перекинулась за тысячи километров от стадиона. Вспомнилась утренняя сводка погоды: «днем в Москве 10—12 градусов ниже нуля, осадки в виде снега». Я стряхнул со лба пот, и в каплях, упавших на грудь, мне почудились растаявшие снежинки. Снежинки мельтешили и, становясь все крупнее, плыли вместе со мной. Мне захотелось, как в раннем детстве, схватить их кончиком языка... Я так реально ощутил себя в заснеженной Москве...»

Он вспомнил о Москве. То воспоминание придало ему силы. Всем хорошо известно, чем кончился тот бег.

И есть еще пример истинной спортивной стойкости: Анатолий Карпов.

* * *

Открыв все (или почти все), что было дано открыть к предпоследнему десятилетию XX века в человеке, как в «инженерной конструкции» и получив более или менее точное представление об его физических резервах, ученые начинают понимать, как не исследованы пока резервы психические, и пытаются проникнуть в их тайники.

Спорт с присущим ему духом состязательности, требующий от атлета «полной отдачи»; быстро меняющиеся ситуации, предполагающие мгновенное реагирование; до предела обострившаяся борьба, в которой торжествует не только сильный натренированный мускул, но и сильный натренированный дух, все это привлекает в наши дни пристальное внимание анатомов и психологов, антропологов и социологов, представителей различных наук, пробующих понять и описать «загадочное существо» — человека.

Все чаще можно услышать: современный спорт — борьба равных.

Как же важно найти в такой борьбе свою тропинку к душевным тайникам, поставить на службу победе то, о чем не догадывается противник!

...Все было безоблачно в Багио, Анатолий Карпов вел 4 : 1, казалось, матч 1978 года на звание чемпиона мира по инерции катится к логическому концу. Но затем произошли трудно объяснимые перемены: Корчной выиграл несколько партий подряд.

Отложив 28-ю партию, которую он играл белыми, в плохом положении, Карпов вместе со своими товарищами, тренерами и секун-

дантами анализировал ее до утра. Утром всполошился руководитель делегации. Куда годится: не поел, не отдохнул и сидит пятый уже час за безрадостной позицией, из которой, кажется, ничего не «выжать». Ничего хорошего такое сидение не принесет. Главное — как следует выспаться.

Советуются руководитель делегации и терапевт-профессор, уговаривают Карпова выпить первый раз в жизни двойную дозу снотворного. Он соглашается, не отрывая взгляда от партии. И продолжает переставлить фигуры, как бы спрашивая себя — а если так, а если так? Друзья бесшумно выходят из номера. Еще минут через тридцать в нем гаснет свет. Руководитель делегации говорит себе: ну, все в порядке, теперь можно немного поспать. И все-таки червь сомнения гложет его. Виктор Батуринский совершает для очистки совести последний обход и видит, что снова горит свет в номере Карпова. Стучится к нему. И застает Карпова склонившимся над шахматной доской.

Столь велико бывает нервное перенапряжение спортсмена, что и двойная доза снотворного не может снять его.

Но, может быть, существуют иные, не фармакологические способы снятия напряжения? Настройки на бескомпромиссную борьбу и победу? Они существуют. Это несомненно. И обращаться к ним полезно, полезно помнить каждый удачно найденный ход, обогащать ими опыт.

Кто ответит на вопрос, что испытывал Карпов в ту минуту, когда подписывался под словом «сдаюсь» в той самой партии, после которой счет стал 5:5? Каким ему виделся мир? Какие виделись сны?

Соблазнительно написать теперь, когда давно известен результат всего матча, что он не дал восторжествовать отрицательным эмоциям, что ни на минуту не сомневался в победе и был «по-прежнему бодр». Только такое суждение было бы столь же далеко от истины, как Багио от Москвы. Предосудительно было бы написать и о том, что все члены команды Карпова сохраняли «благородную выдержку духа», были по-прежнему взаимно вежливы и предупредительны.

Если бы царили такие тишь и благодать перед решающей партией, надо было бы бить в колокола и вопрошать: кого послали в Багио — людей или манекенов (теперь пишут «роботов»)? Четырнадцать человек, привыкших к тому, что дела складываются как нельзя лучше (помню их счастливые лица, когда счет стал 4 : 1), верившие в близкую победу и старавшиеся представить, как будет встречена эта победа на Родине, теперь должны были начать рассуждать о том, как могут встретить дома известие о поражении.

Все члены команды Карпова, и он сам прежде всего, понимали, что значит проиграть решающую партию.

...В двенадцатом часу ночи у меня дома раздался звонок. Старый друг, генеральный консул в Калькутте Абдурахман Везиров, приехавший в отпуск, произнес:

— Я присутствовал сегодня при телефонном разговоре с Карповым. Понимаешь, какая вещь... Он сказал, что очень устал... и,

кажется, разучился считать. Наверное, все решится в первой же партии. У него, конечно, никто не требовал гарантий. Говорил, что очень устал. И отец его опасно болен. Жаль отца. Кто мог подумать, что счет станет 5 : 5? Не хочется даже думать, что будет, если проиграет.

— Не хочется!

А в стане претендента ликование. Все убеждены, что Карпов сломлен, что на него не могли не подействовать результаты тех партий заключительного отрезка матча, которые он должен был выиграть и не выиграл, и те партии, в которых он мог бы достичь ничьих и не достиг.

Он вел в матче с разницей в три очка. И вот нет этой разницы. Нет даже самого крохотного зазора и того старого правила, по которому чемпиону достаточно было сохранить до конца равный счет в матче, чтобы еще один срок владеть короной.

Говорят, Карпов обладает не по годам мудрой способностью переносить поражения. Но так говорили раньше. Это ведь не безгрешная счетная машина, а человек. На него не могут не повлиять поражения в партиях, за которыми с таким напряженным вниманием следила его страна. Ответственность согнула, не выдержал, сник. Так считают в лагере Корчного.

В одном из интервью представитель команды Корчного говорит:

— Мы верили, что рано или поздно это произойдет, и рады, что наконец произошло, хотя не так быстро, как мы предполагали.

Они, оказывается, верили, что так и будет, спокойно приближали этот час. Ложь! Но сегодня они могут говорить, что хотят, и им будут верить: теперь их слова приобретают особый смысл. Они совершили невозможное. Втайне рассчитывают, что их слова дойдут до чемпиона и в заключительной партии заставят думать о претенденте по-новому, считать его гораздо сильнее, чем он есть. Уже одно это способно свести к нулю преимущество, которое имеет к 32-й партии Карпов, преимущество белого цвета. Все члены команды Карпова, и он сам лучше других, хорошо понимали, что значит проиграть 32-ю партию 17 октября. Мог ли не догадываться Анатолий, что испытывал в те дни его отец, Евгений Степанович Карпов, прикованный тяжелым недугом к больничной койке? Инженер и учитель, первый открывший сыну таинство шахмат, учивший его делать первые ходы на такой маленькой и такой безграничной, как мир, шахматной доске. Мог ли не думать Анатолий, как отзывались в отцовском сердце неудачи последних дней, в сердце, которому было дано отсчитать так немного ударов?

В лагере Корчного заказывали шампанское на 17-е. А Карпов, возможно, забыв, что его могут подслушать и передать содержание телефонного разговора Корчному и тем самым поднять на много градусов его настроение, отвечал на тревожный звонок из Москвы: «Толя, родной, что с тобой?» — «Устал. Не могу считать».

Человек, который говорил с Карповым, очень хотел сказать: «Толя, мы так тебя просим, так всем нам нужна победа, так будет плохо без нее». Но догадывался, в каком состоянии пребывает Карпов, и не знал, как воспримет он эту рекомендацию, не ляжет ли

она дополнительным грузом на его плечи? Лица людей, напряженно вглядывавшихся в разговаривавшего с Карповым, мрачнели. Старались подавить вздохи. Думали о тех, кто окружал Карпова в Багио, кто давал сверхоптимистические прогнозы перед началом матча, и эти запоздалые грустные размышления были хорошо понятной реакцией на печальные обстоятельства.

А между тем в Багио не прерывалась напряженная работа. Возникла проблема, как лучше провести чемпиону дни до 32-й партии? Как снять напряжение? Как настроить на победу? Что для этого сделать? Есть ли рецепты? Если и есть, то они пригодны не на все случаи жизни и уж, конечно, не на то, что происходит в Багио, далеком от Москвы уголке земли.

— Мы могли взять еще один технический тайм-аут, давая возможность Анатолию восстановить форму, — рассказывал руководитель делегации. — Этот вопрос рассматривали серьезно. Но была ли гарантия, что за эти дни Анатолий не перегорит еще больше, находясь под грузом неприятных эмоций. Посоветовались. «Буду играть», — сказал Анатолий. Все мы прекрасно знаем его бойцовский характер. И все же было необходимо найти такое средство, которое бы дало Карпову сильный эмоциональный заряд, наложило бы новые впечатления, придало бы новую силу.

Ситуация была не из легких. Очевидно, можно найти не столь рискованное определение того, что испытал после 31-й партии и сам чемпион, и его товарищи, но, сдается, точнее слова «горе» вряд ли существует в языке. В стольких миллионах сопереживателей пробудил надежды, пробудил, чтобы развеять. Нетрудно догадаться, как будут встречать в Москве. Придут самые верные друзья. Без цветов и улыбок. А если и будут улыбки, то сконфуженные, отягощающие. Можно заранее догадаться, что услышит на аэродроме: «Ничего, Толя, шахматы на этом не кончились. Все еще впереди. Надо будет немного отдохнуть и готовиться к реваншу».

Начнется отсчет не долгих часов до 32-й партии, а долгих месяцев подготовки к реваншу.

Надо было сделать все для того, чтобы «найти настроение». Известно, какой это первостатейный помощник во всяком трудном деле. А в спортивном — особенно.

Теперь, когда время дало более точный взгляд на Багио, когда появилась возможность судить о нем, «все чувства разумом измерив», рассказ руководителя делегации В. Д. Батуринского приобретает особый интерес.

— Как реагировал Карпов на счет 5 : 5? Конечно, переживал, но, я бы сказал, переживал внутренне. И старался держаться молодцом. Хотя ясно, как тяжел психологический груз таких неудач.

Что касается нашей делегации, шахматных тренеров, врачей и других специалистов, которые помогали Карпову, конечно, было бы грешно сказать, что мы не волновались, не переживали. Но как раз этот наиболее трудный момент показал, насколько удачен сплав делегации: все буквально, буквально все продолжали верить, что Карпов победит, старались вселить уверенность и в него. Кол-

½ 4—303

лектив продолжал работать дружно и целеустремленно. И здесь я должен сказать о том положительном влиянии, которое сыграл вторичный приезд как раз в этот период в Багио руководителя нашей шахматной федерации Виталия Ивановича Севастьянова. Своим оптимизмом он очень помог Карпову. И это естественно. Человек, который дважды побывал в космосе и в свое время совершил самый длительный орбитальный полет, человек, который много раз оказывался в сложных ситуациях, он, может быть, лучше других понимал обстановку и то, что надо делать. Присутствие Севастьянова в этот момент было особенно важным. Человек с удивительным спокойствием и тактом, кто бы мог лучше, точнее, мудрее помочь Карпову собрать все, что в нем было, и бросить в бой? Виталию Ивановичу и пришла в голову мысль предложить Карпову совершить путешествие в Манилу, на решающий поединок советских и югославских баскетболистов. Теперь мы можем сказать, что это было дальновидное и очень полезное предложение. А тогда...

Есть понятие «ограниченная ответственность». Оно довольно часто встречается в названиях западных компаний. Скажем, создается компания по страхованию домашнего имущества. Выпускаются акции. Эксперты сулят определенный процент доходов держателям акций. Но мир неустойчив, сплетен из противоречий. Доходы могут обернуться сплошными потерями. И компания загодя объявляет себя учреждением, имеющим ограниченную ответственность. Хотя и не ласкает глаз слово «лимитэд», его на всякий случай прибавляют к названию компании.

В наших условиях понятие «ограниченная ответственность» чаще всего витает под кровлей службы быта, которая получает деньги вперед за невыполненную работу, предоставляя заказчикам полное право... оспаривать качество этой работы и заносить свои наблюдения в книгу жалоб.

Понятие «ответственность» без всяких прилагательных само по себе достаточно емкое. Когда же ее каждый день слишком много, это хоть и мобилизует внутренние охранительные силы организма, в конце концов дает о себе знать. При всем том, в наши дни мужчина без ответственности — все равно что швертбот без шверта — тяжелого киля. Не просто нести его, а иначе нельзя — перевернет. Бывает, что и с килем переворачивает. Это значит не в свой швертбот (а говоря словами пословицы, «не в свои сани») не садись, поищи занятие, которое бы больше отвечало твоим возможностям.

А еще существует на свете ответственность высшего свойства. Сродни той, которую испытывает полководец накануне сражения. Как расставил силы, куда направил главный удар, насколько сберег в тайне предстоящую операцию, насколько предусмотрел любую мелочь, на каких генералов положился?.. Не имеет, нет, не имеет предельной черты перечень проблем, которые владеют всем существом полководца в ночь перед решающим сражением.

Можно долго искать, с чем сравнить ответственность, которую испытывало руководство советской делегации в Багио, точнее — не найти.

Выступая на одной из встреч в Москве, Анатолий Карпов скажет:

— Руководители делегации дали согласие на поездку в Манилу.

В состав руководства на заключительной стадии матча входили заместитель председателя Спорткомитета СССР В. А. Ивонин, В. И. Севастьянов и В. Д. Батуринский. Постараемся расшифровать, что стоит за словами «дали согласие».

Мало ли вы знаете людей, которые обладают непостижимым, отточенным искусством отводить от себя ответственность? В обычной, нормальной, идущей своим ходом жизни это деловые, собранные, достаточно энергичные люди. Во всяком случае, так кажется. Но вот наступает событие, когда этот директор, начальник или редактор должен принять решение на грани ответственности. Он не знает пока со всей определенностью, к чему приведет его «да», сказанное вслух или написанное на уголке документа. Но хорошо знает одно — с ним может быть связано куда больше неприятностей, чем со спасительным и пригодным на многие случаи жизни «нет». Не обязательно произносить его или выписывать. У этого «нет» есть множество, правда не столь лаконичных, заменителей: «надо будет посоветоваться», «не будем спешить, дело не горит», «я, к сожалению, сегодня занят» — целая система отговорок у такого опасливого руководителя.

Была у руководителей советской делегации возможность сказать: не стоит ехать в Манилу? Еще какая!

Что было бы, если бы после этого вояжа Карпов проиграл, сколько людей на разных уровнях спросили бы:

— Зачем понадобилось Карпову перед последней партией делать эти пятьсот километров?

Предложение о поездке было поставлено в виде вопроса. За одним вопросом было, по меньшей мере, дюжина вопросов поменьше.

Известно, сколь популярен на Филиппинах Анатолий Карпов. Из множества примеров можно вспомнить один: перед открытием матча в военной академии был дан парад в его честь. Такие парады устраиваются крайне редко, лишь самым почетным гостям. Его знают в лицо. На матче баскетболистов СССР и Югославии будет несколько тысяч зрителей. Диктор, без сомнения, объявит, что среди них находится чемпион мира Карпов.

Сколько людей не откажут себе в удовольствии произнести или подумать — «пока чемпион... завтра или послезавтра перестанет им быть». Филиппинцы азартные люди. Ставки на подпольных пари, когда-то доходившие до пяти к одному в пользу Карпова, теперь принимаются как три к двум в пользу Корчного. Об этом, естественно, Карпову не скажет никто. Но разве он не сумеет по выражению лиц, не такому, к какому привык, почувствовать изменение отношения к себе? Проигравшего не жалуют нигде, в том числе и в этой географической точке.

Стоит ли ехать Карпову в столицу, чтобы испытать определенный комплекс ощущений при встрече со зрителями?

Далее. В Маниле совсем иной, чем в Багио, климат — там жаркий душный и влажный воздух. К нему привыкать и привыкать, пока не почувствуешь себя в своей тарелке. Кому-то для акклиматизации достаточно недели, а кому-то не хватает и двух. Карпов совершит длинный путь, окунется в непривычный климат — как это подействует на него? Придаст ли новые силы или отнимет последние? Ведь когда он вернется в Багио, ему понадобится хоть и небольшой, но все-таки срок на новую миниреакклиматизацию. Можно ли уезжать Карпову в Манилу перед партией, которую все считают решающей?

И еще одно немаловажное обстоятельство не могло не тревожить советскую делегацию. До Манилы 250 километров по горной и небезопасной после пронесшихся тайфунов и землетрясений дороге. Путь сам по себе неблизкий — полтысячи километров в оба конца. Карпов устанет. Сомнений в этом нет. Сможет ли он обрести свою физическую форму за те двое суток, которые останутся до 32-й партии?

Но есть закон, великий закон... чтобы лучше отдохнула правая, натрудившаяся рука, надо дать нагрузку левой. Быть может, устав физически, Карпов лучше отдохнет душой?

Риск велик? Без сомнения. Принять решение легко? Ой как трудно. Но есть же прекрасные стихи у французского поэта-юмориста:

> Задает банкеты гений
> В отеле «Принятых решений».
> Посредственность посуду моет
> В харчевне «Может быть, не стоит».

Карпов и Севастьянов уехали в Манилу.

Был на редкость напряженный матч баскетболистов СССР и Югославии за звание чемпионов мира. Там тоже все решало одно очко. Это очко выиграли югославы. Карпов отчаянно болел за соотечественников. За эти два часа пребывания в наэлектризованном зале он выплеснул (так скажут позже психологи) вместе с прочими целый ковш отрицательных эмоций, которые копились в его груди.

Очевидцы утверждают, что вернулся он в Багио заметно посвежевшим. Он шел играть последнюю партию как шахматист, уверенный в себе и заставивший поверить в эту уверенность других.

Анатолий Карпов:

— Путешествие в Манилу, хоть и проходило под дождем, взбодрило меня. Я здорово переживал за наших ребят, которые играли решающую встречу за звание чемпиона мира с командой Югославии и проиграли одно очко. Я понимал, что обязан это очко завоевать. Собрал все силы на 32-ю партию, если говорить точнее, собрал последние силы.

Все мы понимали, что будет в этот день решающий бой. Корчной был убежден, что я нахожусь в состоянии, близком к депрессии. Играя черными, он стремился перехватывать инициативу. Однако я был предельно собран. Понимал, сколько миллионов людей смотрят на доску моими глазами, и понимал, что могу доставить

им очень много горя, а могу доставить и очень большую радость. Старался играть, уходя от риска. И был счастлив в ту минуту, когда Корчной потребовал бланк для откладывания партии. Я понял, что игра сделана, что матч окончен. Корчной откладывал партию, чтобы лично не поздравить меня.

К Карпову подходят, а на его лице полная отрешенность — он еще весь там, в партии. Она не отпускает его. Ему бы улыбнуться, сбросить в плеч груз забот и тревог, которые он нес честно и мужественно три последних месяца. Похудело, обострилось и без того тонкое лицо. Возмужал. Взгляд, пусть чуть-чуть, но стал другим, взглядом человека, много испытавшего и пережившего.

О том, что говорил после партии Анатолий Карпов, я уже слышал однажды, за 18 лет до того, от Юрия Власова, в час его олимпийского торжества:

— Что испытывал полчаса, пятнадцать минут назад, что испытываю сейчас? Испытывал дикое, не знаю, как о нем сказать, желание победить. Только оно и существовало. А больше ничего. Но только сейчас я понял, как устал. Кажется мне, что эта усталость пропитала всю мою плоть. И я никогда от нее не избавлюсь. — Власов подумал немного и добавил: — Счастливая усталость.

Постоянная спутница триумфатора.

И несчастливая усталость — постоянная спутница неудачников.

Три года спустя в небольшом итальянском городе Мерано, Карпов отстаивал звание чемпиона мира, Корчной пытался его отобрать.

Путь в Мерано лежал через Рим.

* * *

Автобус был неожиданно остановлен на мосту, перекинутом через железнодорожные пути. На лицах полицейских, блокировавших движение, читалась плохо скрываемая тревога. Были слышны режущие слух звуки сирен. Внизу, метрах в трехстах, виднелся автомобиль, окруженный полицейскими. «Обычная итальянская картинка», — невозмутимо произнес шофер и, подавая нам пример терпеливости, уткнулся в газету.

Во второй половине дня, едва разместившись в отеле, узнали из экстренного выпуска теленовостей: за час до нашего прилета в Рим неофашисты обстреляли машину капитана-детектива Чириако де Рома. Капитан и еще один полицейский были убиты. Показали безутешные лица их родных. Передали мини-интервью с неким высокопоставленным чином, заявившим: «Нам известны убийцы... предпринимаются решительные меры». На следующий день газета «Корриере ди информационе» действительно поместила портреты двух убийц и... выразила сомнение в том, что они будут когда-нибудь разысканы и отданы под суд: «Полицейские меры не приносят эффекта. У полиции нет стимулов. Ее зарплата растет медленно и отстает от дикого роста цен. Имея такую зарплату, полиция не может или не хочет по-настоящему бороться с террористами».

Едва начался матч на звание чемпиона мира по шахматам в

Мерано, его организаторы получили анонимный ультиматум, смысл которого сводился к следующему: кончайте свои игры... если к пятой партии вы не выполните нашего требования, мы взорвем «Сальваро» (так называется Дом конгрессов, в котором проходил матч).

И Дом конгрессов и отели, в которых жили участники состязания, охранялись усиленными нарядами. Они были оснащены новейшими видами полицейской техники — электронной, стрелковой, автодорожной и прочая и прочая. И все же невольно вспоминались строки: «Полиция не может или не хочет бороться с террористами».

Надо было иметь крепкие нервы, чтобы играть в шахматы в таких условиях. По истечении срока ультиматума Анатолий Карпов вел со счетом 3:0. Проникаешься особым уважением не только к чемпиону и к людям, окружавшим его. Но и к тем тирольцам, которые делали все, чтобы крупнейшее шахматное состязание проходило на их земле в спокойной доброжелательной обстановке, чтобы оно принесло славу, а не позор их мирному Мерано. Что ни говори, не было города, название которого столь часто появлялось бы в эти месяцы на страницах газет и журналов всего мира.

Симпатии тирольцев к Советскому Союзу имеют свои истоки.

В. И. Севастьянов, космонавт и президент шахматной федерации СССР, рассказывал:

— На приеме у бургомистра интересную историю услышал. Оказывается, Муссолини, придя к власти, выселил из области Альто Адидже несколько десятков тысяч «инакоязычных», на протяжении веков сроднившихся с этой землей и сделавших ее одной из самых богатых в Европе. И только разгром фашизма — и германского и итальянского, в который внес решающий вклад Советский Союз, позволил им вернуться в родные края.

...Гуляем с Виталием Ивановичем по притихшим улицам городка и приходим в отель, где живет советская делегация, далеко за полночь. В фойе космонавта ждут человек тридцать степенных улыбчивых тирольцев. Им лестно, что советский космонавт свободно говорит по-немецки, они хотят засвидетельствовать свое уважение молодому и симпатичному советскому шахматному чемпиону Анатолию Карпову и пожелать ему победы в матче. Пусть имя их города войдет не только в название шахматного дебюта — «меранская система», но и в историю шахмат. Они были рады познакомиться и с самим Карповым и с его секундантами господином Балашовым и господином Зайцевым и с руководителем делегации господином Батуринским, хорошо, что с чемпионом все те, кто помогал ему в Багио, а то писали...

Что писали, об этом я вспомню чуть ниже.

— Среди нас многие играют в шахматы, — говорит пожилой тиролец в галифе и башмаках на толстенной подошве. — Приятно видеть, как смело и активно проводит встречи ваш Анатолий. После первых побед писали, что ему помогают парапсихологи. Извините, пожалуйста, это правда?

— На одной пресс-конференции Карпов действительно сказал, что ему продолжает помогать психиатр Зухарь.

— Каким образом? — оживился собеседник.

— Карпов сказал, что он передает ему по телефону свои «атомные лучи».

— Извините, пожалуйста, — сконфуженно улыбается тиролец.

В Мерано часто вспоминают о Багио. В одной из предматчевых публикаций В. Корчной заявил, что, после того как он довел на Филиппинах счет до 5 : 5, Карпов-де расформировал свою группу тренеров и секундантов. Эта чушь пошла гулять по миру, видимо, дошла она и до тирольцев, и те немало удивились, увидев в полном составе филиппинскую команду чемпиона. Так была опровергнута одна очевидная ложь. Что же касается второй...

Газета «Альто Адидже», в общем, довольно объективно освещавшая ход матча, опубликовала статью под интригующим заголовком: «Демон (возможно сверхъестественный) блокирует ярость Виктора». В ней были такие строки: «Что осталось от «старого льва» Корчного?» Стершиеся когти, дьявольский колорит? Чемпион на пути к своему закату».

Далее газета привела высказывание одного из дружков Корчного: «Русские пошли на уступки, не требуя ничего взамен... Есть что-то сверхъестественное в том, что Виктор уже не тот. И это не отнимая ничего у Карпова, который остается величайшим чемпионом. Наверняка Батуринский и его товарищи изобрели что-то сверхъестественное в психологическом плане. У меня нет доказательств, но я чувствую это эмоционально.

— Что вы чувствуете? — спрашиваем его.

— Не знаю, но что-то есть, и надо открыть это до того, как матч закончится. Тем самым мы продемонстрируем, что Виктор в состоянии возродиться».

Чтобы представитель лагеря Корчного позволил себе назвать Карпова величайшим чемпионом — это что то новое. Раньше претендент безжалостно изгонял из своего окружения тех, кто позволял себе сказать хоть одно хорошее слово о Карпове. Примечательно, что и газеты, выказывавшие поначалу симпатии Корчному, «пострадавшему через Советскую власть» и тем объяснявшему свои проигрыши, начали понимать истинное соотношение сил за шахматной доской и честнее писать о самом матче, о том, что предшествовало и что сопутствует ему.

При всем том фраза: «Есть что-то сверхъестественное в их шахматах» — продолжала кочевать по страницам всевозможных газет, издающихся и в самой Италии и далеко за ее пределами. За океаном, например. И не надо этому удивляться. Есть много непонятного, загадочного для западного мира в том, почему именно из Советского Союза появляются один за другим на мировой арене талантливые шахматисты, почему так здорово играют они в международных турнирах высшего ранга.

Об этом феномене, поддающемся воображению куда лучше, чем туманные рассуждения об «атомных взглядах», разговор впереди.

После того как чемпион мира выиграл девятую партию, на его

имя пришла телеграмма из Магадана с необычным адресом: «Италия, Багио, Анатолию Карпову». Описка символична: в сознании многих людей матч в Мерано — как бы продолжение поединка, проходившего в курортном филиппинском городке. Три года прошло, а как удивительно повторилась ситуация. Группа советских шахматных организаторов и журналистов приехала, как и тогда, «на счет 3 : 1». Как и тогда, была суббота. Карпов снова играл черными и дал партию, которая запомнится не меньше, чем 17-я партия в Багио.

Сперва Корчному надо было защитить пешку в центре. Он ее уберег. Потом пришлось защищать беспомощную ладью на ферзевом фланге. С этой задачей белые справились через силу, оголив королевский фланг. И тогда события перекинулись на правую сторону доски. Тонким маневром тяжелых фигур Карпов поставил противника в безвыходное положение. Когда он пошел ферзем на поле e8, нервически заплясало веко претендента, потом задергалась щека. Наступил цейтнот. Корчной то и дело смотрел на часы.

Телевизоры, установленные в зале и пресс-центре, показали крупным планом лицо претендента. Даже начинающему шахматисту было ясно: теряется ферзь, надо сдаваться. А человек, претендующий на звание первого шахматиста мира, продолжал сидеть и думать. Так он сидел несколько минут, потом порывисто расписался на бланке и на ватных ногах удалился из зала. Раздались аплодисменты. Карпов дал одну из лучших партий матча, которая будет служить новым шахматным поколениям примером истинной стратегии.

Много миллионов людей в мире, понимающих толк в шахматном искусстве, переживали сладкие минуты, знакомясь с девятой партией, стараясь постичь глубину замыслов чемпиона и красоту ее архитектоники. Но не думаю, что есть человек, которому она принесла бы больше радости, чем моему доброму знакомому и многолетнему партнеру Григорию Трофимовичу Руденко. В годы войны он был танкистом, горел в танке. Потерял обе руки. Сам сконструировал удивительные протезы, которые послушны малейшему движению плеч. «Я создал эти протезы не только для того, чтобы держать ложку и нож, но чтобы играть в шахматы. Они уносят все горести этого мира и несут все радости». Не знаю, можно ли сказать о шахматах лучше. Григорий Трофимович — кандидат в мастера, победитель бесчисленного множества блицтурниров в Измайловском парке Москвы. Он попросил меня перед отъездом в Мерано:

— Передайте, пожалуйста, Толе: пусть повторится и пусть не повторится Багио. До победного счета надо играть изо всех сил. И еще мое отцовское пожелание удачи. Она нужна не только ему, она нужна всем шахматам.

За час до того, как я начал передавать репортажи по телефону, была встреча с Анатолием Евгеньевичем. Я рассказал ему о пожелании старого солдата. Карпов написал на сувенирной шахматной открытке: «Мужественному человеку и хорошему шахматисту Г. Т. Руденко сердечно. А. Карпов».

На следующий день после поражения Корчной объявил о созыве очередной пресс-конференции. Народная мудрость резковато, но зато точно сформулировала ситуации, при которых не рекомендуется чирикать... Оправдывание Корчным предыдущих поражений давно навязло в зубах. Помню, как много небылиц писали правые газеты о психиатре В. Зухаре, который помогал Карпову в морально-волевой подготовке. Теперь Зухаря нет. Помню бесчисленное количество протестов по поводу стакана кефира, который подавали Карпову в Багио. Теперь поднос с бутылкой освежающего напитка ставят на судейский стол; в середине партии Карпов берет ее и отправляется с ней в свою комнату за сценой. Настаивали, чтобы Корчной играл под швейцарским флагом, советская делегация, к удивлению западных журналистов, согласилась и с этим. Чего только не выдумывали про радиацию в зале Дворца конгрессов в Багио! Младенцу было ясно, сколько почвы под собой имели эти нелепицы.

Очевидно, хорошенько поразмыслив и поняв, сколь бесполезны стенания при счете 1 : 4, делегация Корчного неожиданно отменила пресс-конференцию.

Карпов и его друзья сделали все, чтобы матч проходил в нормальной, спокойной обстановке, которая только и содействует честному сравнению сил.

— Выпады Корчного встречаются хладнокровно, как, впрочем, и выходки некоторых членов его команды, — говорил пресс-атташе советской делегации, заслуженный тренер РСФСР А. Рошаль. — На первых порах внимание фотокорреспондентов привлекала экзотическая одежда некой Виктории Шеппард, члена небезызвестной секты «Ананда Марга». Она приходила на партии с большой куклой бурого медведя, якобы покровительствовавшего этой полурелигиозной-полутеррористической организации. Но после того, как Корчной проиграл две партии, в газетах написали: «А ведь этот мишка — родной брат московского олимпийского Миши — больше помогает москвичу». И как только Корчной объявил о сдаче третьей партии, ни в чем не повинному мишке дали по затылку и сбросили на пол с кресла, которое он занимал.

На матче было аккредитовано около 400 журналистов. Увы, лишь 3—4 десятка из них разбираются в шахматах. Среди представителей буржуазной прессы встречались «комментаторы», весьма своеобразно живописующие ход событий. После того как Корчной выиграл партию, английская «Санди таймс» опубликовала его большой портрет рядом с маленьким портретом чемпиона мира и статью о том, что-де претендент полон стремления и дальше двигаться «славным путем триумфатора к королевской короне».

Я прилетел в Мерано чуть ли не прямо из Тбилиси, где шел другой матч на звание чемпионки мира по шахматам между Майей Чибурданидзе и Наной Александрия. Шел в напряженнейшей борьбе, но в удивительной обстановке взаимной приязни и уважения. Девиз над сценой Дворца шахмат в Тбилиси: «Генс уна сумус» — «Мы одна семья» — точно согласовался с обстановкой в зале. Над меранской же сценой, кажется, впервые за последние

десятилетия этого девиза нет. Не потому ли, что он был так попираем в Багио?

В телеграмме из Магадана, о которой я вспоминал вначале, были такие слова, обращенные к чемпиону: «Еще немного, еще чуть-чуть». Не надо слишком напрягать воображение, чтобы представить, как упорен будет в этих последних партиях претендент, как собран, уверен и строг должен быть Анатолий Карпов.

* * *

Служение Каиссе, покровительнице шахмат, как и вообще «служенье муз», не терпит суеты и лишних слов.

В бессловесной дискуссии — игре — партнеры становятся соавторами произведений, которым случается жить долгие годы, а иногда — века.

Анатолий Карпов играл в Мерано не с партнером, а с противником.

Проигрывая матч, «дающий ему последний жизненный шанс», со счетом 1 : 4 и понимая, что спокойное течение поединка не сулит ему ничего хорошего, Виктор Корчной во время одной из партий бросил в лицо чемпиону гнусное слово. Элементарной реакцией на такое слово во все времена была пощечина... независимо от того, где, при какой аудитории и при каких обстоятельствах нанесено оскорбление. Как наказание наглецу. Как мгновенная разрядка, помогающая приглушить боль обиды и очистить от нее душу.

Не шел ли Корчной на пощечину сознательно? Как-никак, его гадкое слово слышали в первом, ну еще во втором ряду Дома конгрессов. Пощечину увидел бы весь мир. Возможно, матч был бы сорван, а Международная шахматная федерация, терзаемая противоречиями, разбилась бы на два непримиримых лагеря (идею раскола уже давно вынашивал претендент)... еще неизвестно, кому присудили бы корону. Если Париж стоит мессы, то, может быть, и корона стоит полученной пощечины? — не так ли рассуждал шахматист «номер два»?

Анатолий сдержался. Только побледнел, а большие телевизоры, установленные в зале, показали, как едва заметно заиграли его скулы. К столику подошел судья, положил руку на плечо Корчного и одним только отечески ласковым взором попросил его успокоиться. Карпов недоуменно и колко взглянул на члена жюри.

Мог ли после этого эпизода спокойно считать за доской чемпион? Если бы мог, был бы не живым и восприимчивым молодым человеком, а бесчувственным роботом. Думаю, не ошибусь и не обижу Анатолия, если напишу, что последовавшая за тем беспрецедентным происшествием тринадцатая партия матча была одной из худших его игр.

Не на это ли рассчитывал Корчной?

Терпение труднее, чем что-нибудь на свете, переносит несправедливые испытания и имеет свои пределы, давно превзойденные терпением чемпиона и его секундантов.

...Все поведение претендента во время подготовки к состязанию, все его слова, произнесенные и написанные, были прелюди-

ей к бесчестной атаке против Анатолия Карпова, его тренеров, его школы и, в этом нет никакого преувеличения, против его страны.

И тут нельзя не сказать о книге Корчного «Антишахматы», увидевшей свет незадолго до матча в Мерано. У этого издания, вышедшего на девяти языках тиражом в пятьсот тысяч экземпляров, один только положительный герой — человек кристальной чистоты, яркого таланта и несгибаемого гражданского мужества (предоставляю читателю право самостоятельно проставить кавычки над каждым из этих определений). Излишне говорить, что этим героем является сам автор книги. Другие же действующие лица ее, в том числе организаторы матча в Багио, члены судейской коллегии и апелляционного жюри, даже тренеры и секунданты Корчного... слово «прохвост», вертящееся на языке, даст читателю лишь отдаленное представление о тех эпитетах, которыми награждал всех вышеназванных господ распоясавшийся претендент.

Такое, с позволения сказать, произведение могло выйти только из-под пера человека, страдающего то ли манией преследования, то ли манией величия, а скорее всего — и тем и другим.

Корчной мнит себя первым шахматистом земли. Это значит, что он играет сильнее всех. Раз он играет сильнее всех, он не должен проигрывать в Багио. Но он проигрывал. Чем же это объясняет автор «Антишахмат»?

«После десятой партии я обнаружил, что на счетчике Гейгера, который я носил с собой на игру, показания поднялись на 30 единиц». Просто холодеет кровь, когда думаешь о том, к каким ухищрениям прибегали «советские комиссары», чтобы вывести в чемпионы своего соотечественника... Ну а как же тогда сам Карпов? Или для него был скроен специальный антирадиационный костюм? Беря себе в союзники (и порой находя) абсолютно непосвященного читателя, Корчной об этом умалчивает.

Вся советская делегация в Багио, по утверждению автора, состояла «из одних магов и каратистов». И главным магом был профессор В. П. Зухарь, которого Корчной рекомендует как «известного в СССР специалиста в поддержании парапсихологической связи с космонавтами, находящимися вдали от земли». Спрашивается, зачем ему надо было ехать в Багио, если он обладает столь волшебным искусством?

Как же передавал свои «атомные лучи» Карпову психолог? Корчной пытается уверить читателя в том, что «под пышной шевелюрой чемпиона, кстати, не так давно выращенной, находятся вживленные в мозг электроды для усиления этой (речь идет о парапсихологической) связи».

Однако уже очень скоро Корчной по совету своих друзей из секты «Ананда Марга» находит сильно действующее противоядие. При встрече перед партией с Зухарем «я говорю ему пару слов на санскрите. Он, не дойдя до меня, закрывает лицо и голову руками и уходит. Я учусь на волшебника».

А учат его «два милейших» на свете человека — Стивен Двайер и Виктория Шеппард, познавшие суть вещей и суть слов. Но уже из другого источника мы узнаем, что эти два «учителя» были

осуждены филиппинским судом за террористическое покушение на первого секретаря посольства Индии в Маниле и временно освобождены из тюрьмы под денежный залог. В ответ на письмо руководителя советской делегации в Багио организаторы матча известили всех официальных лиц: «Мы решили запретить вход на партию Карпов — Корчной лицам, обвиненным в преступной деятельности... Мы сожалеем, что г-н Корчной имел несчастье выбрать людей, имеющих такие обвинения. Поэтому мы предлагаем обеспечить его лицами с равноценными, если не лучшими способностями, чтобы он успокоил свой ум и укрепил волю к победе, даже если нам потребуется выписать таких людей из-за границы».

Таких людей, вернее такого человека, тайно выписал сам Корчной. Прочитаем, чем он объясняет свой первый выигрыш в Багио. «Дело в том, что к одиннадцатой партии прибыл мой психолог В. Бергинер из Израиля и никем не узнанный спокойно занял место в пятом ряду». Значит, психологу Корчного можно было сидеть в пятом ряду, а психологу Карпова нельзя. Помню скандал, который закатил перед семнадцатой партией в Багио претендент, требуя пересадить в глубину зала Зухаря... Ему пошли навстречу... Сегодня оказывается — совершенно зря. Продолжал бы сидеть г-н Бергинер на своем пятом ряду до конца матча, ведь никто же против этого не протестовал, почему же тогда отправил его обратно домой претендент? Потому что все рассуждения перебежчика о вмешательстве парапсихологов в ход матча — сказки для детей дошкольного возраста, в которые сам он не верит. Все это было нужно «не успокоившему свой ум» гроссмейстеру для того, чтобы вылить очередной ушат грязи на советскую шахматную школу и на советскую действительность вообще, оправдать свои поражения и принизить победы Карпова, зародить подозрения в их честности.

Чего стоят, например, такие строки в «Антишахматах», посвященные 32-й партии в Багио: «Я подготовил вариант, вернее — новый ход в известном, хотя и не очень легком варианте. Я анализировал его много дней, я рассчитывал на психологический эффект новинки. Каково же было мое удивление, когда Карпов в критический момент ответил не думая! Он знал этот ход, более того, я почувствовал, что он знал — именно это я подготовил сыграть сегодня!» Тут уже Корчной не щадит своих секундантов, высказывая предположение, что один из них донес этот ход до чемпиона. «Я почувствовал себя нехорошо». Тепленькую, однако, компанию собрал претендент! Будучи предателем по духу, он готов заподозрить в предательстве кого угодно. Тут к месту было бы вспомнить Плутарха, утверждавшего, что предатели предают прежде всего себя.

Есть в книге «Антишахматы» такая фотография. Выполняя одно из упражнений йогов, Корчной стоит на голове. За этой сценой умильно наблюдают его дружки из «Ананда Марга». Иллюстрация символична: все в этой книге поставлено с ног на голову, остается только дивиться тому, сколь легковерно откликнулись на книгу некоторые газеты, как смаковали и продолжают смаковать факты, рожденные болезненным воображением претендента.

«Антишахматы» — главный заряд в бесчестной предматчевой психологической атаке перебежчика. Атака, как мы видим, продолжалась.

* * *

Не сник, не согнулся чемпион, показал, как надо вести борьбу в экстремальных обстоятельствах, как бороться за победу.

Опасность, грозившая справедливейшей из игр, от них отведена. Прегражден путь на шахматный престол громкоголосому и развязному перебежчику-себялюбцу... Не надо слишком возбуждать фантазию, чтобы представить, как, во имя чего и против чего обернул бы одно из почетнейших на земле званий Виктор Корчной, как замутнился бы шахматный поток и какая хмурь нависла бы над ним.

И в Багио и в Мерано на неширокие плечи Карпова давил атмосферный столб, не имеющий привычных измерений. «Карповские сверхнагрузки»... с чем сравнить их?

Были просчеты в Багио? Были.

А в Мерано? Были и в Мерано. Но реже. Карпов стал совершеннее, в этом сомнения нет, и уже на голову превосходил претендента.

Что же касается просчетов... как ни огорчительны они, без них шахматы — не шахматы. Все зависит от того, как к ним относиться.

Есть в Японии традиционный праздник — день мальчиков. В этот день над крышами домов, в которых растут будущие мужчины, на высоких шестах поднимают фигурки карпов — символов упорства. Можно гадать, откуда пошла фамилия «Карпов». У предков был славный обычай давать имена не только по занятию и наружности, но и по характеру, не были ли закодированы в этой фамилии наследственные качества, которые так вознесли ее в наши дни?

Когда-то молодой Теккерей написал: «Бывают черные дни, и человек, который мужественно приемлет удачу, не должен падать духом при неудаче; первое из двух труднее, поверьте».

Карпов не упал духом при неудаче (вспомним снова сумеречные дни семьдесят восьмого года и счет 5 : 5). Прошел сквозь огонь и воду, закалился. Предстояло труднейшее из испытаний — медными трубами, говоря иначе — славой.

Ох, непростое это испытание! Не всякому по плечу. Один из наиболее близких и доступных примеров — история, случившаяся с футболистами ростовского СКА: выиграли Кубок страны, да не выдержали бремени славы, а в наказание (и в назидание другим) оказались отброшенными в нижний дивизион. Или достойный глубочайшего шахматного уважения и такого же человеческого сострадания болезненный Роберт Фишер. Завоевал по достоинству шахматную корону, выиграв в Рейкьявике матч у Бориса Спасского, примерил ее и вдруг испугался, а вдруг притупится, искривится или переломится хоть один из лучиков, излучаемых ею. И объявил меморандум — я передам корону только тому, кто обыграет

меня со счетом 10:8. Один только раз сыграл после Рейкьявика в Денвере, в сеансе с заключенными в тюрьме (выбрал «партнеров»!), ушел из шахмат хлопнув дверью...

Слава не замутила карповского честолюбия, не превратила его в свою противоположность — тщеславие, он остался таким же общительным, открытым и жизнерадостным молодым человеком, каким был. Хотя дел прибавилось. Очень важных и неотложных. И если в прошлом его распорядок дня знал строгий счет каждому часу, то теперь счет пошел на минуты.

Положение обязывает — говорят французы. Вознесенный шахматами, он отвечал им (а это значит и бесчисленным их приверженцам и в родной стране и за ее пределами) так, как обязан отвечать на добро всякий честный человек. Не думаю, что был в истории шахмат другой чемпион, который столько бы сделал для их пропаганды, сколько успел уже сделать Карпов, и который с такой беззаветной смелостью играл в крупнейших турнирах. Он поступал благородно, позволяя всем живущим на свете гроссмейстерам — и старым, а тем более молодым — сравнивать свои силы с его чемпионской силой один на один — за доской. Известно хорошо, чем кончались сравнения. Только в восемьдесят первом году перед матчем в Мерано, не имея права раскрывать до конца «домашние заготовки», Карпов сыграл в трех крупных турнирах более четырех десятков партий и лишь в одной потерпел поражение. Памятный всем нам Московский турнир звезд чемпион выиграл в истинно чемпионском стиле, как, впрочем, и многие другие «критериумы» после Багио.

Дирижеры живут долго не потому, что чуть не каждый день выполняют многочасовые упражнения типа: «руки вперед, вверх и в сторону», расширяя грудную клетку и ускоряя бег крови. А потому, что получают столь высоко ценимые в перенапряженное наше время «токи благожелательности». Так говорят, и хочется в это верить. Убежден, что не токи, а потоки благожелательности, которые ощущал ежедневно и в Багио и в Мерано Карпов, несли ему бодрость и оптимизм.

Среди разглагольствований претендента довелось услышать в Багио такое: «Мне трудно играть против Карпова, потому что за ним вся Советская Армия». Не договорил самоизгнанник. За Карповым, членом Спортивного клуба Армии, давшего миру многих выдающихся мастеров, не только Армия. За ним — советские ученые и домохозяйки, студенты и железнодорожники, пенсионеры и шахтеры. Перед вылетом в Мерано услышал по телефону — отчетливо и ясно — хорошо знакомый голос. А это откуда-то из-за Гибралтара по спутниковой связи звонил Юрий Михневич, капитан теплохода «Шота Руставели»: «Передайте, пожалуйста, Анатолию Евгеньевичу, что за него — моряки дальнего плавания. Где бы ни находились, будем с нетерпением ждать вестей из Мерано». Я представил себе сидящего у аппарата и жадно принимающего ходы из Мерано радиста Юру Назарова, кандидата в мастера и чемпиона теплохода. Через несколько минут эти зашифрованные (почище чем в азбуке Морзе) ходы «отпечатаются» на многочислен-

ных досках в кубриках, матросском клубе и офицерских каютах.

Из Краснодара, города, начавшего всесоюзное движение за массовое развитие шахмат, позвонил школьный друг Георгий Саркисов, директор местного шахматного клуба. Знаю, какую роль сыграли в труднейшем его детстве шахматы, как помогли перенести горе, найти себя. И теперь он тоже по-своему старается ответить им. Анатолий Карпов, редактор журнала «64», сделал многое для того, чтобы поддержать и развить почин кубанцев (вспомним среди прочего его большую статью в «Правде»). Удивительно ли, что теперь и кубанцы, как и уральцы, и туляки, и сибиряки, и ленинградцы, и москвичи считают его «своим»? «Передай, пожалуйста, Анатолию Евгеньевичу, что после победы снова ждем его в гости,— просит Георгий Саркисов.— И еще, если тебе не трудно, привези для нашего уголка открытку из Мерано с его автографом». Не выполнить такую просьбу?

Через час после того, как стало известно о победе Анатолия Карпова, пришел в гости Григорий Трофимович Руденко. Принес бутылку шампанского, застенчиво попросил: «Давайте выпьем за здоровье нового чемпиона».

Об удивительном этом человеке — Г. Т. Руденко, солдате, которому шахматы дали вторую жизнь, об его словах, обращенных к Карпову, и об ответе Карпова я рассказал в репортаже из Мерано на страницах «Комсомольской правды». Немало читателей попросило подробнее написать о нем. Хотел бы сделать это.

Григорий Руденко, мирный работник мирной селекционной станции на Алтае, ушел в армию в первую же неделю войны. В составе сибирских дивизий шел на помощь Москве. Сражался на Можайском направлении. В конце февраля сорок второго был ранен под Погорелым Городищем. Командиром взвода десантников 77-го тяжелого танкового полка прорыва сражался под Сталинградом и на Курской дуге. А в боях под Кенигсбергом командовал танковым взводом. За считанные дни до конца войны его танк был подбит и горел. Кто и как спас Григория Трофимовича, он не знает. Что стало с тремя другими членами экипажа — не знает тоже. Одну руку ему ампутировали выше локтя. Другую— чуть ниже. С детства его страстью были шахматы. Выписавшись из госпиталя, этот мужественный человек, кавалер многих боевых наград, задался мыслью сконструировать протезы, послушные малейшему движению плеч. Он, фронтовик, думал не только о себе. О многих тысячах таких, как он. Стал инженером на протезном заводе. Как шахматист, поставил перед собой дальнюю цель. И шел к ней. Через несколько дней после того, как газета рассказала о нем, он получил долгожданное авторское свидетельство на изобретение «Протез плеча».

Сбылось пожелание старого солдата молодому шахматисту: «пусть повторится и пусть не повторится Багио»!

Со мной в поездках в Багио и Мерано были представители разных городов. Рассказывали о новых университетах шахматной культуры, о специализированных детских школах, о новых шахматных изданиях и телевизионных учебных программах. Именно

этой всеобщей любовью к мудрой игре, любовью, умножившейся примером Анатолия Карпова, следует объяснить победы советских гроссмейстеров и лучшего их представителя, а не какими-то парапсихологическими секретами, о которых, оправдывая свои поражения, столь туманно извещал мир претендент.

Чемпион и претендент, пути которых сошлись в меранском конгресс-зале «Сальвар», были непохожи друг на друга как две соседние клетки на шахматной доске. Счастлив талант, развитый обществом и поставленный на службу людям. Несчастлив талант, поставленный на службу самому себе. Это закон, который, к счастью, не знает исключений.

Есть у классика грузинской поэзии Николоза Бараташвили стихотворение «Мерани» о крылатом коне вдохновения, который несет поэта-всадника, жаждущего борьбы, летит, не ведая страха, рассекая вихри.

Как близки стали вдруг понятия «Мерани» и «Мерано»!

ГЛАВА 3

Финские ножички. Точный совет — сколько это очков? Что за странный тренер у Накатани! Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется? Служители и прислужники

В двадцатые годы один германский социолог так определил разницу между физической культурой и спортом: «Физическая культура — это развлечение, а спорт — труд». С тех пор все ближе друг к другу понятия «спорт» и «труд». Только спорт, которому отдано много энергии, много пота и много времени, заставляет учащенно биться сердца и помогает создавать ценности, которые живут порой очень долгие годы. Он сторицей воздает за преданность и за умение ставить перед собой дальнюю цель.

Легенда рассказывает о богатыре Фархаде, которого вела к цели любовь. Он замыслил прорубить гору. Имей он только богатырские мускулы и не имей, как бы сказали сегодня, «высоких морально-волевых качеств», он вошел бы в историю не как богатырь, а как хвастун, взявшийся за непосильное дело. Нелегкий выбрал себе удел! Был один-одинешенек, но дело делал. Рядом не было геодезиста, который помог бы проложить трассу. Не было методиста производственной гимнастики, который ровно в двенадцать по среднеазиатскому времени говорил бы: «Остановитесь, гражданин Фархад, отложите в сторону вашу кирку, начнем зарядку. Делайте так — раз и...». У Фархада не брали интервью расторопные журналисты и впереди не ждали его торжественные вечера и выступления по телевидению. Спрашивается, какой у человека был стимул? Ради чего на вскрышных работах он ежедневно перевыполнял нормы?

У него была цель. Цель рождала энергию. Уже в те времена была подтверждена истина: способность ставить перед собой дальнюю цель есть не что иное, как свидетельство стойкости духа.

Чтобы достичь вершины в любом виде спорта, нужен долгий труд, говорит норвежский конькобежец Пер Ивар Му: «Труд спорт-

смена — это упорная и тяжелая физическая работа. Сплошь и рядом приходится жертвовать отдыхом, развлечениями».

Послушаем другого чемпиона мира Кееса Феркерка:

«Тренироваться я стараюсь так, чтобы всегда сохранять хорошее настроение, форму и боевой дух».

Заметьте, голландский скороход ставит на первое место хорошее настроение.

Каждому более или менее крупному турниру предшествуют тренировочные сборы. Что это, последняя шлифовка техники? Не только. Это чрезмерное напряжение самых важных дней подготовки к соревнованиям. Сомнения — постоянный спутник уверенности. Однообразие — враг всякому делу. «Сенсорный голод» — лютая опасность, подстерегающая космонавтов в длительном путешествии к звездам, участников дальних океанических рейсов и зимовок на дальних станциях, на полюсах. Много лет назад кандидат медицинских наук Б. Алякринский в статье «Космос и психология» писал: «В длительных космических полетах будут специально создаваться с помощью различных источников комплексы впечатлений».

Тогда это была далекая мечта. Теперь такие «комплексы впечатлений» на каждом борту космического корабля.

Однообразие — союзник усталости и источник размолвок. Однажды шведские лыжники проиграли в пух и прах крупные международные соревнования, к которым, между прочим, готовились так, как никогда раньше. Спортсмены и тренеры терялись в догадках. А один старый врач поставил мудрый дигноз: «Отельная болезнь»: жили в отеле, думали о лыжах, говорили только о лыжах и во сне видели только лыжи. Вот и докатились: потеряли аппетит к соревнованиям.

Многие тренеры ищут новые пути борьбы за раскрепощение спортсмена перед напряженным соревнованием. Некоторые из них солидарны с тем японским ученым, который считает, что долгий отрыв атлета от привычных условий семейной жизни приносит не добро, а зло, что для спортивной победы нужны мощные эмоциональные факторы, что высокий интерес и пристрастие могут сделать то, чего не сделают самые правильные и рассудительные наставления.

...Прошло уже немало лет, но я хорошо помню день, когда пришел ко мне чем-то возбужденный Аркадий Ленц, знаменитый тренер по борьбе. Он только что вернулся с международного турнира в Тампере и начал рассказывать странную историю про руководителя делегации. Вот ее суть в двух словах.

Наши спортсмены готовились к чемпионату старательно и серьезно, был строгий отбор. Казалось, хорошо знали себя и хорошо знали противников. И поэтому перед поездкой «взяли обязательство» завоевать пять золотых медалей (оно было опубликовано в газете.)

А начался турнир крайне неудачно. Борец, числившийся в блокнотах и наметках тренеров среди наиболее вероятных победителей, неожиданно проиграл одну за другой две встречи. Тренер не сдержался. И раз самолюбие выбывшего можно было уже не

щадить, выложил ему все, что думал по поводу обеих схваток. Потом проиграл две встречи другой известный борец. Во время перерыва тренер подошел к руководителю делегации и тоном, не допускающим возражений, предложил «сурово побеседовать с ребятами».

— А что сделал руководитель делегации? — вспоминал Аркадий Ленц.— Категорически отказался проводить собеседование и сказал, что хочет немного подумать. Потом неожиданно заявил, что уходит в магазин. Как по-вашему, что он там купил?

Когда я узнал, что руководитель делегации истратил всю свою «карманную» валюту не на подарки родственникам и друзьям, а на совершенно иные цели, захотелось встретиться с ним. Я взял командировку и укатил в Минск, потому что руководителем делегации на чемпионате мира в Тампере был председатель Белорусского комитета физкультуры Виктор Ильич Ливенцев.

Как ответил Виктор Ильич на предложение тренера «поговорить» с ребятами?

— Что скрывать, всем было неприятно,— говорил он,— ходили насупленные, набычившиеся, будто через силу друг другу слово говорили. Я ответил тренеру, что собирать команду и устраивать разносы не будем. Не раз в жизни приходилось присутствовать на таких пустопорожних, а значит, вредных собраниях, когда слово берет не разум, а эмоции... укоренилось глубокое неуважение к такого рода одностороннему «обмену» мнениями. Другое дело, нужен был серьезный, спокойный, немногословный разбор событий дня с тем, чтобы избежать ошибок, вселить уверенность в бойцов, настроить их.

Виктор Ильич так и сказал: «бойцов». В годы войны он командовал партизанской бригадой. Его командирское искусство и отвага отмечены Звездой Героя Советского Союза. Кому-кому, а ему хорошо известно, что есть искусство настройки на победу. К его словам небесполезно прислушаться тренерам.

Прежде чем рассказать о ходе, найденном В. И. Ливенцевым, приведу воспоминание чемпиона мира Анатолия Колесова:

— Мы с самого начала почувствовали в руководителе делегации не придирчивого критика-ревизора, а спокойного и рассудительного друга. Разумеется, эти черты характера накладывали определенный отпечаток на отношения в команде. Скажу коротко: я лично давно не чувствовал себя так уверенно. Да и другие могли бы это подтвердить, хотя, как вы знаете, турнир начался для нас огорчительно.

Итак, почему же отправился в магазин Ливенцев?

— К середине соревнований второго дня мне показалось, что трое наших все-таки смогут стать чемпионами. Я не буду говорить, как жалел о торопливых обязательствах, вообще не убежден, что нужны обязательства в спортивном деле. Ну вот, подумал я, станут трое чемпионами, сделаю маленький подарок от себя. Купил три симпатичных финских ножичка-сувенира. Потом подумал-подумал и купил на всякий случай четвертый. И сказал: «Ребята, кто возьмет первое место, получит от меня финский сувенир».

Какой не сказал, вроде бы заинтриговал. Но чувствую, повеселели, ждали одно, а услышали другое. Мне показалось, что полушутливый разговор чуть раскрепостил ребят от чрезмерного напряжения. И вот пришлось раздать три ножичка, потом четвертый. А соревнования еще продолжались. Никто из наших больше не проигрывает. И каждый после победы проходит мимо меня и спрашивает улыбаясь: «Про меня не забыли?» Купил я еще два ножичка, тоже раздал. А перед самым концом соревнований подходит тяжеловес и заявляет, что и он не возражал бы против сувенира. А у меня уже денег не осталось. Думаю, займу у кого-нибудь. Так и пришлось сделать. Раскошелился, купил семь сувениров. Слово есть слово, его надо держать. Семеро наших ребят стали чемпионами. Радость была... словами не сказать.

Спорт порождает бесчисленное множество ситуаций, не похожих друг на друга, требующих, если можно так сказать, оперативного отклика, часто умом, но чаще умом и сердцем... не все предусмотришь, распишешь, разложишь по полочкам. Очень многое зависит от искусства найти точный ход, «соответствующий ситуации».

У киевского журналиста Яна Дымова есть любопытная юмористическая миниатюра «Переводчик».

Приехала на чемпионат мира по борьбе команда, в которой был молодой украинский спортсмен. И случилось так, что в самой первой встрече достался ему опасный соперник из Западной Германии. Был судьей капиталист, наживший состояние на производстве борцовского обмундирования. И сказал себе необстрелянный спортсмен: конечно, начнет судить против меня этот капиталист... ничего хорошего не жди. Боролся вяло, не мог довести до конца ни одного приема, а к середине и вовсе сник. Судья остановил встречу и сказал несколько слов молодому борцу. Тот хмуро ответил: «По-английски не понимаю». И тогда, будто для того, чтобы выполнить обязанности переводчика, вышел на ковер его тренер. Он внимательно выслушал судью и несколько раз произнес «йес». А перевел короткую речь рефери своему ученику таким образом:

— Судья спросил меня, как случилось, что мы взяли такого хиляка в команду. Это же не борьба. Это что угодно, только не борьба. А ему, судье, говорили, что это, мол, способный спортсмен. Вот я не знаю, мол, чему теперь верить: тому, что я вижу, или тому, что слышал?

Поразило борца, что такую короткую речь так долго переводил тренер. И взяла его злоба, и решил он показать, на что способен. И, действительно, через несколько минут припечатал к ковру противника. А когда начали поздравлять, спросил тренера, где он так выучился говорить по-английски? Тот же ответил: «А я ни одного слова по-английски, кроме «йес», не знаю». «Значит, сочинили? Что же он вам сказал на самом деле?» «Представления не имею».

Точный совет, точная рекомендация в крутую минуту поистине бесценны!

...Владимир Александрович Таратушка из тех, о ком начинающий очеркист написал бы: «человек необычной судьбы». Дело во-

все не в том, что, являясь по профессии психологом, он имеет степень кандидата педагогических наук (это несоответствие дает определенное представление о том, когда он защищал диссертацию. Ясно, что давно, когда психология натужно доказывала право на существование). И не в том еще дело, что, потратив долгие годы на диссертацию, он довел до предынфарктного состояния своего научного руководителя — профессора, заявив, что защищаться не будет, а начнет работу, в которой начисто опровергнет то, что стремился доказать предыдущей диссертацией. Это ему с блеском удалось. Ему предложили завидную должность в столице, а он, вежливо поблагодарив, отбыл на Север. Наше знакомство произошло в Норильске. Мы ждали погоды, которая позволила бы пробиться к аэропорту... сутки, вторые, третьи.

Таратушка приходил в гости с шахматными часами, и мы коротали вечера за блицем. Судя по репликам, которые он начал отпускать, едва мы сели за первую партию: «вот куда стал, но это не значит, что водку достал», «с молодежью — в рашпиль» (так партнер называл эндшпиль), «кто сказал, что без ферзя играть нельзя?», да и по тому, как лихо разыграл он ультрамодный гамбит, не трудно было догадаться, что это тертый калач.

За шахматами люди сходятся быстро. Между партиями Таратушка известил меня о том, что его новая работа называется «Слово в экстремальном обстоятельстве» и что в поисках этих обстоятельств он и приехал в Норильск, о чем ничуть не жалеет. Обещал познакомить с работой, когда она будет закончена.

Вторая встреча произошла в Москве. Владимир Александрович позвонил из Норильска, сказал, что едет в отпуск на Черное море, но решил заглянуть в Москву «посмотреть блиц», где играет один его знакомый.

В те дни в Центральном шахматном клубе начинался большой всесоюзный турнир с участием гроссмейстеров и мастеров. Понимал Таратушку — соскучился по настоящим шахматам, а помимо всего прочего, хотел повидать тех, кого помнил еще по студенческим турнирам.

Он спросил меня (к той поре мы стали на «ты»):

— Ты никогда не задумывался над тем, сколько это очков — точная психологическая рекомендация участнику трудного соревнования? Неумело ищем такое слово. Все больше по старинке, по старинке, так надежнее.

В большом зале стояло два десятка столиков, к главным партиям было не так просто пробиться; слышалось приглушенное: «Пожалуйста, чуть отодвиньте голову», «Позвольте я слегка облокочусь о вас», «Если это вас не затруднит, постойте теперь на чьей-нибудь другой ноге».

Таратушка, не отличающийся богатырским ростом, попробовал ввинтиться в толпу, окружавшую столик Таля, но вскоре отступил, и мне показалось, что начал делать вид, будто его интересует вовсе не эта партия, а партия, которую вел неудачник турнира Н. с гроссмейстером Э. Гуфельдом.

Понаблюдав за игрой, Таратушка вернулся и сказал:

— Посмотри на них на всех внимательней. Каждый только делает вид, что спокоен, а на самом деле страсти бушуют. Кого-то делают лучше и сильнее. Но скольких придавливают!

В это время тишину, царившую в зале и нарушаемую лишь тиканьем часов, неожиданно рассек звук резко отодвигаемого стула.

Гуфельд, экспансивный по натуре человек, резко встал из-за стола, досадливо смешал фигуры и, не пожав руки партнеру, вышел из-за загородки. Уши Н. налились краской. Пересиливая себя, он начал расставлять фигуры — и свои, и те, которые должен был расставить Гуфельд.

Гроссмейстер не скрывал обиды. Увидев среди зрителей Таратушку, подошел к нему:

— Здравствуй, здравствуй! Ты видел, где были фигуры черных? Они были даже не на краю доски, они были вон в той комнате — так я зажал его. Сыграй я слоном на а5, и все было бы кончено. Не найти этого хода? Проиграть такую партию!..

Владимир Александрович сказал мне негромко:

— Посмотри на Н. В первом круге он набрал пять с половиной очков из четырнадцати. Я попытаюсь взять шефство над ним и повести по второму кругу. Держу пари: он наберет не менее девяти очков.

— Но для того, чтобы, как ты говоришь, повести его и дать совет, надо хорошо знать спортсмена.

— Я знаком с ним много лет. Могу дать краткую психологическую характеристику: прекрасная память, устойчивость решений и, увы, слишком резкая реакция на поражения. Об остальном, если будет интересно, я расскажу тебе позже. А пока извини меня...

Он подошел к Н., поздоровался и сказал несколько слов. Н. стеснительно улыбнулся, пожал плечами и в конце концов утвердительно кивнул.

Владимир Александрович подходил к Н. после каждой партии. Перекидывался с ним несколькими словами. В каждом новом туре у шахматистов было новое место, но я заметил, что, садясь за доску, в каком бы конце зала она ни находилась, Н. искал глазами Владимира Александровича.

Перед партией Н. с международным мастером У. мой товарищ заметил:

— Кажется, это единственный шахматист, которого Н. боится. Нет, он так прямо не сказал: «Я его боюсь», но я знаю, что это так. А я еще думаю, что не очень сильно ошибусь, если скажу, что все они друг друга боятся. Только опыт и выдержка позволяют этого не показывать. Я попросил Н. об одном: забыть о партнере, стараться не смотреть на него. Нельзя, чтобы партнер даже чуть-чуть почувствовал, что ты боишься его, что ты излучаешь страх. Знаешь, как ловит камбалу акула? — неожиданно переменил он тему разговора. — Спасаясь от хищника, камбала зарывается глубоко в ил, сливается с дном, и обнаружить ее невозможно. Но, при всем том, камбала излучает страх, и каким-то неведомым чувством акула принимает эту волну и безошибочно находит свою жертву. Начинаю все чаще думать, что этот вид излучений досту-

пен и человеку. Ничто другое не придает такой уверенности спортсмену, так не увеличивает сил, как сознание того, что противник боится его.

Во время перерыва Владимир Александрович предложил Н. выйти на улицу и подышать свежим воздухом.

— Вы должны забыть о том, как кончались ваши партии с У. раньше. Постарайтесь сделать несколько глубоких вдохов и выдохов. На вашем месте я избрал бы какой-нибудь острый дебют, возможно, даже с жертвой пешки. Ведь это блиц — жертвы прощаются. Потом вам предстоят три встречи с гроссмейстерами. Первый из них выиграл подряд четыре партии и слишком уж поверил в победу. Не воспользоваться ли этим? Все на вашей стороне: хороший счет в личных встречах, белый цвет... И потом, я убежден, по силе вы ему ничуть не уступаете. Пожалуйста, докажите это!

Постепенно между психологом и шахматистом возник контакт. Н. не скрывал от Владимира Александровича своего состояния, своих тревог и сомнений и, как добросовестный ученик, следовал советам.

Показалось, что Н. как-то повеселел, играл раскрепощенно. Во втором круге он набрал девять с половиной очков. Я спросил у Н., сколько из них он мог бы отнести на счет добровольного тренера? Мастер подумал и ответил:

— Пожалуй, не меньше трех.

* * *

Тренер должен знать своего ученика лучше, чем тот знает самого себя, знать, в какую минуту крутого поединка какой дать совет, какую рекомендацию. Еще раз повторяю, каким тоном. А иногда... иногда помогает безмолвный поступок.

Олимпийский турнир по дзю-до в Токио. Зал «Будокан». Предстоит финальный поединок с участием японского борца Накатани. В тот момент, когда по радио произносят эту фамилию, из зала выходит сопровождаемый двумя ассистентами главный тренер японских дзюдоистов Мацумото.

— Вы не знаете, куда это он?— спрашиваю у нашего тренера, который недоуменно смотрит в сторону Мацумото.

— Скорее всего, слишком уж переживает за своего ученика и не хочет, чтобы повторилось то, что было тогда... со Степановым.

Этот случай произошел во время предолимпийской встречи между командами Японии и СССР. Юрий Степанов закончил красивым броском встречу со знаменитым чемпионом. Зал настороженно замолк. Быть может, не засчитают бросок? Судья-японец произнес одно только слово «нипон» (это значит «чистая победа») и тут же свалился с сердечным приступом. Его унесли из зала замертво.

Оказалось, что поступок Мацумото был продиктован совершенно иными мотивами. Он хорошо знал своего ученика, знал, как щедро наградила его природа, какой неукротимый дух вселила. Был только один человек на земле, которого и боялся, и боготворил Накатани. Звали этого человека Мацумото. Давало о себе знать, что Накатани родился на юге: слишком близко к сердцу

принимал каждую свою новую победу и каждое свое редкое поражение. После поражений исчезал неведомо куда и стеснялся показываться на глаза тренеру.

...Многое повидал за дни олимпийского турнира по дзю-до зал «Будокан». Повидал тренеров, подстегивавших учеников всей мощью легких. Не в обиду будь сказано, иные чем-то напоминали вышедших на турнир тюленей-ревунов. Те ложатся друг против друга и давай реветь; кто кого переревет, тот победит.

Мацумото знал, что Накатани будет легче бороться, если он, тренер, покинет зал. И он добровольно лишил себя, очевидно, одного из самых ярких жизненных впечатлений — его ученик оспаривает олимпийскую медаль, а он уходит из зала. Недалека минута, которая впишет имя Накатани и его тренера в историю японского спорта, и обессмертит навеки. Не остаться? Не посмотреть?

Если честно, трудно было поверить, что такое возможно. Призвав на помощь воображение, постарался представить себе на минуту нашего тренера, который, щадя ученика, добровольно уходит из зала. Кто уйдет из зала? Наш экспансивный тренер уйдет? Никогда в жизни этого не будет. У каждого из них свои сложившиеся отношения с борцами, еще не известно, чьи совершеннее.

Будь я тренером, нашел бы в тебе силы поступить так, как Мацумото? Никогда! Сейчас, скорее всего, он схитрит. Сделал вид, что ушел из зала, а встанет где-нибудь у бокового входа, попросит, чтобы его загородили друзья... а может, сделает щелку в занавесе или подсядет к телевизору, по которому показывают схватку. Разве это будет нарушением негласного уговора? И тогда я последовал за Мацумото. Удостоверение открыло доступ в святая святых «Будокана», в зал, где тренируются наиболее почитаемые дзюдоисты. В тот самый момент, когда на главном татами прозвучал призывный сигнал судьи «хаджиме», что значит «начинайте», в продолговатой комнате с большими зеркалами и двумя циновками начал тренировку тяжеловесов Мацумото. Два борца поклонились ему и друг другу. Он кивнул головой. Те сошлись на середине татами. Началась одна из последних предолимпийских тренировок.

Мацумото сидел скрестив ноги и положив руки на колени. Он был недвижим, словно статуя. Казалось, все его помыслы были обращены к этим двум молодцам.

И лишь когда вбежал в комнату маленький вестник и, с трудом скрывая ликование, произнес: «Накатани-сан» — неторопливо поднялся тренер и пошел поздравить ученика.

Ни одной другой схватки олимпийского турнира Мацумото не пропустил.

* * *

Сочувствие, способность постичь умом и сердцем настроение, характер и мысли ученика — великое искусство и в жизни и в спорте.

«Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовется

И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать».

Если тебе этого не дано предугадать, ты можешь стать кем угодно. Только не учителем. Только не тренером.

К сожалению, мы до обидного мало пишем о тренерских находках. Рассказывая о спортивном наставнике, чаще всего вспоминаем, чего он достиг, и реже — как достиг. Бесспорно, материалы первого ряда достаются легче. Для них, по сути, ничего не надо, кроме накопленной количественной информации, в то время как материалы второго плана требуют анализа, обобщений, размышлений над фактами.

Человек — это стиль. Но это и характер. Общие рекомендации и общие инструкции годны далеко не на все случаи жизни.

Если хорошо знать спортсмена и иметь четкое представление о том, когда и чего от него можно ждать, и не менее четкое представление о том, как и чем следует вооружить, можно многого достичь. Психология активно вторгается во все сферы обучения и воспитания. Если мы не будем знать механизма восприятия, мышления, памяти спортсмена, будем тратить годы на то, чтобы пройти путь, который с помощью науки можно пройти за месяцы.

Тренер... Одна из самых почетных профессий нашего века. Человек, научивший себя философически относиться к победам и поражениям, хвале и хуле. Его жизнь переменчива. Но где-то глубоко-глубоко в нем живет мысль согревающая: твой час впереди, он ждет тебя, готовься к нему.

Этот тренер — служитель спорта.

У спорта есть и прислужники. Их по ошибке тоже называют тренерами. По ошибке потому, что подобные люди не обременяют себя далекой целью. Их вполне устраивает, удовлетворяет то, что они имеют сегодня,— налаженная жизнь, налаженный ритм. Они избегают самозаявлений и пуще огня боятся риска. А посему не очень торопятся выдвигать молодых.

Иных приучает жизнь.

Заслуженный мастер спорта Алекпер Мамедов говорил когда-то:

— Тренер обязан добывать очки сегодня, прежде всего сегодня. Ибо и он, и руководитель спортивного клуба могут попросту не дожить на своих постах до тех счастливых дней, когда команда начнет выигрывать. Тренер начинает думать: а сколько очков я потеряю, пока освою новую, более совершенную тактику, построенную на индивидуальных возможностях моих новых игроков? И чем обернется на первых порах ввод в команду пусть самобытного, пусть интересного, но необстрелянного футболиста? Найдет ли он взаимопонимание с товарищами по защите или нападению? Не проще ли, не надежнее ли опереться на тех, у кого пусть не то дыхание, не та скорость, но зато опыт?

Нашему спорту нужны люди преданные. Пусть ошибающиеся, пусть немного отчаянные, но со своей изюминкой, ставящие святое спортивное дело превыше всего и готовые ради него к лишениям и жертвам.

Спортивные успехи неотделимы от личности тренера.

Спорт отсеивает лентяев от трудолюбивых, посредственных от одаренных. Отсев и отбор идут беспрестанно и в среде тренеров. Убежден, что оригинальная ошибка несет в себе куда больше возможностей развития, чем посредственная правильность, и что боязнь ошибиться приводит к застою мысли и, в конечном итоге, тормозит прогресс.

В спорте ошибки, неудачи и пробелы видны невооруженным глазом. Куда больше зоркости и дальновидности требуется для того, чтобы найти драгоценное зерно, приметить тренера незаурядного, ищущего свои пути. Его жизнь — постоянное напряжение. Он честно делает свое ежедневное, будничное дело. Не замечает, как бегут дни, как они складываются в месяцы, а месяцы — в годы. Он ищет и, стало быть, ошибается. Он должен спокойно смотреть в завтра. Понимать, что имеет право на ошибку, право на проигрыш, право на поиск, право на риск. Без этого спорт — не спорт!

Часть третья

НАЗИДАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

ГЛАВА 1

Выбитый из седла. Боксер, не послушавший тренера. Случай на Уэмбли. Йокогамская ловушка. «Давай-давай!»

В спортивном мире на наших глазах происходит борение двух сил: веселого, нетерпеливого стремления вперед и желания сохранить в неприкосновенности когда-то найденное, проверенное, утрамбованное надежным и могучим катком по имени «время».

Но спортивная жизнь идет вперед хорошим спринтерским ходом, и тот, кто служит спорту, должен быть готов к этим быстрым изменениям. В спорте, быть может, полнее, ярче, чем в других сферах жизни, проявляется закон: то, что было хорошо вчера, не обязательно должно быть хорошим сегодня.

Совершенствуется тактика, меняются критерии, становятся все более четкими правила.

Знать все, что надо знать. И еще чуточку сверх того! Учить себя прозорливости, искусству предусмотреть любую мелочь с тем, чтобы ничто не выбило тебя из седла.

Как это случилось в Монреале в 1976 году в олимпийской гонке на километр.

Гонку советуют смотреть не с трибун, а из комнаты прессы по телевизору чуть не вполстены. Лучше видишь лица гонщиков, отчетливее представляешь накал борьбы. Показывают крупным планом нашего Эдуарда Раппа. Чемпион мира — к нему особый интерес. Жребий был милостив — он выступает одним из последних, будет знать результаты главных своих противников — о чем еще

мечтать в олимпийской гонке? Собран, сосредоточен, напряжение чуть обострило черты лица. Время от времени бросает взгляд на электронное табло, фиксирующее результаты каждой очередной гонки. Люди, хорошо знающие Раппа, догадываются об его настроении — секунды на том табло не те, которыми можно выиграть у чемпиона мира.

И вот он выходит на старт. У него один только противник — время.

Но через полминуты выясняется, что есть у Раппа еще один очень серьезный противник, который преградит ему доступ на пьедестал почета и обречет на последнее место. И этот противник — он сам.

Поначалу никто не может понять, что же там такое происходит на старте. Судья-стартер отпускает седло за несколько мгновений до того, как звучит выстрел. За эти мгновения Рапп успевает сделать чуть не полный оборот колеса. Фора довольно основательная в состязании, где победитель обычно определяется не то что десятыми — сотыми долями секунды.

Сделав по инерции еще один оборот, гонщик останавливается, полагая, что ему позволят произвести повторный старт. Возвращается назад. Но почему вдруг просит его покинуть дорожку старший судья? Почему отказывает в праве снова начать гонку? Телекамера скользит по взволнованным лицам представителей советской команды. Пока никто ничего не понимает. На экране — энергично жестикулирующий тренер и решительно рассекающий воздух отрицательным жестом судья. Первый досадливо бьет себя рукой по бедру, судья жестом показывает ему: вы свободны, больше мне говорить с вами не о чем.

Растерян велосипедист. Видимо, еще ничего не понимает диктор. Огорчены зрители. Рапп понуро покидает полотно. Главное зрелище дня, так сказать, отменяется... Диктор объявляет, что гонщик снимается с соревнований.

Оказывается, судейская коллегия перед началом соревнований приняла решение не возвращать велосипедиста назад в том случае, если судья снимал руки с седла не одновременно с выстрелом. Независимо от того, когда раздавался выстрел (сам этот освященный десятилетиями ритуал старта имел в Монреале лишь номинальное, символическое значение), электронный секундомер начинал работу в то мгновение, когда гонщик пересекал стартовую черту.

Об этом правиле объявили несколько раз по радио. На английском и на французском. До Раппа нововведение не дошло, как и до представителей советской команды. Кого винить — переводчика, который не придал значения переданной информации? Преподавателей иностранных языков, которые недоучили в стенах институтов будущих гонщиков и тренеров? Самого двукратного чемпиона мира, который не знал правил?

Предусмотрительность... Очень важная это вещь и в жизни и в спорте!

* * *

Тренер не оракул, не предсказатель, и наивно ждать от него абсолютно точных прогнозов (в этом смысле больше других запомнился Андрей Петрович Старостин — в дни футбольного чемпионата мира 1966 года в Англии он дал серию безошибочных предсказаний о результатах главных матчей). Но разве дано даже самому искушенному спортивному наставнику предусмотреть все, что несет с собой поединок двух равных (или примерно равных) по силе противников, поединок, сотканный из бесчисленного множества мини-поединков в борьбе за мяч, за выигранную долю секунды? Ведь футбол — не что иное, как сложение выигранных долек секунды, которые команда, соединив усилия, предоставляет тому, кто будет завершать атаку. Где и когда они будут приобретены и потеряны, эти дольки? Предусмотреть смену динамически переменчивых ситуаций и настроений не дано, к счастью, никому, а если бы сыскались такие сверхпредусмотрительные тренеры, стало бы в наших чемпионатах еще больше нулевых ничьих — избави боже от этой благодати!

И все же не будем преуменьшать возможностей тренера. Чем опытнее он — тем прозорливее. Уроки, даруемые олимпиадами, следует крепко держать в памяти.

* * *

Олимпийская столица Мехико рассталась с трамваем, но метро к шестьдесят восьмому еще не построила. Все, что двигалось по ее улицам, было «поставлено на шины». В невообразимой автомобильной толчее наш автобус, то и дело едва слышно скрипя тормозами, пробирался к «Арене», где проходил турнир боксеров. Ехали уже минут сорок, а путешествию не было видно конца-краю. Но невольно прислушавшись к разговору двух сидевших рядом болгар, я перестал скорбеть о бесконечности пути. Разговор был любопытный. Беседовали боксер Петар Стойчев и его тренер.

Довелось видеть предыдущий бой Петара, бой трудный, жесткий, после которого болгарину долго и по-мексикански горячо аплодировали. Ехал на очередной свой поединок Петар в хорошем настроении, «Арена» вызывала приятные воспоминания, нетрудно было догадываться, как встретят его зрители, да и противник попался средний: мускулистый, но медлительный финн Нильсон.

А тренер говорил примерно так:

— Вот что хорошо бы иметь в виду. Вчера наши футболисты выиграли у мексиканцев. Так что ты на всякий случай приготовься, болеть будут против тебя. Ты знаешь, как это здесь умеют делать.

— Не страшно, — ответил Петар и приятельски положил руку на плечо тренера, как бы успокаивая его.

Накануне вечером по телевизору показывали фрагменты матча, о котором вспоминал тренер. Начинался репортаж запомнившимися кадрами — радостно возбужденные лица зрителей, верящих в свою команду и неминуемую ее победу, флаги всевозможных

размеров и транспаранты, самодеятельные оркестрики, в которых главные партии исполняют трубы и трещотки. Но текли минуты, и все реже взлетали над трибунами флаги, все тише звучали трубы, а на лица мексиканцев было жалко смотреть. В конце матча вдоль одной из трибун растянулось невесть каким пессимистом припасенное черное, метров в пять полотнище с черепом и костями посредине.

Прошли сутки, но не забыли мексиканцы горькой обиды. И едва появился на ринге болгарский боксер, засвистели, затопали ногами, всем своим видом показывая неприязнь к тому самому боксеру, которого так тепло провожали накануне.

Но вот начал раскланиваться Нильсон, и такие вознеслись к высокой кровле Дворца приветственные возгласы, что можно было подумать, будто не было на этом ринге бойца техничнее. Слепа бывает порой жажда спортивной мести, малопристойного утоления требует.

Понятие «объективность» испытывало под сводами «Арены» мучительное переосмысление.

Петáр словно сказал себе: ничего, я сейчас сделаю вас своими союзниками. Размашисто, нимало не беспокоясь о защите, пошел вперед, нанес один точный удар, второй, загнал противника в угол, тот обреченно закрыл перчатками лицо... в зале кладбищенская тишина. Один только раз, будто с отчаяния ударил финн, ударил по перчатке, по рядам прокатилось ликование. Но оно мгновенно пресеклось: схватившись за канаты, финн медленно оседал на пол. Рефери открыл счет. Чудом продержался финн до конца раунда и на плохо слушающихся ногах дошел до своего угла.

Честно сказать, бой можно было и не продолжать, и так все было ясно. Почему не выкинул белое полотенце секундант, трудно сказать.

В самом начале второго раунда Нильсон пошел вперед, как идут обреченные,— напролом, пока были хоть какие-то силы, он решил поискать потерянное счастье в ближнем бою. Зал одобрительно загудел. Его наэлектризованность передалась судье. Когда противники сошлись в клинче, он остановил бой, сделав предупреждение Петару. За что — не мог бы сказать никто. Еще через минуту последовало второе предупреждение.

Крики действовали на судью, в этом не было никакого сомнения. Он то и дело поглядывал на боковых помощников, как бы спрашивая у них, догадываются ли они, что происходит в зале?

Снова перехватил инициативу болгарин. Только теперь он не торопился.

«Я решил подождать, пока Нильсон иссякнет, и не понимал, почему тренер все время кричал: «Вперед, вперед»,— говорил после боя Петар. — Мне казалось, что я лучше чувствую ситуацию. Мы обменялись ударами, мне оставалось провести еще один. Но в этот момент рефери снова остановил бой. Я ничего не понял. И вдруг он развел нас по углам, а потом поднял руку Нильсона».

Мало кто был способен ответить на вопрос: что же происходит на ринге? Был едва державшийся на ногах финн, адский рев и че-

ловек в белом, поддавшийся настроению зала. Огорченно хлопнув полотенцем себя по ноге, со сцены уходил тренер Стойчева. Ученик не послушался его И проиграл.

* * *

Минут через десять на «Уэмбли» начнется матч за третье футбольное место в мире. На это почетное место претендуют команды Советского Союза и Португалии. На трибунах полно португальцев, но хорошо слышны и приветственные возгласы матросов двух советских сухогрузов, пришедших в устье Темзы. Позже рассказывали, что на этих судах работа перед турниром спорилась как никогда, победители соревнования получали ценнейший приз — билет на «Уэмбли».

Команды выбегают на поле. Одну цепочку возглавляет вратарь Лев Яшин, другую — форвард Эйсебио. Пока они в спортивном приветствии готовятся пожать друг другу руки, но близка минута, когда они станут друг против друга как дуэлянты, и будет между ними всего одиннадцать метров.

А пока... После обмена рукопожатиями Яшин протягивает португальскому капитану вымпел. Тот, однако, заметив мяч, пролетевший рядом (не специально ли последовал этот продольный пас?), припускается за ним, на ходу показывая жестами: потом, потом. Яшин остается посреди поля с вымпелом в руках.

Ситуация не из приятных. Яшин знаменит, на него смотрит весь переполненный стадион, и телекамеры нацелены на него. Как поступить капитану? Ему же необходимо размяться, почувствовать себя в воротах. Неспешным шагом отправиться туда, где ждут его форварды, начавшие работу с мячом. Но что сделать с вымпелом? Взять его с собой, еще подумают, черт побери, что Эйсебио демонстративно отказался принять советский вымпел... Сколько западных журналистов не откажут себе в удовольствии просмаковать эпизод, придать ему политическую окраску?

Положить вымпел на траву? Тоже не хорошо, кто-нибудь нечаянно наступит. Кто подскажет, что сделать Яшину, стоящему в центре поля с вымпелом в руках вот уже пять, семь, почти девять минут? Никто не даст совета. Капитан терпеливо ждет.

За те десять минут, что португальский вратарь в поте лица ловит и отбивает мячи, разгоняя и горяча кровь, прилаживая мускулы, пальцы, глаза к предстоящей нелегкой работе, Яшин ни разу не дотрагивается до мяча рукой.

На лице тренера нашей сборной играли желваки. А руководитель сборной, глотал одну крохотную таблетку за другой. Яшину пробовали крикнуть: «к воротам!», мол, плюнь на все и хоть немного разомнись. Тот продолжал ждать Эйсебио. Лишь за минуту до начала матча, возвращаясь с поля, португальский капитан подошел к капитану нашему, хлопнул его по плечу и взял вымпел.

Вратарь сборной СССР вступил в игру за третье место в первенстве мира без разминки. Только человек, не имеющий ни малейшего представления о спорте, не догадается, что это значит. Это все равно что подойти на чемпионате мира к штанге с рекордным ве-

сом, миновав зал разминки, и ни разу до этого не вскинуть на грудь, на вытянутые руки многопудовый груз.

Яшин слыл сильнейшим вратарем мира. Привыкший к честной, открытой игре, он забыл, скорее всего, что существуют на свете прямо противоположные разновидности игр. Кто-то высказал предположение, что ход Эйсебио был заранее спланирован и рассчитан. Обратили внимание, как на каждую игру выходит советский капитан с вымпелом, и нашли возможность обернуть этот добрый знак товарищества против команды, демонстрировавшей его.

Вряд ли кто-нибудь возьмется утверждать со всей определенностью, что Яшин был способен парировать пенальти, пробитый Эйсебио, если бы по-настоящему размялся, «почувствовал себя в воротах», несколько раз бросился бы в угол ворот за мячом. Вряд ли могло бы послужить доводом то обстоятельство, что Яшин много раз брал пенальти, пробитые сильнейшими форвардами мира. Про итальянских нападающих, например, писали и говорили, что они просто терпеть не могли выходить бить пенальти Яшину, что он один парировал чуть не больше мячей, чем все остальные вратари команд, с которыми встречалась в шестидесятые годы «Скуадра адзура». И все же...

Яшин угадал направление удара Эйсебио, бросился наперерез мячу, на мгновение как бы распластался, застыл в воздухе. То был красивый бросок... И одной только долечки секунды — может быть, десятой, а скорее всего, сотой — не хватило ему, чтобы отбить мяч. Та долечка была потеряна чуть раньше — в минуты перед матчем.

В дуэли между двумя капитанами, когда они остались один на один, чуть не на равном расстоянии от мяча на одиннадцатиметровой отметке (бивший сделал длинный разбег), преимущество было на стороне того, кто размялся по всем правилам футбольной науки. Вратарю оставалось уповать на случай, везение, счастье. Увы, этого недостаточно, когда имеешь дело с профессионалом высшего класса.

Нет в спорте мелочей. Настолько обострилась, ожесточилась борьба, настолько престижной, на весь мир — с помощью телевидения — стала любая хорошая спортивная победа, что ради достижения ее противник может изобрести самую неожиданную уловку.

Пусть станет уроком и эта маленькая история с вымпелом.

* * *

Олицетворением завидного умения японца сказать многое в малом стали в шестидесятые годы крохотные транзисторные радиоприемники, ловившие «весь мир» и тем самым весь мир и завоевавшие.

В Стране восходящего солнца родились хокку — трехстрочные стихотворения, поражающие богатством поэтических образов. Чтобы дать представление об этом жанре, приведу хокку, написанное Фукудой Тие более двухсот лет назад «Вспоминаю умершего ребенка»:

Больше некому стало
Делать дырки в бумаге окон.
Но как холодно в доме!

Но к этой главе больше подошло бы другое трехстишье:

Тихо-тихо ползи
Улитка по склону Фудзи,
До самых высот!

Не у той ли улитки взяли свое терпение японцы? Свое умение доходить до цели, какой бы трудно достижимой она ни была.

О терпении. В Японии существует культ бонсаи. Это миниатюрные деревья, которые выращивают в специальных керамических вазочках. Вы можете встретить в маленькой комнатке японца (едва ли не вся обстановка — циновка на полу да полка с Энциклопедией) цветущую сакуру — вишню, ставшую чуть не национальной эмблемой, такой же крохотный кедр или клен. Выращивают их на протяжении столетий, строжайшая «диета» не дает разрастись корням: искусством прадедов любуются и гордятся далекие потомки.

Привлекательно искусство найти многое в малом, найти «секрет» и поставить его себе на службу.

Сколько миллионов людей в разных странах брало в руки волейбольный мяч. Кругл и прост, как апельсин, только размером побольше. А один японец — звали его Даймацу, и был он тренером женской команды «Ничибо» — решил посмотреть на мяч своими глазами, нет ли в этом «кожаном баллоне, надутом воздухом», чего-то такого, что не разглядели другие?

При плавном полете мяч всегда обращен к земле одной точкой — именно той, в которой находится крохотный шланг или ниппель для надувания камеры. Даймацу спрашивал себя — а что получится, если при подаче держать мяч так, чтобы та самая точка смотрела вверх? А что если научиться подавать мяч по-особому?

Тренер призвал на помощь кинокамеры, наставления по механике и динамике, а еще японское терпение. Сколько тысяч, нет, сколько миллионов раз надо было посылать через сетку мяч по-новому, ударяя по одному и тому же месту с одинаковой силой и одинаковой точностью, чтобы изобрести неведомую пока никому подачу «гуляющий мяч».

Он и впрямь вел себя в воздухе не как нормальные мячи. Словно захмелев, шел, вихляя из стороны в сторону, а перелетев сетку, падал камнем вниз, приземляясь вовсе не в той точке поля, где его ждали. Вот такое грозное оружие привезли японки на чемпионат мира 1962 года в Москву. Грозное и секретное. И вдобавок дающее, так сказать, дополнительный психологический эффект.

Помню, как растерянно разводили руками во Дворце спорта в Лужниках наши девушки, не сумевшие принять первой, второй, шестой подачи, а ведь наши были не новички, как-никак чемпионки мира! Со званием пришлось расстаться. Оно перешло к японской сборной, костяк которой составляли волейболистки «Ничибо».

Все было вполне естественным и согласовывалось с законами

и справедливостями спорта: ищущие возвышаются, живущие старым опускаются.

Новое изобретение славно служило изобретателям еще не на одном чемпионате, пока команды других стран не постигли тайну «гуляющего мяча». Во всяком случае, на Олимпиаде 1964 года это оружие в руках японских волейбольных команд было еще достаточно острым.

Но только ли это оружие? Не было ли на тех Токийских играх примеров неожиданных «японских ходов», к которым следовало приглядеться.

Одно небольшое отступление. В 1964 году, незадолго до начала Игр, в Москву приехала группа сотрудников японской газеты «Токио Симбун», чтобы рассказать своим читателям, как готовятся к Олимпиаде советские спортсмены. Меня попросили помочь им, и вот теперь один из них — господин Хори считал своим долгом ответить добром. Я нашел не только гида, переводчика и шофера, но и человека, хорошо знающего жизнь Токио, а главное — его улицы, в какой час по каким магистралям, улочкам и переулкам можно быстрее доехать до места, казалось, что я терял на дорогу куда меньше времени, чем некоторые мои товарищи. Кроме того, более разумно использовалось время в пути: Хори-сан был отличным рассказчиком. Он пользовался случаем поговорить по-русски, который изучал в университете, я же — возможностью узнать что-то новое о Японии и японских спортсменах.

За три недели я спросил у него, должно быть, полтора миллиона раз:

— Не могли бы вы, Хори-сан, объяснить мне...

— Пожалуйста, пожалуйста, — с готовностью откликался он, а я невольно думал, что, живи он несколько столетий назад, его, без сомнений, можно было бы причислить к славной когорте энциклопедистов, которые «знали все обо всем». К той давней поре человечество успело накопить слишком небольшой запас знаний и мудрости и было вовсе не зазорно «знать все». Теперь таких людей называют верхоглядами, а слово «всезнайка» получило уничижительный оттенок. И я не удивлялся, когда время от времени Хори признавался:

— Я не могу ответить, но мы с вами обязательно найдем человека, который может.

Но то, что знал Хори-сан, знал крепко, ему можно было вполне доверять.

В первый же день волейбольного турнира он предложил совершить поездку в Иокогаму, где советская мужская команда встречалась со сборной Румынии. Имея довольно приблизительное представление о «предолимпийской раскладке сил», наши были настроены на этот матч как на главный: до этого румыны выиграли у нас несколько раз и в официальных и в товарищеских матчах, все понимали, какой заряд бодрости принесет победа. Вышли на игру предельно собранными, кидались, не жалея себя, за, казалось бы, безнадежно потерянными мячами, случалось, «вытягивали» их, а в нападении играли мощно и разнообразно и взяли все три сета. Потом

в прекрасном настроении расположились на трибунах и стали наблюдать за матчем Япония — Южная Корея.

Японцы знали, что русские остались.

— Я не вижу нашей команды. Я не понимаю, что случилось с нашей командой, — сокрушенно говорил Хори. — Как будто все те же игроки, а играют так плохо, будто первый раз вместе вышли на площадку.

После каждого проигранного мяча кто-нибудь из японских игроков украдкой бросал взгляд на ту трибуну, где сидели советские волейболисты. Известно, сколь сдержанны в проявлениях чувств японцы, но некоторые из них досадливо рассекали ладонями воздух, когда по их оплошности терялось очередное очко... Замечаний, однако, друг другу не делали. Это у японцев не принято (слава такому правилу).

Когда счет стал 14 : 9 в пользу южнокорейских волейболистов, кто-то из наших сказал:

— Поехали, ребята, кажется, и с японцами делать нечего. Не те японцы.

Наши дружно кивнули головами, забрали вещевые сумки и двинулись к выходу. Японские волейболисты словно только этого и ждали. Когда последний наш игрок покинул зал, их капитан хлопнул в ладоши и громко произнес: «Уш!»

— Что такое «уш»? — спросил я у Хори.

— Не знаю, как точно перевести. Вроде русского «поехали».

«Уш!» отозвались пятеро других игроков и взялись за серьезную работу.

— Вот теперь я узнаю ребят! — произнес Хори, и на лице его отпечаталось удовлетворение.

Все стало получаться у игроков с эмблемой Страны восходящего солнца. А другое солнце — на груди южнокорейских волейболистов вдруг померкло и быстро-быстро покатилось к закату. Те и опомниться не успели, как в считанные минуты были растерзаны на глазах млевших от восторга зрителей. Вели 14 : 9, а проиграли 15 : 17. Два других сета показали, на что способны японские волейболисты. Набрав в них тридцать очков, они отдали соперникам лишь пять.

Полагаю, не без удивления узнали о результате матча наши волейболисты. Догадывались ли они об уловке японцев? Вполне возможно, догадывались. Но непростое это дело вытравить самое главное из впечатлений — зрительное. Во всяком случае, настраивались они на матч с японцами вовсе не так, как на матч с румынами. Не было азарта и самоотреченности — двух компонентов (не могу найти более подходящего слова), отличающих одушевленную команду. Все было правильно в игре сборной СССР. Но не всегда порядку суждено торжествовать на спортивном ристалище. Японцы играли с нашими так, как наши играли с румынами: каждый из них всего себя вкладывал в каждый разыгрываемый мяч.

Очевидно, не будет ошибкой написать, что советы и предостережения, которые слышали советские игроки перед этим матчем, воспринимались как дань обычаю: тренеры обязаны предупреждать, вот они и предупреждают. Настроившись на сравнительно нетруд-

ную победу, но столкнувшись с упорством и вдохновением, наши с превеликим трудом выиграли первый сет — 16 : 14 (а вели 14 : 7). Показалось, что именно тогда, в конце первой партии, советскую сборную поразил вирус сомнения, спутник всевозможных жизненных неурядиц. После второго проигранного сета заболевание перешло во вторую стадию — сомнение породило неуверенность. Когда же замаячила угроза поражения, можно было ставить безошибочный диагноз: команда расплачивается за «недостаточные профилактические меры» — за незнание противника, за переоценку собственных сил. Наших было трудно узнать, как, впрочем, и японцев, которые сделали все, «чтобы соперникам было плохо, а им хорошо».

Наши проиграли 1 : 3. То поражение едва не стоило золотых медалей. Вот как выглядело на практике торопливое суждение, высказанное в Иокогаме: «С японцами делать нечего».

На одном чемпионате мира японская мужская волейбольная команда уступила четвертый сет чехословакам со счетом 1 : 15. Можно было подумать: поняли разницу в силах, смирились с поражением, с таким счетом редко уступает классная команда. Даже чемпионам мира (в ту пору этот титул носила сборная ЧССР). И радовались каждой выигранной подаче японцы просто по привычке... Одним словом, делали хорошую мину при плохой игре. Матч сделан, решили тележиссеры и перестали транслировать пятую партию. А ее-то как раз и полезно было и показывать и смотреть. Ибо после очередной смены сторон к сетке вышла — от такого впечатления было трудно избавиться — совсем иная, помолодевшая, что ли, команда... столько оказалось в ней неизрасходованных сил, столько азарта и жажды борьбы. С блеском выиграли и партию и матч хитроумные японцы, сумевшие и на этот раз внушить соперникам превратные представления об истинной своей силе. Чемпионы мира проиграли на турнире лишь один этот поединок.

Находить способы психологического воздействия на противника, уметь ставить тактическую задачу на каждую стадию борьбы, определять кульминационный момент противоборства и обескураживать противника неожиданным маневром — искусство. В волейболе, в игре с частой сменой ситуаций и сменой настроения, даже маленькое психологическое преимущество находит безошибочное выражение в очках.

Несколько удавшихся комбинаций на волейбольной площадке дают редкий прилив сил: все получается у команды, кажется, никто ей не страшен: она поверила в себя и стала в десять раз сильнее... в глазах соперников.

Каждый мало-мальски знакомый со спортом знает этот удивительный его закон неожиданного «удесятерения силы». Но если все получается у тебя, значит, не все получается у противника. Будто бы какая-то часть его силы и искусства магически переселилась на твою половину площадки.

Любая неожиданность — тактическая или техническая — благо ищущей команды, ищущего тренера, ищущего игрока.

Вспомнили в начале этой главы о японском тренере Даймацу. Вспомним теперь об одном волейболисте по имени Морита.

Он высок, реактивен и востроглаз. Только имея эти три качества, возможно было изобрести то, что изобрел Морита. Вот он получил высокий пас и всем своим видом показал, что готов выполнить заключительный атакующий удар. Перед ним моментально возникает частокол из двух или трех пар рук. Но Морита и не думает прыгать. Он ловит свое мгновение. Именно мгновение: легко и невысоко оттолкнувшись, он бьет в тот момент, когда блокирующие уже приземлились.

Сколько очков в турнирах высочайшего ранга принесла волейболистам Японии одна только эта находка Мориты. И сколько очков теряли авторитеты, для которых новинка оказалась полной неожиданностью.

— Тибет не отверг ни одной песчинки, — гласит восточное изречение.

* * *

Однажды Анатолий Владимирович Тарасов сказал:

— В тот самый день, когда Валерий Брумель установил новый мировой рекорд — два двадцать восемь, я подумал, что стало бы со мной, если бы я вдруг, к несчастью, оказался его тренером? У меня был бы инфаркт. Понимаешь, инфаркт. Не от радости. Я понял бы в ту самую минуту, что обязан поставить перед Брумелем новую задачу — два тридцать. Но как подойти к той высоте, я еще не знал. С другой стороны, понимал бы, что если не поставлю перед своим учеником новой задачи, то как тренер буду мало стоить. Точно говорю, инфаркт бы получил.

Планка на той высоте — «228» манила, дразнила, испытывала самолюбие атлетов на всех материках. Сперва была по плечу лишь одному, потом пяти, десяти. Эти десять копили силы для нового штурма, а за ними шли на приступ новые шеренги.

Вроде бы совсем недавно проходил разговор с А. В. Тарасовым, а «230», казавшиеся фантастикой, стали реальностью: к ним стали приглядываться все пристальнее и заинтересованнее прыгуны разных стран. «Они копили силы для нового штурма, а за ними шли на приступ новые шеренги» — иначе не скажешь. Так всегда было. Так всегда будет. Это счастье спорта!

И ведет одаренного и честолюбивого атлета от высоты к высоте человек, который в наши дни обязан знать гораздо больше, чем знали его коллеги еще совсем недавно. Имя ему тренер. Представитель одной из самых неспокойных, но зато и престижных профессий нашего времени.

Сегодня само собой разумеется, что тренер имеет широкие представления о тактике и стратегии спортивной борьбы, что он знаком с индивидуальными особенностями каждого из своих учеников, что он может дать четко обоснованную установку на каждый поединок. Но всего этого будет недостаточно, если тренер не найдет одного — тона, каким надо разговаривать со спортсменом. На свете нет двух одинаковых характеров. Двух спортивных характеров тем более. И проявляются они в разном по-разному.

Задумывались ли вы о том, почему один сверходаренный атлет

показывает феноменальные результаты на тренировках и в соревнованиях с заведомо слабыми противниками, а в состязаниях с конкурентами более или менее достойными вянет со страшной силой, кажется, что даже с трибун видно, как дрожат коленки. Ну а другой... другой рвется в бой с теми, кто сильнее его, ему доставляет удовольствие именно такое испытание сил, в котором его организм, нервы, воля будут работать на повышенных оборотах, он видит счастье в острой борьбе, она помогает ему стать искуснее, полнее проявить свое «я».

Эмоциональная чуткость и педагогический такт... Ушинский писал, что никакие знания не могут заменить воспитателю этих качеств.

Перед выходом на старт кого-то надо успокоить, а кого-то и возбудить: работа всех органов чувств на повышенных оборотах — помощник спортсмена, в то же время чрезмерное волнение, размывающее истинные представления о собственных силах и силах противника, — враг. Тренер обязан четко предвидеть, как будет реагировать на то или иное его слово воспитанник. Не секрет, что одна и та же рекомендация может дать прямо противоположные результаты, если применять ее без разбору.

Говорят, что психология — это умение оценить состояние человека (в данном случае речь идет об ученике), в то время как педагогика — искусство совета и рекомендации, всесторонне учитывающее это состояние.

Мы еще встретимся в этой книге с тренерами, владеющими из всех небесных даров даром настраивать на поединок с помощью одних и тех же трафаретных заклинаний или увещеваний, с помощью одной привычной интонации, выработанной на все случаи переменчивой спортивной жизни.

На одном спортивном совещании выступал известный футболист, игрок московского «Локомотива». Он рассказывал, как после серии неудач в команду зачастили гости из Министерства путей сообщения. Один сказал: «Хорошо бы вам помнить, что за вас переживают полтора миллиона советских железнодорожников». А перед следующей игрой приехал другой, более солидный работник, который сказал: «Вы должны знать, что от вашей игры в значительной степени зависит производительность труда двухмиллионной армии советских железнодорожников». А третий товарищ перед третьей игрой говорил уже о двух с половиной миллионах работников стальных магистралей.

Много ли толку от эдакой «педагогики»? Каждый мастер наслушался заклинаний в своей жизни, слава богу! В самом деле, к чему все это? Ведь не робкие растерянные новички выходят в наши дни на крупные соревнования, а бойцы, понимающие что к чему.

* * *

Мне всегда казалось, что Александр Иваницкий поспешил уйти из борьбы, что одаренный атлет, шесть раз выигрывавший мировые чемпионаты, а в 1964-м звание олимпийского чемпиона, мог бы продержаться, по меньшей мере, одно четырехлетие.

Сам на эту тему со старым товарищем не заговаривал, очевидно, он лучше других понимал, какое это непростое искусство уйти в зените славы, раз решился на такой шаг. Да и то сказать: сколько было мастеров, которые не уходили в «свое время», оставались в спорте в тягость и себе и другим. Искусство истинного исполнителя проверяется не только тем, как сыграл он свою роль, но и сколь талантливо «ушел со сцены».

Мехико, Олимпиада 1968 года, борцовский турнир. Мы с Сашей сидим рядом. На двух коврах одновременно борются два наших. Но внимание все больше привлекает не наш борец — претендент на золотую медаль, а тренер, который суетится у его ковра. Осунувшийся, небритый, с покрасневшими от напряжения глазами, он произносит, нет, не произносит, а выкрикивает одну и ту же фразу:

— Давай, давай, иди вперед!

В перерыве схватки, обмахивая борца полотенцем, произносит. теперь уже не так громко, те же заученные слова.

Наш проигрывает. Тренер бьет себя кулаком по лбу, давая зрителям понять, какая окаянная доля у него, тренера, раз приходится иметь дело с таким непонятливым борцом, ведь говорил же ему: давай, давай, иди вперед. А он что делал?

Молчал бы уж лучше тренер во время поединка! А то — и слово серебро, и медаль — серебро.

Минут через пятнадцать наш тренер начинает ассистировать другому подопечному. Уже на другом ковре. Мы подсаживаемся поближе к нему. Тренер еще не отошел от пережитого. Подумать только: его борец вел с разницей в два балла, оставалось не более минуты, оказался на мосту, преимущество мгновенно испарилось, теперь вел японец, нашему надо было за оставшуюся минуту отыграть несчастное очко. Тренер был бы самым счастливым человеком, если бы это произошло. Не произошло.

Минуты через четыре после начала нового поединка раздалось хорошо знакомое:

— Ну иди же, давай, давай вперед!

Во взоре тренера читалась скорбь.

— Бывало жалел, что рано ушел из борьбы, — негромко, будто самому себе, сказал Саша Иваницкий.

— Почему вспоминаешь об этом сейчас?

— Потому что сейчас не жалею. Представил себе на минуту, что меня вывел на ковер этот самый: «давай, давай» — даже мурашки по спине побежали.

— Тогда ответь, Саша, как случилось, что такого тренера, ты ведь знаешь его давно, послали на Олимпиаду официальным лицом. Вполне мог бы поехать туристом.

— Я и сам себя спрашивал. Да не только себя. Говорят, он принял самые оптимистичные обязательства.

— И этого достаточно?

— Иногда да.

— Что же он, столько лет в борьбе, а не научился разговаривать, талдычит одно и то же всем подряд.

— Этому в институте его не обучали. Как, впрочем, и меня —

искусству разговаривать со спортсменами в крутые минуты поединков, не учили тому, как лаконично и убедительно передать борцу самую нужную, единственно допустимую рекомендацию... или совет... и каким тоном этот совет произнести. Вообще, мне кажется, мы мало думаем о том, какую роль играет слово тренера в напряженном и равном поединке.

Эта мысль перекликалась с высказыванием врача В. Алексеева, много лет работающего в области психологии спорта:

«Пришло время, когда тренеров, которые по роду своего образования и деятельности являются педагогами, нужно учить медицински грамотному обращению со словом. Иначе их воспитанники не смогут двинуться на покорение новых вершин в спорте так скоро, как того требуют обстоятельства. Медицинская грамотность не только резко уменьшит число всевозможных психических дисгармоний у спортсменов, но и позволит создать ту гармонию отношений в спортивной среде, без которой невозможна плодотворная работа».

Без точной моральной установки, вырабатываемой классическим дуэтом «тренер—врач», а еще лучше «тренер—психолог» (громогласные советчики из числа некоторых чрезмерно активных администраторов не в счет), атлету, каким бы талантливым он ни был, не возвыситься в суровой жизни, именуемой спортом.

ГЛАВА 2

Беседа в очереди на прививку. «А я бы таких на пушечный выстрел не подпускал к спорту». Лучшие дела совершаются на положительном эмоциональном фоне. Отсев и такт

Верная рука, острый глаз и крепкие нервы — союзник в любом спортивном деле. Но вряд ли есть вид спорта, в котором сплав этих трех качеств играл бы такую роль, как в стрелковом. Когда-то сам в молодые годы увлекался им (давно пожелтели грамоты и покрылись матовым налетом жетоны), работал тренером, но до сих пор в счастливых снах вижу себя на огневом рубеже: в телогрейке, массивной перчатке на левой руке и, кажется, ощущаю щекой тепло знакомого приклада. Впереди в пятидесяти метрах на пять секунд появляется небольшая обрезная мишень... Если ты попал, через десять секунд она поднимется снова. Суровый немногословный тренер Николай Викентьевич Идель, кажется в нарушение правил, подходит к огневому рубежу и кладет рядом со мной новую пачку ПТБ — патронов точного боя. В предвоенные годы они ценились на вес золота, и хранил их тренер до самых главных соревнований сезона. За пять секунд при специальной тренировке можно успеть многое: прицелиться, выстрелить, перезарядить винтовку, снова прицелиться и выстрелить второй раз. Правила этого не запрещают. «Разоришь ты меня», — вроде бы недовольно бурчит Николай Викентьевич, а сам небось радуется: как-никак превзойден республиканский рекорд, «а еще не вечер». Но последний патрон третьей пачки дает осечку. И первый патрон четвертой — тоже. Мишень исчезла. Ничего не поделаешь. Не повезло. Произошло то, что не

зависело от тебя, от твоего умения и хладнокровия. Ты не показал того, на что был способен, к чему готовился не один год. Но никто не виноват — ни тренер, ни судьи, ни ты сам... Идель придирчиво разглядывает расплывчатый текст на коробке и, как бы утешая себя, говорит:

— Все ясно, выпущены в конце года, должно быть, торопились с планом.

Твоим противником неожиданно оказался недобросовестный мастер, живущий в другом городе и вложивший в пачки ПТБ по одному «дурному патрону».

И все же, как часто становимся противниками «сами себе»?

* * *

Не так давно встретился со стрелком К. Оказались соседями на баскетбольном матче. Разговорились.

— Помните нашу встречу в очереди на прививку? — спросил он.

— Конечно, помню.

— И я помню. И спрашиваю себя, а далеко ли мы ушли с той поры? Ведь иногда история повторяется почти «слово в слово».

— Ну уж тут позвольте вам не поверить, как-никак прошло семнадцать лет. Говорят, человечество стало умнее... за это время.

— Вы не допускаете, что могут быть исключения?

— Допускаю вполне.

— Мне рассказывали, что примерно по тому же принципу отбирали к Монреалю, и не только к Монреалю.

...Мы оказались с К. рядом в очереди на прививку душным днем, примерно за неделю до вылета наших олимпийцев в Токио. Поразился перемене, происшедшей с ним.

— Трудно переносите жару?

— При чем жара? Очередь большая, может, выйдем на воздух?

Не легко было представить, что же могло случиться со знаменитым стрелком, чемпионом страны, победителем Спартакиады. Ведь еще совсем недавно он выглядел таким счастливым и в жизни и на портретах в газетах и журналах. Под глазами большие круги — то ли от переживаний, то ли от бессонницы... Нет, он мало напоминал человека, которому доверена высшая честь — выступить на Олимпиаде. Сколько знаменитых стрелков было у нас в конце сороковых — начале пятидесятых годов, как много бы отдал каждый за право сразиться не заочно, в борьбе за рекорды, а на одном рубеже с сильнейшими мастерами мира. А у моего собеседника тени под глазами и землистый цвет лица.

Мы вышли на улицу, стали под деревом, чувствовалось, что К. не слишком хотелось начинать разговор. Молчание становилось неприличным.

— Много тренировались? Устали?

— Нет, просто не сплю последние ночи.

Снова помолчали.

— Боитесь Олимпиады?

— Кажется, я туда не еду.

— Новость! Разве вы не были первым номером в команде? Для чего же тогда прививки?

— Скорее всего, на всякий случай. Говорят, тренер хочет взять запасного. Будто ходит, хлопочет за него. Это его ученик. А у меня на последней прикидке не пошло. И родные и друзья знают, что я еду. Даже не могу представить, что будет, если останусь.

«Наверное, что-нибудь не договаривает, — грешно подумалось тогда. — Ведь не от одного только тренера зависит комплектование команды. Там и врачи и ученые. Должно быть, составили психологические атласы претендентов и решили отбирать не столько тех, кто хорошо стреляет в более или менее спокойных условиях, сколько тех, у кого крепче нервы, кто не подведет в состязании на высшем уровне. Наконец, тех, кто может надежнее поработать на команду.

Так всегда было и так всегда будет. Маленькая несправедливость по отношению к одному во имя справедливости большой. Разве можно забыть поговорку — хорошо не то, что хорошо само по себе, а что к чему идет? Не случилось ли, что талантливый, но легко возбудимый стрелок дисгармонирует с командой?»

Эту мысль, однако, не пристало целиком озвучивать.

Говорят, с командой работают и врачи и психологии, не может ли быть, что рекомендации от них?

— При чем врачи? При чем психологи? Живем в одной комнате все четверо. А поедут трое. Вот и вся психология. Кто-то лишний. Но кто? Я думаю про себя. А другой — тоже про себя. И все ворочаются в кроватях чуть не до рассвета. Э...э... о чем я говорю, — словно по бубну ударил ладонью К. — Вам не понять. У вас все спокойно и налажено, у журналистов. Делайте прививку и улетайте. Даже подниматься не хочется в тот кабинет.

Как это он сказал: «Вам не понять!» Сперва надо поставить знак восклицательный в конце его фразы. И сразу знак вопросительный: знает ли он, о чем говорит?

От нашей редакции должны были лететь в Токио три человека: главный редактор и редакторы двух отделов — олимпийского и международного. А потом стали поговаривать, что едут двое. Главный редактор — без сомнения. Значит, на одно место два претендента: Сергей и я.

Ходим и маемся. И начинаем замечать друг в друге недостатки, на которые (мне так кажется) раньше не обращали особого внимания. Мне, например, не нравится, что на заседании редколлегии Сергей говорит:

— В своих первых передачах в Токио я намерен написать о том, как...

Главный редактор не перебивает его, значит, между ними все уже решено, и от меня скрывают правду. Не хотят, чтобы переживал. Ничего страшного, утешаю себя: ты был в Риме, а Сергей не был, по справедливости должен ехать он. Самому никого ни о чем спрашивать нельзя. Чтобы не унижаться в глазах — и чужих, и что важнее, — в своих.

И вдруг, каким, черт побери, симпатичным и добрым товарищем

снова, как в былые времена, начинает казаться Сергей, когда тоном равнодушным говорит:

— Приглашают в ателье на вторую примерку.

— Обоих?

— Всех троих.

Хорошо знаю, что такое режим экономии, так бы и шили нам по меркам олимпийские костюмы, если бы кто-нибудь вдруг и остался!

Еще через два дня объявляют рейс, которым мы летим. Разрабатываем с Сергеем планы первых корреспонденций из Токио (стоит ли говорить, что масштабами своими они мало чем уступают планам строителей египетских пирамид?), вместе макетируем полосы, посвященные открытию Олимпиады. Накануне отлета, как и было условлено, едем в ателье за олимпийской формой, и здесь от главного портного узнает Сергей, что на Олимпиаду он не едет. До сих пор помню, как дрогнула его сигарета, «докуренная до пальцев», чувство неловкости, которое я испытал перед товарищем, и чей-то скрипучий голос из очереди:

— Товарищи журналисты, не задерживайте других!

Спрашиваю себя в самолете: не слишком ли ты копаешься в собственных переживаниях? Подумаешь, плохо спал до последнего дня, да и сейчас, когда все кругом мирно почивают, берегут эмоции до Олимпиады, ты не можешь «сомкнуть усталых вежд». Вежды, вежды, невежды, ну хорошо, всем наплевать, какое будет настроение у журналиста, напишет первые материалы чуть похуже, чем мог бы, велика ли потеря, кто обратит на это внимание? У читателя другие заботы, главное, чтобы выиграли наши, а как об этом напишут, дело пятнадцатое, а может быть, и сто пятнадцатое.

Одну минуту. Но ведь то же самое, но только возведенное в квадрат, пришлось пережить и стрелку, чемпиону Спартакиады и первому номеру. И у него тоже был свой Сергей, который в определенные дни, пока все не встало на свои места, здоровался с ним одними ресницами. Вот он К., на два ряда сзади. Откинул голову далеко назад на спинку кресла и сладко посапывает. Отошел лицом и, скорее всего, душой. Спит мирно, как младенец, которого только что вкусно накормили. Интересно, что снится ему?

Английский философ писал: «Мы не думаем, мы ожидаем». Можно было бы поспорить. Олимпиец (или кандидат в олимпийцы?) думал, думал слишком много — о себе, о товарищах, ставших на какой-то срок соперниками, нет, точнее конкурентами, и снова превратившихся в товарищей... Думал, и ожидание казалось ему невыносимым.

Стоит ли говорить о том, как ждал я вестей со стрельбища. И как обрадовался, узнав о серебряной медали К. И все же точил червь сомнения. Совсем немного очков отделяло серебряную медаль от золотой, завоеванной американцем. Были ли они потеряны только в тире? Или в дни мучительных переживаний, когда будущий олимпиец казался себе в десять раз слабее, чем был на самом деле? Так ли просто было стряхнуть с себя за десять дней все сомнения, получить точный взгляд на обстоятельства и на себя, прогнать без-

радостные мысли, незвано приходившие в тягучие бессонные ночи, когда надо было только делать вид, что спишь?

Через несколько дней после Олимпиады, в самолете, летевшем домой, я рассказал ту историю (не называя фамилии) своему соседу, члену Олимпийского комитета. Слушал он без всякого интереса, мне даже показалось неприязненно. А потом сказал убежденно, хорошо поставленным басом:

— В молодые годы, работая тренером, я таких впечатлительных юношей на пушечный выстрел не подпускал к спорту. Приходили ходатаи, говорили что-то про способности и таланты, но я бывал непреклонен. Может быть, раз ошибся, да десять раз попал в точку. Настоящий спортсмен должен быть знаком с законами отбора, а олимпиец тем более. А если он ночей не спал да переживал... Настоящий спортсмен всегда должен помнить о своем долге, всегда должен быть готовым к показу своих лучших результатов. Тут многое, если не все, от саморегуляции зависит. Умеет настраиваться на борьбу и победу, честь ему и хвала, не умеет — пусть играет в доме отдыха. В пинг-понг.

А еще через несколько месяцев была встреча в Ленинграде. С человеком, который и пожил и повидал не меньше, был хорошим спортсменом, доктором наук и профессором. Его точка зрения представляется куда более достойной:

— Тем тренерам, которые вселили сомнение в человека и лишили его перед олимпиадой веры в себя и спокойного сна, я поставил бы за профессиональный такт двойку. Хотя если по справедливости, больше подошла бы единица. Потому что из-за тренеров и организаторов он показал меньше того, что мог. Спортсмену необходима предельная концентрация воли для победы над искушенными сильными противниками. Такие победы рождаются на положительном эмоциональном фоне, только на положительном фоне. Современный спорт с его жесткой борьбой обязывает нас лучше, глубже знать, что такое «я» каждого спортсмена. Знать его наклонности, привычки, особенности психики. Хотел бы еще заметить попути, чем больше таких разных, не похожих друг на друга «я» в коллективе, тем лучше. Ибо тем ярче и многообразнее ставится то, что объединяется понятием «мы».

...Итак, мы познакомились с двумя противоположными взглядами на один в общем-то не очень заметный факт из олимпийской хроники.

Боец, преисполненный сомнениями, не спит перед олимпиадой. Один предлагает людей такого склада «на пушечный выстрел не допускать» к олимпиаде. Другой убежден, что надо искать такие пути, такие средства, которые помогли бы талантливому и впечатлительному (некоторые, противопоставляя эти два понятия, пишут: талантливому, но впечатлительному) мастеру показать все лучшее, что заложено в него природой и развито учебой.

К счастью педагогов и тренеров смелых и думающих и к несчастью для приверженцев всевозможных «годных на все случаи инструкций», боящихся отступить от вышеназванных инструкций не то что на шаг, а на полступни, люди отличаются друг от друга

не только внешностью, которая на виду, но и характером, который не всегда легко распознать и понять — способностью мыслить, чувствовать, переживать. И памятью отличаются. И нервами. Далеко ли в прошлое ушло время, когда на эту «внутреннюю структуру спортсмена» обращали не слишком много внимания? Помню высказывание на одной всесоюзной научной конференции известного тренера-практика, ополчившегося на молодого кандидата наук, который предлагал пригласить в ведущие наши команды специалистов-психологов. Тренер заявил:

— Психологи? Для чего? Или они помогут мне, тренеру, узнать своих ребят лучше, чем я их знаю? Никто и никогда мне в этом не поможет. А если я в такой помощи нуждаюсь, то мне как педагогу цена две старых копейки в базарный день (аплодисменты). Что такое психология? (настороженное молчание зала). Психология — это когда много говорят. А о чем говорят, не знает никто. В том числе сам оратор (смех и аплодисменты).

Невольно вспоминаю и другого тренера, прославившегося тем, что вывел многострадальную команду из второй лиги в первую, а затем и в высшую, после чего (к четвертому или пятому туру, к которому его молодая команда прикатила на одних нулях) был отстранен от футбольных дел. Затаился, начал коллекционировать мировые неприятности и несправедливости, находя в них оправдание собственных неудач. Переквалифицировался на травяной хоккей, вновь заставил заговорить о себе, дошел до степеней достаточных для дачи интервью. Рассуждал примерно так:

— Чем больше члены коллектива похожи друг на друга, тем сплоченнее команда. И что немаловажно — легче производить замены. — При этом вспоминал что-то очень подходящее о винтиках. Этот тренер отличался предельной аккуратностью. Дневники и планы его были одно загляденье (что не раз отмечали всевозможные комиссии, время от времени наносившие визиты в команду). Все в порядке было и с лекциями, и со стенгазетой, и культпоходами. А команда боялась этого тренера-неулыбу и через силу выполняла его предписания. После поражений тренер менял игроков, администраторов и врачей. И только убеждений своих не менял — принципиальным оказался человеком. А принцип был из тех, которые следовало бы сопровождать жирным знаком «минус». Одним словом, пронес свои взгляды сквозь годы. Человеком оказался пробивным и непотопляемым. И вот спустя немало лет я не без удивления прочел фамилию его среди членов тренерского совета. Говорят, с правильными выступает речами, знает, кого и когда поддерживать, против кого направить стрелы нелицеприятной критики...

Как это сказал мудрец? «Тот, кто не может делать сам, учит других, как надо делать. Кто не может учить других, учит, как надо учить». Увы...

Написав эти строки, вспомнил одну дискуссионную публикацию, имевшую подзаголовок: «Записки бывшего графомана». Откровенность делает честь автору, не зря говорят, что литература — это исповедь, в то время как, например, журналистика — проповедь. Но вчитываешься в исповедь и спрашиваешь себя: «кто судьи?» Автор

честно признается, что никогда не умел писать стихов. Вспоминает своих товарищей по молодежному поэтическому кружку и вздыхает: продолжают писать. А наш автор переквалифицировался. И стал профессиональным критиком. То есть получил право на самовыражение в новом жанре. И на выставление оценок. Нельзя не принять близко к сердцу его вдохновляющий совет молодым: «надо больше читать и учиться».

Так вот. Есть у нашего критика немало спортивных коллег, заседающих в тренерских советах и имеющих набор советов, годных на все случаи жизни. «Надо точнее бить по воротам». «На поле надо выходить в опрятном виде». «Мы не имеем права мириться с грубостью»... все верно, все бесспорно, но, если нет других мыслей, еще и грустно.

Сталкиваясь с неожиданной ситуацией, такой тренер старается лихорадочно вспомнить подходящий к случаю параграф инструкции или наставления и, не найдя его, начинает ахать, охать, вздыхать и искать, на кого можно было бы переложить вину за проигрыш.

Искусство спортивного отбора многообразно, и его не разложишь по полочкам. Однозначные советы бесполезны. Многое, если не все, зависит от опыта и интуиции тренера, его готовности ответить на вопрос: кто на что способен сегодня и кто на что будет способен завтра, в час решающего соревнования.

* * *

Учеба на поражениях — искусство в достаточной степени освоенное. Труднее учиться на победах, стараясь по возможности заглушать звуки тимпанов и фанфар. Полезно вспоминать время от времени, как встречали в Риме триумфаторов: за колесницей валом валил народ и выкрикивал не приветствия — нет! — а всевозможные бранные слова по адресу победителя. Если верить Светонию, автору «Двенадцати цезарей», делалось это исключительно для того, чтобы триумфатор помнил, что победу на поле брани добыл не он лично, а его войско. И не занесся. Один современный юморист написал: мы так часто гладим по головке лауреатов, что возникает опасение, как бы у них от этого не разгладились извилины.

... В Саппоро, на Олимпиаде, мы выиграли одно из красивейших лыжных соревнований — эстафету 4×10 километров, которой закрывались Игры. Лыжники были героями — никто больше них не сделал для победы советской делегации в Саппоро. Ни один из самых лестных эпитетов по адресу гонщиков, их тренеров не казался преувеличением. И все же одно событие, происшедшее на третьем этапе эстафеты, заставляет, как в кино, промотать ленту чуть назад и просмотреть кадры, связанные с подготовкой олимпийской команды и отбором на последнем отрезке.

В кадре видится тихий заснеженный горный поселок Бакуриани Лунная ночь. Тихие шаги по коридору... Скрытая в кулаке сигарета. И крупный план: лицо нашего чемпиона. Несколько часов назад его пригласили в комнату тренеров и сказали, что ему заказан билет. Только не через Москву в Саппоро, а через Москву домой, в

небольшой уральский городок. Какими видятся крупным планом глаза чемпиона — об этом лучше не писать.

Ходит-бродит по коридору из конца в конец Владимир Воронков. Не находит себе места.

Восемь лет прошло после встречи со стрелком К. перед поездкой в Японию. Сейчас снова приглашает Япония олимпийцев. Только на Игры не летние, а зимние. Восемь лет прошло. Многое изменилось под этой луной, умиротворенно заливающей холодным светом холодные поля.

Только способы отбора остались прежними.

Живу вместе с олимпийцами. Хожу с ними на тренировки. Пытаюсь освоить новый для себя вид спорта — горные лыжи. Набиваю синяки и шишки — с этого, кажется, начинается любая учеба. Местные мальчишки, лихо спускающиеся с немыслимых круч, кажутся смельчаками, каких свет не видел. Как начали спуск на двух точках, так на двух точках и завершают его. У меня же сплошные многоточия. С вопросительным знаком на конце — где бы для прогулок подальше выбрать закоулок? «Крепись, — говорю себе, — и помни, что синяки — это те же медали, которыми награждает нас жизнь».

Ну а если синяки не на теле? А на душе? Эти держатся куда дольше.

На встрече с лыжниками и их тренерами рассказал о скромных наблюдениях в области психологической подготовки спортсменов. В частности, о беседе в дни футбольного чемпионата мира 1970 года с бразильским психологом. Он говорил: «Перед трудным соревнованием очень важно дать отдых нервам и не давать отдыха телу. Стараемся внушить главным кандидатам уверенность в себе, хотим, чтобы они и дышали спокойно и спали спокойно тоже. Команда у нас достаточно опытная, но на каждое место — не один кандидат. Перед предыдущим чемпионатом провели эксперимент: на стадионе Маракана раздали 120 тысяч листков зрителям и попросили их высказать свое мнение о составе команды. Не было двух одинаковых ответов. Едва не каждый зритель предлагал свой вариант. Надо было слушать, но не слушаться. Естественно, многое зависело от тренированности того или иного игрока. Но не все. Элите мы сказали: доверяем вашему трудолюбию и мастерству, будут лишь две-три вакансии для молодых игроков. Пусть за них поборются».

Примерно так же готовилась легкоатлетическая команда ФРГ и баскетбольная команда США к Олимпийским играм 1968 г. в Мехико. Беседуя с лыжниками, привел высказывание западногерманского тренера: «Случалось, что претендент, показавший перед Олимпиадой высокий результат, избавлялся от волнений отбора, но на самих соревнованиях не показывал результата, которого от него ожидали и который, скорее всего, показал бы другой, менее опытный, но настроенный на борьбу спортсмен. Такие просчеты бывали и будут всегда. Но в принципе система положительна».

После беседы подошел Владимир Воронков:

— Давно хотел поделиться с кем-нибудь своими сомнениями, только не подумайте, пожалуйста, что собираюсь на тренеров жа-

ловаться. То, что скажу вам, говорил и им и вообще где надо повторю. Дело в том, что тренируемся мы в эти дни с такими нагрузками, которые не снились олимпийцам прошлого набора. К физическим нагрузкам подготовлены. И устали не от них. А устали от размышлений: не я один, все мои товарищи думают только об одном — возьмут или не возьмут? Прекрасно понимаем, что в оставшихся отборочных соревнованиях должны будем выкладываться целиком, до последней капельки, чтобы место в сборной получить. Но если мы выложимся целиком, сможем ли сохранить силы для Олимпиады? Покажем ли там все, на что способны, после изнурительного отбора? Никто не спорит, это справедливо: хочешь попасть в сборную, докажи свое право. Прежние заслуги и звания ни при чем. Конкуренция сверхострая. Но почему никто не думает, сколько сил отнимает она? Тренеры делают много, чтобы подготовить команду. Но не уйдут ли эти усилия в песок? Не думаю, что эта линия правильная. Я, Воронков Владимир, против такой системы отбора.

Тема, которой надо очень осторожно касаться в беседах с тренерами. И все же как не задаться вопросом: столь ли уже совершенна система предолимпийского отбора?

Тренер ответил быстро:

— Конечно, она имеет свои минусы. Понимаем, что олимпийцы должны выкладываться здесь в Бакуриани до последнего. Но, с другой стороны, не может ли случиться так, что за несколько недель до игр появятся молодые спортсмены, превосходящие своими результатами фаворитов?

— Ну хоть кому-нибудь из них вы сказали, что он в команде на сто процентов?

— Никто такого права не давал. Есть установка управления представить результаты предолимпийских соревнований, на основании которых и будут утверждены все кандидаты в сборную.

— Ну а допустима ли другая точка зрения?

— Есть дисциплина.

И вот еще один разговор с Владимиром Воронковым:

— Сегодня вечером нас собрали и известили, что всем покупают билеты до дома. А вот кого возьмут в Саппоро, объявят позже, в Москве. Через Москву будем ехать, там и объявят.

— Вам-то чего кручиниться, ведь вы выиграли все соревнования, а это значит...

— Мне никто ничего не говорил. Значит, еще несколько дней переживаний. Ну ладно, как-нибудь все это перенесу. А вот подошел ко мне Пронин и говорит: «Зря старался, прощай, возвращаюсь домой». Я спросил, почему ты решил, что только тебе взяли билет до дома, ведь и другим тоже. А он думает, что я его утешаю. Я же, если честно, ловлю себя на том, что стараюсь догадаться, что говорят обо мне тренеры, представляю ли я для них интерес как олимпиец?

— Скажите, а что, Федор Симашов тоже не знает, едет или нет?

(Это я о лыжнике, который должен был бы считаться если не первым, то во всяком случае вторым номером.)

— И Федор Симашов не знает ничего, и у него тоже билет до дома.

— Но кто-нибудь все-таки знает?

— Наверняка в команде один только Веденин. Тренировался по самостоятельному графику, для него и сделали исключение. Радуюсь и немного завидую. Это был единственный человек, который мог тренироваться спокойно.

...Веденин приехал в Бакуриани на предолимпийские сборы незадолго до их конца. Тренировался с Павлом Колчиным вдали от проторенных лыжных трасс. По индивидуальному плану.

Колчин, который не в столь отдаленные времена считался лучшим лыжником страны, стал прекрасным тренером; ему лучше, чем кому-либо другому, было дано уловить, понять, почувствовать не слишком легкий характер Веденина. Замкнут, немногословен, весь в себе. Не просто найти путь к такому человеку. Веденин много работает. Все знают его предельную требовательность, точнее сказать, безжалостность к себе. Знают привычку к сверхнагрузкам. И прилежание. С большим уважением говорил Воронков о Веденине. Вспоминал, что только за время одной тренировки проходит около шестидесяти километров — двадцать с горы и двадцать в гору, десять вниз и потом снова десять вверх. И когда ложится в кровать, засыпает мгновенно. Его ничто не тревожит. Он знает, что полетит в Саппоро. У Симашова, Воронкова, Пронина и других ведущих лыжников этой уверенности пока нет.

Чем это обернется, мы увидим очень скоро.

...В Москве, в Спорткомитете, к Владимиру Воронкову, лейтенанту, заслуженному мастеру спорта, подошел тренер, по-приятельски похлопал по плечу:

— Забудь все, что было, не храни зла. У нас уговор такой был: никому раньше времени никаких авансов. А теперь за команду спокойны: едут те, кто вкалывал на всю железку, кто показал, на что способен. Улетаем послезавтра.

Было бы преувеличением сказать, что ласково посмотрел на тренера Воронков.

А теперь перенесемся в Саппоро, на дистанцию олимпийской эстафеты четыре по десять километров. Воронков идет первым. За каждым его шагом следит по телевидению чуть ли не весь мир. Это надежный человек, способный задать тон и показать пример товарищам.

Перед Саппоро он прошел на тренировках не менее двух тысяч километров. Мы не будем считать, сколько это получалось за день. День на день не приходится. Капельками пролитого пота можно было бы разметить всю дистанцию. Говорят, тяжело в учении — легко в бою. Никогда не было такого тяжелого учения. Легко идет Воронков. Рядом с ним, будто связанные одной нитью, норвежец и швед. На седьмом километре Воронков делает спурт, выходит вперед. Но вскоре снова чувствует дыхание соперников, слышит скрип их лыж. Никто не хочет уступать. Идут как по команде: левой — правой, левой — правой. Заканчивают этап почти одновременно. Настает очередь Юрия Скобова. Эстафета для него — компенсация

за все олимпийские огорчения. Лыжнику, выигравшему несколько главных состязаний в Бакуриани, выпал не очень счастливый жребий: в предыдущих гонках ему доставались первые номера. Все знали его секунды, его график. По всей дистанции — представители соперничающих команд. Это не то что гонка лет десять назад, где тренеры изъяснялись с тренерами только с помощью слов и взмахов руками. Теперь у каждого миниатюрные радиопередатчики. Все прекрасно знают, как идет по дистанции лыжник Скобов. Его график стремятся превзойти кто на секунду, кто на полсекунды, а кто и на доли секунды. Выиграть хоть одно личное соревнование в Саппоро Скобову не удалось. И вот эстафета.

Незадолго до отъезда из Бакуриани он вывихнул руку. Один раз это уже случилось — в Саппоро, на предолимпийских соревнованиях, год назад... На крутом спуске с виражом он зацепил концом лыжи соперника, потерял равновесие, упал и вывернул плечо. Рука повисла за спиной. Ему помогли подняться. Встал на лыжи и, отталкиваясь одной только палкой, покатил вперед. Не доезжая финиша, сам вправил руку. Потом часто видел эту историю во сне. И, кажется, во сне придумал, как действовать, если снова «вылетит рука». Когда это повторилось в Бакуриани, действовал спокойно, опыт был.

Швед Остланд не выдерживает темпа, предложенного на подъеме в начале шестого километра Скобовым и норвежцем Тилдумом. Скобов впереди с разницей в секунду. Если все сохранится на своих местах, можно высоко держать нос. Впереди Федор Симашов и Вячеслав Веденин, люди, которые еще никогда не проигрывали таких гонок. Ласковые слова слышит Скобов, когда передает эстафету. Тяжело дышит. А глядит счастливо, потому что видит счастливые взоры товарищей. Теперь, кажется, все в порядке. Только что скрылся за соснами Федор Симашов.

Федор Симашов — олицетворение надежности. Увлекался не только лыжами, но и бегом, гимнастикой, плаванием. Сейчас все это должно пригодиться. Нужны темп, хорошие легкие, ясный взгляд и уверенность в победе. Его обязанность — создать запас для идущего на последнем этапе Веденина, исключить малейшую случайность.

Но что это? Почему, глядя по телевизору на Симашова и видя, как все больше и больше проигрывает он норвежцу Формену, я начинаю вспоминать другую историю, случившуюся в 1964 году... со стрелком К. Что происходит с Симашовым?

После гонки специалисты скажут: у него не было запаса сил.

Не договорят, что основной запас своих сил Федор отдал тому, чтобы завоевать право на поездку в Саппоро. Молодые претенденты слышали ободряющие слова: «Все вы можете быть в команде. Боритесь. Хотим проверить не только вас, но заодно и ветеранов».

Бывает, что человек, в первый раз приехавший на олимпиаду или чемпионат мира, увозит с собой золотые медали. Вспомним боксера Владимира Сафронова, отправившегося в Мельбурн перворазрядником, а вернувшегося чемпионом, заслуженным мастером спорта. Или, например, гимнаста Михаила Воронина, полетевшего

на чемпионат мира по гимнастике в Западную Германию запасным участником и ставшего абсолютным чемпионом. Можно вспомнить и других. Но чаще в состязаниях такого ранга побеждают не молодость и задор, а зрелость и опыт. Олимпиада — для асов, для искушенных, для закаленных в спортивном бою. Глядя на грустный ход эстафеты, невольно думаешь: не следовало ли оставить молодым гонщикам две — от силы три путевки, а остальные распорядительно и мудро предоставить асам? Не наказание ли это за недальновидность и недоверчивость к ним?

Симашов всегда мог постоять за себя, но в десять раз надежнее — за команду. Формен — известный лыжник. И все же, если поставить их рядом (при прочих равных обстоятельствах!), до Симашова норвежцу далеко.

Федору не удалось «получить два пика формы» — в Бакуриани и Саппоро. Там выиграл гонку на 15 километров, в конце концов узнал, что включен в команду, а здесь не платит ли он такой высокой ценой за ту, в общем-то никому не нужную победу?

На финише третьего этапа ликуют норвежцы — и те, которые поближе к красному полотнищу, и те, которые за барьером. Трепещут над трибунами норвежские флаги. И многоголосый хор выкрикивает одно слово: «Формен, Формен, Формен!» Он уже финишировал, а Симашова нет и поблизости. Он идет, тяжело дыша, не поднимая глаз от лыжни, идет из последних сил к финишу. Проходит тридцать секунд, сорок, пятьдесят. Это уже невозможно отыграть. А Федора все нет. И еще одиннадцать так медленно текущих секунд. Кажется, победитель определен. Осталось разыграть последующие места. Еще не было случая, чтобы один известный гонщик проиграл на 10-метровом отрезке другому известному гонщику 61 секунду.

На последний этап ушел Вячеслав Веденин. Было бы большим преувеличением написать, что уставший Симашов «передал эстафету» полному сил Веденину. Веденин участвовал в двух серьезных стартах: завоевал золотую медаль на 30-километровой гонке, а потом бронзовую на 50-километровой. Это значило, что уже прошел 80 километров с полной отдачей. Теперь оставалось 10 последних, от которых зависела не только его медаль, но и медаль товарищей по команде, тех, кто работал на него, тех, кто выходил первыми номерами на старты предыдущих гонок. Они были достойны того, чтобы он отплатил им. Только как это сделать, когда уже отмахал не одну сотню метров норвежец Харвикен? Не поднимая глаз, дотронулся до плеча Веденина Симашов.

Итак, восемьдесят пройденных километров и десять оставшихся. Он устал телом. Но душа его была свободна. Она рвалась в бой.

И вспомнилось невольно, как за четыре года до того на Олимпийских играх в Гренобле, где Веденин завоевал серебряную медаль в гонке на 50 километров (это был один из последних номеров олимпийской программы), ему присудили приз «Литературной газеты», который назывался «За неожиданность!». Вручая его, писатель улыбался. Полагал, что порадуется Веденин. А тот принял приз хмуро и произнес одно только «спасибо», да и то вполголоса. Он

думал о своем втором месте несколько по-другому. Знал, что был способен на золотую медаль.

Разве тогда надо было вручить приз «За неожиданность»? Разве в Гренобле? Хорошо было бы поберечь его до Саппоро!

Рассказывал старший тренер сборной команды Венедикт Каменский:

— Я стоял у подъема перед пятым километром. Тут собрались все тренеры: норвежские, шведские, итальянские, американские. Бежали лыжники подъем, и многое на нем решалось. Я жду Веденина. Запросил по рации Кузина, как дела? Слышу: разрыв сохраняется. Тогда я передал: «собираю рацию и иду на финиш». Сказал себе: ничего не поделаешь — серебро. До финиша оставалось 4 километра, когда издали донеслось «Хейя, хейя!» Я понял, что подбадривают Харвикена, и торопливо направился к финишу.

Подкатываю к нему, и вдруг кто-то говорит: «Веденин — минус 32». До меня даже не сразу дошли эти «минус 32». Значит, 29 секунд он все-таки отыграл. А впереди три подъема, два больших и один так себе. И еще 4 километра дистанции. Скатился я с горы. Прошел мимо Харвикен. И тут показался Слава. Разрыв таял. Вдогонку крикнул ему: «Ты сейчас выйдешь, сейчас выйдешь!» А американец, который не отрывал уха от передатчика, написал на снегу лыжной палкой: «Минус 25». Оставалось 2 километра. Тут уж я снова достал рацию. Поставил антенну, слышу голос Александра Привалова (это тренер наших биатлонистов. Он стоял за километр до финиша, помогая нам). Слышу голос: «Он его обошел!»

Не поверилось.

Веденин стал одним из героев Олимпиады. Его пригласили в телестудию. Спросили, верил ли в победу в те минуты, когда начал свой последний этап?

Ответил, как всегда, невозмутимо:

— Всегда нужно верить в победу, иначе зачем выходить на лыжню?

И добавил, что в команде каждый отдал победе все, что только мог. Его спросили о Симашове. «Очевидно, у него что-то случилось со смазкой».

...Вспоминаю, как комплектовались наша баскетбольная команда-64, хоккейная команда-68, легкоатлетическая команда-72. Вспоминаю встречу в Монреале с человеком, который попал в состав легкоатлетической сборной в последнюю минуту. По его собственному выражению, он ходил все дни перед Олимпиадой зеленый.

Сами спортсмены редко делятся своими бедами. Да и не простое это искусство — рассказать открыто, без утайки, что ты испытал, вспомнил, передумал, выходя на поединок. Потому-то и благодарю Владимира Воронкова за честный рассказ.

Отсев и отбор неизбежны. Но они требуют особого такта и подлинно товарищеской заинтересованности в судьбе спортсмена, выходящего с гербом Советской страны на старты крупнейших соревнований.

ГЛАВА 3

Семиверстов и другие. Заочный совет олимпийскому чемпиону. Гипотеза или теория? Пенальти во сне и наяву.

У нас учатся, не стесняясь в этом признаться, японские гимнасты и американские волейболисты, венгерские ватерполисты и греческие борцы, весь мир учится у советских шахматистов, которые выдвинули на международную арену больше талантливых гроссмейстеров, чем все другие страны вместе взятые (не об этом ли свидетельствовал результат памятного матча сборная СССР — сборная «остального мира»?»). Именами наших гимнастов названы бесчисленные школы в США, Западной Германии и Канаде, именами гроссмейстеров — многие клубы во всех частях света, имена московских хоккейных тренеров занесены на мемориальные доски ведущих профессиональных клубов Канады (честь, которой ранее не удостаивался ни один зарубежный тренер).

Мы привыкли к тому, что нас называют своими учителями.

И в связи с этим обстоятельством иногда совершенно зря задираем нос.

Встреча многолетней давности... Мой новый знакомый — преподаватель известного института. У него проницательные глаза, высокий лоб, ровный голос — почти целый набор качеств, которыми наделяют своих героев авторы бытописательских повествований. Судя по внешнему виду, ровен характером. И что особенно важно, «имеет мнение».

Он работает над кандидатской диссертацией, посвященной методике обучения прыгунов с шестом высшего класса. При мне предлагает отрывок редактору спортивного журнала. Когда он уходит, редактор говорит:

— Если не трудно, подсчитай, сколько раз в одном только отрывке встретятся слова: «наш опыт», «наша методика».

— Пристойные слова, чем они смущают тебя?

— Прежде всего тем, что «наша методика» в этом виде спорта отстала лет на пять. Автор один из тех пробивных молодых людей, которые спекулируют привычным набором слов, ... делает это умело, не придерешься. Если верить ему, зарубежная спортивная мысль не выработала ничего достойного внимания.

— Не он ли предлагал в свое время вернуться к бамбуковым шестам, чтобы, так сказать, уравнять шансы атлетов?..

— Он... Мы отказались опубликовать статью. И сама диссертация трактует проблемы трех-четырехлетней давности.

— Такие кадры, что ни говори, тоже нужны науке, ибо на их примере могут поучиться другие — как не надо вести спортивные исследования.

В спорте не бывает долговременных передовиков. Их опыт примечателен тем, что его бьют. Учиться на опыте побитых... Так ли уж это полезно? Другое дело представить себе пути развития того или иного спорта, представить, каким качеством должен отвечать спортсмен завтрашнего дня... искать... не бояться проб и ошибок...

— У нашего соискателя одна задача — нигде ни в чем не ошибиться — так быстрее можно сделать карьеру и на жизненной и на спортивной стезе. Мало ли ты знаешь людей, которые возвысились только потому, что нигде и ни в чем не ошибались? Вот и этот соискатель. Не удивлюсь, если он с годами станет заведовать кафедрой...

— И тогда ее можно будет переименовать в кафедру прошлогодних спортивных проблем.

— Ну до этого дело не дойдет... Что же касается Семиверстова (любопытную фамилию сочинил собеседник!), попомни мои слова, с годами заметной станет фигурой.

Тот разговор проходил, повторю, много лет назад.

Сегодня Семиверстов доктор наук, заседает в ученых советах. Его часто можно видеть в президиумах торжественных, юбилейных и прочих заседаний. Он гордится творческими контактами со светилами медицинской и спортивной наук. Многое изменилось в его внешности — не такими налитыми стали щеки, не такими ясными глаза, не изменилось одно — неприязнь к тем, кто не согласуется с принципами и взглядами самого Семиверстова. Семиверстов никогда не возьмет такого под свое покровительство.

С годами у Семиверстова появились свои взгляды не только на проблемы бамбукового шеста, но и на целый ряд других проблем подобного же рода, и он время от времени знакомит с ними просвещенную публику.

...На Олимпиаде в Мехико американец Дик Фосбюри продемонстрировал новый стиль прыжка в высоту. Все было необычно в нем — и разбег почему-то не прямо на планку и не под углом к ней, а по крутой дуге, и толчок, и сама фаза полета — спиной к планке. Он шлепнулся в поролоновую яму спиной, и этот самый шлепок («флоп» по-английски) и дал название новому стилю — «Фосбюри-флоп».

Несколько десятков кино- и телекамер было наведено на славного американца, когда он совершил победный прыжок, сделав тем самым лучшую из всех мыслимых реклам своей придумке.

Семиверстовцы глядели на тот прыжок свысока. Очень быстро сошлись во мнении — главное не стиль... просто-напросто талантлив сам атлет, каким бы стилем ни прыгал, хоть кувырком, если бы позволили, все равно взял бы первое место. Сам же прыжок ничего, кроме вреда, здоровью спортсмена принести не может. Начнут прыгать этим, с позвелния сказать, стилем представители подрастающего поколения, восприимчивые ко всему необычному, к каким конкретным результатам это приведет? К массовым переломам позвоночника. Разве на каждом нашем стадионе есть ямы с поролоном? Это что касается новичков. А о мастерах и говорить нечего. ясно с первого взгляда — неперспективен стиль, уступает привычному, который приносил победы целому ряду наших атлетов. Вам нужны выкладки? Пожалуйста, за ними дело не станет. Семиверстовцы, будучи стойкими последователями своего учителя, разнесли и разослали в специальные, и не только специальные, журналы и газеты быстренько сочиненные схемы, выкладки и диаграммы, с по-

мощью которых старались убедить читающие массы в том, что «прыжок спиной» не эффективен, бесполезен, опасен. В комментариях же выпускали язвительные стрелы в тех, кто пробовал сказать или написать — а не приглядеться ли к новому стилю?

Когда пригляделись, оказалось, что новый стиль позволяет намного сократить срок подготовки атлета, способного преодолевать высоты за два метра. Этим сразу же воспользовались десятиборцы, их результаты быстро пошли вверх. Но не смутило данное обстоятельство семиверстовцев. Оскорбясь, окрестили новый способ прыжка «спинномозговым» — была бы гибкая спина, ума не надо и... сосредоточили свои усилия на других видах спорта.

Благо в сферах, близких к спортивным, произошли события, заставившие компанию приналечь на работу. В одном солидном, почитаемом молодежью журнале был опубликован очерк о женщине, умевшей читать кончиками пальцев.

Исходя из того убеждения, что им лично подвластны все тайны бытия, а если возникают вдруг тайны, их разумению неподвластные, то это не что иное, как шарлатанство, семиверстовцы сомкнули ряды и с энергией, которая бывает обычно свойственна таким людям, пошли в новую атаку. Теперь они призвали на помощь девиз, сочиненный одним чеховским героем: «этого не может быть потому, что не может быть никогда».

И пошли гулять по страницам и серьезных и юмористических журналов разоблачительные статьи да фельетоны.

Тогда журнал «Техника — молодежи» поставил эксперимент, который должен был ответить на вопрос: может ли действительно человек «видеть пальцами», и уважаемые ученые мужи, приглашенные на опыт, подписались под словом «может», ибо убедились в абсолютной чистоте эксперимента.

Ушли в тень семиверстовцы, но верили в то, что их день еще придет.

Он пришел вместе с именем одного мудрого зарубежного профессора математики — Эло. Тот предложил свою систему оценки мастерства шахматистов. Каждый мастер имеет свой рейтинг, свою определенную сумму баллов. Она периодически меняется в зависимости от того, как сыграл он в том или ином турнире. Способности шахматиста получили свое математическое исчисление с точностью до десятых долей балла.

Разве что демонстраций с лозунгами «Долой Эло!» не устраивали семиверстовцы у стен шахматных клубов, когда прослышали, что мы пытаемся ввести у себя эту систему. Представили вдруг, что ее решили перенести за пределы досок с шестьюдесятью четырьмя клетками — в лаборатории, конструкторские бюро, директорские кабинеты с тем, чтобы выяснить, кто был кто вчера и кто есть кто сегодня. Видели кошмарные сны семиверстовцы, что и им после серии бесед, тестов и испытаний на электронных машинах выдали листки — их собственные рейтинги, а в тех рейтингах — одни нули. И с новой силой засели — уже не во сне, а наяву за статьи типа: «Кому нужна эта так называемая система?» Не все статьи проникли в прессу, а те, которые проникли, свою роль сыграли — на несколько лет опоз-

дали мы с «коэффициентами Эло». А сейчас, когда они прочно вошли в шахматную жизнь и когда их регулярно публикует журнал «64», мы спрашиваем себя: как же жили без рейтингов раньше, как приблизительно знали способности каждого из своих мастеров и гроссмейстеров. Ведь пока у каждого из них не было своего рейтинга, их приглашали на международные турниры «через силу» и далеко не так часто, как теперь.

И совсем худо пошли бы дела у Семиверстова и К°, если бы вскоре не прослышали они о работах ученого, живущего в Ленинграде и старающегося представить, когда и в какую пору жизни человек способен к высшему проявлению своих способностей, в том числе и спортивных. Этим ученым оказалась женщина — Валентина Ивановна Шапошникова. Завела несколько тысяч карточек на ведущих легкоатлетов мира и, призвав на помощь одну из самых надежных теорий — теорию больших чисел, начала свои подсчеты. Электронные вычислительные машины, державшие в памяти бесчисленное множество имен, дат рождения, рекордных результатов и нимало не обеспокоенные тем, что скажут об их работе семиверстовцы, выдавали удивительные сведения. Оказалось, например, что самый удачный месяц в жизни человека — месяц, следующий за днем его рождения, а наименее благоприятный — предшествующий ему (это подтверждали и спортивная и медицинская статистика), что у мужчин скачкообразное повышение спортивных результатов происходит через два года на третий, а у женщин — через год... «у наиболее регулярно выступающих в течение многих лет сильнейших спортсменов мира этот ритм проявляется довольно четко».

«Можно полагать, что в наследственной информации заложена программа последовательного чередования репродуктивного и энергетического циклов, программа, формирующая алгоритмы развития человека», — писала В. И. Шапошникова. Это по ее совету вышел в октябре 1972 года на старт малоприметных соревнований олимпийский чемпион В. Санеев.

Вышел через несколько недель после окончания Олимпийских игр, вышел далеко не в лучшей спортивной форме (просили отдыха и тело и нервы, и он давал им этот отдых) и... через несколько дней после дня рождения, когда во всем существе его назревал, нарастал приток пока неведомых и неописанных сил. Жившая далеко от родного города Санеева — Сухуми Валентина Ивановна Шапошникова много лет следила за ним, за подъемом и спадом его результатов и пришла к убеждению, что этот «ярко выраженный частотник» относится к тому счастливому числу молодых людей, чья лучшая форма поддается прогнозированию. В письме к тренеру Акопу Керселяну Валентина Ивановна писала, что в октябре 1972 года, в первой половине месяца, вполне вероятно ждать от Санеева в тройном прыжке результата — 17 м 40 см — 17 м 50 см, т. е. нового мирового рекорда. Доверие к авторитету ленинградки обернулось мировым рекордом 17 м 44 см.

После этого...

После этого работа В. И. Шапошниковой заметно замедлилась. Потому что слово получили последователи Семиверстова.

«Ничего себе, настали времена, нас уже хотят заставить верить в гороскопы. Дешевая сенсация. Рекорд Санеева — просто-напросто совпадение. Вместо того чтобы критически отнестись к работам зарубежных псевдоученых, В. И. Шапошникова не только пропагандирует их, но и вносит, так сказать, свою лепту в развитие «теории». Мы просим вышестоящие организации должным образом оценить, а также пресечь... а также не допустить» и все в том же духе.

Я был бы далек от истины, если бы написал, что эти заклинания не возымели действия. А жизнь между тем подбрасывала один за другим примеры, в которых подтверждались взгляды приверженцев биокарт.

Во многих автохозяйствах страны ввели систему биоритмического прогнозирования: в плохие дни шоферов не выпускают на трассы, они выполняют подсобные работы. В некоторых хозяйствах, как, например, в третьем автобусном парке Карагандинского областного автотранспортного управления (о чем писала «Правда»), за год число транспортных происшествий снизилось больше чем на двадцать процентов. Мы проводим месячники безопасности и радуемся, если в течение года число происшествий остается «на уровне прошлого года», а если падает на полтора-два процента, то считаем, что месячник дал блестящие результаты. А тут сразу двадцать процентов. Исключение ли Караганда? В том-то и дело, что нет. Такие же результаты внедрения системы биоритмического прогнозирования мы видим и в других городах.

Последователей этой любопытной гипотезы спрашивали:

— Убеждены ли вы, что смене ритмов подвержены все люди на земле? Не нарушают ли в различные времена и в различных точках земного шара биоритмы свою цикличность, всегда ли, например, физический цикл длится ровно двадцать три дня?

Отвечали:

— Биологические часы, начинающие «тикать» в нас в момент появления на свет, как будто бы одинаковы для всех.

* * *

Уже не одно десятилетие прошло с той поры, как вышла книга Алексиса Карелла «Человек — неизвестное существо». Книга была переведена на многие языки и в иных вузах считалась обязательным учебным пособием для педагогических факультетов. Но разве не имеем мы права и сегодня поставить рядом эти три слова: человек — неизвестное существо.

Не очень чту слово «впечатляет» и поэтому отношусь скептически к людям, которые, рассказывая о чем-либо, часто употребляют его. Мой товарищ, врач по профессии, побывавший в 1977 году на Филиппинах, то и дело перемежал рассказ о местных хирургах этим подозрительным словом. Мол, ехал туда скептиком, приехал, посмотрел на операцию, а теперь начинаю верить, что это не фокусы.

Просто ли поверить рассказу о том, что на Филиппинах делаются полостные операции без скальпеля, что каким-то неведомым спо-

собом рассекаются ткани пальцами, а потом ткани складываются так, как пекарь складывает тесто, и на теле не остается рубцов? Я перехожу к рассказу о филиппинских кудесниках потому, что эта часть книги прямо соотносится с темой. Разве не о скрытых способностях и возможностях человека свидетельствует все это?

Видел фильм. Манильский аэропорт, самолет, прилетевший из Парижа, и вереница тепло, не-по-здешнему одетых пассажиров. Трех или четырех выносят из самолета на носилках. В глазах печаль, усталость далекого перелета. Еще крупным планом глаза четырнадцати-пятнадцатилетнего мальчишки, с малых лет прикованного к кровати. В его глазах еще и надежда. Санитарные машины одна за другой выезжают на поле, в них погружают больных, кого-то ведут под руку, кто-то едет в коляске. Машины разъезжаются в разных направлениях Манилы. И вот на экране двухэтажный особняк, худощавый низкорослый кареокий хирург, который помогает сестре вкатить качалку на второй этаж. После этого хирург подходит сзади к юному пациенту и, то приближая ладони к его ушам, то отдаляя их, весь превращается в напряженное, полное достоинства внимание. Утвердительно кивает головой и, пригласив мальчишку на обыкновенную чуть приподнятую тахту, застеленную простыней, поворачивает его на спину. Все остальное видно уже не так отчетливо. Несколько минут спустя вытаскивает сгусток, кладет его на марлечку, начинает делать плавные движения ребрами ладоней, как бы предлагая краям тканей сойтись. В следующем кадре глаза мальчишки, — в них светится радость, он встает, сам доходит до матери, которая бросается ему на шею и начинает плакать от радости. Мать и отец подходят к хирургу и благодарят его. При расставании отец пробует вручить хирургу несколько бумажных купюр. Тот с достоинством отодвигает руку и говорит: нет, нет, не надо. Тогда я уже окончательно начинаю понимать, что это рекламный фильм. «В жизни так не бывает!» Человек сделал операцию, спас мальчишку, прилетевшего из Франции, доставил радость родителям и отказывается от гонорара? Расскажите кому-нибудь другому. Слишком не похоже на капиталистические нравы. Но... ведь и сами Филиппины не похожи ни на одну другую страну, здесь свои обычаи, нравы и принципы. Неужели все-таки может быть?! Позже узнаешь, что принципы, объединяющие в одну корпорацию хирургов-хилеров, в корне отличны от принципов, которые объединяют дипломированных врачей, работающих здесь же.

— Врачи с дипломами, — говорит сотрудник советского посольства, много лет живущий на Филиппинах, — клянут на чем свет стоит «самодеятельных» хирургов, называют их шарлатанами, недоучками. Но, понимаете, какая вещь, почему-то летят со всего мира на операции не к дипломированным врачам, а к хилерам. Тут война не на жизнь, а на смерть. Хилеры делают операции бесплатно во славу своего учения, как бы опровергая все то, что накопила с годами мировая медицина, и открывая новые пути в такой серьезной ее области, как хирургия.

Многое можно понять, посмотрев фильм и услышав комментарий. Но лучше всего встретиться и побеседовать с тем, кому нака-

нуне сделали такую операцию. Тем более если это... доктор медицинских наук.

Мой собеседник ведет повествование строго и только жесты говорят, что он еще не «отошел» от всех впечатлений за 24 часа. Привожу рассказ Г. Г. почти дословно:

— Перед поездкой на Филиппины я перестал печалиться тем небольшим образованием, которое возникло у меня несколько лет назад на спине под правой лопаткой. Заранее списался с товарищами из посольства, они и помогли мне стать «манильским пациентом». Не удивляйтесь, пожалуйста, как не удивился я, услышав, что операцию мне будет делать... шофер такси. Все мое медицинское и докторское нутро возражало против этой перспективы, но я сказал себе: «Спокойно, не ты первый идешь к нему под нож, простите, не под нож, а под ладони». Тут ему предстояло выяснить, насколько мое так называемое излучение соответствует его излучению.

— Если не секрет, как он это собирался выяснить?

— Как? Меня посадили в кресло, он подошел сзади, поднес ладони к моим ушам (вспомнился кадр, увиденный в кино), потом отошел, снова придвинул ладони и заявил, что мне лучше сделать операцию не у него, а у Джонни. Джонни довольно быстро (мне показалось, даже легкомысленно быстро) выяснил, что с нашими излучениями все в порядке. Я многое бы отдал, чтобы узнать, кто по специальности этот Джонни. Пересилил себя. Этика не позволяла. Лишь после операции сказали, что Джонни работает механиком автосборочного цеха, где производятся знаменитые на всю Юго-Восточную Азию джипы.

Еще я твердо знаю, что операция проходила без ножа.

Разговор с Г. Г. шел в бассейне отеля. На спине не было и следа от операции. В этом был готов поклясться уже я.

Вспомним, как много саркастических стрел было выпущено в людей, которые пытались проникнуть в тайну линий на ладони. В древности в хиромантию верили жители Двуречия — греки, римляне, индусы. От них распространилась она по всему миру. Хироманты находили подтверждение своему учению в библейской книге пророка Иова: «На руку всякого человека Он (Бог) налагает печать для вразумления всех людей, сотворенных им». Но если сегодня врач вдруг предложит вам показать ладонь, не удивляйтесь. Наука пришла к убеждению, что в некоторых случаях линии на ладони помогают определить (с высокой точностью!), страдает ли человек наследственными заболеваниями или нет. Зародившаяся лет сорок назад дерматоглифика — наука о рисунках на коже — установила логическую связь между конфигурацией морщин, линией кожи и нарушением генетического кода. Подобные исследования проводились до войны в Берлинском университете, а в наше время они ведутся учеными лаборатории медицинской генетики Минского медицинского института. Теперь известны тридцать шесть устойчивых признаков, по комплексу которых можно сделать вывод о тех или иных наследственных заболеваниях. Перед врачами открылась возможность предупреждать врожденные пороки будущего поколения.

Из древней наивной, но порожденной желанием проникнуть в

тайны человеческого существа хиромантии вытекла современная наука дерматоглифика.

Из древней наивной алхимии... Спросим себя — одних ли только насмешек и порицаний были достойны беззаветные, иногда алчные, но всегда пытливые искатели «философского камня»? Они проводили дни и ночи в своих кельях, заставленных колбами и пропитанных отравленными парами, стараясь проникнуть в тайны мира, окружавшего человека на земле. Не их ли опыты подготовили те шаги, которые сделала Настоящая Химия в последовавшие за средними века?

В один ряд за хиромантами и алхимиками было бы можно поставить и астрологов. Пытаясь проникнуть в тайну воздействия космоса на землю и человека, они не просто изучали и описывали движения звезд, но и старались (как сказали бы сегодня) запрограммировать некоторые события на земле в связи с изменениями на небе; появление одного созвездия хронологически связывалось с разливом Нила, другого — с выбросом рыб после убывания воды, третьего — с наступлением сроков выгона овец на пастбища. Можно порицать древних астрологов «за выводы» — жизнь каждого человека зависит от расположения «его звезды», но разве и на искания астрологов не можем мы посмотреть с современных позиций? Разве человек, сын земли, одной из планет солнечной системы, не является одновременно и сыном космоса? Как приливы и отливы океанов связаны с Луной, так и наши собственные приливы и отливы (быть может, не в такой степени) связаны с Солнцем, циклически повторяемыми всплесками его активности. Нет, не так прост и наивен был знаменитый звездочет Гусейн Гуслия из комедии о Молле Насреддине, как думалось всего несколько десятилетий назад. Ведь что ни говори, это его коллегам обязаны мы открытием законов экзогенных ритмов. Прочитаем, что пишут в интереснейшей книге «Ваша работоспособность сегодня» (издательство «Советская Россия», Москва, 1978 год) Н. А. Агаджанян, М. М. Горшков, Л. А. Котельник и Ю. В. Шевченко:

«Влияние небесных тел на поведение, работоспособность и судьбу человека отмечалось еще в глубокой древности, об этом рассказывалось в легендах и мифах. Современная наука многого добилась в этой области, и, пожалуй, уже настало время подвести некоторые итоги в обоснование существующих связей между космическими процессами и жизненными явлениями на нашей планете. Только естественнонаучное обоснование этих связей позволит обеспечить полное торжество материализма в сфере, которая в течение продолжительного времени была прибежищем идеализма и мистики. И здесь большие надежды возлагаются на биоритмическую науку, которая сейчас развивается невиданными темпами, словно стараясь наконец наверстать упущенное».

Вопрошали недоуменно, с разводом рук, семиверстовцы:

— А это еще что за попытки реабилитировать давно осужденную наукой астрологию? Не хватает, чтобы спортивные газеты начали гороскопы публиковать на каждого олимпийца — у кого хорошие, а у кого плохие дни, будто все не от воли и характера выше-

названного олимпийца зависит, а от неких, так сказать, биологических часов.

Валентину Ивановну приглашали на международные конференции. Не раз писали об исследованиях, которые проводятся в стенах Ленинградского научно-исследовательского института физической культуры (В. И. Шапошникова — заместитель директора этого института), и советские газеты. Бывшая разведчица артполка, кавалер боевых наград понимала, на какую зыбкую стезю ступила, у нее было немало друзей, но и врагов, как и у каждого исследователя-новатора, было вдосталь. Ведь вела работы В. И. Шапошникова методом, разработанным самостоятельно, выясняя влияние на человела долговременных — год-два-три — биологических циклов. Ее исследования, позволявшие предопределять месяцы и годы, наиболее благоприятные для роста спортивных результатов, как бы намечали не столбовую накатанную дорогу — пока еле заметную тропинку — прямо в гору к тем высотам, которые кажутся сегодня такими труднодостижимыми. Оппонентам отвечала достойно, беря себе в союзники числа, многие числа. Она была убеждена, что придет пора, когда мы будем по-новому прочитывать то, что написано в обычной анкетной графе «число, месяц и год рождения». И тогда мы поймем, насколько мудры были индусы, научившиеся много веков назад кодировать точное время рождения ребенка в имени или рядом с ним. Вот что писал о первом компоненте имени — «раши» В. Никонов в статье «Как вас называть?» (журнал «Наука и жизнь»): «Этот компонент определяет астролог по сложным таблицам исходя из данных о рождении ребенка (год, месяц, число, день недели, час, минута) и географических координат места рождения». Не обладали ли древние индусы святой способностью загадывать на века вперед?

Теперь познакомимся с тем, что писала В. И. Шапошникова в «Литературной газете»:

«Если гипотеза о существовании «критических» и «благоприятных» периодов в жизни человека подтвердится, то это даст повод задуматься о коррекции образа жизни каждого из нас. Возможно, изменения коснутся годовых рабочих графиков, когда отпуска будут совпадать с «критическими» периодами, предохраняя нас от излишнего напряжения физических и творческих сил в неблагоприятное для этого время. Возможно, каждая супружеская пара будет искать оптимальное именно для нее время рождения ребенка, чтобы он унаследовал лучшие качества их человеческой природы... Думается, уже сегодня мы должны быть подготовлены к тому, что в случае подтверждения этой гипотезы нам придется критически переосмыслить многое в нашем привычном образе жизни».

— А для чего нам «что-то переосмысливать в нашем привычном образе жизни»? — с укором во взоре спрашивали с трибун научных конференций семиверстовцы. — Видимо, кого-то не устраивает наш привычный образ жизни (многозначительная пауза). Но мы не пойдем у них на поводу, не доставим им этого удовольствия. Наоборот, мы никому не позволим заниматься подобным, так сказать, переосмысливанием. Обратите внимание, как много, словно грибы после дождя, расплодилось последователей у гипотезы биоритмов. Счита-

ют, считают, и никак не насчитаются. А как считают? Не имеем ли мы отдельных конкретных фактов, когда они приспосабливают свои выкладки под уже свершившиеся факты. Что-то не слишком много примеров точного прогноза слышали мы после истории с Санеевым.

...Отдаленно познакомившись с работами японских, американских, канадских и испанских ученых в области биоритмов, но всего подробнее с трудами и методами В. И. Шапошниковой и уверовав в них, я сделал скромную попытку спрогнозировать (на определенном этапе) течение матча на первенство мира по шахматам 1978 года в Багио между А. Карповым и В. Корчным. Небольшая выдержка из документального повестования «Тогда в Багио» (издательство «Московский рабочий», 1981 год):

— 26 сентября 1978 года я получил приглашение поделиться впечатлениями о Багио в издательстве. Встречу вел его главный редактор. Среди гостей был международный мастер по шахматам И. Е. Ватников, старший преподаватель МГУ.

В конце выступления я позволил себе высказать следующую мысль (привожу высказывание слово в слово):

— Люди, верящие в теорию биоритмов, очень опасаются неблагоприятной для Анатолия Карпова поры, которая начнется 30 сентября и продлится примерно по 9 октября, в это время чемпион будет в отрицательной фазе и эмоционального и интеллектуального циклов, в то время как претендент — на подъеме.

Попросил запомнить эти числа: 30 сентября — 9 октября. Их нетрудно было вывести по давно разработанной методике.

...Понимал, в сколь двусмысленное положение поставлю себя, если прогноз не оправдается. И был бы искренне рад, если бы он не оправдался.

Ловил недоуменные взгляды аудитории. Однако ведший собрание отнесся к заявлению весьма примирительно, сказав: «Что ж, давайте посмотрим, чем все это кончится. Трудно поверить в услышанное, но давайте подождем».

С 30 сентября по 9 октября, за те самые десять дней Карпов проиграл три партии. Обстановка в матче накалилась. Мои старые знакомые из издательства, кажется, начали жалеть о встрече с автором, который «накаркал».

Вскоре я получил письмо от международного мастера И. Е. Ватникова. Привожу его с разрешения автора: «Если я не ошибаюсь, биоритмы приобрели еще одного союзника. Я решил просчитать ритмы членов нашей сборной команды (И. Е. Ватников руководит шахматной работой в МГУ). О результатах буду время от времени извещать вас».

Последняя тридцать вторая партия матча А. Карпов — В. Корчной игралась 17 октября. Накануне меня разыскали под Москвой друзья из издательства. Сказали по телефону:

— Сегодня у нас общее производственное собрание. Подведение итогов третьего квартала. Премии, приказы о благодарности и прочее. Но всех интересует одно, что можно сказать о предстоящей партии, имея в виду показания биокарт? Попросили связаться с вами и официально информировать собрание.

Ситуация приобретала полукомический характер. Подумал — вот тот случай, когда биокартам придается чрезмерное значение. Что толку в их показаниях, если один из партнеров неправильно разыграет дебют или ошибется в миттельшпиле? При всем том задавали вопрос вполне серьезно и на него полагалось ответить соответственно:

— Если верить биокартам, то 17 октября будет совсем другое дело. Карпов давно вышел из критического периода, в то время как Корчной в него вступил.

— Все, это то, о чем просили спросить.

— Пожалуйста, если можно, не торопитесь объявлять. Всякое может случиться.

Еще через несколько дней я узнал, что перед началом производственного совещания (председатель, отвечая на многочисленные вопросы с мест, объявил, что у Карпова есть все основания надеяться на победу в тридцать второй партии. Говорили, что давно совещания в этом учреждения не проходили «на таком высоком уровне».

(Маленькая иллюстрация к тому, что такое шахматы и вообще спорт в наше время.)

Мне не раз приходилось писать о работах В. И. Шапошниковой. Не раз встречаться с ней в Москве и Ленинграде. Помню горькие периоды в ее жизни, которые были неспособны предсказать никакие биокарты.

Думая о судьбе этой необыкновенной женщины и о той пользе спорту (только ли спорту?!), которую принесут, не могут не принести, ее исследования, я со скрежетом зубовным вспоминаю о людях, которые много лет методично отравляли ей и жизнь и работу.

Неизбывно племя семиверстовцев.

Считают, что все постигли, все познали. И забывают при этом, что по состоянию на последние десятилетия двадцатого века дано нам использовать лишь крохотную частицу мыслительных ресурсов, которые рассчитаны на далеких потомков. Чтобы и у них были свои стимулы к совершенствованию. А то израсходуем все и ничего не оставим на долю потомков. Страшно становится от одной только мысли об этом. Не думаем о том, сколь скептически будут взирать на высшие наши достижения (какую только область бытия не возьми) потомки. Будут считать нас голубыми неумейками, которые, однако, высоко мнили о себе. Настолько, что брали себе право и от своего лица, а заодно и от лица потомков выносить категорические суждения: это правильно, а то не правильно, это перспективно, а то не перспективно, это надо развивать, а то не надо развивать. Неужели только внукам дано понять, как важно развивать исследования и в так называемых тупиковых направлениях, какое спасибо надо говорить людям, берущимся за подобные исследования, которые помогают отсекать неверные пути от верных, высвечивать главную дорогу? Науке дано развиваться только одним путем: методом проб и ошибок. Но не бывает напрасных усилий, отдаваемых честным человеком науке. Со знаком ли плюс, со знаком ли минус — но это вклад, все равно вклад в науку, счет тут верный, проверенный опытом цивилизации.

Семиверстовы существовали и существуют не только в спортивной науке. Утешение. Но не из разряда самых убедительных. Они «внесли свой вклад» в развитие и кибернетики и генетики. Результаты этого «вклада» у всех нас в памяти. Пришлось догонять страны, где, несомненно, тоже были свои «севенмилсы» — семимильские, однако этим собратьям наших доморощенных семиверстовых не было дано столько воли.

Сегодня мы говорим с чистым сердцем: спасибо славному прыгуну Фосбюри, спасибо мудрому профессору Эло, спасибо Валентине Шапошниковой, смело продолжающей идти неторенным путем разведчицы — но уже не на фронте, а в науке.

Не так прост человек, не так однозначен, как это кажется семиверстовцам. И изучен далеко не до конца.

* * *

Ко мне звонит старый друг Василий Кириллович, извиняется, что разбудил так рано (на часах нет еще и шести), и говорит:

— Только не смейся надо мной, надо срочно позвонить в Баку к Максуду. Ты не знаешь его нового телефона?

— В Баку пожар, наводнение, землетрясение? — позволяю я себе полусонную шутку.

— Я же просил — не смейся. Видел дикий сон как наяву. Так есть у тебя его телефон?

Василий Кириллович, журналист и писатель, много лет назад случайно обратил внимание на первый рассказ Максуда Ибрагимбекова, опубликованный в многотиражке политехнического института, пригласил автора, познакомился с неопубликованными рассказами, помог напечатать сперва один, потом второй, посоветовал будущему строителю срочно менять профессию и серьезно заняться литературой. А потом следил за ним с интересом человека, «попавшего в талант». Максуд Ибрагимбеков, а вслед за ним и младший брат Рустам смело вошли в литературу: «Не было лучше брата», «За зеленой дверью», «Белое солнце пустыни», «Мезозойская эра», «Допрос»... немало спектаклей и фильмов поставлено по их книгам. И почти все они на полках Василия Кирилловича. В дарственных надписях можно встретить слова: «крестному отцу».

Я, не особенно интересуясь тем, что приснилось моему товарищу, называю телефон Максуда и, едва засыпая, слышу новый звонок.

— Ты можешь верить и не верить, только выслушай, не перебивай, что я скажу. Почему позвонил к Максуду? Действительно видел очень плохой, цветной сон. Он лежал рядом с полотном железной дороги. Когда я проснулся, сказал себе: «Ну, слава богу, не наяву». Но странная неотвязная тревожная мысль не покидала меня. Никогда не испытывал такого смутного предчувствия. Одним словом, только что разговаривал с ним.

— После твоего длинного предисловия я понял, что с Максудом все в порядке.

— Не спеши, выслушай до конца.

Вот какую историю поведал Василий Кириллович.

Услышав в трубке голос Ибрагимбекова, он почувствовал, что беспокоился напрасно, и просто ради приличия спросил:

— У тебя все в порядке?

— Не совсем. Только скажите, пожалуйста, Василий Кириллович, почему вы звоните именно в эту минуту? Вы никогда не звонили мне раньше. Ни разу за долгие годы. Я вас прошу ответить, это очень важно.

— Если честно, то видел сон... про тебя. Однако ты сказал: «не совсем».

— Дело в том, что меня несколько минут назад привезли домой. Рядом врачи, следователь и милиционер.

— Ты жив-здоров, родной мой?

— Спасибо, жив-здоров, отделался двумя ссадинами, все могло обернуться гораздо хуже.

— Так расскажи.

— Одну минуту, извинюсь перед следователем... он сидит за протоколом... Час назад я возвращался домой с дачи. На машине. На железнодорожном переезде заглох мотор. Приближался поезд. Я до последнего момента пробовал тронуть машину с места... Не удалось... Поезд протащил машину метров сорок. От автомобиля одни воспоминания, да черт с ним... Дело в том, что я не успел выскочить.

— И тебя волочил поезд все эти сорок метров?

— В протоколе так и написано: «сорок метров».

— Родной мой, благодари небо.

— Я благодарю вас, дорогой Василий Кириллович. Начинаю больше, чем когда бы то ни было раньше, верить в предчувствия. И еще, не сочтите за сентимент, сейчас я еще лучше, чем раньше, понял, кто вы для меня.

— Точнее — кто ты для меня, сынок!

Позже мне подтвердил эту историю слово в слово Максуд Ибрагимбеков.

Можно ли утверждать, что не бывает иногда, пусть редко, в минуты высочайшего эмоционального всплеска того, что в старину называли озарением? Того, что помогает человеку проникать взглядом далеко, через многие километры, настраиваясь на неведомую волну?

Жизнь дает нам достаточно примеров, убеждающих в этих, еще неисследованных возможностях человека. Знакомясь с ними, невольно спрашиваешь себя — а не может ли быть, что те резервы, которые были, есть и всегда будут в человеке, связаны не только с такими понятиями, как «ум», «сила», «способность приобретать способности», но и с такими, как «предощущение», «предчувствие»?

Древняя наука о душе, психология, развивается в наши дни стремительными темпами. И все же... Дано ли ей, госпоже психологии, зримо и незримо проникающей во все новые сферы нашего бытия, дано ли ей с помощью современных понятий, представлений и категорий объяснить то, что заставило писателя встревожиться за друга, живущего от него за тысячи километров и попавшего в беду?

Или то, что произошло на пятый день войны недалеко от города Владимира-Волынского?

Об удивительной истории поведал читателю дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант танковых войск З. К. Слюсаренко в книге «Последний выстрел»:

«Нашего комкора Игната Ивановича Карпезо все мы очень любили и уважали. Человек крайне скромный и беззаветно храбрый, он всегда был там, где жарко. На войне, говорят, случается такое, что ни бог, ни черт предвидеть не в силах. Именно так произошло с генералом Карпезо.

26 июня (речь идет о 1941 годе. — *А. К.*) пятнадцатый корпус с трудом отражал все усиливающиеся атаки противника. Вражеская авиация засекает командный пункт. Тяжело раненный генерал-майор (он тогда был в этом звании) падает, теряет сознание. Неопытный врач констатирует смерть. Комкора хоронят тут же, на месте. Речи, ружейный салют, букеты полевых цветов... И в это время из штаба армии возвращается его заместитель по политчасти полковой комиссар И. В. Лутай. «Карпезо погиб?! Не может быть! — не верит Иван Васильевич. — Герой гражданской войны, бесстрашный человек — и погиб! Нет! — Лутай приказывает выкопать генерала. — Жив!»

Каким же властным было предчувствие комиссара! Представим себе ситуацию чуть полнее. Корпус отступает. Над могилой звучат короткие речи и торопливый ружейный салют. Кто-то собирает на поле рядом с могилой букетик цветов и кладет их на свежий холм. Дорога каждая минута. Противник, разбомбив командный пункт и оставив соединение без командира, вот-вот предпримет новое наступление. А человек, которого не было в корпусе во время вражеского налета, полагающийся только на неведомое, обострившееся до предела чувствование, приказывает разрыть могилу. Сколько на это уйдет минут? Разрыть, чтобы зарыть снова? Понимает ли, какую ответственность берет на себя И. В. Лутай? Не трудно представить, что думают о полковом комиссаре солдаты, которым приказано снова взять в руки лопаты, что они шепчут про себя. И какие делают глаза, когда оказывается, что только-только похоронили живого командира! Что чувствует врач, когда его заставляют убедиться в ошибке. Он, врач, был рядом и не уловил профессиональным ухом дыхание командира, а комиссар почувствовал его на расстоянии.

Мы должны не просто смутно догадываться, мы должны знать более или менее определенно, какие резервы, какие возможности пульсируют в нас иногда заметно, иногда — нет. Это надо для разных человеческих дел.

Для спортивного же дела — особенно!

Англия... Футбол... Чемпионат мира 1966 года. В матче за третье место встречаются команды СССР и Португалии. Поединок остр, динамичен, чаша весов колеблется то в одну, то в другую сторону. И вдруг в пределах штрафной площадки СССР происходит нечто трудновообразимое... В безобидной ситуации, когда угроза воротам советской сборной не превышала доли процента, центральный защитник дотрагивается до мяча рукой. Нет ,не так, он ловит мяч

рукой и, будто заколдованный, опускает его — руками же — на землю. Я чуть не силой вырываю бинокль у сидящего на ряд выше английского журналиста, смотрю на провинившегося, узнаю и не узнаю его. Написать, что на нем нет лица, — как мало передадут эти слова то, что вижу в бинокль.

Команда Советского Союза впервые за всю историю была близка к почетнейшей награде — бронзе за третье место в чемпионате мира... И вот самый надежный уравновешенный, многократно проверенный и испытанный ее защитник, словно загипнотизированный, хватает мяч рукой. Черт возьми, может, недалеки от истины те казавшиеся фантазерами журналисты, которые писали, что искусство внушения на расстоянии достигло такого уровня, что чуть не позволяет влиять на результаты матчей.

Нужно ли догадываться, какими глазами смотрят на беднягу товарищи по команде, что испытывает сам он в ту минуту, когда судья недвусмысленным жестом показывает на одиннадцатиметровую отметку?

Наши проигрывают матч... Только Хоттабыч, приведи его Волька на «Уэмбли», мог бы спасти игру. Вирус неуверенности, начавший роем носиться над нашей командой после того эпизода, так и не перенесся к воротам чужим.

О таких вещах следует по возможности быстрее забывать. И самим футболистам, с которыми стряслась беда. И тем, кто им симпатизирует.

Лишь шесть лет спустя, встретившись с тем защитником на тренировочном сборе, я позволил себе вернуться к печальному эпизоду. Уж больно хотелось узнать, как могло все это произойти.

— Теперь могу признаться: перед матчами с португальцами я до самого утра не сомкнул глаз. Все переживал и переживал эпизоды предыдущей встречи с командой ФРГ. Не могу сказать, что у нас было много шансов на победу, но вышли мы на ту игру с настроением, с подъемом. Не было страха перед одной из самых сильных команд мира. Хотели показать, что и мы тоже можем играть в футбол, чему-то научились за последние годы. Но случилось то, и вы помните это, что нельзя было предусмотреть... никак нельзя было... Численко удалили с поля, мы остались вдесятером и хоть проиграли почетно, осадок очень неприятный остался после матча. А теперь надо было собраться на игру за третье место. А сон пришел ко мне только под утро... лучше бы совсем не приходил. Потому что я увидел во сне, как в матче с португальцами дотрагиваюсь до мяча рукой в своей штрафной площадке. В холодном поту проснулся. Когда вышел на игру, прижимал руки к туловищу, чтобы случайно не задеть мяча. А потом... какая-то неведомая сила, чужая и злобная, вскинула руки помимо моей воли, когда мяч летел над головой. Если бы мне кто-нибудь объяснил.

...Как же ты нужна спорту, уважаемая, нет, многоуважаемая госпожа Психология!

Часть четвертая

ОЛИМПИЙСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

ГЛАВА 1

Это случилось в том самом Мюнхене. Воспоминания о Верном. Несколько строк из газеты «Идроттсбладет». Теннер, Балангруд, Хенни

Силу и искусство ценят везде. В этом нет преувеличения. Но можно ли каким-либо образом измерить силу спортивных привязанностей, волнений и страстей? Найти ответ на этот вопрос стараются по-разному.

Вот, например, как поступили организаторы Олимпийских игр 1972 года в Мюнхене. Чтобы узнать, какая команда пользовалась наибольшей популярностью, они обратились с телеэкрана к зрителям с таким предложением:

— Мы будем называть делегации в алфавитном порядке. Как только дойдет черед до той, которой вы симпатизируете, выключите свет в своей квартире. Наши сотрудники дежурят в энергоцентре, и по тому, как снизится нагрузка в электросети, мы сможем составить представление о популярности той или иной команды.

96 процентов участников этого необычного голосования отдали свои симпатии советским спортсменам.

Это происходило в том самом городе, в котором...

* * *

Приходилось ли тебе, читатель, что-нибудь слышать о двенадцатых летних Олимпийских играх современности? А о тринадцатых? Не напрягай память. Их просто не было. Их вычеркнул из истории фашизм, зародившийся в Мюнхене. Их вычеркнула из истории вторая мировая война.

По давнему обычаю счет олимпиадам ведется по четырехлетиям, независимо от того, состоялись игры или нет. Когда говорят пушки, музы молчат. Молчат олимпийские фанфары. А спорт делает в это время шаги не вперед, а назад. Живой, пульсирующий, от рождения данный человеку мускул подавляется чугунным мускулом планеты.

Вспомним, что это были за годы между 1936-м и 1948-м в истории олимпиад.

Между последним днем XI Олимпийских игр и первым днем XIV.

* * *

16 августа 1936 года. Имперский стадион в Берлине. Под звуки маршей на беговую дорожку выходят не такие стройные, как в день открытия, колонны спортсменов. Шагают рядом американцы и французы, англичане и норвежцы, японцы и испанцы. И только замыкающая шествие колонна Германии выдерживает четкий спортивный строй.

В одном из первых ее рядов самый сильный человек земли Мангер. Прошло два дня после необыкновенного его триумфа — этот

супертяжеловес показал в сумме трех движений 410 килограммов, его портреты не сходят со страниц газет и экстренных выпусков журналов. Рядом с Мангером боксер-тяжеловес Рунге, обыгравший в финале аргентинца Ловелла. Шагают легкоатлеты, гимнасты, пловцы... Их взоры обращены к той трибуне, на которой сидит человек с челкой, падающей на лоб, и с усиками. Фюрер улыбается, слегка приподняв правую руку, он приветствует своих соотечественников, показавших на спортивных полях, пока на спортивных полях, что есть германский дух. На трибунах оживление и всеобщее ликование. Германия выиграла тридцать три золотые медали, оставив далеко позади американцев, неизменных фаворитов предыдущих Олимпиад. У заокеанской команды на одиннадцать медалей меньше. Представители Германии завоевали главные призы и в конкурсе искусств, в состязаниях поэтов-лириков и композиторов, посвятивших гимны и оды «главным играм столетия». В состязаниях скульпторов. И архитекторов.

В день закрытия Игр вручается главный приз победителю конкурса искусств.

На небольшую площадку близ главной трибуны выходит неторопливой походкой знающего себе цену человека немолодой, сохранивший спортивную выправку зодчий. Его имя — Вернер Марх — хорошо известно в Германии. Теперь о нем узнал мир. Проект Имперского олимпийского стадиона, того стадиона, на котором в чинном молчании застыли в эту секунду представители многих стран, выполненный Вернером Мархом, взял верх в конкурсном споре над вторым проектом — американского зодчего Даунинга-Лэйя, создавшего Парк флота в Бруклине. Узнает ли кто-нибудь когда-нибудь за пределами Америки о том «Парке», еще неизвестно. Имперский стадион знают все.

Марху вручают приз и диплом. Он смотрит в глаза представителю Международного олимпийского комитета. И бросает мимолетный взгляд на трибуну, и сердце его переполняется гордостью: он видит, как, едва касаясь кончиками пальцев одной руки ладони другой, его приветствует фюрер. Честь, которая останется с Вернером Мархом до конца жизни. Он радуется не только своей радостью. Но и радостью отца, знаменитого архитектора Вальтера Марха, построившего для Игр 1916 года Олимпийский стадион в Грюневальде. Увы, на тот стадион не было суждено ступить ни одному олимпийцу: не на спортивных — военных ристалищах сражались германцы. В ту войну судьба лишила Германию военной победы, жизнь нации почти два десятилетия угнетали воспоминания о поражении. Олимпиада помогла поверить в себя. На этом ультрасовременном стадионе с великолепным футбольным полем и беговыми дорожками из ультрасовременных материалов, над которыми долго колдовали химики и состав которых пока держится в секрете, на этом стадионе реабилитирована, вознесена жизненная сила германской расы.

Гаснет олимпийский огонь. Над чашей стадиона взмывают в небо огни фейерверка. И эти огни и факелы в руках германских олимпийцев озаряют лица сынов новой Германии.

Четок их строй, уверен шаг по пружинящей беговой дорожке стадиона, построенного архитектором по имени Вернер.

Был в этот час на стадионе еще один Вернер... Рабочий. Борец, чемпион Германии — Вернер Зееленбиндер. Он был сыном своей страны и горячо любил ее и, быть может, больше чем кто-либо другой видел, понимал, чувствовал, куда поведут шаги, начавшиеся на беговой дорожке в легких спортивных туфлях. Знал, для чего была нужна фашистам Олимпиада. Помнил, как старательно счищались со стен домов антисемитские лозунги, как закрывались большими рекламными щитами обветшалые домишки на окраинах Берлина, как тщательно работали и в книжных магазинах и библиотеках специальные комиссии, которые изымали на срок, совсем на недолгий срок, книги, «способные дать превратное представление о «новом порядке». Так, например, специальным распоряжением была изъята книга «Германское физическое воспитание», в которой приводилось выступление руководителя «Гитлерюгенда» Кальтербруннера в Мюнхене: «Замену для военных школ поможет найти только широчайшее распространение физического воспитания». Хорошо понимая тягу молодежи к ружью и мотору, школы и районные организации «Гитлерюгенда» создавали кружки, в которых мальчиков и юношей учили владеть винтовкой, мотоциклом, автомобилем. Зееленбиндер смотрел на колонны крепко сбитых статных юношей, шагавших на олимпийском параде, и спрашивал себя: что ждет их?

Зееленбиндер не раз приезжал в Советский Союз в составе рабочих спортивных делегаций, в Москве у него много друзей. И больше всего — среди борцов. Он был с ними на «ты» и называл одного Алешей (это был молодой борец Алексей Катулин, который с годами стал вице-президентом Всемирной федерации борьбы), а другого Гришей (это был молодой борец Григорий Пыльнов, ставший впоследствии многократным чемпионом СССР).

В ту пору нечастыми были международные встречи советских спортсменов, каждая из них превращалась в событие. Помнил Вернер, как сердечно встречали и Москва, и Ленинград, и Киев его и его друзей, видел, на что способно общество, где все равны, где никому не позволено наживаться на другом, видел, как быстро наливается силами советский спорт. Он становился его верным другом. Советские друзья так и называли Вернера Верным.

Были дни, когда и Алеша и Григорий встречали гостей из Германии цветами и братскими рукопожатиями.

Пришел день, который заставил Алешу и Гришу, как и миллионы их боевых товарищей, встретить непрошеных, закованных в броню, сеющих смерть и разрушение германских гостей пулей и гранатой.

Оболваненные фюрером, опьяненные легкими победами на европейских фронтах, юноши, еще недавно шагавшие по стадиону, построенному Вернером Мархом, шагали теперь не с факелами — с автоматами, и на ногах их была не легкая спортивная обувь, а подбитые железом тяжелые сапоги.

Они мечтали дойти до Урала и в предгорьях его установить пограничные столбы Германии.

Вернера Зееленбиндера, осмелившегося возвысить голос против фашизма, против войны, заточили в концентрационный лагерь. В сорок четвертом году, когда война повернула назад, туда, откуда пришла, когда под ударами советских войск разлетался один фашистский бастион за другим, Вернера Зееленбиндера казнили. В прощальном письме, переданном родным друзьями Зееленбиндера по концентрационному лагерю, были пророческие слова о скорой гибели фашизма. В том письме мужественный немец передавал прощальный привет русским друзьям.

Чтит и помнит новая — социалистическая Германия верного своего сына. В городах и деревнях Германской Демократической Республики проходят многочисленные соревнования — кроссы, турниры борцов, посвященные памяти мужественного антифашиста. Довелось и мне однажды присутствовать на таком празднике в Берлине. Соревнования, проведенные газетой «Берлинер цайтунг», собрали много молодых атлетов. Среди них, как рассказывали позже, были и малоизвестные еще спортсмены — дискоболка Слупянек, бегунья Кох и многие другие атлеты, которым было суждено в иные годы на Московской олимпиаде защищать честь своей страны.

...Маленькая сцена на стадионе в Лужниках Девятого мая, в День Победы, когда в финальном матче на Кубок СССР по футболу спорили московский «Спартак» и армейцы Ростова. В самый разгар матча, боевого и азартного, на электронном табло показали крупным планом одного зрителя. Посмотрел на него стадион и замер в почтительном молчании. То был генерал, ветеран войны — вся грудь в орденах и седая-седая голова. Рядом с ним был маленький мальчишка, скорее всего, внук. Дед успокаивающе гладил его по голове. Не будь того генерала, не будь миллионов советских воинов, грудью преградивших путь фашистским колоннам и избавивших мир от фашизма, не было бы этого праздника, как и многих других на нашей земле.

Не написаны, не написаны еще многие книги, которым дано воскресить подвиги советских спортсменов — героев войны. Мы чтим, помним, будем вечно помнить имена борца Григория Пыльнова, легкоатлета Бориса Галушкина, конькобежца Анатолия Капчинского, лыжницы Любови Кулаковой, боксера Льва Теймуряна, футболиста Мирмехти Агаева, павших в бою. Но скольких героев предстоит еще узнать, как важно собрать по крупицам все, что помнят о них соратники!..

И пусть эпиграфом к тому сборнику послужат строки, опубликованные в шведской газете «Идроттсбладет» в сорок втором тяжелейшем году, когда Советской стране удалось отбить первый смертельно опасный натиск врага и начать собирать силы для нарастающих ударов: «Один из просчетов Гитлера состоял в том, что он не знал духа советского спорта и его силы».

Мысль невольно обращается к городу, который в минувшей войне понес такие жертвы, перенес такие испытания, которые не дано было перенести ни одному другому городу мира. Что за славный, что за удивительный дух у Ленинграда! Как безгранична его жизнестойкость. Поколение, прошедшее сквозь ленинградскую блокаду,

помнившее стодвадцатипятиграммовый паек хлеба, длинные очереди к прорубям на Неве, небо, закопченное пожарами Бадаевских складов, и бомбежки, бомбежки, бомбежки... Это поколение выдвинуло из своей среды к началу шестидесятых годов столько сверходаренных спортсменов, сколько ни один другой город Земли. И подтвердила это с редкой убедительностью Олимпиада под ясным безоблачным римским небом: по числу завоеванных медалей ни Нью-Йорк, ни Париж, ни Токио, ни Лондон, ни даже Москва не смогли близко приблизиться к Ленинграду.

Две страницы из блокадной истории Ленинграда помогут нам лучше понять и представить силу спортивного духа.

Вечерним декабрьским днем 1941 года в штаб обороны Ленинграда пригласили группу оставшихся в городе альпинистов и скалолазов. Им сказали: «боевое задание». Эти два слова исключали возможность вопросов. А вопросов был переизбыток. И первым среди них: «А для чего это надо?»

Альпинисты привыкли к суровой работе, которую поручили им с первых дней обороны Ленинграда, — маскировать главные высотные сооружения города; они были ориентирами и для фашистских лазутчиков и для корректировщиков, направлявших огонь огромных осадных орудий. И на Исаакий, и на шпили, и на главные колокольни города были надеты каркасы из фанеры и материи, преобразившие облик сооружений, которым с давних пор гордился каждый петербуржец.

А это задание было малопонятным: восстановить фигуру ангела на шпиле Петропавловской крепости. Осколок снаряда попал в ангела, крест в его руке накренился... Ну и что, почему высотный ремонт, с которыми в свое время справлялись мастеровые из крепостных (несколько раз в ангела попадала молния), теперь именуется столь громко — боевым заданием?

Молодым альпинистам объяснили: существует давняя легенда — пока стоит тот ангел, будет стоять и город Петра, стрясется беда с ангелом, случится беда и с городом. Из поколения в поколение — от петербуржца к петроградцу, от петроградца к ленинградцу передавалась легенда, мало ли людей в осажденном Ленинграде, выйдя рано утром на улицу, смотрели первым делом на шпиль — как там ангел, на месте ли? В горькую пору жизни поверья, как никогда, владеют душами людей. Вот почему мудрые офицеры из штаба обороны пригласили альпинистов и почему приравняли работу на шпиле старой крепости к боевому заданию.

Эту историю рассказал Валентин Федоров, известный футболист, проведший в Ленинграде все девятьсот блокадных дней:

— Из добровольцев выбрали не просто самого умелого. Самого неистощенного. Который был бы способен взобраться на немыслимую высоту и провести на ней несколько часов. Никто не мог помочь ему: сам себе и инженер, и прораб, и рабочий. Им оказался Владимир Тихонов. Это фамилия у него такая скромная. А человек был лихой и умелый к тому же, руки золотые. О том, как взобрался он на шпиль, особый разговор. Дело это было архисложным. И люди, наблюдавшие за ним в бинокли, облегченно вздохнули, когда

Тихонов, прикрепив себя веревками к вершине шпиля, слегка приподнял левую руку, как бы говоря — пока все в порядке. С колоссальным трудом ему удалось выпрямить фигуру ангела. Закрепить ее.

Когда спустился Тихонов вниз, кто-то попытался обнять его. А он еле стоял на ногах. Пошатывался. Старший офицер передал ему приз. Не было в Ленинграде приза дороже. Представлял он собой брикет жмыха граммов в триста. Человек сделал дело от души. А всякая работа от души заслуживает поощрения. Не знаю, насколько это точно рассказывали, что тот брикетик помог поддержать жизнь матери Тихонова. А вспоминаю я ту историю, — продолжал Валентин Федоров, — потому что таких примеров самоотверженности спортсменов было много. Того же Алексеева Виктора Ильича взять, тренера по легкой атлетике, первого в стране заслуженного мастера спорта. Ведь это звание было присвоено ему в самый трудный год войны.

* * *

Ленинград любит порядок. Везде и во всем. Даже льдины во время вскрытия Невы плывут, строго соблюдая правила движения — по правой стороне.

Тех, кто не в ладу с дисциплиной — внешней и внутренней — кто не строг в работе, кто не охоч перегибаться, того в Ленинграде, так кажется наблюдателю, и человеком не считают. И правильно делают. Но зато если человек «с понятием», если не ленив телом, а особенно мыслью, если не бросает на ветер слов, можно быть убежденным: его поддержат, ему помогут с истинно ленинградским — ненавязчивым и таким многозначительным тактом.

Знакомство со многими спортивными одаренностями дает основание высказать одну мысль: человек талантливый спортивно талантлив вообще. Если бы Виктор Ильич не стал основателем знаменитой ленинградской легкоатлетической школы, заслуженным мастером спорта и заслуженным тренером СССР, стал бы заслуженным изобретателем. Люди, близко знавшие Алексеева, вспоминали не без улыбки, какую задачу задал инженерам-всезнайкам из заводского бюро рационализации и изобретений молодой станочник: не могли поверить, что это он сам, скромный с виду, неразговорчивый и не очень склонный к шуткам юнец, изобрел измерительный инструмент, над которым потели лучшие умы не одного только завода. Приспособление, рядом с которым стояло имя никому не известного изобретателя, называлось «ласточкин хвост» и помогало в считанные секунды производить любое измерение обрабатываемой детали.

— Я долго думал об этом «ласточкином хвосте». И наяву, а чаще во сне. Но однажды на каком-то скучном фильме все стало вдруг на свое место. Набросал микрочертеж на оборотной стороне билета. Не хватило места, попросил билет у незнакомого соседа. Тот пожал плечами и дал. С тех пор и храню эти билеты в «Аврору», — вспоминал Виктор Ильич. — А меня все расспрашивали: какие журналы

я выписываю, не изучаю ли самостоятельно иностранные языки. Сперва я не понимал, к чему эти вопросы, а потом товарищи из БРИЗа (оппоненты действительно со временем превратились в товарищей и добрых помощников) признались: думали, мол, что ты по молодости лет да несознательности у какого-то заграничного изобретателя позаимствовал. В газете написали об изобретении, такую премию дали — и сейчас на душе весело, когда вспоминаю. Потом опытные инженеры и мастера помогли довести изобретение до нормы. И заметьте, ни один из них не претендовал на соавторство. Даже мысли такой не было. Помогали от сердца, профессиональное самолюбие ими двигало. Не завидовали. Помогали.

Не в те ли годы понял Виктор Алексеев, как много в годы мужания зависит от наставника? Не этот ли мудрый совет: будешь долго думать, рано или поздно что-нибудь придумаешь — двигал им и тогда, когда он начал делать первые шаги на спортивном поприще!

Есть много способов метания копья. Лучший из них не тот, который принес известность кому-то другому (он описан и общеизвестен). Лучший тот, который подходит только тебе. И больше никому. Потому что нет на свете двух абсолютно похожих людей. Надо было изобретать технику, более всего подходящую для гражданина Алексеева В. И. Не буду описывать, как шел к своему стилю молодой копьеметатель, сколь самозабвенно тренировался (захватило!), скажу только, что незадолго до войны он, к полной неожиданности даже тех, кто хорошо знал его, установил всесоюзный рекорд.

Когда к самим стенам Ленинграда подошла война, послали Виктора Алексеева инструктором во Всевобуч. Он обучал бойцов искусству гранатометания, преодоления полосы препятствий, штыкового боя, уничтожения танков противника.

Помог овладеть оборонной специальностью первым двумстам юношам. Потом еще тремстам. Об опыте ленинградского инструктора рассказал «Красный спорт». Это было непросто одному, без помощников, подготовить пятьсот бойцов. А он все думал о том, как бы интенсифицировать работу, как с максимальной пользой использовать короткий зимний ленинградский день.

Он привык с юных лет обстоятельно делать любое дело, которое ему поручалось или которое он избирал.

И со всей присущей ему обстоятельностью, помноженной на ответственность перед родным городом, он подсчитал, что вполне способен довести число учеников до тысячи. С таким обязательством и выступил он на городском активе Всевобуча. А когда сошел с трибуны, его пригласили к столу президиума, и председатель спросил Алексеева полушепотом:

— А не выступить ли вам с призывом к инструкторам Всевобуча начать движение «тысячников»?

— По Ленинграду?

— Не только по Ленинграду. По стране. Будет важное и полезное дело.

— Удобно ли так громко, на всю страну? Может, попробуем сперва у себя?

— Если бы мы не знали вас, Виктор Ильич, не обращались с подобным предложением.

Вскоре центральные газеты опубликовали призыв В. Алексеева. По его почину и начиналось новое и очень важное для сражавшейся страны движение.

Зима стояла безжалостная. Алексеев возвращался домой поздно. Железная печка, в которой давно была сожжена чуть не вся библиотека, приняв очередную партию книг, как презренный меняла-жадюга, выдавала взамен нечто, лишь отдаленно напоминавшее тепло. Семьдесят граммов хлеба и стакан кипятка на сон грядущий — таким был ужин. Ложился спать в пальто. Вставал ни свет ни заря. Но день начинал так же, как и до войны, — с зарядки. Только вместо легких тапочек на нем были валенки, а вместо майки — телогрейка. Шел на стадион. Тот самый стадион, на котором до войны бил рекорды. Копье в кладовке напоминало о тех счастливых и безмятежных днях. Много разных деревянных снарядов ушло в печки, копье из уважения к Алексееву пока хранили. Однажды по весне он взял его в руки и вышел на поле стадиона. Пробовал метнуть. Не узнал то ли себя, то ли копье. Оно было чужим, незнакомым. И казалось гораздо тяжелее, чем было на самом деле. Он не сделал даже попытки метнуть его. Подавил вздох, стер пыль с копья и водрузил его на свое место.

Работал, как раньше работали крестьяне в поле, — от зари до зари. Ни одной поблажки себе. Только при этом можно было не делать поблажек бойцам. На итоговых занятиях-испытаниях на одну хорошую оценку приходилось четыре отличных.

Из характеристики: «За годы войны старший инструктор Всевобуча Алексеев В. И. лично подготовил четыре тысячи бойцов народного ополчения. Это дает основание ходатайствовать о присвоени ему звания заслуженного мастера спорта».

В войну он командовал. И учил. Ему подчинялись беспрекословно. Была военная дисциплина. Сверхответственная дисциплина осажденного города.

После войны он продолжал учить. Только от военных приказных нот надо было по возможности быстрее избавиться. Потому что теперь к нему на учебу приходили юные неоперившиеся легкоатлеты с растерянно бегавшими глазами, которых он готовил к далеким, очень далеким стартам.

Он стал у истоков знаменитой легкоатлетической школы «Зенита». Многих славных спортсменов воспитало это общество, но главная гордость его — легкоатлеты Ленинграда. Сколько тоненьких, «просвечивающих как стекляшки» мальчиков и девочек, у которых украла детство война, прошло перед глазами Виктора Ильича. Скольким он помог поверить в себя, набраться сил! Тренер понимал, что приходит время спортсменов, отличающихся быстрой сообразительностью, внутренней культурой, способностью «слушать и не слушаться», иными словами, трудно поддающихся переделкам, на которые так охочи иные тренеры, признающие из всех существующих школ только свою и требующих неукоснительного соблюдения тренерских установок.

— Талантливый человек редко бывает покладистым... Характер у него, как правило, не сахар, — говорил Виктор Ильич. — Но с таким человеком интересно спорить и работать.

Тамара Пресс пришла к нему после того, как один уважаемый в стране тренер вынес о ней безоговорочное суждение: «неперспективна. К легкой атлетике не подходит». Не знаю, подошла бы она к легкой атлетике, стала бы олимпийской чемпионкой, если бы не стал ее учителем Виктор Алексеев. У девочки был характер. Это было главное. Все остальное к нему можно было приложить. Так строятся ультрасовременные дома: сперва возводят высоченный остов-башню, а потом пристраивают к нему широченные этажи. К врожденному характеру прибавлялись качества, которые старался развить тренер: систематичность, усердие, способность не вешать носа при неудаче. Тренер считал, и не без основания, что каждой серьезной победе должны, обязательно должны предшествовать поражения... Их не надо бояться, в каждом из них — доля будущей победы. Что скрывать, были в его группах ученики, боявшиеся поражений как огня (что подумает тренер, какими глазами посмотрит, выставит ли на соревнования следующий раз... вещали о своих бедах чуть не каждому встречному-поперечному, ссылались на плохой сон, плохую погоду, плохую дорожку для разбега). Это было, кажется, единственным, что считал своим долгом переделать во впечатлительных учениках тренер. Удавалось — радовался. Но я бы только зря написал, что удавалось всегда. Приходила пора расставаний. Расставаний без лишних слов. Понимал — сам по себе на этом свете талант не существует, но только рядом с жизнестойкостью, честолюбием, способностью выходить из полосы неудач с крепко стиснутыми зубами.

Спорт высвечивал по-новому одну из главных черт характера Алексеева — сообразительность. Это он научил чемпиона Барышникова толкать ядро не как все. Тот выходил в круг и, подобно дискоболу, делал поворот, придавая снаряду дополнительную силу. Именно этим способом Барышников достиг результата 22 метра, поставившего его в ряд сильнейших толкателей в мире.

Это он, Алексеев, учил спринтеров принимать идеальный старт, «стелясь к земле, уходя торпедой». Приспособление оказалось на редкость простым и остроумным: в двух, четырех, шести, двенадцати метрах от старта он натягивал между стойками на разной высоте шнуры, атлет, начинавший бег, должен был пробегать, распрямляясь все более. Это он, Алексеев, с помощью другого, не менее хитрого, приспособления помог будущей олимпийской чемпионке по толканию ядра Тышкевич избавиться от заступов, которые так часто портят жизнь спортсменам и их тренерам. Он обладал удивительным качеством найти то, мимо чего проходили другие, найти и поставить на службу победам своих учеников.

Это способность незаурядной личности — еще долго-долго после ухода из жизни помогать, влиять, возвышать. Чем больше времени проходит после кончины Виктора Ильича Алексеева, тем больше начинаем мы понимать и ценить то, что сделал он для своего города, для своего общества, для своей легкой атлетики. И разве будет

преувеличением сказать, что победы его учеников и учеников его учеников на крупнейших всесоюзных и международных состязаниях, на олимпийских играх еще долгие-долгие годы будут освящаться именем и делами мастера.

У него была военная закалка и искреннее желание «додать» молодым людям все, что отняла у них война.

* * *

Было много честных бесстрашных спортсменов в разных странах, которые хорошо понимали, что несет с собой фашизм. Народам, планете, спорту. И потому...

В 1942 году, выступая на антифашистском митинге советской молодежи в Москве, партизан, абсолютный чемпион СССР по боксу Николай Королев, кавалер боевого ордена Красного Знамени, говорил:

— Мне приятно сознавать, что лучшие спортсмены мира, такие, как американский боксер Джо Луис, в одной шеренге с нами сражаются против общего врага.

Незадолго до того чемпион мира Джо Луис, вступив добровольцем в армию США, сказал: «Я не надену перчаток, пока фашизм не будет стерт с лица земли». Узнав, что советский чемпион, имя которого ему было хорошо знакомо, вместе со своим отрядом уничтожил в глубоком фашистском тылу много живой силы и техники врага, Джо Луис прислал ему теплое письмо, в котором были такие слова: «Встретимся после войны».

Много истинных спортсменов, мечтая о встречах после войны — на чемпионатах, турнирах, олимпиадах, делали все для того, чтобы приблизить последний ее час. Для того, чтобы сбылось то, о чем мечтал славный американский боксер.

Вчитываюсь в строки его письма и начинаю думать о том, что есть на свете люди (в не столь давние годы их очень точно называли «воротилами капиталистического мира»), которые хотели бы вытравить из сознания своих граждан память о том, как самоотреченно и честно сражались против общего врага и советские, и американские, и английские, и французские спортсмены. Сражались за право потомков своих мериться силами на иных, мирных. спортивных полях.

Тот хозяин Белого дома, который с целью рекламы вышел на старт легкоатлетического пробега (фотография повисшего на руках своих телохранителей еле живого «состязателя» у финиша обошла газеты многих стран) и который, выдавая себя в речах ревнителем «честной игры», запретил своим спортсменам поехать на Олимпиаду в Москву. предпочел бы не знать или забыть это слово «встретимся!» из письма Джо Луиса.

Но мы с уважением храним память о военном сотрудничестве, которое, так верили в это, перерастет в сотрудничество мирное.

Газетные и журнальные страницы военных лет пожелтели, разошлись на сгибах. Мне аккуратно передает их старая библиотекарша. я так же осторожно принимаю их и вооружаюсь ручкой и терпением.

Вот сообщение из английского военного бюллетеня о знаменитом регбисте Теннере, который «сыграл свой последний матч на эсминце «Фиджи».

Перед читателем встает образ человека удивительной чистоты и отваги. Белесый осенний день, неспокойное море и растянувшийся чуть не до горизонта английский караван. Он держит путь на север. Свободные от вахты моряки — и офицеры и матросы — напряженно вглядываются в небо. Облака, державшиеся над морем, предательски уплыли, а туман, желанный туман, собиравшийся было укрыть вереницу, растаял. В том самом месте, где за двенадцать дней до того фашисты уничтожили более половины такого же каравана.

— Небо!

Выдерживая идеальный строй, движутся «юнкерсы» и «фокке-вульфы». Кажется, не обращают внимания на караван, словно у них свой путь, а у того свой.

Но на кораблях и пароходах знают, что произойдет через несколько минут. Самолеты зависнут над флагманом, сперва один, потом другой, за ним третий, подвернут под себя крыло и с воем, от которого готовы разорваться не только барабанные перепонки, а и сердца незакаленных моряков, станут падать вниз. У каждого самолета своя цель.

Первые пули и снаряды пронизывают воздух снизу вверх. Но по-прежнему строг воздушный строй — облачка разрывов видны то выше, то ниже, то далеко в стороне от строя. Нагл и неуязвим враг. Что с вами, знаменитые, в сагах воспетые английские комендоры? Обострите свое зрение, укрепите сердца, покажите фрицам, на что способны вы в час испытания, и прежде всего докажите это самим себе.

В караване, считая с сопровождением, сорок два судна. В небе сто бомбардировщиков. По два с половиной самолета на один корабль.

Но вот длинный траурный шлейф возникает за хвостом одного из «юнкерсов». Будто того и ждут бомбардировщики. Как на учениях — звено за звеном уходят в пике. Первые удары по кораблям охранения. В том числе по эсминцу «Фиджи». Одно прямое попадание, второе, четвертое. Едкий дым разносится по надстройкам. Кренится эсминец. Но не покидают постов зенитные расчеты: зуб за зуб, око за око — до последнего мгновения. Трассирующие пули находят путь прямо к брюху одного «юнкерса», второго, теперь, кажется, можно послушать приказ — и за борт, в лодку ли, в спасательный плот. Но поздно. Взметнув над поверхностью моря гигантскую водную вазу, «Фиджи» идет на дно.

Не знаю имени регбиста Теннера. Не знаю, кем он был. Может быть, матросом, может быть, офицером. Знаю одно, что он вел себя в тот час так, как подобает вести себя настоящему мужчине. И настоящему спортсмену. Он покинул спасательный плот, потому что увидел в волне тяжело раненного матроса, боровшегося за жизнь из последних сил. Обхватил. Помог доплыть до плота. Все новые и новые корабли и самолеты уходили в воду, расходились и стал-

кивались на воде безумные круги, то порождая, то приглушая волны. Доставил на плот второго раненого. Третьего. На плоту не оказалось больше мест. Но Теннер увидел друга за рулем двадцатичетырехместного баркаса. На нем лежало и сидело по меньшей мере тридцать человек, мечтая лишь об одном — как бы подальше уплыть от кромешного этого ада. Теннер остановил баркас. Направил его в сторону тонувшего матроса. Бросился в воду, нырнул, подхватил раненого, помог ему перекинуться в лодку.

И так тридцать раз. Тридцать жизней спас регбист! Но тридцать первую и тридцать вторую спасти не смог. Тридцать второй была его собственная. С очередным раненым он уже не нашел в себе сил доплыть до другого баркаса.

...Я тщетно пытался узнать, куда шел караван. Сказано — «на север». Караван на север — скорее всего, это к нашим берегам. Теннер был регбистом.

И захотелось мне обратиться с такими словами к председателю Федерации регби Советского Союза.

«Уважаемый товарищ председатель! Не могли бы Вы и Ваша федерация учредить приз памяти отважного английского моряка и известного регбиста Теннера? Прочитав эти строки, Вы, без сомнения, оценили его мужество и самоотверженность. Этим призом было бы справедливо награждать лучших игроков матчей сборных Великобритании и СССР. За свой подвиг регбист Теннер был посмертно награжден орденом Альберта — это высокочтимая в Англии награда. Убежден, что учреждение приза имени Теннера будет содействовать укреплению дружеских связей между спортсменами двух стран».

...На библиотечном столике медленно тают кипы газет и журналов. Работа чем-то напоминает поиск иголки в стоге сена. Но если попадается находка, она компенсирует все...

Из бюллетеня английского посольства в Москве:

«Легкоатлет Сладен, командир подводной лодки «Трайдент», торпедировал крейсер «Принц Евгений». Тем самым были спасены многие грузы, шедшие в СССР».

Это — о событиях на море.

А вот маленькая заметка, увековечившая подвиг английского спортсмена в воздухе:

«Чемпион Европы в барьерном беге Дональд Финли, летавший на «Спитфайере», был атакован двенадцатью «мессершмиттами». Финли принял бой, хотя мог скрыться в облаках. Один из немецких самолетов был сбит».

Обратился я к английским газетам неспроста.

Англии было суждено провести первую после войны Олимпиаду. В 1948 году. Борясь с фашизмом, отстаивая честь своей страны, английские спортсмены боролись и за право на Олимпиаду.

Бой с фашизмом идет не только на фронтах.

...Афиши, расклеенные на центральных улицах норвежской столицы, приглашают жителей и гостей Осло на соревнования сильнейших конькобежцев. Квислинг и его подручные надеются на участие в них чемпиона мира Балангруда. Это имя окружено в

Норвегии, и не только в Норвегии, уважением. Нет в стране вида спорта, который мог бы сравниться популярностью с коньками, и их чемпион в представлении северян — чемпион из чемпионов. Имя его выделено в афишах красной строкой.

Друзья Балангруда спрашивают себя, спрашивают полушепотом других: неужели продался и он? Не знают, что имя чемпиона появилось в афишах без его ведома.

Как поступить в нелегкой этой ситуации Балангруду, что сделать, чтобы не запятнать имени? Пример показала его подруга по олимпийской команде — победительница трех олимпиад фигуристка Соня Хенни. Покинула страну, начала за рубежом серию показательных выступлений. Мог ли не знать Балангруд, что весь сбор от них шел в фонд норвежских партизан? Легкая, стройная Хенни, сколько мужества нашлось в ней. «Каждый спортсмен должен сделать все, чтобы приблизить конец фашизма, вернуть земле мир», — говорит Хенни, и подпольное норвежское радио несколько раз повторяет эти слова.

«Каждый спортсмен должен сделать все»...

Что может сделать Балангруд? Ведь он прекрасно понимает, что случится с ним, если он демонстративно не выйдет на старт.

В разные моменты жизнь ставит человека в обстоятельства, которые трудно предусмотреть и от которых так часто зависит его дальнейшая судьба. Как поступит он: даст ли увлечь себя сиюминутным соображениям или найдет силы посмотреть на свой поступок из будущего, «из завтра». Ох, не простое это дело — выбор, принятие решения в критической ситуации. Скольких возвышали они! А скольких делали несчастными!

Квислинговцы, читая афиши и газетные анонсы, рады, что чемпион мира выступит на празднике, призванном «еще больше сцементировать немецко-норвежскую дружбу». Имя Балангруда фигурирует и в именных приглашениях, рассылаемых знатным особам.

За несколько минут до начала соревнований на стадион, украшенный флагами двух стран, прибывают Квислинг, члены его правительства и представители немецкого командования. И те и другие приятно улыбаются в объективы кино- и фотокамер.

И вот настает минута, когда на старт должна выйти первая пара. Но что это? Нет первой пары. Среди судей и организаторов праздника замешательство. Срочно пробуют найти вторую пару. Но нет и ее — ни в раздевалках, ни на стадионе вообще. Несколько раз объявляют по радио фамилии заявленных участников. Тщетно.

Наконец разыскивают одного третьеразрядного конькобежца, ему приказывают выйти на старт, а он нагло заявляет, что оставил коньки дома, в деревне, до деревни сорок километров, а на других коньках он выступать не привык, не сможет, одним словом, показать результата, достойного столь светлого праздника.

Квислинг нервически поводит плечами и что-то шепчет на ухо помощнику.

Тот торопливо спускается с трибуны. Автомашина, расчищая себе путь сиреной, мчится домой к Балангруду. Чемпион лежит в постели с мокрой тряпкой на голове, еле-еле поднимает глаза на во-

шедшего. Родные Балангруда, прикладывая палец к губам, просят гостя не разговаривать громко. У главы дома тяжелейший приступ мигрени. Тогда машина отправляется к живущему недалеко от Балангруда конькобежцу, который должен был бежать с ним в одной паре. И тот тоже лежит с мокрой тряпкой и, кажется, собирает последние силы для того, чтобы прошептать:

— Я так мечтал об этом дне, так готовился к нему, был уверен, что обыграю наконец Балангруда. И вот эта проклятая мигрень, — говорящий досадливо бьет ладонью по простыне.

На мигрень жалуется и третий конькобежец и пятый, а у восьмого уже сами администраторы-квислинговцы спрашивают с препротивной улыбкой:

— У вас тоже мигрень, не так ли?

И услышав: «Так ли! Так ли!» — мчатся на стадион доложить по всей форме своему патрону о возмутительном вызове.

По радио объявляют о переносе соревнований. На лице Квислинга, старающегося сохранить достоинство, играют всевозможные краски теплых тонов.

— В тюрьму негодяев!

В тюрьме судья пренебрежительно отбрасывает справки о болезни, впрок заготовленные каждым из двенадцати. Их упекают за решетку, а вскоре ссылают на крайний север страны — на принудительные работы. О мужестве Балангруда и его друзей с помощью подпольного норвежского радио узнает мир.

Не забудем и Балангруда и его друзей. За общее дело сражались, не устрашились, не согнулись и тем обессмертили свои имена!

ГЛАВА 2

Предсказание. Надежды. Участник Сопротивления Жорж Бувар и его друзья. Турист, приехавший без фотоаппарата

В Толуке, под большим-большим шатром, где разместилось сотни три или четыре гостей, пел один из самых знаменитых теноров Мексики Хорхе Масиас. Ни одна его песня не должна пропасть: она записывалась на магнитофоны с тем, чтобы завтра прозвучать по радио на всю страну. Не просто прославиться в наш век музыкально-песенного изобилия так, как прославился у своего народа, с душой, полной песен, Хорхе Масиас. Такого сильного и приятного голоса я давно не слышал. Его высокие ноты, словно вырвавшись за пределы, доступные аккомпаниаторам — гитаристам и певцам, наполняли душу мексиканца (одного ли только мексиканца?) неведомыми чувствами и вызывали взрыв энтузиазма. Легко и красиво пел Хорхе Масиас. Он знал много песен разных стран. Его просили спеть бразильцы, англичане, итальянцы. А он вдруг спросил: «Где здесь русские?» и (о прекрасный, о ужасный момент!) подошел ко мне. Сказал:

— Я счастлив находиться среди русских. Очень прошу вас спеть вместе со мной один ваш любимый песня.

— Дорогой Хорхе, я много отдал бы, чтобы спеть с вами. Но вы

не знаете, как я пою. Я просто... не хочу вбивать клин в отношения между нашими странами. Все идет так хорошо.

Тогда Хорхе, невысокий взрывной малый в сомбреро, расшитом золотом и серебром, заговорщически моргнул и предложил компромисс:

— Хорошо, я буду спеть мой самый любимый песня «Катюша», а вы немножко пойте слова.

Не успел я оглянуться, как передо мной выросли три или четыре стойки с микрофонами. Сзади с приятной улыбкой на лице и с кольтом на боку стоял Хорхе. «Мексиканца нельзя обижать отказом», — сказал я сам себе, чтобы придать силы.

Мы запели. Мои близкие товарищи по делегации вдруг каким-то непостижимым образом разом оказались в противоположном конце шатра, а к нам подошли гитаристы и трубач и подхватили мелодию; засуетились техники у магнитофонов.

— Громче, не стесняйтесь, еще громче, — попросил Хорхе.

Мои товарищи вернулись и удивленно раскрыли рты.

— Выше нос, друзья, вместе споем, вместе, — сказал Хорхе.

Наши согласились. Они пели старинный романс «Дорогой длинною», потом «Очи черные», но прежнего эффекта (мне, во всяком случае, так казалось) они уже не имели. Тут к нам присоединился журналист Хосе Антонио Роблес Флорес, оказалось, что и он хорошо знает русские песни и может петь за четверых — тенором, баритоном, басом и басом профундо. Когда кончился маленький концерт, Хосе Антонио Роблес Флорес не без гордости сообщил, что завтра его будут передавать по радио.

А выучили они русские песни потому, что эти песни, «как и мексиканские, есть самые красивые в мире». А еще потому, что готовятся приехать в Москву.

Разговор проходил в дни футбольного чемпионата. До Московской олимпиады было далеко. Но именно от Хорхе услышал я первый раз пророческое:

— Десять лет — это много? Это мало! Проживем! Увидишь, через десять лет Олимпиада будет в Москве. Хосе, иди сюда. Хочешь пари? Через десять лет Олимпиада будет в Москве.

— Он у нас знаменитый спорщик, — флегматично произнес Хосе Антонио Роблес Флорес. — Ставит на что угодно. Но сегодня я с ним спорить не буду.

Мексиканские знакомства завязываются быстро, к концу вечера мы были «на ты».

Я сказал Хорхе Масиасу:

— Если твой прогноз сбудется, проси чего хочешь.

— Прекрасно, запиши, пришлешь мне пластинку «Калинка»... поет Беляев из солдатского ансамбля.

Осенью семьдесят четвертого года я выслал обещанный подарок Хорхе Масиасу. Он заслужил и не такой приз!

...Через несколько минут после того, как Москва была провозглашена столицей двадцать вторых Олимпийских игр, ко мне позвонил старый знакомый московский корреспондент газеты «Токио Симбун» господин Комото:

— Поздравляю, великая радость. Я хотел бы получить небольшое интервью. Пожалуйста, считаете ли вы, что Москва, как социалистический город, будет иметь определенные преимущества при решении олимпийских проблем? И что поможет спортсменам земли показать все лучшее, на что они способны?

— Разве не так, господин Комото? Ведь вы уже старый житель Москвы, и многое понимаете, я думаю. Может ли быть иначе?

Я уловил некий подтекст в вопросе японского коллеги. Вспомнилось, с какими трудностями столкнулся Токио перед Олимпиадой 1964 года.

Более ста миллиардов йен потребовалось на строительство новых дорог и расширение старых улиц. Для этого надо было разрушить или передвинуть пять с половиной тысяч домов. Их владельцы требовали в качестве компенсации баснословные суммы. Муниципалитет посылал проклятия по адресу этих «недостойных уважения граждан», но поделать ничего не мог и сдавался перед неотразимым доводом: «Это моя земля, и мне никуда не нужно уходить, а если вам хочется, чтобы я ушел, заплатите столько, сколько я требую» — частная собственность есть частная собственность. Вот почему каждый из ста сорока километров новых дорог обошелся мэрии почти в миллион долларов.

И все же сколько проблем так и не смог разрешить Токио! И прежде всего проблему транспорта. Как скорбная траурная процессия, двигался людской поток к главному стадиону. На перекрестках взмыленные полицейские с палками-фонариками в руках регулировали очередность: «пешеходы — машины — пешеходы». Люди дышали в затылок друг другу, хотя никто и не наступал друг другу на ноги. Приученные к жизни в перенаселенном городе, пешеходы торопились медленно.

Однажды мне надо было добраться от центра до Комадзава — бывшей окраины, куда не в столь отдаленные времена водили на водопой лошадей. Знаю точно, всадник на самой ленивой кляче (если бы вы могли разыскать такую в Японии! Там и лошади работают как лошади) добрался бы до места раза в два быстрее, чем я в машине.

Было бы еще хуже, если бы не частные пожертвования.

Кажется, все японские газеты написали о президенте японской компании, выпускающей электронное оборудование, которая пожертвовала Оргкомитету игр 300 миллионов иен.

Сделано это было отнюдь не бескорыстно. Реклама должна была подсказать, что только очень могущественная компания могла отвалить такой куш. Значит, она имеет право на доверие, как и ее продукция.

По телевидению показывали: представитель Оргкомитета в знак благодарности передает президенту компании некий символический подарок. В красивом переплете находилось пять билетов на открытие Олимпиады.

Мюнхен 1972 года. Коллеги пригласили на премьеру пьесы «Эта зачуханная Олимпиада». Все кругом величали Олимпиаду исторической и грандиозной, а спектакль назывался «Эта зачуханная

Олимпиада». Действие пьесы разворачивалось вокруг дома, который надо было снести якобы с целью олимпийской реконструкции... На месте этого здания один высокопоставленный чиновник магистрата собирался построить (с пользой для себя и своей компании) другое и поэтому, взывая к патриотическим чувствам владельца старого дома, убеждал его помочь Олимпиаде. А простоватый упорный бюргер ничего не желал слушать и на все лады проклинал Олимпиаду. В зале то и дело раздавались аплодисменты.

...Весь семьдесят пятый год держал мир в неведении олимпийский Монреаль: никто не мог дать гарантии, что он в срок построит все необходимые сооружения. Рост цен и забастовки строителей заставляли несколько раз пересматривать проектную стоимость стадиона, велотрека, плавательного бассейна. Члены Олимпийского комитета теряли олимпийское спокойствие, а бургомистр Монреаля и его советники ломали голову в поисках новых источников финансирования.

Я вспоминаю обо всем этом не для того, чтобы бросить тень на организаторов и устроителей прежних олимпиад. Их усилия и мужество могут войти в поговорки. Что бы там ни было, олимпиады проходили, а это очень трудное и очень сложное дело.

Цвет спортивной молодежи мира собирался в Москву. Москва готовилась помочь этим молодым, сильным и бесстрашным людям показать все лучшее, на что они способны. Строила Дворцы, бассейны, реконструировала стадионы, и вся страна помогала ей. Было радостное, веселое, приподнятое ожидание. Добросердечность Москвы, ее доверие и дружелюбие порождали ту обстановку, без которой в наше время невозможно создание каких-либо ценностей. Ни в жизни, ни в спорте. Ждали Олимпиаду.

* * *

На нашем борту возвращалась домой большая — около шестисот человек — группа французских туристов. Это были люди, исповедовавшие разные политические взгляды. Они побывали перед самой Олимпиадой в Москве, Ленинграде, республиках Закавказья и Средней Азии.

По инициативе французского журналиста Жоржа Бувара состоялась их встреча с командирами «Шота Руставели». Туристам хотелось рассказать о своих впечатлениях. Нам — послушать. Разговор шел о предстоящей Олимпиаде («Мы сделаем все для того, чтобы развеять ложь вокруг Игр» — это была главная мысль, звучавшая во многих выступлениях). Но не только. Так уж случилось, что разговор об Олимпиаде вылился в размышления о Советской стране, о том, какую роль сыграла она во второй мировой войне, в судьбах наших новых знакомых.

* * *

Не так давно в семье самого Жоржа Бувара произошло событие, довольно обычное в наши дни. Его сын Серж, окончив учебу в Московском государственном университете имени М. Ломоносова, вернулся домой с дипломом преподавателя русского языка. Привез

жену Нину, аспирантку из Куйбышева, и дочь Юлию. Бувар-старший говорит, что молодая семья живет дружно еще и потому, что «французы и русские по природе своей умеют находить общий язык».

О том же, почему избрал профессию русиста Бувар-младший и кто содействовал этому, разговор особый. Вот что я услышал от отца:

— Если бы не русские, я закончил бы свою жизнь в фашистской тюрьме.

Он был активным участником Сопротивления. Вскоре после того, как Франция подписала капитуляцию, Жорж вместе со своими товарищами-студентами совершил налет на типографию марсельского буржуйчика, где печатался пропэтеновский листок, и вывез типографский станок. Теперь на этом станке прокатывалась подпольная газета «Студент-патриот». Бувар, как и другие сотрудники, совмещал много разных обязанностей — был и автором статей, и редактором, и распространителем, и снабженцем, достававшим бумагу и краску, а передко и грузчиком, ибо редакция и типография несколько раз меняли адрес. Когда стало известно о победе советских войск под Сталинградом, задержал номер. Всю ночь писал статью, которую пророчески назвал «Теперь начнется!». В ней были такие строки: «Сталинград дает надежду всем честным французам, которые не желают, чтобы их землю топтал фашистский сапог».

Бувар возглавлял одну из троек студентов-боевиков. Участвовал в срыве сеансов фашистских фильмов, сбрасывая из амфитеатра в зал бомбы со слезоточивым газом. Вместе с другими тройками (каждый знал в лицо и по именам лишь двух своих товарищей) совершал налеты на эшелоны, освобождая рабочих, которых угоняли в Германию. В конце концов полиция напала на след боевиков, накрыла типографию «Студента-патриота». Бувар был арестован. Нескольких студентов расстреляли. Члены боевой группы Жоржа оказались парнями с характером, несмотря на пытки, держались стойко и не выдали друг друга. Вынесение приговора Бувару затягивалось. В тюрьме он узнал, что Советская Армия вступила в пределы рейха, что в Нормандии высадились союзники, что в трудный для союзников час фашистского контрнаступления в Арденнах решительные действия русских изменили ход событий на Западном фронте, откуда фашисты вынуждены были перебросить крупные силы на Восточный фронт.

— Я не знаю, сколько русских заплатило своими жизнями за то, чтобы я смог выйти из фашистского застенка, дожить до своих сегодняшних шестидесяти двух лет, — говорит Бувар, и голос его пресекается... — но я знаю, что их было много-много, и я был бы плохим французом, если бы забыл это.

Весь облик собеседника — его спокойные глаза, высокий лоб, глубокий густой голос — выдает характер устойчивый и надежный. К его словам проникаешься доверием.

Жорж Бувар продолжал:

— Несмотря на то что за последнее время буржуазная пресса раскалила антисоветскую кампанию, призывая к бойкоту Олим-

пиады в Москве, к свертыванию культурных, туристских и прочих связей с СССР, из сознания простых французов нельзя вытравить глубокое уважение к советскому народу, к тому, чего он достиг, к тому, как отстаивал и отстаивает мир. Вот пример. Ни один из тех, кто приобрел путевки на теплоход «Шота Руставели», чтобы посетить СССР, не отказался от них. Могу сказать с чистым сердцем: мы возвращаемся домой людьми умудренными.

Человек, всю жизнь честно служивший Франции, близко к сердцу принимающий ее радости и горести, был приглашен компанией «Транстур» для лекций и бесед с туристами о современном международном положении. Встречи с ним собирали полный зал и часто выливались в диалог с аудиторией. Вот мысль, которую выразил Жорж Бувар в лекции, состоявшейся накануне того дня, когда решался вопрос — быть ли французской олимпийской делегации в Москве или нет.

— У нас во Франции то и дело раздаются голоса: «Америка наш союзник, а Франция всегда была верна своим союзническим обязательствам. Раз американский президент настаивает на бойкоте Олимпиады, должны бойкотировать ее и мы». Я же думаю так: если мы пойдем за президентом США так же слепо, как это сделали, например, Западная Германия и Норвегия, откажемся участвовать в Играх, тем самым омрачим свои добрые отношения с СССР. В каком положении окажется Франция, во все времена гордившаяся своей независимостью? Наносить вред Олимпиаде — это значит наносить вред спокойной жизни планеты. Если размечтаться и допустить, что не только мы, а все французы получили возможность посмотреть на предолимпийскую Москву, ее первоклассные стадионы, дворцы, деревню для участников Игр, выросшую словно по мановению волшебной палочки, я думаю, не нашлось бы людей, выступающих за бойкот.

Встречи с Жоржем Буваром и другими туристами, посмотревшими Москву собственными глазами, позволяли убедиться в том, насколько справедлива старая французская поговорка «Путешествия развивают».

Берталана Подеста, профсоюзный организатор из города Альм-Маритим, рассказывал:

— У нас в группе был один солидный господин, предприниматель, который бродил по улицам Москвы, не скрывая плохого настроения. Я спросил его: «Вам что-то очень не по душе?». Он грустно улыбнулся и ответил: «Это я сам себе не по душе — поверил басням, старый тупица». Оказалось, что этот господин, объездивший чуть не всю Европу, страстный фотолюбитель. Он и в Москву собрался с несколькими кино- и фотокамерами. Но газета, которую он читает чуть не тридцать лет, известила, ссылаясь на «достоверные источники», что иностранным туристам разрешат фотографировать только Красную площадь и стадион в Лужниках. Он и поверил. А теперь, видя, как меняют в аппаратах кассету за кассетой его не столь легковерные товарищи по путешествию, мрачнел душой. И еще есть в нашей делегации господин, заметьте, не из глухой провинции, а из самого Парижа, из центрального его округа, который

слишком близко к сердцу принял телероссказни о том, что задолго до Олимпиады власти Москвы начали выселять молодежь, чтобы лишить ее права общаться с гостями СССР. Вот как может засорить мозги бесчестная телепередача или газетная статья.

Я же думаю так: если советские люди берутся за что-нибудь, берутся все вместе, и я этому завидую. У вас нет той разобщенности, которая разделяет западный мир. Ваши люди равны, умелы. дружелюбны. А ваши спортсмены... Я стараюсь не пропустить ни одного приезда советских спортсменов в Париж. Раньше они учились у нас, помню советских тренеров и спортсменов, приезжавших в двадцатые и тридцатые годы на стажировку в Париж. Теперь же нам надо учиться у вас. Не только тому, как бить рекорды, — как развивать физическую культуру.

ГЛАВА 3

Вторая встреча с Олимпией. Ганс и Детлеф. Команда «Спартак» из города Рапалло. Товарищ Эудженио. Нодар Алания и его коллекция

Я набрасываю эти строки в блокноте, пристроившись на срезе одной из колонн, некогда поддерживавших храм Геры. Недалеко от меня небольшая площадка: вот на этом темно-сером, изъеденном временем, солнцем и дождями камне зажигают заветный огонь. Из рук красавицы-гречанки примут факел ловкосилые радостно возбужденные бегуны и понесут его по дорогам Древней Эллады, прародительницы олимпийских игр, по дорогам Болгарии, Румынии, Советского Союза к помолодевшей, обновившейся, одевшейся в праздничный паряд Москве.

Приветливое солнце озаряет нежаркими лучами руины Олимпии. Сегодня здесь куда больше экскурсантов, чем осенью прошлого года. Приветливо улыбается мой знакомый Панайотис Зафейропулос, с которым я встретился здесь прошлой осенью.

Он говорит:

— Посмотрите внимательно на свой билет в Олимпию.

Вынимаю из кармана светло-зеленый корешок. На нем изображен невысокий холм, обсаженный раскидистыми деревьями. Под рисунком написано: «Марафон». В правом верхнем углу приводится изречение древнего летописца: «Здесь каждую ночь были слышны ржанье коней и звон мечей». По краям композиции — шлемы, найденные при раскопках в Марафоне.

Непонимаюше гляжу на собеседника.

— А вы на номер посмотрите. Еще немного, и вам достался бы трехсоттысячный. В прошлом году трехсоттысячный посетитель прошел у нас в сентябре. Ваши Игры (Панайотис так и сказал «Ваши Игры», имея в виду Олимпиаду-80) усиливают интерес во всем мире не только к большой Москве, но и к нашей маленькой Олимпии.

Перед этой новой встречей со стезей Геракла мне довелось побывать в Афинах. Пирее, Патрах, Калабаке. Керкире и в других городах Греции, беседовать с людьми разных политических убеж-

дений, видеть множество искусно выполненных плакатов и бесхитростных настенных надписей, специальные телевизионные передачи, начинавшиеся репортажами из Москвы... Понимал, как был прав Зафейропулос:

— Каждый грек, если он истинный грек, не может не желать всем сердцем удач Играм в Москве. Ведь вы продолжаете дело, начатое здесь, на нашей земле.

Разве трудно понять чувства греков, чьи сердца не замутнены волной антиолимпийской пропаганды, захлестнувшей некоторые органы греческой печати, разве трудно понять их признательность организаторам Олимпиады-80, которым удалось отстоять в напряженной международной обстановке идею, рожденную далекими предками современных эллинов?

Греция лучше других помнит, на что способны враги олимпиад.

Каменный пенек, на котором я делал торопливые записи в блокноте, — один из множества пеньков, разбросанных по всей Олимпии. Могучие колонны срезались на одном уровне.

Люди, потратившие много сил, чтобы запретить молодежи всего мира встретиться на таком же празднике в Москве, хотели изолировать Олимпиаду, а изолируют только сами себя, в этом можно не сомневаться. К счастью, ныне совсем не те времена, что при печально знаменитом императоре Феодосии.

К площадке «Солнечного луча», отгороженной пока от всего мира, подходят туристы из ФРГ. В группе выделяется атлетического вида брюнет лет тридцати — борода, распахнутая рубашка, нательный крест, шорты, сандалии на босу ногу. Давно уже отвыкнув от привычки судить о человеке по внешнему его виду, заговариваю с незнакомцем. И не жалею об этом. Мой собеседник — сама благожелательность. Детлеф Пальм, архитектор из-под Гамбурга. В прошлом занимался тяжелой атлетикой и борьбой, брал призы в небольших соревнованиях, но «когда ушли годы», переключился на велосипед. Что он думает об Олимпиаде-80 и «западногерманском отказе»?

— Наш экскурсовод только что рассказала о правиле древних олимпиад: если спортсмен заслужил право участвовать в них, заслужил месяцами усердной тренировки, никто не смел запретить ему приехать в Олимпию. Будь я олимпийцем, спросил бы сам себя: кто имеет право навязывать мне свою волю и решать за меня — ехать ли мне в Москву или нет? Мы прибыли в Олимпию морем, уже на борту я узнал, что один наш парень — зовут его Дитмар Мегенбург — взял высоту 2 метра 35 сантиметров. Убежден, что его воодушевляло желание выступить на Играх. Разве не цель — прославить свое имя победой в Олимпиаде? А теперь этому девятнадцатилетнему Дитмару говорят: ты не должен туда ехать.

— И правильно делают, что советуют не ехать, — самовольно подключился к беседе господин лет шестидесяти, стоявший в двух шагах и настороженно прислушивавшийся к разговору. — Западный мир должен наконец продемонстрировать единство. И он продемонстрирует его. Если вслед за нами поддержат бойкот американцев Англия, Франция, Италия, Испания, что это будут за Игры? Про-

сто их надо будет вычеркнуть из истории олимпиад и назвать двадцать второй Олимпиадой ту, которая состоится через четыре года в Лос-Анджелесе. А почему вы мои слова не записываете? — обратился ко мне господин.

— То, что вы сказали, нетрудно и запомнить. Назовите, пожалуйста, ваше имя.

— Для чего?

— Я приведу ваше высказывание.

— Но вы же сами прекрасно знаете, что его не опубликует ни одна советская газета. Достаточно имени. Адвокат Ганс, Бонн.

— Нас, кажется, немного перебили, — обратился я к Пальму.

Бросив на нас недружелюбный взгляд, адвокат отошел, всем своим видом заявляя: я сказал то, что хотел, больше меня ваш разговор не интересует.

Когда мы остались вдвоем, Пальм вернулся к прерванной мысли:

— Мне жаль Мегенбурга. Еще и потому, что шесть лет назад имел счастье побывать в Москве, убедиться в гостеприимстве и оптимизме советских людей. Впрочем, насколько мне известно, этот господин, выдавший себя за адвоката, хвастался тем, что сражался в гитлеровской армии и получил Железный крест за Смоленск. Между прочим, зовут его вовсе не Ганс, а Рудольф.

— Не имеет значения, господин Пальм, рад знакомству с вами.

Так вот неожиданно встретились на первом стадионе Земли два немца. Один приехал в Москву с добрыми целями и запомнил ее навсегда. Второй... Впрочем, довольно о нем.

...Хожу по Олимпии вместе с тремя членами экипажа «Шота Руставели» — вторым механиком Владимиром Якименко, кандидатом в мастера спорта по боксу; электриком Павлом Софияником, перворазрядником-волейболистом; поваром Анатолием Слабинским, кандидатом в мастера спорта — велогонщиком, имеющим к тому же первые разряды по волейболу, баскетболу и настольному теннису. Четвертый же гостевой билет был вручен писателю, ушедшему во второе дальнее плавание, не просто как гостю. Право на поездку в Олимпию надо было завоевать в состязаниях по шахматам, настольному теннису и волейболу. Я счастлив считать себя частицей крепко спаянного спортивного коллектива. Он как бы сколок многомиллионной советской физкультурной организации. Мои товарищи по экскурсии не просто хорошие спортсмены, занимающиеся во всевозможных секциях ради собственного удовольствия, но и тренеры-общественники, отдающие много времени, особо ценимого на море, подготовке судовых команд. В многочисленных международных матчах по футболу, волейболу, настольному теннису, шахматам, свидетелем (а порой и участником) которых мне доводилось быть, они высоко держат марку «Шота Руставели».

Посмотрели бы вы, сколько самых искренних друзей в разных портах мира у нашего инструктора физической культуры Владимира Чепурного. Посмотрели бы, в какой неизменно дружеской обстановке проходили в Пирее, Тулоне, Генуе, Рапалло встречи наших футболистов и волейболистов с командами местных портовиков. Футболисты «Шота Руставели» (их тренирует руководитель судового ор-

кестра Арчил Гоциридзе, лауреат Всемирного фестиваля молодежи в Гаване), участвуя в международном турнире на приз газеты «Вечерняя Одесса», провели шестнадцать матчей, из которых одиннадцать выиграли и пять сыграли вничью. А когда наш теплоход завершил рейс от берегов Греции к Генуе, мастера спорта Владимира Чепурного посетила делегация спортивного клуба... «Спартак» из города Рапалло, чтобы договориться о товарищеской встрече.

В спортивный зал вошел человек лет пятидесяти и произнес по-русски:

— Привет, друзья, готовьтесь, «Спартак» хочет поддать вам жару, на улицах уже развесили афиши.

Это говорит Эудженио Кристино, генуэзский рабочий-коммунист, активист общества дружбы «Италия — СССР». Готов побиться об заклад, что на теплоходах Черноморского пароходства вы не найдете такого моториста, штурмана или капитана, который не был бы знаком с ним. Эудженио добровольно сопровождает советских моряков и рассказывает им о достопримечательностях родного города, организует встречи с генуэзскими рабочими и товарищеские спортивные состязания с командами итальянских моряков и вообще старается помочь нашим чем только может. Сам в прошлом спортсмен («если бы я не играл в юные годы в футбол, я бы не был итальянцем», — сказал он как-то с улыбкой), Эудженио честно продолжает служить спорту, хорошо понимая, какой великой объединяющей силой стал он в нашу пору.

До семьдесят восьмого года Кристино был просто известен советским морякам.

После семьдесят восьмого стал славен. Потому что произошло событие...

Утром седьмого августа того года при швартовой операции теплохода «Тарас Шевченко» в генуэзском порту оборвался толстенный, натянувшийся струной пропиленовый канат. С чудовищной силой конец ударил по ногам старшего матроса Михаила Тверитина. Палуба обагрилась кровью. На судне прозвучал сигнал тревоги. Пока карета «Скорой помощи» мчалась по улицам Генуи к причалу, судовые врачи делали все, чтобы остановить кровь, хлеставшую из ног.

Раненого доставили в гражданский госпиталь Генуи. Сперва итальянские врачи боролись за его жизнь. Одну ногу пришлось ампутировать. И когда жизнь оказалась вне опасности, началась борьба за вторую — перебитую и искалеченную ногу. Тверитину сделали пять сложнейших операций. Семь месяцев пролежал он недвижно на спине.

Тверитин лежал один-одинешенек в чужом городе. Где говорят на чужом языке. Где тебя не понимают. И к тому же бастуют.

Да, случилось такое. В госпитале была забастовка.

...Я познакомился с Эудженио во время своего первого рейса на «Шота Руставели» в сентябре 1979 года.

Кристино рассказывал:

— Однажды ко мне подошел немолодой санитар и, глядя в сторону, сказал: «Передай русскому, пусть не сердится на меня и

моих товарищей. Мы бы многое отдали, чтобы не участвовать в забастовке. Объясни ему, почему мы вынуждены это сделать. У нас другого выхода нет. Если сможет, пусть поймет как рабочий рабочих». Мне бы очень хотелось, чтобы после этого Тверитин не стал хуже думать об итальянцах, — продолжал Эудженио. — Итальянцы добросердечные отзывчивые люди. Я не осуждал санитара. Я, коммунист, вижу, как много несправедливости вокруг, как много людей устало нести бремя этой системы, как безудержно растут цены. Я понимал, что требование среднего и младшего медицинского персонала о десятипроцентной надбавке справедливо, что он долго и терпеливо ждал этой справедливости, пока терпение не лопнуло. Но как объяснить все это Мише? Ведь ему трудно представить, что треть, а то и половину зарплаты тот же санитар вынужден отдавать за жилье, что у него сын, за учебу которого надо платить большие деньги. Мне надо было объяснить. Я постарался. «Не печалься, — сказал я Мише. — Мы сделаем все, чтобы на тебе эта забастовка не отразилась». Он ничего не ответил. Только пожал руку.

...На протяжении четырехсот тридцати дней не было такого, чтобы Эудженио, его жена Анжелла или дочь Мариэлла не навестили советского моряка. Ухаживали за ним. Готовили еду.

Передавая статью для газеты по радио, я боялся, что расстояние может исказить эти цифры: «430 дней», а потому повторил их. И был рад, что смог выразить глубочайшее уважение к Эудженио и его семье через газету, которую он читает много лет. С тех пор, как стал коммунистом.

Тогда мы взяли с собой на борт Михаила Тверитина. Он рассказывал:

— Знаком я с Эудженио лет двенадцать. Помню, когда он только-только русский изучать начинал. Знал, что хороший человек, а вот какой друг, узнал за эти четырнадцать месяцев... Было бы громко сказать, что я ему жизнью обязан. А остальным — всем. Душевность его меня раньше срока стоять и ходить научила.

Черноморское морское пароходство присвоило Эудженио Кристино звание «Ударник коммунистического труда».

При новой встрече с Эудженио я услышал, что недавно у него побывали украинские кинематографисты, которые делают документальный фильм «Михаил и Эудженио».

Мы раз десять заходили в Геную, и каждый раз к нам на борт поднимался Эудженио. Не раз мы обращались мыслью к предстоящей Московской олимпиаде. Как истинный приверженец спорта, он близко к сердцу принимал наскоки буржуазной печати на Московскую олимпиаду. Выступая в рабочих аудиториях, он призывал не верить кликушам, которые сулили беды Играм. Спрашивал:

— Многое ли выиграют наши спортсмены, такие, как Симеони и Меннеа, если их не пустят? Ничего не выиграют. Просто на них будут смотреть как на несчастливцев, вы лучше меня знаете, как велики их шансы на золотые олимпийские медали. Мы, итальянцы, отвыкли за последние двадцать лет от больших олимпийских побед. Пусть это удивляет людей, плохо знающих, куда уходят наши национальные силы и средства. Мы должны требовать от Нацио-

нального олимпийского комитета, чтобы он сказал «да». Иначе мы лишим наших мастеров олимпийского стимула, не пройдем учебы у лучших атлетов мира, откатимся назад.

В день, когда должно было быть вынесено решение Итальянского национального олимпийского комитета, Эудженио пришел с газетой, на которой была изображена карта мира. Черным цветом были обозначены страны, посылающие своих спортсменов в Москву, белым — бойкотирующие игры. На «сапоге» Италии стоял большой вопросительный знак.

— Сегодня наши примут решение ехать, — сказал он, не скрывая радости. — Не обращайте внимание на этот вопросительный знак. Все известно. А это значит, что нашему примеру последуют и другие страны Европы, которые пока сомневаются. Это хорошо, что здравый смысл взял верх, что не дали восторжествовать политиканам, которые всюду суют свой нос.

...Эудженио, исполняя обязанности переводчика, помогает Владимиру Чепурному довольно быстро договориться о встрече на главном стадионе города. И сам этот матч «Спартак» (Рапалло) — «Шота Руставели» (Одесса), и обстановка на трибунах (многие рабочие пришли на игру как на праздник, вместе со своими семьями), и товарищеская пицца после состязания, и речи, звучавшие за столом, — все говорило о том, как люди разных стран тянутся к приятельству, согласию и миру.

Искры олимпийского огня, который вспыхнул 19 июня в Олимпии, ставшей по-особому близкой сердцу советского народа, освящали это неодолимое стремление.

...За последние двадцать лет я один только раз опоздал на Олимпиаду. На один только день. И открытие ее смотрел по телевизору на подступах к Одессе.

Когда на беговую дорожку Лужников вышли девушки, одетые в античные одежды, когда вслед за ними появились колесницы, будто сошедшие с фресок олимпийского музея, когда первой вступила на стадион делегация Греции, предводительствуемая знаменосцем, обладателем серебряной олимпийской медали яхтсменом Илиасом Хадьипавлисом, стадион взорвался аплодисментами, я подумал: вот он — и зримый и слышимый на весь мир знак уважения к стране, подарившей миру Олимпийские игры.

А потом на дорожке появился факелоносец, трехкратный олимпийский чемпион Виктор Санеев. Ровно месяц назад греческая артистка Мария Москолиу зажгла огонь близ храма Геры... Факел несли, сопровождаемые торжественным эскортом, чемпион Балканиады грек Василиос Пицос, двукратный олимпийский чемпион по борьбе болгарин Боян Радев, олимпийская чемпионка по толканию ядра болгарка Иванка Христова, чемпион мира по борьбе, заслуженный мастер спорта Румынии и СССР Николае Мартинеску, чемпион Римской олимпиады Петр Болотников, принявший огонь, как эстафету, на середине моста через реку Прут.

Почти все — знакомые лица. В разные годы, на разных играх мне доводилось встречаться с ними, писать о них. И вот — последний этап эстафеты: Сергей Белов, чемпион Мюнхенской олимпиады

по баскетболу, бежит вверх по импровизированной дорожке из белых щитов к чаше, подносит факел к ее стволу, и над стадионом взмывает заветное пламя.

Делегации стран всех пяти континентов участвуют в параде. Среди них спортсмены Франции, Испании, Великобритании, Италии. Интересно, смотрит ли эту передачу «адвокат Ганс» из Бонна? Если смотрит, не трудно представить выражение его лица.

Нет в Москве одаренных американских спортсменов. Им предложили взамен некий суррогат олимпиады — так называемые «альтернативные игры» в Филадельфии. И этим тусклым состязанием пытались подменить подлинно всемирный праздник спорта под сенью пяти колец?

Надолго запомнилась эта картина в Лужниках.

Награждали английского атлета, победившего в беге на полтора километра. Оркестр играл не национальный, а олимпийский гимн и на флагштоке взвивалось не национальное, а олимпийское знамя. Это было невиданное ранее нарушение традиций, освященных десятилетиями. А туристы из Великобритании — чуть ли не целый сектор на трибуне — демонстративно, в разлад с оркестром, пели гимн родины и размахивали ее флагами. Стадион откликнулся на знак истинной любви к своей стране и своим спортсменам.

Шла Московская олимпиада. Шла в атмосфере дружелюбия и благожелательности.

Один за другим падали мировые рекорды. Юпитеры на стадионах высвечивали героев мирных спортивных сражений ярко, как ни на одних других играх. Земля словно говорила иным планетам: посмотрите на моих сыновей и дочерей! Как они прекрасны и сильны! Как совершенны их тела и возвышенны порывы! Как умеют они соперничать и при том дружить!

На протяжении трех десятилетий довелось быть свидетелем многих встреч советских и американских спортсменов. В разных городах и на разных уровнях. Неизменно товарищеских, отмеченных рыцарской взыскательностью. Учась друг к друга, лучше узнавали друг друга. И возвышали тоже.

Вспоминаю беседу с президентом Союза спортсменов-любителей США г-ном Луисом Фишером:

— Я знаю, Америка не поставит мне памятника даже если я помогу ей завоевать все олимпийские медали. Но Америка поставит мне памятник, если я помогу ей построить прочный спортивный мост к Советам.

Эти слова я услышал в Америке вскоре после того, как по выражению «Нью-Йорк таймс»: «Русские наголову разбили американцев на Олимпийских играх в Риме, развеяв наши честолюбивые мечты о мировом спортивном лидерстве».

Сенатор-демократ от штата Миннесота Губерт Хемфри потребовал разработать план «разгрома русских на спортивных полях» и обратился к президенту Джонсону с предложением создать при Белом доме постоянный комитет по делам спорта, учредить правительственный финансовый фонд для содействия спортивному развитию в США. Олимпийский комитет США торжественно провозгла-

сил программу «возвращения утерянного престижа в мировом спорте». Председатель комиссии по разработке и внедрению этой программы Франклин Х. Орт заявил, что «программа — это дело всех американцев. Она потребует больших денег и многих усилий».

А ведь еще совсем недавно все было спокойно и налажено под олимпийскими небесами: американские спортсмены увозили домой большинство наград. Били один рекорд за другим. Америка считалась спортивной державой № 1 и достойных соперников на горизонте не видела.

До той поры, пока в олимпийское движение не вступил Советский Союз. В 1952 году на Играх в Хельсинки первые два места поделили (пол-очка в пол-очка — редчайший случай в истории олимпиад) Советский Союз и США.

Случайностями и невезением объясняли это деление некоторые американские газеты. Назывались имена спортсменов, которые получили неожиданные травмы. И отдельно имена спортсменов оробевших, оказавшихся далекими от своих лучших результатов. О силе молодых и необстрелянных советских олимпийцев писали неохотно. Ждали Мельбурна, Олимпиады 1956 года.

И вдруг оказалось в пятьдесят шестом, что «хельсинкская ничья» была высшим благом для Америки. Потому что Игры в Австралии американцы проиграли. По всем статьям.

А потом пришло «убийственное поражение в Риме».

Было примечательным высказывание президента Международного олимпийского комитета Эвери Брэндеджа: «В русских сутках ничуть не больше минут для тренировок, чем в американских... Советская система организации спорта позволяет приобщать к нему самые широкие слои населения, находить и воспитывать спортивные таланты».

Трезво смотрел на вещи Луис Фишер.

И все же, если честно, заявление было неожиданным. Извинившись, я попросил повторить его. Фишер сделал это охотно. И, подумав немного, добавил:

— Наша дружба только на пользу. Вам и нам. Нам и вам.

Хорошо бы долго помнить те слова!

Вскоре мы встретились в Москве на приеме в честь участников легкоатлетического матча сборных СССР и США. Матч проходил в дни, когда в Москве завершались советско-американские переговоры о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой. Это было символическое совпадение. Луис Фишер сказал тогда:

— Я за ядерные испытания. Но только за те испытания, которые проводятся на стадионах, в секторе для толкания ядра. И ни за какие другие!

В Америке никогда не было недостатка в трезво мыслящих деятелях. Но не было и недостатка в громкоголосых «ура-пэтриотах», вопрошавших: «А нужны ли нам вообще олимпиады, от которых одни неприятности?.. Мы устали от олимпийских ударов по национальному самолюбию». Много ли шансов давала Олимпиада-80 американцам? Мы еще поговорим на эту тему.

* * *

Был у меня добрый друг Нодар Алания, литературовед и филолог, кандидат наук. А знаток спорта — каких поискать, не скоро найдешь даже в Дигоми, новом районе Тбилиси, где, как гласит молва, на тысячу душ приходится больше спортивных ценителей, приверженцев и страдальцев, чем в любом другом регионе подлунного мира.

Даже в самой острой дискуссии в научной аудитории или на трибуне стадиона он не навязывал своего мнения слушателям, весь вид Нодара говорил, как жаль ему несмышленышей оппонентов, мнения не навязывал, но от своего не отступал. Он располагал к себе — тактом, скромностью, остроумием. Не раз приходилось сидеть с Нодаром рядом в компаниях, где бывали люди старше его и годами и степенями, а он, сам того не желая, оказывался в центре внимания. Рассказчик был великолепный, его цепкая память хранила бесчисленное множество забавных историй, и когда бывал в настроении, передавал их в лицах так, что ему позавидовал бы любой артист академического драматического театра. Когда же разговор заходил о спорте, выказывал себя непогрешимым провидцем. Слушал его, дивился его высказываниям, а проходило три ли года или пять, ловил себя на мысли — как же прав был Нодар!

Он, например, первым предрек успех своего тезки Нодара Ахалкаци на посту тренера футбольной команды тбилисского «Динамо». Невзгоды, выпадавшие на долю Нодара Парсадановича на первых, особенно трудных, порах самоутверждения, принимал к сердцу так же близко, как, должно быть, и сам тренер, утешал себя житейской мудростью — если путь начинается ровной и гладкой дорожкой, можно сказать почти наверняка — это путь в безвестность, в никуда. Порадовался, когда к Ахалкаци начало приходить признание, когда журналисты Грузии назвали его лучшим тренером года, и огорчился, узнав одновременно, что Спортивный комитет республики не включил того даже в десятку лучших тренеров... В день, когда тбилисцы первый раз завоевали Кубок страны, обратился с сердечным посланием к тренеру и игрокам.

А вот до звездного часа и Ахалкаци и «Динамо», до дня 13 мая 1981 года, когда тбилисцы выиграли Кубок обладателей Кубков, Алания не дожил.

...У него была страсть. Он всю жизнь собирал фигурки осликов. Считал это выносливое, умное, неприхотливое и устойчивое в своих симпатиях и антипатиях животное на тоненьких ножках чудом природы и не понимал, как можно превращать в ругательство слово «ишак». Полки, шкафы, этажерки в рабочем кабинете Нодара были заставлены фигурками, выполненными с истинным мастерством. Рядом с осликом Санчо Пансы, привезенным друзьями из Испании, стоял ослик Моллы Насреддина — подарок из Бухары. Были фигурки конька-горбунка из ершовской сказки, но вы тщетно искали бы в этой коллекции одного персонажа из крыловского «Квартета», ибо этот персонаж был написан в тонах, чуждых духу Нодара.

Мы встретились с Нодаром в день, когда в Белом доме вступил

на должность президента США представитель демократической партии Джеймс Картер. Нодар Алания лежал в кровати белее простыни, смерь все ближе подкрадывалась к нему. В тот день я услышал из Нодара:

— Мир устал от войн и ссор. Так хочу верить, что новый президент будет непохож на прежнего. Поймет, как важно нашим двум странам не враждовать, дружить друг с другом. Он демократ. Их символ — мой умный ослик. Кроме того, Картер из Джорджии, и я из Джорджии (так в англоязычных странах называют Грузию. — *А. К.)*. Вот и подумал я, если достойным окажется президент, не оставить ли мне ему свою коллекцию? — грустно улыбнулся и проговорил: — Жаль, мне не удастся убедиться в том, какой он президент.

И еще одна была цель у Нодара Алания — давно-давно: человек, носящий в сердце добро и желавший добра другим, он всей душой желал удачи Московской олимпиаде, понимал, в какой праздник молодежного содружества выльется она, мечтал дожить хотя бы до первого его дня, чтобы одним только глазом посмотреть по телевизору, стоявшему напротив кровати, на праздник, а больше не желал ничего.

Он не увидел Олимпиады. Прах Нодара Алания покоится в аллее Почетного захоронения. Я прихожу на его могилу, стою в глубоком почтении над ней и невольно вспоминаю о президенте из Джорджии — увы, на этот раз предчувствие изменило доброму сердцу Нодара...

Часть пятая

НЕ ЗАБУДЕТСЯ!

ГЛАВА 1

Хорошая мина при плохой игре. Наследники.
От Гроттаросы до Крылатского.

Рядом со мной на стадионе в Лужниках должен был бы сидеть Чарльз Уолтер, американский публицист.

Последнее письмо от него пришло в январе.

Замечено: чем больше обостряется международная обстановка, тем медленнее работает международная почта. И я не удивился тому, что с опозданием получил его рождественскую открытку: младенец в колыбели, златокрылый ангел с цветочком, луч звезды, падающий на новорожденного, и два белых-белых дерева по краям. Он написал: «Живу предстоящей встречей на Олимпиаде в Москве».

Как и многих людей на земле, нас сблизили и сдружили олимпиады. Они представляются лучшим из всех мыслимых громоотводов в век всеобщей наэлектризованности. Вспоминаю, сколько раз и в каких краях сводили нас Большие Игры, как помогали узнавать, а через узнавание лучше понимать друг друга.

Мы сидели рядом на празднике открытия Олимпиады-64 в Токио, когда с факелом в руках вбежал на стадион юноша, родившийся в Хиросиме в час атомной бомбардировки. Помню слова, которые услышал от Чарльза: «У тебя ничего не подкатило к горлу? Надо всю жизнь помнить этого юношу и эту минуту».

А еще вспоминаю одну радиопередачу в Америке. Дело было в родном штате Чарльза — Огайо, где проходил чемпионат мира по борьбе 1962 года. Раньше в тот штат не пускали советских людей: двери в «запретный штат» открыл (как и многие другие двери) спорт. Необычная была передача. Любой из слушателей мог набрать по телефону номер студии, и его вопрос, адресованный гостям из СССР, как и ответ, шел в эфир.

— Меня зовут мистер Сандерс, меня знает пол-Толидо, я страховой агент. Имею вопрос. Вы коммунисты?

— Да.

— Все трое?

— Все трое.

— Тогда скажите: что, вам мало было одной войны? Новую готовите? Почему хотите уничтожить наши города? Или вам так не нравится Толидо?

Я привел эти вопросы и ответы дословно по магнитофонной записи, которую нам подарили после передачи на радиостудии.

Помню, как покраснел Чарльз, услышав выпад. Как ответил, опережая нас:

— Прошу уважаемых сограждан не забывать, что у нас гости. Такие вопросы не соответствуют американскому пониманию гостеприимства. Вопрос будет оставлен без ответа. Вы слышите меня, мистер Сандерс?

— Просто потому, что им нечего ответить, — послышался ответ страхового агента.

— Мы не можем не ответить, — сказал один из нас. — Мистер Сандерс не знает или делает вид, что не знает, ради чего живут, работают и еще во многом отказывают себе советские люди. Во имя будущего, которое видят и представляют себе четко. Слишком много лет мы строили, держа в одной руке мастерок, а в другой винтовку. Среди тех, кто выступает сегодня перед вами, нет такого, кто не потерял бы в годы, когда на нас напали фашисты, родных или близких. Мы устали от войн и не понимаем тех, кто мечтает о них.

Вдруг по телефону раздался взволнованный женский голос:

— Я прошу русских гостей не слушать человека, который задал плохой вопрос. Он говорит не от имени американцев. Я потеряла в войну сына. Он сражался плечом к плечу с русскими и писал, какие это смелые и славные люди. Гости из Советского Союза, приходите ко мне домой. Запишите адрес и приходите запросто. Я и мои внуки будем рады вам.

— С вами только что говорила Америка, — произнес Чарльз и вместе с нами поблагодарил старую женщину.

Не удивился бы, узнав, что среди самых громогласных сторонников бойкота Московской олимпиады оказался тот самый страховой агент, которого знает «пол-Толидо». Огорчился же самым искрен-

ним образом, когда услышал, что в этой компании — знакомый по Олимпиаде в Токио «Продолговатый Билл», баскетболист экстра-класса, возвысившийся с годами на политическом поприще и ставший конгрессменом. Ведь ему, обладателю золотой олимпийской медали, лучше, чем кому-нибудь другому, известно, что значит для мира, в том числе для США, Игры четырехлетия.

Олимпийские города нашей страны — Москва, Таллин, Ленинград, Киев, Минск — сделали все для того, чтобы участники Игр и их гости почувствовали благожелательность советских людей, их оптимизм, познакомились с нашими целями и нашим образом жизни. Хотелось верить, что в числе многих моих знакомых, товарищей и коллег, с которыми сблизили Олимпиады, приедет и американец Чарльз. Храню его подарок — вечную ручку, которой он, журналист-обозреватель, «не написал ни одного плохого слова о Советском Союзе». Убежден, он был среди тех американцев, которые активно выступали за участие в Олимпиаде-80.

А за десять дней до открытия Игр получил письмо от Чарльза: «Глубоко сожалею, что не могу приехать».

* * *

Високосный год — это Игры зимние и Игры летние.

Зимние проходили в американском городке Лейк-Плэсиде.

За три дня до вылета я умудрился подхватить воспаление легких и на первых порах горевал, но потом горевать перестал. Был телевизор. Я сказал себе: если уж в дни Римской олимпиады итальянский писатель Джанни Родари принципиально не ходил на стадион, «чтобы ничего не пропустить», а смотрел телевизор (между прочим, его репортажи с Игр, публиковавшиеся в каждом номере газеты «Паэзе сера» под рубрикой «Олимпиада из кресла», были признаны одними из лучших), то Олимпиаду в Лейк-Плэсиде и подавно надо воспринимать через телевизор.

...Вечером шестнадцатого февраля самым искренним образом сострадал американской фигуристке Тай Бабилонии. Ее партнер при разминке упал, повредил ногу, вмиг развеялись мечты: четыре года усерднейшей подготовки к Олимпиаде ушли в никуда. Чемпионка мира плакала, скрываясь от телекамер. Не ее одну огорчила нелепая случайность: мы не увидели соперничества Бабилония — Гарднер и Роднина — Зайцев, которое могло бы стать одним из самых приметных событий Игр. Сколько миллионов людей ждали состязания лучших представителей двух разных школ и не дождались!

Но то, повторяю, была нелепая случайность.

Есть в мире люди, имеющие власть, которые хотели, чтобы судьбу Тай Бабилонии разделили многие юноши и девушки, которые так же воодушевленно, отказывая себе во многом, готовились к главной Олимпиаде — Московской.

Пресса много писала о примитивной организации соревнований в Лейк-Плэсиде. Достаточно вспомнить о выходе из положения, который «нашел» не кто иной, как председатель оргкомитета Фелл. Не мудрствуя лукаво, он предложил проводить вторую половину Игр без зрителей, «так как несколько тысяч людей, имевших биле-

ты, не могли в первые дни состязаний добраться до трибун».

Это дало основание одному обозревателю написать, что Вашингтон, задавшись целью бойкотировать Московскую олимпиаду, «решил начать с Лейк-Плэсида». Признание тем более красноречиво, что принадлежит обозревателю Би-би-си.

В спорте существует правило: прежде чем сделать выпад (в фехтовании) или ход (в шахматах), следует четко представить, что последует за этим выпадом или ходом. Говоря иными словами, предвидеть ситуацию. Опрометчивый выпад в спорте (как, впрочем, и в жизни) наказывается. И подчас очень сурово. Это то, чему учат с первых шагов будущего спортсмена. И будущего дипломата тоже. Пробелы в образовании к добру не приводят. Ни там, ни здесь. Некоторые пробуют возместить недостаток опыта, информированности и способности трезво оценивать события эмоциональностью.

Воздаем должное целеустремленности, дальновидности и принципиальности президента МОК лорда Килланина, сделавшего много для того, чтобы сохранить единство олимпийского движения. Хорошо понимая что к чему, он печатно выразил сожаление по поводу того, что олимпиады падают на год президентских выборов в США, и в шутку предложил рассмотреть вопрос о перенесении сроков Игр следующих десятилетий.

Нельзя не вспомнить заявления бывшего президента США, сделанного после одной проигранной американцами олимпиады: «Мы не хотим быть вторыми нигде. В том числе на олимпиадах».

На Играх в Монреале в 1976 году американцы действительно ушли со второго места. Но этот уход не сопровождался звуками литавр. Ибо ушли американцы не на первое, а на третье, уступив второе в неофициальном командном зачете быстро прогрессирующим спортсменам Германской Демократической Республики.

Люди, хорошо знающие статистику спорта, утверждали: на Играх в Москве американская команда не имела надежд подняться выше третьего места. Не этим ли, среди прочего, следует объяснить ту энергию, с которой Вашингтон навязывал миру бойкот Московских игр?

Был хорошо понятен нараставший протест и в самих США и далеко за их пределами против попыток омрачить олимпийский небосклон. Само название года — «олимпийский» — предполагало особую мудрость, подлинно олимпийское спокойствие при решении любых дел.

В спорте быстрее, чем в жизни, одно поколение сменяет другое, и те, кому отказали в праве показать себя в восьмидесятом, имеют не слишком много надежд в восемьдесят четвертом.

Никто не предполагал, что за короткий срок смогут сделать такой скачок вперед американские гимнасты, что к нам, на Спартакиаду народов СССР 1979 года, приедет из США женская волейбольная команда непредугаданной силы, которая обыграет сборную Москвы. Не учеба ли у советских мастеров помогла так быстро возвыситься заокеанским волейболистам и гимнастам? А с другой стороны, разве не учеба у американских пловцов и легкоатлетов позволяла набирать силу советским мастерам?

Мы знаем, каких усилий требует спортивная победа. Современная золотая олимпийская медаль говорит не только о том, насколько талантлив сам спортсмен, но и еще о том, как ищут, воспитывают и стимулируют таланты в той или иной стране, как строят спортивные сооружения, как готовят тренеров, как развивают спортивную науку. Спортивный талант, и тот, что раскрылся, и тот, которому предстоит еще раскрыться, — наше национальное достояние. В этом спортивном таланте ростки того, на что будет способен человек завтра.

Кто как не тренер должен помочь спортсмену показать все лучшее, что в нем есть; кто как не тренер должен воодушевить спортсмена далекой привлекательной целью и повести к ней через все препятствия.

Искусство высшего свойства — слить воедино юношескую открытость и энергию с мудростью и спокойной уверенностью бойца, мудростью, которая приходит только с годами.

Тут все или почти все — от тренера. От того, что он видел. Но куда в большей степени — от того, что испытал сам.

...Вот-вот ворвется в финишный городок Крылатского велокольца советский гонщик Сергей Сухорученков. Позади 189 километров изнурительной велогонки, испытывающей мускулы, сердце, но прежде всего волю. Я еще расскажу о том, что совершил на трассе этот молодой и не по годам искушенный боец, а пока остаются считанные километры до его финиша, невольно переношусь мыслью в другую гонку.

Трудно поверить, что с тех пор прошло двадцать лет. Есть зрелища, которые так прочно врезаются в память, что кажется, будто прошли после них не десятилетия, а считанные годы.

Рим, Олимпиада 1960 года, пышущая жаром велотрасса Гроттароса. Московские журналисты Виктор Синявский и Игорь Тарабрин, спрятав блокноты и ручки, берут в руки по ведру и выходят на трассу, чтобы поливать наших гонщиков. Это, кажется, единственно дозволенный вид общения между журналистами и спортсменами во время соревнования.

— На нас бы кто-нибудь полил, — вздыхает Игорь.

— А ты сравни себя с Капитоновым, представь, каково ему, — отвечает Виктор.

Представить «каково ему» — задача не из простых. Только что произошло событие, какое не часто увидишь на велогонке. Решив, что позади все двенадцать кругов и впереди желанный финиш, Виктор Капитонов, слегка приподнявшись над седлом и всего себя вложив в последние обороты педалей, выигрывает у преследователя итальянца Ливио Трапе «полколеса», едва уловимое мгновение, победно вскидывает руки и... не слышит аплодисментов, а видит озабоченное лицо тренера Леонида Шелешнева, делающего какие-то непонятные жесты:

— Вперед!

— Еще один круг!

А Трапе, подбадриваемый соотечественниками, стрелой проносится мимо.

Круг — это без малого пятнадцать километров по трассе, будто бы еще более накалившейся от напряженнейшей борьбы.

Еще несколько секунд назад он видел себя олимпийским чемпионом... и другая не менее сладостная мысль владела им: он сможет несколько раз спокойно вдохнуть воздух — дыши не надышишься... ляжет... нет, упадет под одним из бесчисленных зонтов-грибов на финише, закроет глаза, не будет ни с кем разговаривать, не будет принимать поздравлений, а только дышать. Дышать.

А оказалось, впереди еще полтора десятка километров, впереди погоня за итальянцем (другие претенденты на главную медаль безнадежно отстали). Гроттароса, Гроттароса... «красная пещера» все усилия в пустоту?.. Где взять силы для последнего круга? Покажи, москвич, московский характер! Вперед! Выбора нет.

Капитонов ушел на последний круг.

Вижу радостное, разом помолодевшее лицо итальянского тренера. Сам был гонщиком, и он хорошо понимает: заново набирать обороты и устремляться в погоню за лидером — это значит потратить раньше времени те силы, которые будут необходимы для финишного броска. Трапе, без сомнения, даст догнать себя. Эти двое, поочередно «ведя» друг друга, — рассекает воздух то один, то второй, — приблизятся к финишу, и, когда до него останется метров четыреста, — к черту взаимопомощь, джентльменство и бессловесный, рожденный и освященный десятилетиями договор. Союзники превратятся в конкурентов: к финишу — в одиночку!

Пока же — «зацепиться за буфер ушедшего поезда» — догнать Трапе. Тот даже оглядывается, будто вопрошает: где же ты, братец, уж не думаешь, что я сброшу скорость, чтобы дождаться тебя? Если я это сделаю, меня назовут плохим тактиком. Я должен заставить тебя потратить силы на то, чтобы догнать меня... Те самые силы, которые необходимы для последних четырехсот метров.

До этого у наших велосипедистов не было на олимпийских играх ни одной золотой медали. Много лет, сжав зубы, шли к ней, понимая, какой импульс развитию отечественного велоспорта даст, какую цепную реакцию вызовет, как упрочит авторитет советских велогонщиков на международной арене.

Но в те мгновения золотая медаль была далека от нас, как никогда.

Невообразимыми каракулями заполняет листок блокнота Виктор Синявский. Огорченно говорит:

— Кажется, все.

— Хочешь пари, что Капитонов не проиграет, — неожиданно предлагает Игорь Тарабрин.

— Мой бледнолицый брат, тебя стоило бы наказать за неоправданный оптимизм, но я просто обязан пощадить твои юные годы (о, какими молодыми были мы тогда, в дни первой своей Олимпиады, как близко к сердцу принимали каждую неудачу и каждый успех... Хорошо, что не избылось с годами!).

— Просто ты знаешь, что можешь проиграть пари.

— Ну, тогда давай.

Пари не состоялось. С трассы передали, что гонку ведет Капитонов.

Он боролся до конца. Боролся одержимо. Наверное, в языке есть и другие определения того, как сражался с противником, с жарой, с километрами, наконец, с самим собой наш велогонщик, но точнее слова «одержимо» вряд ли подберешь.

Из итальянской газеты:

«Русский совершил то, во что трудно было поверить. Мистика! Мало кто мог ответить, где нашел он силы для нового — второго по счету — мощного финишного броска. Мы огорчаемся за своего земляка. Но радуемся, что именно на итальянском шоссе открылся и заблистал талант удивительного советского велогонщика. Запомните это имя «Капитонов» (а не «Капитанов», как мы ошибочно назвали этого малоизвестного гонщика в предыдущем номере»).

Виктор Капитонов повторялся и возвышался в ученике Сергее Сухорученкове. Сперва вспомним, откуда Сергей родом — деревня Тростная Комаричесного района Брянской области (рассказывая о чемпионах Олимпиады, вовсе не бесполезно представить себе, откуда вышли они — это поможет судить о том, что есть наша «спортивная география»).

Потом вспомним куйбышевского тренера В. Петрова, воспитавшего в спортивном армейском клубе гонщика, который, едва войдя в сборную команду Советского Союза (это случилось в 1978 году), сразу же заявил о себе первым местом в велогонке Мира. К исходу того же 1979 года Международная любительская федерация велоспорта признала Сергея лучшим в мире.

Много одаренных гонщиков в Италии и ГДР, Польше и Голландии, Франции и Швейцарии готовились дать бой Сухорученкову на Олимпиаде. Некоторые из них для того, чтобы познакомиться с трассой, приезжали на Спартакиаду народов СССР. Но не меньше трассы интересовал их загадочный гонщик Сухорученков, который, словно бы бросая вызов установившимся обычаям групповой гонки, позволял себе задолго до финиша уходить от преследователей и в одиночку, «без смены», пробивал себе путь в напряженно сгустившемся воздухе.

Он силен, и он вынослив, — таково было заключение зарубежных специалистов, приглядывавшихся к манере Сергея. Важно было не дать ему уйти в отрыв.

...В том же Крылатском, под сводами велотрека, в дни Олимпиады можно было увидеть картину, которая случается не часто в состязаниях велосипедистов-спринтеров. В финале встретились юный чемпион мира Лутц Хесслих из Германской Демократической Республики и француз Яве Каар, ученик многократного чемпиона мира Даниэля Морелона.

Первые два заезда были по рисунку тактической борьбы похожи друг на друга: первые круги шло искусное маневрирование — соперники зорко следили друг за другом, придерживая свои разгоряченные машины, и лишь за 220—240 метров до финиша начинали отчаянно крутить педали. Первый заезд выиграл Хесслих, второй — Каар.

В третьем чемпион мира предпринял неожиданный ход. Он бросился вперед, когда до конца оставалось метров восемьсот. Несколько долей секунды длилось замешательство соперника, но они и сыграли роль в исходе гонки. Борьба развернулась на отрезке, в четыре раза превышающем «обычную норму». Написать, что Хесслих сражался мужественно, это значит сказать очень мало. Точнее будет написать так: он отдал решающей гонке все силы, до последней капли, и, когда, поддерживаемый тренером, сошел с машины, не смог сделать и шагу. Упал на настил. Над ним колдовали врачи и массажисты. Но вот пришла пора взойти на пьедестал... Как бы через силу, на плохо слушающихся ногах подошел к возвышению и, лишь получив золотую медаль, улыбнулся и приветливо замахал стадиону букетом только что полученных цветов. С пьедестала он шел обычным шагом. Не зря говорят, что раны победителей заживают быстрее.

Чемпион мира должен был вложить всего себя в 800 метров дистанции, проложенной под крышей. Ни ветерка, ни крутых подъемов, гладкая ровная дорожка. Ничуть не желая преуменьшить достижение Хесслиха, не могу не сравнить его финиш с финишем Сухорученкова.

Он ушел «в отрыв» один-одинешенек, когда до финиша оставалось более сорока километров.

До того рядом с ним были товарищ по команде Юрий Баринов и польский велогонщик Чеслав Ланг. Все дальше и дальше уходя от каравана, главной массы гонщиков, эти трое, каждые 350—400 метров сменяя друг друга в роли лидера, дружно вползали на крутые подъемы трассы и, словно накопив в передачах тугую инерционную силу, на предельной скорости — вжик, вжик — только ветер в ушах — проходили спуски.

Но вот начался отсчет двенадцатого круга.

Слегка оторвав голову от руля и вытянув в сторону правую руку, принимает пластмассовую бутыль с питательной смесью Ланг, вставляет сосуд в скобу на раме и... видит спину удаляющегося Сухорученкова. Должно быть, корит себя за секундное отвлечение. Оборачивается и видит Баринова. Пробует навалиться на педали и, показав пример Баринову, догнать лидера.

Возможно, исказила картину телекамера, но показалось, что Баринов, пусть едва заметно, но сбросил скорость.

Если это так, то можно сказать, что Юрий во имя товарища по команде — Сухорученкова — сделал мудрый тактический (заранее предусмотренный?) ход. Отказываясь от борьбы за первое место, он предлагал Лангу вступить в схватку с лидером — один на один: Сухорученкову никто не помогает, он самолично борется с километрами, подъемами, жарой и ветром, тот, кто хочет посоревноваться с ним за главную награду, должен взвалить на себя ту же ношу. Так будет честно.

Тактический ход? Благородный, истинно спортивный жест!

За ним многое. Со «времен Капитонова» в стране выросла плеяда велогонщиков. Тренеры были бы не слишком дальновидны и расчетливы, если бы не воспользовались тем обстоятельством, что

в одной гонке выступают два таких сильных мастера, как Сергей и Юрий. Можно было рассчитывать варианты и изыскивать наиболее благоприятное тактическое построение гонки.

На Сухорученкова хорошо поработали тренеры. Врачи и массажисты. Товарищи в такой же майке с гербом.

Все остальное зависело от Сергея. Будь у него чуть послабее воля да мускулы, все те усилия полетели бы в пропасть, куда-то далеко-далеко... Туда, где движется караван, еще только собирающийся подняться на вершину, которую он уже миновал.

Говорят: «ты в седле, пока крутишь педали».

Но все дело в том, как их крутить. Было великим удовольствием смотреть, как это делает Сергей Сухорученков. Кинокамера, установленная на вертолете, сопровождавшем гонку, позволила миллионам зрителей стать не только очевидцами, а сопереживателями гонки, почувствовать прелесть этого спорта.

Все дальше и дальше от пары Ланг — Баринов уходит лидер.

Голова прижата к рулю. На лице решимость. Холоден взгляд. Можно подумать со стороны — посадили на велосипед неулыбу.

Но посмотрели бы вы на это лицо, когда до финиша остались два-три десятка метров. Гонщик выпрямился, вскинул руки, и счастливая улыбка оживила его лицо.

Почти три минуты приветственно гудел финишный городок, три минуты, которые прошли, пока не появились на финише Ланг и Баринов. И снова воцарилась тишина. Оба финишировали так, словно и не было позади 189 километров. Тут бы призвать на помощь секундомеры, способные фиксировать не десятые, а тысячные доли секунды. Оба были на финише одновременно, и лишь мгновение, недоступное глазу человеческому, но только глазу электронному, дало второе место Лангу.

А потом Сухорученков и Баринов фотографировались вместе с Капитоновым.

* * *

Как по-вашему, какой вид спорта больше всего любят, чтят и уважают во Владимире? Да, вы правы, гимнастику. Став абсолютным чемпионом Монреальской олимпиады, Николай Андрианов прославил не только себя, не только советскую школу гимнастики, но и древний русский город Владимир. Бывает ли в наши дни событие, которое сразу сделало бы во всем мире таким популярным город, воспитавший олимпионика?

Документальный телефильм рассказывал о том, сколько последователей появилось у Андрианова на берегах реки Клязьмы. Идут занятия в детской гимнастической школе. Крупным планом лицо десятилетнего мальчугана. Светятся глаза. Мальчишке-перворазряднику помогает освоить новый элемент чемпион Олимпиады. В просторном зале одновременно занимаются более шестидесяти маленьких гимнастов — это будущее не только владимирского, это будущее нашего спорта.

Начинаешь благодарно думать о владимирских комсомольских организациях, физкультурных руководителях, педагогах, о строите-

лях, наконец. Поняв, какой импульс для развития гимнастики получил город, многое сделали для нее.

И, как результат — еще одна не похожая на других гимнастическая звезда взошла во Владимире: студент педагогического института Юрий Королев, ставший и чемпионом страны, и чемпионом Европы. Его вольные упражнения, включавшие в себя «два сальто вперед», — новое слово в гимнастике. Его волевая собранность — новое яркое слово в спортивном искусстве вообще. Он произнес его 27 ноября 1981 года в дни чемпионата мира в Москве: чтобы победить в острейшем споре с другим талантливым гимнастом Богданом Макуцем, Юрию надо было получить в последнем упражнении — на коне — не меньше 9,95 балла. И он завоевал их — сотая в сотую!

А какой вид спорта больше всего любят в Иркутске? Вы не будете теряться в догадках, узнав, что этот город послал депутатом в Верховный Совет Российской Федерации студента института инженеров железнодорожного транспорта Константина Волкова, мастера прыжка с шестом. Это ему, победителю Универсиады в Бухаресте, удалось ровно через неделю побить на родном стадионе мировой рекорд на 3 сантиметра, преодолеть планку на высоте 5 м 84 см.

Под Иркутском построили новую спортивную базу — специально для подготовки шестовиков, сюда приезжают тренироваться вместе с местной молодежью ведущие мастера страны.

А какой вид спорта на первом месте в армянском городе Ленинакане? Из Ленинакана Юрик Варданян, чемпион и мира и Олимпиады по тяжелой атлетике.

Вспомним город Сыктывкар — столицу Коми АССР, давший лыжному спорту первоклассных мастеров. Вспомним Воронеж, Ростов-на-Дону, Гомель, десятки других городов, воспитавших мастеров гимнастики. У которых учатся. Которым стараются подражать. Которых мечтают превзойти их ученики, представители нового спортивного поколения.

Преемственность!

...У входа в токийскую Олимпийскую деревню прямо на газонах лежат три или четыре десятка легких удобных велосипедов. Садись на любой, доезжай до своего корпуса и там оставь, прислони к стене или положи на траву. Велосипед дает возможность познакомиться с деревней, отдохнуть от олимпийских забот, кто бы ты ни был — олимпиец, тренер или журналист. Японцы считают, и не без оснований, что велосипед — это отдых телу и отдых душе, психологи убеждены, что нет другого общедоступного вида спорта, который приносил бы такую нервную разрядку. Великая теснота Токио оставлена за пределами высокого забора с металлической сеткой, обозначающего границы Олимпийской деревни.

Беседую в советском корпусе с японским журналистом Хори.

Он приехал с номером газеты, вышедшим утром, в котором рассказывалось не просто о главных событиях дня на спортивных аренах, но и назывались наиболее вероятные победители. Среди них были имена и советских атлетов. Вот только в плавании... Там задавали тон американцы, на отдельных дистанциях с ними соперница-

ли пловцы Австралии, Японии, ФРГ, ГДР. Наши мастера водных дорожек еще только набирались сил и опыта.

В это время к советскому корпусу лихо подкатил на велосипеде писатель Лев Кассиль. В его взгляде, обращенном к нам, читалось сострадание:

— Что я сейчас видел! Ах какая молодчина Галя Прозуменщикова, как выиграла! Ее никто не брал в расчет, а она... Не удалось пробиться к нашим тренерам, говорят, они скоро вернутся в деревню... Вы пропустили одно из главных зрелищ Олимпиады.

— Ну, теперь пойдет, — произнес по-русски господин Хори.

— Что «пойдет», Хори-сан?

— Русские начнут брать первые места и в плавании. Прозуменщикова — это брасс? Да? Сперва начнут в брассе.

— Почему так думаете?

— Много лет занимаюсь европейским спортом, и в первую очередь советским. Есть закономерность: если ваши чего-то достигают, закрепляются надолго. Будем ждать пловцов.

Однако ждать пришлось двенадцать лет.

В спорте нет легких дорог. Это крутая — мимо валунов, ледников и предательски занесенных снегом оврагов дорога, на которой проходит испытание и физических и нравственных качеств. Не всякому дано осилить ее, дойти до вершины, но пример дошедших зовет, возбуждает, поощряет сильных сердцем и духом, тем более что впереди другие, еще более трудные, а потому вдвойне желанные вершины.

Дорога на олимпийский пьедестал — не легче.

Но человек, прошедший ее, становится совершеннее, сильнее, лучше; он знает, почем фунт спортивного лиха, что такое подъем в шесть утра, учебник, открытый в вагоне метро, дни рождения с лимонадом, что такое жесткий распорядок, приучающий ценить не часы — минуты.

Сколько пловцов пробовало «повторить Прозуменщикову». Куда это годится, великая спортивная держава, а за двадцать четыре года участия в Олимпийских играх — от Хельсинки до Монреаля — всего одна золотая медаль по плаванию. Единственное, что удавалось нашим — это на каждой следующей олимпиаде перекрывать результаты победителей предыдущей. Слабое утешение. А ведь тренировались одержимо!

И вот пришел новый день: в Монреале показали себя наши брасистки. Шестнадцатилетняя Марина Кошевая, ученица десятого класса московской школы № 22, победила именно на дистанции Прозуменщиковой — на двести метров брассом. Да только секунды, которыми блеснула Прозуменщикова в Токио, оставили бы Кошевую далеко-далеко за чертой финалистов. Теперь нужно было особое умение, нужен был, говоря короче, мировой рекорд. Если ты не готова к мировому рекорду, надежд на олимпийское золото в наши дни маловато.

С москвичкой спорили две другие наши спортсменки — Марина Юрченя из Одессы и Любовь Русанова из Краснодара. Они и разыграли три первых места.

И не случайно Кошевая повторила успех именно на «освоенной дистанции». Заразителен пример чемпиона: стараясь подражать ему, секции заполняют мальчишки и девчонки, с годами они начинают получать то, что выработала отечественная школа именно в этом виде спорта, опыт как бы сжат, сконцентрирован, за единицу тренировочного времени спортсмен получает и познает несравнимо больше, чем его предшественник, быстрее проходит его путь.

Только что вскинул руку закончивший заплыв на четыреста метров вольным стилем Владимир Сальников, словно послушный его сигналу умолк хор на трибунах, подбадривавший пловца. Я посмотрел на сидевших неподалеку тренеров Сергея Вайцеховского и Игоря Кошкина; лица так и просятся на полотна Г. И. Сатониной, изображающей людские страсти; была бы неплохая картина: «Сдержанное ликование».

Честная работа всегда приносит результат. Рано или поздно. А если к тому же за твоей работой заинтересованно следит страна... Э, что говорить, в ту минуту нельзя было не завидовать тренерам нашей сборной.

Когда-то радовались одной-единственной золотой медали. Восемь медалей были наградой за упорство, за умелый поиск — талантов и новых путей развития древнейшего вида спорта.

Сколько тысяч мальчиков и девочек прошло перед глазами тренеров сборной страны и их помощников на местах. Помню сосредоточенных тренеров, наблюдавших за соревнованиями «Веселый дельфин» в первоклассном норильском бассейне, за соревнованиями первоклашек в бассейнах Еревана и Красноярска, Ленинграда и Москвы. Шоколадные медали, которые вручал победителям детских соревнований Нептун с трезубцем, вынырнувший со дна бакинского бассейна, счастливые искорки в глазах победителей, их матерей и отцов, бабушек и дедушек.

Лучших приглашали в спортивные школы, начиналась вторая стадия отбора. Сколько еще отборов на самых разных уровнях предстояло пройти тем, кого приметили в детстве! Уже на последнем этапе отбора к Олимпиаде на пятьдесят девять мест претендовало более ста пятидесяти мастеров. Значит, есть резервы, есть «задел»!

...На бортике бассейна можно видеть немолодого высокого, сохранившего спортивную стать человека, не расстающегося с фотоаппаратом. Это Захарий Павлович Фирсов. Военный врач, генерал в отставке. Председатель Федерации плавания СССР. На его глазах, под его руководством мужал, набирал силу и опыт плавательный спорт. Председательствует Захарий Павлович давно. В конце сороковых и начале пятидесятых годов мы писали двумя перьями отчеты с первенств страны в «Советском спорте». Помню, как радовались мировому рекорду Леонида Мешкова в плавании на сто метров брассом, установленному в 1949 году. За два года до того Советский Союз вошел в число членов Международной любительской федерации плавания, и результат Мешкова — 1 минута 07,2 секунды был одним из первых, официально зарегистрированных этой федерацией. Рекорд был символичным. Он принадлежал человеку, раненному на войне, отмеченному боевыми наградами. Страна залечивала ра-

ны войны и била мировые рекорды. Рекордсменам того поколения — особый почет. Последний свой мировой рекорд — третий по счету — Л. Мешков установил, когда ему было тридцать пять лет. В тридцать пять лет завоевал свою четвертую золотую медаль чемпиона страны другой наш брассист Семен Бойченко. И еще одна прекрасная спортсменка ленинградка Клавдия Алешина демонстрировала неувядаемое свое мастерство: в тридцать пять лет и она стала чемпионкой страны. А вообще я не думаю, что у нас были когда-либо еще спортсменки, которые повторили бы то, что совершила за долгую свою спортивную жизнь Клавдия Алешина, она более ста раз устанавливала рекорды в различных видах плавания.

Спортивное время сжалось, спружинилось, и смена спортивных поколений происходит куда быстрее, чем смена поколений жизненных. Но разве не правильно будет сказать, что без тех старых рекордов не было бы рекордов нынешних? Мы чтим сегодняшних мировых рекордсменов, но чтим и тех, из чьих рук приняли они эстафету.

Победительница Олимпиады-80 Лина Качюшите из вильнюсского «Жальгириса». Родилась в первый день 1963 года, ей семнадцать с половиной лет, она в два раза моложе, чем была Клавдия Алешина, когда в семнадцатый раз завоевала звание чемпионки СССР. Но Лина старше своих подруг, которые стоят неподалеку на стартовых тумбочках. Юлии Богдановой из ленинградского «Спартака» — шестнадцать лет, а ее землячке Светлане Варгановой еще и шестнадцати нет. Эти две чемпионки мира родились в год, когда в далеком Токио выиграла медаль Галина Прозуменщикова. А когда в семьдесят шестом в олимпийском Монреале успех Галины повторила другая наша брассистка Марина Кошевая, юные ленинградки были примечены тренерами, взяты под опеку.

Еще в финале — три спортсменки из ГДР, одна из Дании и одна из Чехословакии.

К первому повороту быстрее других подходит Варганова. Через долю секунды к бортику приближается Лина. Незаметно, но верно — сперва на сантиметр, потом на десяток сантиметров увеличивает преимущество ленинградка. На трибунах полно ленинградцев, и они во всю силу легких подбадривают землячку. Интересно, слышит ли она что-нибудь? На третьей позиции Богданова. Уже после ста метров ясно: эти трое — призеры, шансы других призрачны. Но когда до конца дистанции остается метров двадцать пять — тридцать, делает рывок Качюшите.

Раньше, когда судьям служили секундомеры с десятыми долями секунды на циферблате, было бы зафиксировано одинаковое время. Скорее всего, обеим и вручили бы по золотой медали. Но ныне на страже Спортивной Справедливости всевидящие приборы. Как обойтись без них сегодня, когда так обострилась борьба по всему олимпийскому фронту, когда лишь сотые доли секунды даруют олимпийское бессмертие.

Табло высвечивает результат:

1. Л. Качюшите (СССР) — 2.29,54

Так рождается еще один олимпийский рекорд.

Ленинградки проиграли заплыв.

И все же заявила о себе ленинградская плавательная школа! После Игр спортивные обозреватели двадцати двух мировых и национальных информационных агентств, отвечая на спортивную анкету ТАСС, назовут трехкратного олимпийского чемпиона Владимира Сальникова наиболее выдающимся участником Олимпиады-80. Вот что говорили о студенте института физической культуры тренеры сборной страны:

— Очень редко встречается человек, в котором сочеталось бы столько положительных качеств. Он человек, который серьезно относится ко всему, за что берется. Только один пример: одновременно с напряженной подготовкой к Олимпийским играм, за две недели до них, Владимир с отличием защитил диплом переводчика английского языка. Товарищей по институту и сборной привлекает его общительность, дружелюбие. Однажды в сборной мы провели эксперимент: спросили пловцов, с кем из товарищей вы хотели бы жить в одной комнате на сборах. Все назвали Владимира.

Сейчас Сальников учится на третьем курсе. Но когда он кончит институт, мы думаем пригласить его одним из тренеров сборной страны. Педагог из него получится прекрасный.

И еще один пловец экстракласса вырос в Ленинграде — Андрей Крылов (его тренер Г. Яроцкий), сменивший серебро Монреаля на золото Москвы — Андрей был членом советской команды в эстафете 4×200 метров вольным стилем, в которую входили Владимир Сальников, минчанин Сергей Копляков и таллинец Ивар Стуколкин.

Много спортивных побед на счету ленинградцев. Но никогда раньше их вклад в советскую олимпийскую копилку не был так весом, как в 1980 году. Восемь золотых и девятнадцать медалей других достоинств добыли на берегах Москва-реки посланцы города на Неве.

* * *

Смотрим Олимпиаду всей семьей.

Дочь, кандидат в мастера спорта по стрельбе из лука, преподавательница МАИ, отдает симпатии лучникам, выступающим в Крылатском.

Старший сын, имеющий первый юношеский разряд по волейболу, студент филологического факультета МГУ, работает переводчиком на волейбольной арене в Лужниках, а младший получает билет школьника.

Уезжаем из дому рано утром. Возвращаемся заполночь. Застаем бабушку и маму за телевизором; переживают за гимнастов и гандболистов, особенно придирчиво рецензируя игру вратарей (младший сын — вратарь в школьной команде, и бабушка считает, что ее наблюдения окажут влияние на спортивный рост внука... единственное, что ей не нравится, — слишком много мячей забивают в гандболе

вратарям, было бы неплохо сделать ворота чуть пониже и чуть поуже).

Долго не ложимся спать. Стараюсь привести в порядок записи, торопливо занесенные в блокноты. Впечатлений много. Начинается обмен мнениями.

— Гимнастику успели посмотреть? — спрашивает бабушка. — Что за прелесть эта Леночка Давыдова. Сколько же ей лет? Неужели восемнадцать? А я думала пятнадцать, не больше. Такая малышка. Чтобы обогнать немку Гнаук, ей надо было получить за последнее упражнение на брусьях не меньше чем девять и девяносто пять, у меня даже сердце дрогнуло, когда Леночка вышла на помост. Тютелька в тютельку, девять девяносто пять. Как по заказу. Ошибись хоть на самую капельку, и все пропало. А потом Леночка закрыла лицо руками, чтобы не смотреть, как будет выполнять последнее упражнение на бревне Надя Комэнечи. Леночка не удержалась и все же посмотрела одним глазом. А Надю будто ветром зашатало. Через минуту все начали целовать Давыдову, а она расцвела и как будто даже выросла чуть-чуть за эту минуту.

— У Макси Гнаук не получился прыжок «цукахара». Хотя что значит — не получился? Когда-то мужчины этот прыжок исполняли с превеликим трудом. Если бы лет пятнадцать назад любой гимнаст исполнил «цукахару», как Макси, наверняка получил бы десять баллов. А Макси дали только девять и семь. Не смогла собраться.

— А наша Леночка смогла, — добавляет бабушка.

Через несколько дней...

— У баскетболистов сегодня была дырявая корзина, будто без дна, в нее наваливали и наваливали мячи итальянцы. С самого начала ушли вперед, — говорит младший сын.

— Ты это где-нибудь подслушал: «дырявая корзина» или сам сочинил?

— Почему подслушал? Плохо защищали кольцо. Все время догоняли итальянцев, нервничали. А тренер больше других. Наш Владимир Васильевич (это про школьного преподавателя В. В. Анисимова) даже бывает спокоен, когда мы проигрываем. Знает: начнет волноваться, мы заволнуемся еще больше.

— А ты был бы спокоен на месте Гомельского? (это реплика старшего сына). Судьи столько раз ошибались... и все против нас.

Почти повторяется эпизод двенадцатилетней давности. Олимпиада, Мехико, встреча с югославами. Примерно на пятнадцатой минуте на табло появился неправильный счет. Нам не досчитывают одного очка. Тренер Александр Гомельский вежливо просит судей исправить счет. Те так же вежливо отвечают, что ошибки не было. Идет равная борьба, каждое очко — на вес золота...

Начинается долгий по баскетбольным меркам — на несколько минут — спор. Одну из сторон покидает хладнокровие. Уважаемый и искушенный тренер встает в позу обиженного человека. Очко так и не возвращают. Взвинченность тренера передается игрокам. Югославы резко уходят в отрыв.

Должен учить такой опыт? Без сомнения. Но вот встреча с югославами на Московской олимпиаде. По-прежнему бурно реагирует

наш тренер на любой мало-мальский просчет арбитров. После каждой такой вспышки — возможно, это не такая уж странная закономерность — югославы играют с удвоенной энергией. Наши — с уполовиненной, если только так можно сказать. В дополнительной десятиминутке, когда на первый план выступает уже не столько мастерство, сколько хладнокровие и способность командой добывать победу, югославы переигрывают наших вчистую.

Не очень нравится, что на пресс-конференции наш главный тренер сваливает неудачу на судей.

Вспоминаю мудрые слова старого тренера по баскетболу мастера спорта Сергея Кочкина:

— Не пробуй объяснять свои неудачи обстоятельствами вокруг себя и происками недоброжелателей и соперников. Ищи причины неудач в самом себе. Иначе — сместится взгляд, пропадет критическое отношение к себе. А это, брат, очень опасно.

...Дочь рассказывает о событиях главного дня на турнире лучников.

— Вот говорят: «мужская выдержка», «мужское хладнокровие», «мужская воля». Посмотрели бы, как стреляли Лосаберидзе и Бутузова. У них бы поучиться мужчинам.

...В час, когда нашему Борису Исаченко, лидеру соревнований, осталось выпустить девять стрел на самую короткую дистанцию — 30 метров, на Крылатское налетел шквал. Хорошо понимая, как много зависит от каждого выстрела, он несколько раз прицеливался и опускал лук. Убегали драгоценные секунды. На три стрелы суровый регламент отпускает только сто пятьдесят секунд. Сто двадцать из них съело сомнение. А выпустить за полминуты три стрелы — дело непростое. Последнюю пришлось послать в цель, когда ветер смешался с дождем. Итого — двадцать очков из тридцати... и на всю жизнь воспоминания о противном ветре, дожде и неуверенности. Соперник же Исаченко финн Томи Пойколайнен был хладнокровен и решителен. И на самом последнем этапе состязаний показал, как надо бороться не только с непогодой и противником, но и с собственными нервами. И как награда — 28 очков из тридцати и главная медаль.

Когда выпустила пробные стрелы Кетеван Лосаберидзе, ее показали крупным планом по телевизору. Была недовольна собой. Слегка ударила левой рукой по щеке. Я так хорошо понял ее жест, которым грузинки издревле выражают горе. Стрелы легли влево сантиметров на пять от кружочка в центре. Их унес ветер. Надо было сделать поправки на ветер. Но какая помогла бы поправка, если бы этот ветер унес уверенность?

В этот день Кетеван должна была праздновать день рождения. Но... как мало стоили бы поздравления, цветы, подарки и поцелуи, дрогни рука.

Кетеван стреляла безупречно. Может быть, «помогал день рождения», который, как утверждают сторонники теории биоритмов, является «переходом от неприятностей к радостям»?

Спортсменка из Кутаиси намного опередила соперниц. Добрых

слов заслуживала и ее подруга Наталья Бутузова, не уступившая до конца своей второй позиции.

И еще частная тема «вечерних бесед» — волейбол. Тот вид спорта, на который следует ходить после баскетбола как «на отдушину». На прошлых олимпиадах у наших волейболистов были и большие радости и большие горести. Теперь прегрешения забылись разом. Старший сын, работающий в волейбольном пресс-центре, рассказывает, что кинооператоры чуть ли не из десяти стран делают фильмы, которые можно было бы назвать: «Как теперь играют в волейбол». Игра стала атлетичнее, динамичнее, еще более привлекательной, чем раньше. И не будет преувеличением сказать, что лучшие команды показали ее прелесть во всем многообразии.

Сидим у телевизора и смотрим ночные олимпийские известия.

В один из вечеров старший сын говорит:

— «Комсомольская правда» попросила читателей определить героя Олимпиады, автора наиболее выдающегося рекорда. Не постараться ли и нам?

— А что тут долго думать? Надо назвать прыжок в высоту Герда Вессига. Человек показал, как он может преодолевать самую сильную силу на свете.

— Может быть, уточним?

— Силу земного притяжения.

— Записываем. Кого еще?

— Владимира Сальникова. Первым в мире проплыл полтора километра быстрее пятнадцати минут. И получил еще две золотые медали.

— Кого еще?

— Юрика Варданяна. Выступал в среднем весе, а показал результаты, которые оказались не по плечу победителям Олимпиады в двух следующих весовых категориях. Олимпийский рекорд улучшил на тридцать пять килограммов.

Сколько таких внутрисемейных конкурсов проходит в дни Олимпиады повсюду?

Я живу в большом-большом доме. До поздней ночи горит свет в окнах. Выключается он, словно бы по чьему-то приказу, почти одновременно.

Когда заканчивается последняя телепередача с Игр.

Страна живет Олимпиадой. Счастливые дни!

ГЛАВА 2

Что рассказывал владелец «Регаты». Двухсотый выстрел Лучано. Гость из Эфиопии. Попытка — не пытка? Если бы он через это не прошел

Нет в мире народа, который бы всем сердцем не желал спортивной удачи своему соотечественнику. А если страна не избалована спортивными победами...

Марокко. Крохотный оазис на западном краешке Сахары. Два десятка пальм, ручеек, неведомо откуда и как пробившийся на рас-

каленную эту землю, с полсотни тентов, под которыми прячутся в ожидании туристов продавцы, фокусники и заклинатели змей, и построенный в стиле восточного ренессанса ресторан, где вам сперва поднесут чай с зеленой душистой травкой, а затем уже все что вы пожелаете. Ресторан называется «Мексика-70», а на витрине нарисован стилизованный футбольный мяч. И начинаешь вспоминать, что только один-единственный раз пробилась в финал чемпионата мира футбольная команда Марокко. Почет-то какой! Остальное — как она играла в финале — было несущественным. Помнят, гордятся и хотят, чтобы вместе с марокканцами гордились невиданным тем успехом и гости этой экзотической страны.

А в Касабланке есть небольшая улица, носящая имя Ради Абдезиана, бегуна, который составил конкуренцию самому Абебе Бикиле во время марафона в олимпийском Риме. Лишь двадцать пять секунд проиграл малоизвестный Ради чемпиону и вернулся домой с серебряной медалью. Торжество было на всю страну.

Почетом окружено в Дании имя Харуп Карин, победительницы Олимпийских игр 1948 года в плавании на спине; в Мексике — конника Умберто Марилеса Кортеса, выигравшего в том же году Большой приз наций; в Сингапуре — штангиста Дань Хаоляна, вернувшегося из Рима с серебряной медалью. А в Греции...

В греческий порт Патрас я попал примерно через неделю после того, как национальная сборная на стадионе в Афинах выиграла со счетом 1:0 отборочный матч розыгрыша первенства Европы у наших и пробилась в финал.

Владелец небольшого ресторана «Регата», построенного если не во времена Александра Македонского, то уж не намного позже, обведя рукой полный зал, сказал по-гречески то, что мы так часто привыкли слышать у себя дома: «мест нет», хотя и приветливо улыбнулся при этом. А потом добавил, словно в оправдание, что, мол, «не просыхают» уже целую неделю и все пьют за здоровье футболистов, тренеров, врачей, массажистов и сапожника, который подбивал бутсы форварду, забившему гол.

Но почему ресторанчик назывался «Регата»? Оказалось, что это в память о победе греческих яхтсменов, одержанной на одной из давних Олимпиад. И тогда стало понятно, почему рядом с витриной было изображено изрыгающее огонь чудище: греки-то первенствовали в состязании яхт класса «Дракон».

Отправляют своих посланцев на Олимпиаду и ждут вестей. Лишь бы выиграли — и остановятся типографские станки, и слегка дрожащие от радостного возбуждения руки метранпажа переверстают — споровисто и молниеносно — полосу. И в неурочный поздний час заговорит радио, разнося на всю страну современный благовест. А на следующий день на улицах, в магазинчиках, офисах, трамваях, гондолах, джипни-такси, самолетах только и будет слышно: «Вот молодец!», «Еще какой!», «Подумать только!», «До сих пор не могу поверить», «Что ни говори, когда наши хотят...» В этом хоре тонут невнятные бормотания скептика: «Подумаешь что случилось». От него отводят взгляды.

* * *

Многого можно не пожалеть, чтобы хоть раз в жизни испытать это. Потом будешь вспоминать до самых последних дней, и воспоминания согреют, вновь перенесут в ласковую, многоликую и многоцветную Москву. И подумает, обязательно подумает современный олимпионик, что жизнь его была бы беднее, преснее, если бы не вошла в его жизнь Москва.

Победителем состязаний на траншейном стенде стал итальянец Лучано Джиованнети. Двести тарелочек вылетали по его команде с самолетной скоростью откуда-то из подземелья. Меткий глаз, верная рука у испытателя спортивного оружия. С самого начала захватил лидерство и не выпускал его до конца. Пока стрелял по тарелочкам, был собран, будто ничего на свете не существовало, кроме этих мишеней, описывавших стремительную дугу. Последним выстрелом Джиованнети поразил сто девяносто восьмую мишень. Заулыбался, посмотрел на мир озорными глазами и, к полной неожиданности судей, скинул шапчонку с плотным козырьком, подкинул ее и... сбил тем патроном, который сэкономил на последней мишени. Судьи хотели было сделать замечание, но на лице чемпиона играла такая обезоруживающая улыбка, что судьи подумали — победителей не судят — и протянули ему руки с поздравлениями.

В борьбе с танзанийским бегуном Сулейманом Ньямбуи выиграл забег на пять тысяч метров наследник Абебе Бикилы Мирус Ифтер (Эфиопия). Это его вторая олимпийская победа и... четвертая медаль, завоеванная на беговой дорожке стадиона имени В. И. Ленина: Ифтер выступал на ней в дни Спартакиады народов СССР.

Его уже давно знает мир. Бронзовый медалист Олимпиады в Мюнхене, четырехкратный победитель соревнований на Кубок мира, он поставил перед собой цель «разменять бронзу на золото» и на протяжении четырех последних лет каждый день пробегал по двадцать пять — тридцать километров. Постараемся подсчитать, сколько же километров сделал он по горным склонам в пригородах Аддис-Абебы... Получается — «обежал земной шар по экватору». Вот что надо, чтобы доказать свое право на медаль.

Финиш Ифтера будит одно воспоминание.

В дни Римской олимпиады компания пишущих машинок «Оливетти» арендовала несколько вертолетов и предложила журналистам посмотреть с небес соревнования марафонцев. Но когда началась посадка, полицейские объявили, что вертолетам не разрешат спускаться ниже 400 метров, и пассажиров заметно поубавилось. Те, кто пересел в машины, горько сетовали. Даже самый привилегированный пропуск давал возможность приблизиться на 10 метров лишь к... последнему бегуну, а что там творилось впереди, одному богу было известно.

После 30 или 40 минут совершенно бесцельной езды сидевший за рулем матрос итальянских военно-морских сил — один из тех, кто был прикомандирован к Олимпиаде, — с чисто морской лихостью развернулся в узком переулке и направил машину в сторону от трассы марафона.

Он долго вез нас по малоизвестным улицам, пока не выехал на трассу.

По возбуждению, царившему здесь, можно было догадаться, что вот-вот появятся бегуны. Работая руками, ногами и бедрами и при этом улыбаясь, шофер протиснулся вперед, увлекая нас за собой.

Вскоре показались марафонцы. Первым бежал никому не известный стройный чернокожий атлет. Бежал легко, красиво, и прошло много времени, пока появился второй бегун. До финиша оставалось километров пять, и было ясно, что лидера уже никому не догнать.

Негр был не в американской спортивной форме и не во французской тоже. Кто-то из толпы удивленно произнес:

— Э, да парень из Эфиопии.

В это поверили не сразу, но через 20 минут по трассе объявили, что первым финишировал бегун из Эфиопии.

Так вошел в историю спорта Абебе Бикила.

И в Риме и в Аддис-Абебе его чествовали как героя.

Через четыре года Бикила вышел на старт марафонского олимпийского забега в Токио. Он снова был первым, а пробежав 42 километра 195 метров, добровольно сделал еще один круг по переполненному стадиону, отвечая на приветствия трибун.

В 1968 году Абебе Бикила в третий раз выходил на олимпийскую трассу. Он знал, что и годы у него не те, и соперники посильнее, и условия Мехико непривычные. Говорят, что горный воздух помогает спринтерам и мешает бегунам на длинные дистанции. Не зря результат победителя в беге на 10 000 метров заметно уступал тому, который был показан в Токио. А марафонцам предстояло бежать в четыре с лишним раза больше. Не удивительно, что марафонцы были окружены особым вниманием и заботой.

Газеты писали:

«Состязания будут обслуживать... пять тысяч человек. Здесь и врачи, и регулировщики, и полицейские, и водители автомашин, сопровождающих бегунов. Однако не подумайте, что это будут простые автомобили. Стараясь улучшить условия бега на трассе, городские власти запретили использовать во время марафона обычные автомашины, загрязняющие воздух выхлопными газами. Марафонцев будут сопровождать электрические лимузины».

Естественно, телеоператоры не спускали с Абебе Бикилы глаз и объективов. Километре на 12-м он захромал, и у комментатора от неожиданности сорвался голос, но потом комментатор взял себя в руки и сказал, что специалисты, находящиеся на трассе, считают, что Абебе Бикила получил травму и недотянет. «Но, — продолжал комментатор, — давайте не поверим. Это слишком несправедливо — марафон без Бикилы. Пожелаем ему удачи».

На 16-м километре Бикила зашатался, упал, закрыл лицо руками, а потом жестом показал, что все кончено.

К нему подбежали другие марафонцы. Где-то далеко впереди шел первым друг и ученик Бикилы — Мамо Волде.

И вот теперь Ифтер. Ликует Эфиопия!

И Зимбабве ликует. В тот час, когда узнает о победе своих хоккеисток. А капитан Энн Грант плачет. Всю игру с командой Авст-

рии, последней и решающей, держалась молодцом, вела подруг к победе и вдруг: «Капитан, капитан, улыбнитесь», вы еще не знаете, какая встреча ждет вас на родине.

Ну хорошо, плачет слабый пол, это простительно.

Но и мужчины плачут. Не испанцы, проигравшие финальный матч по хоккею с мячом, а индийцы, победившие со счетом 4:3. Стоят всей командой на широченном пьедестале почета, слушают свой гимн и не стыдятся слез. В пятидесятые и начале шестидесятых годов не было в мире сильнее хоккеистов, чем в Индии. Но на Играх в Токио победа к команде из страны чудес пришла последний раз. И вот — возвращение «на круги своя».

Вся гамма человеческих страстей проходит перед зрителями Олимпиады.

Светятся счастьем лица триумфаторов. Их тренеров и соотечественников. Подтверждает свою справедливость поговорка: «Разделенное счастье — два счастья».

В пресс-центре Олимпиады после каждого дня встречаются корреспонденты — передать последние сообщения, поделиться новостями, посидеть за бутылкой вина, медленно отходя от переживаний дня. Сколько же среди них знакомых лиц! Поседели, постарели, но Олимпиада молодит и их. Что нужно журналисту, чтобы ему работалось? Только одно: чтобы хорошо выступали соотечественники, тогда сами собой явятся слова, не придется мучительно подыскивать их. Среди призеров Игр — представители десятков стран.

По всему миру расходится из Москвы поток информации. Мир читает Москву, слушает Москву и видит ее.

Когда-то, лет двадцать назад, я встречался с журналистами, которые еще помнили время, когда отчеты с олимпийских игр доставляли в редакции специально прирученные голуби: телеграф был дорог, ненадежен и допускал искажения.

Потом на смену голубям пришел телефон. Кто подсчитает, сколько драгоценных ночных часов крал он у журналистов, обессиленных олимпийскими впечатлениями? Вспоминаю одного известного московского газетчика, который едва не всю ночь передавал из Токио репортаж и получил строгое взыскание за то, что «репортаж не дошел».

Оказалось, что он продиктовал ее стенографистке из другой редакции, и та по молодости лет постеснялась признаться, что принимала материал не своего, а чужого корреспондента.

Новые средства получения и передачи информации, прошедшие проверку в Москве восьмидесятого года, облегчали жизнь пяти тысячам журналистов, приехавших в советскую столицу. У нас еще будет случай поговорить об этих нововведениях.

А все же лучше, чем телевизор, не придумали.

Лучше один раз увидеть...

...Сидит у телевизора Панайотис Зафейропулос. Радуется, узнав о победе своего земляка борца Стилианоса Мигиакиса. Камни Олимпии, охраняемые Панайотисом, помнят дни, когда съехавшиеся из разных концов Эллады ловкосилые мужи состязались в боях на кулаках и борьбе. Летописи и предания гласят, что среди увенчанных

лаврами были математик Пифагор, оратор Демосфен, философ Сократ. Долгие годы мир не знал борцов, равных по силе греческим.

Но в наши дни редки их удачи. Последнюю золотую медаль завоевали двадцать лет назад на Олимпиаде в Риме. И вот Мигиакис. Придет день, и толпа почитателей современного олимпионика сметет усиленные наряды полиции, устремится к самолету, который приземлится в Пирее, и вынесет на руках «классика». Не многие сыны Греции удостаиваются такого почета. Национальным героем станет борец; премьер-министр от имени нации скажет ему «спасибо».

Сидит у телевизора француз Жорж Бувар. «Его вид спорта» — дзю-до. В разных городах Франции (как, впрочем, в Испании, и Португалии, и Италии) множество школ дзю-до, некоторыми руководят приехавшие из Токио профессора. Набирают силу французские мастера дзю-до. Только два японских иероглифа, но нужно шесть слов, чтобы более или менее точно перевести их: «победа ума на дороге грубой силы». Неожиданно текст начинает звучать современно. На пути французских дзюдоистов, как и других участников Олимпиады-80, была грубая сила, стремившаяся преградить им путь в Москву. К счастью, победил ум. А точнее — здравый смысл. И вот — награда за победу. В состязании борцов тяжелого веса отличился двадцатисемилетний сотрудник министерства молодежи и спорта Анжело Паризи. В финале он проигрывал молодому болгарину Димитру Запрянову. До конца схватки оставались считанные секунды. Димитру выглядел полным хозяином на татами, ему бы продержаться еще чуть-чуть. Но этого «чуть-чуть» и не дал ему Анжело. Провел рискованный, но вместе с тем и решительный бросок через спину. И ликование перекинулось от «болгарского угла» к «французскому». И еще одну золотую награду в дзю-до завоевали французы: в категории до 60 килограммов чемпион мира 21-летний Тьерри Рей добыл звание чемпиона, не знающее приставки «экс»: можно стать экс-чемпионом мира, но олимпиады — никогда: это звание на всю жизнь.

Но разве меньше радости, чем француз Жорж Бувар, испытывает у телевизора итальянский друг Эудженио Кристино? Как-то в разговоре Эудженио сказал, что, если удастся, возьмет на время Игр отпуск, «чтобы не пропустить ни одной телепередачи». Радость после огорчения имеет свои оттенки. Представляю, как переживал Эудженио, когда Пьетро Меннеа, мировой рекордсмен, неожиданно слабо провел бег на сто метров и оказался за чертой призеров. Но как красиво пронесся он по второй спринтерской дистанции! Едва закончился финал забега на 200 метров, к Меннеа бросилась чуть не дюжина телеоператоров с переносными камерами. Сопровождаемый ими, Пьетро сделал круг почета по стадиону. Убежден, что вся Италия вместе со стадионом разделяла в ту минуту неистовую радость чемпиона. Пример Меннеа тоже говорит о том, что это такое «олимпийский стимул». Через две недели после окончания Игр он вышел на старт международных соревнований в городке Барлетта и показал один из лучших в мире результатов в беге на 200 метров — 19.96 секунды.

Помню имена советских олимпийцев, высеченные золотом на стадионе «Форо Италико». Теперь же на стадионе в Лужниках будут высечены имена итальянских чемпионов XXII Игр. Рядом с именами Пьетро Меннеа, Сары Симеони удостоились права на спортивное бессмертие Маурицио Дамилано, победивший в ходьбе на двадцать километров, борец вольного стиля Клаудио Полио, дзюдоист Эцио Гамба, мастер конного троеборья Федерико Роман, боксер Патрицио Олива.

Две олимпийские столицы Рим-60 и Москва-80 как бы обменялись именами лучших своих сынов и дочерей. Прекрасный символ!

Разделяю твою радость, дорогой Эудженио Кристино. И говорю спасибо за то, что ты делаешь для сближения спортсменов наших двух стран.

О спортивных прогнозах пишут и говорят разное.

Одни: «прогнозы — дело неблагодарное, если бы все можно было предвидеть, спорт перестал бы быть спортом. Он весь настоян на неожиданностях, тем и привлекает нас».

Другие: «прогнозы — дело ненадежное. Ни близкие, ни дальние».

Но а если вспомнить о прогнозах, предшествовавших Московской олимпиаде, надо выделить один, оказавшийся абсолютно точным.

Накануне открытия соревнований по легкой атлетике произошел разговор с Владимиром Откаленко. Он спросил, догадываюсь ли я, сколько золотых медалей завоюют наши бегуны, прыгуны и метатели, и, поняв по моему лицу, что не догадываюсь, сказал:

— Запомни: пятнадцать золотых медалей. Хочешь назову имена?

— Избавь, тогда смотреть легкую атлетику будет так же интересно, как футбольный матч по телевизору, когда уже знаешь результат.

Прогноз запомнил и должен засвидетельствовать его «точное попадание».

И все же начать рассказ следует с человека, в честь которого не звучали фанфары. Зовут его Виктор Санеев.

Среди состязаний, вошедших в спортивный календарь Абхазии, есть не совсем обычные: розыгрыш приза Санеева. Из разных концов страны к берегу Черного моря, в гостеприимный город Сухуми, приезжают лучшие мастера тройного прыжка. И те, кто носит высокие звания, и те, кто только подает надежды.

Среди подававших надежды в 1975 году числился юный эстонец Яак Уудмяэ. Но после соревнований этот взрывной атлет заставил заговорить о себе. Виктор Санеев вручил ему свой приз. Догадывались ли оба, что им предстоит плечом к плечу выступать на Московской олимпиаде? И стоять плечом к плечу на пьедестале?

Годы в жизни олимпийского чемпиона имеют свои измерения. Время работает на олимпийца грядущего. А Санеев побеждал трижды. В Москве вышел на четвертый свой старт. И осталась ему одна последняя попытка.

Раньше, когда говорили или писали «последняя попытка», подразумевали последнюю попытку в соревновании. Санееву оставалась последняя попытка вообще. А он уступал и своему товарищу Яаку Уудмяэ, имевшему результат семнадцать метров тридцать пять сан-

тиметров, и мировому рекордсмену из Бразилии Жоао де Оливейра, отстававшему от лидера на тринадцать сантиметров и, казалось, имевшему серебряную медаль уже в кармане.

Шестая попытка.

Вспомнилась одна такая последняя попытка сухумца в олимпийском Мехико.

Тогда соревнования мастеров тройного прыжка начались с сенсации. Слово это слишком затрепали в отчетах с олимпиад, но то, что произошло в предварительных соревнованиях, иначе не назовешь. Хилый с виду, длинноволосый и мало кому известный итальянец Джузеппе Джентиле побил олимпийский рекорд. Такую это в него вселило уверенность, такой дало заряд, что даже видавшие виды прыгуны стушевались, и им потребовалось немало времени, чтобы взять себя в руки. Во всяком случае, главные претенденты на медали проигрывали поначалу кто метр, а кто и полтора.

Но, возможно, все дело не в какой-то сверходаренности Джентиле, а в новом, пока малоизвестном покрытии дорожек для разбега? Не может ли статься, что вибрация этого эластичного тартана совпадает с беговым ритмом итальянца? Или просто-напросто он успешнее других приспособился. Химический состав дорожки был под секретом. А вдруг известные итальянские мастера раньше других разгадали секрет разных фокусов с современной химией, соорудили такую же дорожку у себя дома и готовились на ней?

Но чем же тогда объяснить, что уже во второй попытке фаворитов обходит другой дебютант, бразилец Нельсон Пруденсио, который только по капризу фортуны, так казалось поначалу, попал в финал. Он радовался до небес, когда узнал, что будет продолжать соревнование с группой сильнейших. А теперь, подобно Джентиле, поймав нежданно-негаданно жар-птицу, не желал ее выпускать.

Санеев в тени. Хотя яркое солнце заливает своими лучами стадион, сухумца не видно. Или оробел? Не получается у него пока. Взыграет ли самолюбие? Пора бы обозлиться на себя.

...Первый шаг прыжка (будто показывают его в замедленной телесъемке) тягуч и длинен, потом резкий второй (кажется, ни у кого не было такого удачного начала) и, наконец, главный, от которого зависит все, — третий. Далеко вперед выброшены ноги, влекущие за собой спружинившееся тело. Атлет в полете, он старается как можно дольше продержаться в воздухе: каждое лишнее мгновение, выигранное у земного притяжения, — это лишние сантиметры. Или хотя бы один сантиметр. Тот самый, который Санеев выигрывает в третьей попытке у итальянца.

Санеев понимает, что рано торжествовать. Семнадцать метров двадцать три сантиметра — отличный результат. Но теперь, когда тартановая дорожка внесла свои коррективы в табель о рангах, можно ли быть уверенным, что никто другой не сумеет улететь дальше? Нет, нельзя. И пятая, предпоследняя, попытка убеждает в этом. Пруденсио заставляет операторов перекроить всю таблицу на большом электрическом табло: выходит на первую строчку, улучшая результат советского прыгуна на четыре сантиметра.

До конца состязания одна попытка.

Кто это придумал — «попытка не пытка?» Без сомнения, человек, который никогда не стоял так вот один на один со своими страстями перед переполненным стадионом, затаившим дыхание. Как у тебя с нервами? Способен ли ты обуздать их, настроиться на победу или готов, очертя голову, броситься вперед. Была не была — лишь бы скорее кончить с этим, серебряная олимпийская медаль тоже немало. Он, Санеев, еще молод, еще успеет показать себя. «Ну, двинулись, что ли?» — спрашивает первый голос. «Не будем спешить, постараемся мысленно представить себе и этот длинный разбег, и планку, на которую надо ступить с предельной точностью: переступишь на сантиметр, судья поднимет красный флажок, пиши пропало, а недоступишь на тот же сантиметр, сам себя накажешь, он может оказаться там главным сантиметром, который решит борьбу. А теперь представим себе толчок, первый шаг, второй, третий и еще приземление, от которого тоже зависит так много», — как бы говорит другой голос. «Так, а теперь еще две-три секунды на то, чтобы отбросить неуверенность. Ты победишь, ты сделаешь все, чтобы победить». Это уже говорит Виктор сам себе.

В последней своей «мексиканской попытке» Санеев показал все лучшее, на что был способен как прыгун, мужчина и боец. Взглянул на табло, увидел цифры: «17 метров 39 сантиметров» — вскинул руки к небу, как бы благодаря судьбу, и закрыл ими глаза, чтобы наедине с самим собой испытать всю меру завоеванного счастья.

А тренер Акоп Керселян... Просто бывают в жизни даже самого мужественного человека мгновения, когда он может не стыдиться влажных глаз.

Маленький любвеобильный Сухуми не привык к таким победам. Стоит ли говорить, как встречали на абхазской земле чемпиона?

Не о той ли последней своей попытке вспоминал в Москве Виктор Санеев в минуту, когда совершал свой последний прыжок?

Ему важно было опередить бразильца Оливейру. Это была, если угодно, главная его жизненная цель.

Их встреча состоялась в олимпийском Монреале.

В столицу штата Квебек Жоао Карлос де Оливейра приехал как герой: до того на Панамериканских играх установил мировой рекорд. Только ничем не выдавал своего геройства улыбчивый, могло показаться застенчивый, длинноногий парень. Был сосредоточен. Должно быть, слышал из чужих уст, как трудно выиграть у Санеева очный поединок. Настраивался. Отказывался от встреч с журналистами. Не давал ни интервью, ни автографов.

Я наблюдал за Санеевым и его главным соперником в холле пресс-центра, на телеэкране чуть не во всю стену. Отсюда можно было лучше разглядеть лица. После первого санеевского прыжка на лице бразильца отпечатались все печали этого мира. Журналист, который выходил на связь с Рио во время каждой попытки Оливейры, несколько раз с надеждой повторял:

— Это еще не все. Будем верить, что Жоао покажет себя.

И только перед последним прыжком сказал:

— Нет, это все.

Комментатор оказался провидцем. Слишком много сил отняла у

его соотечественника борьба, для последней попытки их осталось так мало.

А как представить, сколько сил отняли у Санеева те пять попыток, которые он совершил двадцать пятого июля в Лужниках? Только самые близкие друзья сухумца знали, что выходил он на старт с травмой.

Не зря читатели «Комсомольской правды» нарекли Виктора Санеева самым мужественным участником XXII Игр.

В последней, шестой, попытке он показал результат семнадцать метров двадцать четыре сантиметра, результат, которым гордился бы в юные годы, и стал обладателем серебряной медали.

Одна из читательниц написала:

«Для нас Санеев — четырехкратный олимпийский чемпион. Его серебряная медаль... дороже золотой. Виктор прыгал, преодолевая боль, борясь с возрастом. И на пьедестале искренне поздравил своего преемника Яака Удмяэ».

...Через несколько дней, после того как закончилась Олимпиада-80, общество «Швеция — СССР» пригласило Санеева в Стокгольм. Вспоминая о той поездке, Виктор рассказывал:

— Журналисты часто задавали мне вопрос: «Смогли бы вы сделать еще одну, седьмую, попытку во время олимпийских состязаний в Москве?» Нет. Мой друг и соперник рекордсмен мира из Бразилии Жоао Карлос де Оливейра, узнав, что я прыгал с тяжелой травмой, покрутил пальцем у виска: «Сумасшедший». Но, думаю, сам Оливейра на моем месте тоже отдал бы все силы победе.

Со спортом, конечно, не расстанусь, буду тренировать молодежь. Постараюсь свой опыт использовать в практической работе. Буду счастлив, если соревнования по тройному прыжку в Сухуми, где традиционно разыгрывается приз Санеева, откроют новых героев спорта, станут для них шагом к вершинам.

Разителен рост результатов всех (или почти всех) советских чемпионов.

Сколько раз бывали мы свидетелями ярких достижений перед крупным международным турниром и тусклых итогов на самих соревнованиях.

Чем только не пытались их оправдать: плохо подобранной мазью (лыжники), незнакомой беговой дорожкой (стайеры), необычно дующим ветром (яхтсмены) и, наконец, все неудачники чуть не хором — годом неспокойного Солнца, совпавшим с Играми 1968 года в Мехико. Теперь оправданий не требуется!

Что ни говори, мы стали умнее, искуснее, предыдущие олимпиады многому научили нас. А вообще они не учат только амбициозных себялюбцев.

Воздадим должное тем, кто в не столь давние годы первым разгадал таланты. Не простое это искусство — угадать в маленьких, угловатых, робких детишках будущих чемпионов. Да здравствуют дальновидные тренеры, папы и мамы! Цели родителей были скромны: они и не мечтали увидеть детей своих на олимпийском пьедестале, просто хорошо понимали, что такое в нашу пору с ее перегрузками спорт, какими эмоциями обогащает, какую закалку дает.

Мы привыкли искать спортивные таланты в школах и пионерских лагерях. Но там могут разбежаться глаза. Не всякий легко и быстро открывается в спорте. Можно не заметить будущего Александра Иваницкого, олимпийского чемпиона по борьбе, который в юные годы не мог даже одного раза подтянуться на турнике, можно не заметить будущую Тамару Пресс, олимпийскую чемпионку в толкании ядра и метании диска, которую не приняли в спортивную школу как малоперспективную... В эти детские годы многое зависит не только от комплекции — куда больше от характера, от того, насколько спортивен малыш — ловок ли, задирист ли, может ли не хныча переносить поражения. Перечисление заняло бы немало строк. Кому как не родителям знать это лучше, чем другим?

Воздадим должное родителям олимпийских чемпионов, взявшим под умную опеку спортивное воспитание детей.

В Ленинграде зародилась привлекательная телеигра: «Папа, мама и я — спортивная семья». В зале, в бассейнах, на беговой дорожке папы и мамы вместе с детьми в веселых стартах отстаивают честь «домашнего коллектива физкультуры». Азарт спортивной борьбы приковывает в этот час к экранам телевизоров миллионы семей, дает им добрый пример, вызывает желание подражать.

В Тбилиси и Вильнюсе, Ташкенте и Львове стали традиционными соревнования на звание лучшей спортивной семьи.

Не видели ли мы в дни Олимпиады-80 лучшую из всех мыслимых отдач?

* * *

Обычно состязания штангистов самой тяжелой весовой категории падают на последний день олимпиад. Эти дни бывают перенасыщены событиями, и все же поединки на помосте затмевают все другие...

Когда-то в Риме знакомый инженер коммунист Пьетро Ришиа говорил:

— У нас в Италии многие считают Америку самой сильной страной. Но что вы сделали на Олимпиаде с американцами? Тебе просто не понять, какой переворот в умах моих соотечественников происходит, когда они видят, как американцы проигрывают одно соревнование за другим советским спортсменам... Не привыкли, что делать? Посмотри, сколько сегодня во дворце именитых заокеанских гостей. Надеются хотя бы в последний час Олимпиады взять реванш. Как-никак, соревнование суперменов.

— Ты хотел сказать «супертяжеловесов»?

— А разве это не одно и то же?

— В понятие «супермен» мы вкладываем несколько иной смысл, чем вы... Оно в русском звучит скорее иронично.

— Тс... с... с, выходит Власов.

Едва соревнования закончились, Ришиа исчез, а вернулся просветленный:

— Мои друзья не поверят, но это был первый, понимаешь, первый автограф, который дал Власов. Уж я-то постарался.

Ришиа по профессии инженер-математик, работает в компании, конструирующей счетные устройства. Он был убежден, что уже в ближайшие годы в наш мир войдут такие машины и автоматы, которые убыстрят и революционизируют всю жизнь. Мне пришла в голову мысль узнать, что думает инженер-математик и хороший знаток спорта о рекордах завтрашнего дня, на что будут способны не машины, а люди.

— Я не хочу торопиться с ответом. Дай мне небольшой срок, я тебе напишу. Только скажи, для чего это тебе надо?

— Видишь ли, я собираю мнения на этот счет у людей самых разных профессий: у врачей и психологов, педагогов и социологов.

— В твоей коллекции не хватает математика? Впрочем, среди моих знакомых есть тренеры и функционеры, да и спортсмены есть тоже, пожалуй, я побеседую с некоторыми из них и тогда напишу тебе. Только какие годы тебя интересуют?

— Давай заглянем на двадцать лет вперед.

Ответив так, я, естественно, не мог предполагать, что ровно через двадцать лет пробьет час Московской олимпиады и что прогноз, который составит вместе со своими друзьями Пьетро, представит со временем особый интерес.

— Ой, ой, так далеко... Хотел бы я знать, что будет со мной через год или через два. Ведь в восьмидесятые годы люди будут совсем другие, будут много думать и мало ходить, спортивные результаты пойдут на спад — но это я просто так, считай, что это как бы шутка.

Ришиа оказался человеком слова. Примерно через месяц я получил письмо из Рима. Ришиа сообщил, что ему удалось встретиться и побеседовать с олимпийским чемпионом в беге на двести метров Л. Берутти, бронзовым призером олимпийских соревнований штангистом полутяжелого веса С. Маннирони, с тренерами по плаванию.

Среди рекордов, которые «привиделись на расстоянии», рекордов восьмидесятого года, был такой:

Штанга. Тяжелый вес. Толчок. 220—225 килограммов.

В приписке Пьетро Ришиа сообщил, что лично он не разделяет убеждений штангиста в том, что человеку дано справиться с таким фантастическим весом, но он не хотел бы казаться пессимистом, потому оставил «нетронутыми» предполагаемые данные.

А теперь — под своды нового спортивного Дворца на Сиреневом бульваре, где идет олимпийское состязание сильных.

На штанге 245 килограммов. К ней подходит чемпион мира Султанбай Рахманов.

Был только один человека в мире, которому Султанбай проигрывал, встречаясь на одном помосте, — Василий Алексеев. Но два последних года Алексеев в соревнованиях не выступал. Не будем гадать почему. Или копил силу к последней своей Олимпиаде в Москве? Но возможно допустить и следующее предположение — видя, как сливаются силы в товарище по команде, понимал, что выиграть у него будет трудно. Это значило потерять частицу той славы, которую он завоевал победами на Играх —

в Мюнхене и Монреале, на многочисленных чемпионатах страны, Европы и мира. Думаю, что оба предположения не будут далеки от истины.

Накануне, двадцать девятого июля, раздался звонок. На том конце провода был Владимир Александрович Таратушка, начавший несколько лет назад проявлять интерес к теории биоритмов.

Он спросил:

— Скажи, действительно ли выходит завтра на помост Василий Алексеев?

— Не могу ответить точно. Весьма возможно, что выйдет.

— Видишь какая вещь... Если я не ошибаюсь, он родился седьмого января 1942 года. Загляни, пожалуйста, в справочник.

Это было делом нетрудным. В томе «Олимпийская команда СССР» были даны исчерпывающие характеристики всех основных и запасных участников советской делегации.

Открыл книгу на странице 324. Ответил:

— Действительно, седьмого января 1942 года.

— Это значит, что к тридцатому июля, то есть ко дню выхода на помост, он проживет 14 тысяч 84 дня.

— Не считал, но верю на слово.

Я уже догадывался по интонациям друга, что в этом числе «14.084» закодировано нечто неприятное для Алексеева. Теперь оставалось ждать расшифровки.

— Это число точно, без остатка, делится на 28 дней.

Теперь кое-что становилось понятным. 28 дней — это так называемый «эмоциональный цикл». За свою жизнь Алексеев сменил ровно 503 таких цикла, и теперь, именно тридцатого июля, начинался отсчет нового. Люди, верящие в теорию (еще недавно писали в «гипотезу») биоритмов, считают такой день крайне неблагоприятным.

— Не мог бы ты каким-нибудь образом тактично известить об этом, ну если не самого Алексеева, то кого-нибудь из тренеров или его близких друзей?

— С тем, чтобы что?

— Он два года не выходил на помост. Не видел света юпитеров, лиц противников и лиц зрителей. Он тренировался со штангой, но не соревновался с ней. Он, скорее всего, забыл, что это такое — олимпийское сверхнапряжение. Появились сильные соперники, каких раньше он не знал. Все это не может не воздействовать даже на самую цельную натуру. Ему надо дать совет — начать с веса, в котором он абсолютно уверен, я хочу сказать... начать рывок осторожно.

— И ты хочешь, чтобы я дал такой совет? Побойся бога. Штангисты с самого начала решительно стали в лагерь противников теории биоритмов. Они говорят, и весьма, возможно, справедливо: «Мы готовим атлета к одному определенному дню, главному дню года (а теперь могли бы сказать к главному дню четырехлетия), он полон сил и желания бороться и победить, а вы приходите со своими наивными расчетами и говорите — это не его день. Одна сплошная демобилизация. Ищите других». Нет, избавь от такой миссии.

— Но сам-то веришь, что это будет самый плохой для Алексеева день.

— Верю. Только представь себе на минуту, что Алексеев послушает совета, закажет не тот вес, который предполагал заказать, и в результате проиграет рывок, а с ним и все соревнование... Чем мы с тобой сможем доказать, что были правы, чем оправдаться? Рядом с ним и тренеры и врачи, лучше нас знающие, какие рекомендации ему давать.

— Ну, смотри сам, я позвоню завтра.

На следующий день, едва я вернулся домой с соревнований штангистов, раздался звонок Владимира Александровича.

— Я догадался, что ты ни с кем не разговаривал. Жаль Алексеева и его тренеров...

— У него нет тренеров, он готовится самостоятельно...

— Все равно жаль людей, которые отвечали за команду. По-прежнему не верят в биоритмы?

— Этого я тебе сказать не могу. Но если бы верили, сделали бы попытку «рассчитать Алексеева».

Мы начинаем постепенно подходить к ответу на вопрос: чем объяснить, что сегодня нам удается все, кажется, дай крылья — полетим, а завтра... завтра не узнаем сами себя. Куда делись энергия, возвышенное настроение, почему так трудно думается, а привычная работа требует куда больше усилий и сосредоточенности?

Разве не важно знать всякому деятельному человеку, на что он может рассчитывать сегодня и завтра, когда у него лучшая форма как у мыслителя, созидателя или спортивного бойца?

Не могу не вспомнить звонок от В. А. Таратушки. За секунду до того, как Алексеев сделал последнюю отчаянную попытку справиться с весом 180 килограммов, я отвернулся. По стону, пронесшемуся по залу, догадался, чем кончилась она.

Корил себя за то, что не последовал совету друга. Ну что стоило подойти к знакомому тренеру и сказать:

— Послушайте, сегодня не день Алексеева. Пусть дадут ему совет начать со ста семидесяти или ста семидесяти пяти.

Но тут я мгновенно представил, какими глазами посмотрел бы на меня старый товарищ.

Если говорить о Султане Рахманове как о представителе рода людского, то он позволил нам еще раз подивиться безграничности наших физических запасов. Далеко превзойдя прогнозируемый на 1980 год результат и намного перекрыв казавшееся некогда столь удивительным достижение Юрия Власова в Риме, он помог сделать один несложный подсчет: каждый год в среднем человек был способен наращивать в этом самом приметном способе измерения своих сил по два килограмма.

На пресс-конференции после состязания чемпион, сказав добрые слова о своем товарище по команде Василии Алексееве за все то, что он сделал для развития тяжелоатлетического спорта, Султан Рахманов заявил, что в ближайшее время намерен побить его мировой рекорд в двоеборье.

Но на той же пресс-конференции прозвучало несколько сарка-

стических реплик из уст не зарубежных, а наших журналистов по адресу Алексеева.

Говорят, что об искусстве артиста можно судить не только по тому, как он играет свою роль, но и, в немалой степени, по тому, как он покидает сцену. Покидать сцену, озаряемую юпитерами, не просто. Поверили авторитету Алексеева, его способности не проигрывать. Это завидная способность. Что же взяло верх — истинно спортивное честолюбие или себялюбие, которое в конце концов является не чем иным, как противником всякого таланта?

* * *

Хорошее настроение у тренеров советской сборной по вольной борьбе. Среди них — поджарый смуглый человек, сохраняющий невозмутимость во время самых острых поединков.

Не могу не порадоваться за Айдына Ибрагимова. Помню его первые шаги по борцовскому ковру и слова, которые когда-то сказал о нем заслуженный мастер спорта Рза Бахшалиев: «Быстр, резок, вынослив, смел... далеко пойдет».

И еще помню несчастливый день в жизни Айдына Ибрагимова, когда он сказал: «Все кончено. Надо забыть все это...»

А стал тренером сборной страны.

Стоит вспомнить тот день не в назидание Айдыну — в назидание тем, кого он учит сегодня.

Перенесемся в 1962 год в город Толидо, что на севере США.

В честь открытия чемпионата мира было торжественное шествие.

Впереди в гусарских костюмах шли самые красивые девушки местных колледжей, за ними двигались оркестры.

Трубачи от души дули в трубы, а барабанщики били в свои барабаны так, как будто задались целью во что бы то ни стало пробить в них дыры. Американские фирмы прислали в город на берегу озера Эри новейшие модели автомобилей, и их парад — в каждой машине сидело по два-три борца — тоже был зрелищем запоминающимся. Еще был праздничный маскарад и фейерверк. Кругом царило веселье.

А на душе Айдына Ибрагимова скребли кошки. Он завоевал право приехать сюда в острейшем соперничестве с чемпионом страны и двумя экс-чемпионами. Но толидский жребий оказался немилостив. Тренеры постарались сделать вид, что все идет нормально. Один из них, через силу улыбаясь, сказал Айдыну:

— Это даже хорошо, что в первой паре ты с Хатта. Будешь свежим, победишь его — и все в порядке, дальше — семечки.

«Но ведь и Хатта будет свежим», — подумал Айдын. Он прекрасно знал, что за последние три года японец не проиграл ни одной встречи, что он представитель той «новой» волны японской борьбы, которая набирала силу и должна была показать свою мощь на близившихся Олимпийских играх в Токио.

Одно дело встретиться с Хатта в конце чемпионата, когда ты уже вышел в финал и пробил путь к медали, а другое — встретиться с ним в самом начале.

Три штрафных очка, которыми угрожала встреча с Хатта, ложились тяжелым бременем на плечи необстрелянного спортсмена. Начинать чемпионат с поражения неприятно всем. Юному борцу неприятно втройне. Неудачный исход встречи с Хатта принудил бы резко менять всю тактику и строить другие встречи только с расчетом на чистую победу, ибо три новых штрафных очка клали конец всем надеждам.

Айдын искоса поглядывал на Хатта. Тот чувствовал себя в своей тарелке, улыбался, шутил, раздавал автографы, позировал перед телекамерами. Рядом с Хатта неразлучно находился его тренер.

Ночь перед схваткой Ибрагимов не спал. Когда зашел врач, он закрыл глаза и постарался, чтобы дрогнувшие веки не выдали его. Врач был опытным человеком и знал, что не всякий борец расскажет ему о самочувствии перед чемпионатом и не всякий попросит усыпляющую таблетку. Едва приоткрылась дверь, и врач на цыпочках вошел в комнату, Ибрагимов слегка засопел, изображая глубокий сон.

А потом не сомкнул глаз до утра.

И вот по радио произнесли его фамилию, напротив него в противоположном углу ковра (в ту пору ковры были квадратными) встал Хатта, и трибуна, на которой сидели японцы, огласилась приветственными выкриками и запестрела белыми флагами с красным солнцем...

Сомнение покинуло его. Покинуло с тем, чтобы вернуться уже через две минуты.

Хатта ловко и уверенно нырнул в ноги Айдына, начав тот самый прием, которого больше всего опасался бакинец. Он ждал этого мгновения, готовился к нему, переигрывал в уме свои ответные действия. Но тут что-то не сработало в Айдыне, что-то застопорилось, когда Хатта, захватив его за ноги, приподнял и бросил на ковер, заработав два первых очка.

Едва борцы поднялись в стойку, Ибрагимов сделал решительную попытку отыграть потерянное, но попался на прием снова, оказался в партере и... куда исчез стремительный борец, носивший фамилию Ибрагимов?

Тренеры Аркадий Ленц, Сергей Преображенский и Арам Ялтырян с грустью смотрели на ковер. Не узнавали Айдына. Казалось, что остальную часть схватки он словно чего-то ждал, и, когда в конце концов оказался припечатанным лопатками к ковру, подавил в себе легкий вздох облегчения. Возвращался к своим — ничего не видел вокруг, все плыло у него перед глазами, и только в ушах стоял гул. Это трибуны приветствовали победу японца.

Тренеры не сказали ему ни одного осуждающего слова, но и ободряющего тоже. Ободряющие слова говорят тем, от кого что-то можно ждать. От борца же, который так сник и стушевался, ждать больше ничего было нельзя.

Разные случаются проигрыши. Проиграть достойно такому борцу, как Хатта, было бы не стыдно. Но и умом и сердцем, каждой клеточкой своего существа Ибрагимов понимал хорошо, что провел встречу недостойно. Он нехорошо думал о себе, потому что не мог

понять, что же такое с ним произошло. Неужели страх так скрутил его?

Но еще не все было потеряно. Придя в раздевалку, он плюхнулся на скамью. И только в эту минуту почувствовал, как устал. Провалился на несколько мгновений в глубокий сон и не просыпался бы, если бы можно было, целые сутки. Но его ждал новый противник. Как в наказание, им оказался американец Эйбл. Не трудно было представить, как будут болеть за своего американские трибуны.

Арам Ялтырян сказал с хрипотцой:

— Забудь про этот зал. Не слушай никого и ничего, думай только о противнике, о том, что ты его должен победить. Встряхнись. Иди и без победы не возвращайся. Сегодня ты испытываешься весь как есть, с потрохами.

У наших тренеров слегка отлегло на душе, когда они увидели, как боевито начал поединок молодой борец. Он делал все, чтобы обострить схватку, завершить ее быстрым приемом. Выиграл очко, еще одно... На ковре был прежний Ибрагимов! Американец отступал, и трибуны не могли ему этого простить. Айдын почувствовал, что симпатии зрителей по невидимому руслу незаметно переливаются на его сторону.

Но американец оказался куда более хитрым и искусным борцом, чем думал о нем Ибрагимов. Он отступал только до поры до времени, не очень смутившись и тем, что проиграл еще одно — третье очко. Но он дождался, пока Айдын израсходовал свой пыл, и тогда перешел в атаку сам... Когда до конца поединка оставалось около четырех минут, Эйбл провел свой первый прием, провел неожиданно и быстро. Айдын едва не оказался на лопатках, в последний момент сумел уйти на мост. Ухватив за талию и прижимая руку к ковру, американец не выпускал его. Трибуны вновь перекинули симпатии на сторону своего борца, засвистели, зааплодировали, затопали.

Можно было подумать, что самые последние силы отдал Айдын уходу с моста. Ушел. Тренеры облегченно вздохнули, подумали; вот-вот он взорвется, сделает все, чтобы выйти вперед. И действительно он начал прием, но замешкался, не довел его до конца. Американец ловко воспользовался заминкой и снова поставил Айдына на мост.

Это был конец. Ибрагимов проиграл вторую встречу подряд. И выбыл из турнира.

— Рано было его везти, — сказал один тренер другому. — Не тот борец, за кого мы его принимали.

— Ничего. Переживем, — ответил Аркадий Ленц. — Неприятно, но переживем. Между прочим, у тебя, насколько я помню, тоже не слишком гладко начиналось.

— Когда начиналось у меня, нас не возили на чемпионаты мира, — стараясь подавить легкое раздражение, ответил тренер.

Ибрагимов превратился в зрителя. На следующий день я нашел его в самом верхнем, закрытом от чужих глаз, ряду. Он искал одиночества и многое бы отдал, должно быть, за право как можно ско-

рее улететь из этого гостеприимного и такого неласкового к нему города.

Айдын заметно осунулся, побледнел и в разговор вступил без явной охоты. Он подумал, должно быть, что я поднялся на эту верхотуру, чтобы утешить его.

— Айдын, я хотел, чтобы ты посмотрел на все, что произошло, со стороны. Знай, это еще не конец света. С первого захода редко становятся чемпионами. Между прочим, Аркадий Ленц мне только что сказал, будто ты станешь чемпионом через год, в крайнем случае, через два.

Откуда шла эта вера, эта тренерская убежденность, эта способность «разглядеть человека», даже того человека, который, по бесхитростному выражению одного тренера, «подвел команду»?

Умение понять и разглядеть другого — искусство из искусств, умение из умений! Для этого надо было прожить столько лет в мире спорта, сколько прожил Аркадий Ленц, надо было так знать борьбу, как знал ее он, так понимать психологию борца, как понимал ее он.

Стоит ли говорить, что с тех пор я стал с особым интересом ждать, что покажет теперь Айдын Ибрагимов, сможет ли он сбросить с себя путы бесславных поражений, которые на долгие годы скручивают иных борцов? Можно ли было верить в прогноз Аркадия Ленца?

Не зря говорят, что за битого двух небитых дают. Два поражения на толидском ковре сослужили Айдыну Ибрагимову лучшую из всех мыслимых служб. Он показал себе и показал другим, как «выходить из поражений», с каким упорством и, если угодно, со злостью стремиться к реабилитации.

Ровно через год Айдына взяли на чемпионат мира в Софию. Он доказал свое право выступить за сборную команду Советского Союза!

Пусть читатель догадается, какими сомнениями терзались тренеры и на этот раз. И пусть представит себе, как прозвучали эти ленцовские слова:

— Я готов дать гарантию, что Ибрагимов станет чемпионом.

Тогда в Софии Айдын Ибрагимов выиграл все схватки. И стал чемпионом мира. А после Олимпиады-80...

— Айдын, поздравляю тебя со званием лучшего тренера года. С удачами на Олимпиаде. Скажи, кто тебе больше всего дал... помог как борцу и учителю?

— Аркадий Ленц.

— Чем?

— Верой.

ГЛАВА 3

Плечо Москвы. Спортивная держава Куба. Что думали, что вышло? Встреча с заслуженным пилотом. Глазами академика

Взглянем на итоговую таблицу неофициального командного зачета, посмотрим, какие страны вошли в число десяти сильнейших.

СССР, ГДР, Болгария, Польша, Венгрия, Румыния, Великобритания, Куба, Чехословакия, Италия.

Восемь социалистических стран. Две страны капиталистические. Как бы ответ на вопрос — какой строй открывает простор перед талантом, пестует его и лелеет.

Когда-то, оправдывая одно из первых поражений американских штангистов, известный деятель гиревого спорта Боб Гофман говорил:

— Мы искали таланты среди сотен. В Советском Союзе имеют возможность искать среди многих тысяч. Не буду удивляться, если русские заберут у наших штангистов все их титулы и мировые рекорды.

Те слова были произнесены более двадцати лет назад. Давно сбылось пророчество.

Нет США на мировом тяжелоатлетическом помосте, зато как выдвинулась маленькая мужественная и сильная Болгария. Диву даешься тому, как растут ее штангисты.

Они считают себя учениками советских мастеров. Мы же считаем их учениками сверхприлежными. Случилось так, что на Играх 1972 года в Мюнхене ученики даже опередили учителей.

Показалось символичным: молодой человек из Болгарии Янко Русев бьет на русской земле мировые рекорды, еще дальше в глубь истории отбрасывая былые достижения заокеанских чемпионов.

Наш двадцатилетний армеец Александр Первий до последней минуты утверждал свое право быть первым — за его плечами было два мировых рекорда... Приходилось ли вам видеть, чтобы человек, показывавший высшие достижения, оказывался бы вторым? В Москве такое случалось. На самой последней минуте соревнований болгарин Асен Златев доказал, что он достоин олимпийского золота ничуть не меньше чем Первий — первого места. Толкнув двести килограммов, парень из Пловдива набрал 360 килограммов и стал лауреатом.

Как-то итальянский журналист, описывая жаркие состязания штангистов, привел фразу из арии Мефистофеля: «Люди гибнут за металл»... Мол, кому нужно это яростное соперничество, эти сотни килограммов над головой, эти самоистязания на тренировках? Смотря что как называть. Окрашенное дружескими тонами соперничество стимулировало стремление к запредельным результатам. Говорят, не построили еще на земле такого Дворца, как «Измайлово», где за одиннадцать дней штангисты установили восемнадцать мировых рекордов. Что там ни говори — это, как сказал бы Джанни Родари, «успокаивающее движение вперед»: если человечество остановится

хоть в какой-либо одной сфере своего бытия, неминуемо начнет сползать назад. А тут — движение, и еще какое движение вперед!

И тон ему задают спортсмены стран социализма.

Сорок одну олимпийскую медаль, среди них восемь золотых, добыли в Москве атлеты Болгарии. Третье место в неофициальном командном зачете — большая честь!

Не устаешь поражаться искусству тренеров Германской Демократической Республики готовить сверходаренных мастеров по всему фронту олимпийской программы. В плавании, легкой атлетике, гимнастике, гребле (и во многих других видах спорта тоже, но в этих особенно) под флагом ГДР демонстрировали свое искусство спортсмены экстракласса.

Среди тех, чьи имена вписаны в летопись олимпиад, мы видим польских легкоатлетов, венгерских пловцов, румынских каноистов, кубинских боксеров, чехословацких футболистов, югославских баскетболистов. Зрители не раз аплодировали мастерству борцов Монголии и боксеров КНДР.

В заключительный день соревнований боксеров произошла трогательная сцена. Кубинские чемпионы подошли к советскому тренеру Андрею Червоненко и воздали ему почести, которые могут только сниться самому заслуженному учителю. Маленькая Куба, на земле которой выросло шесть победителей Олимпиады-80, благодарила одного из тех советских наставников, кто отдавал свой опыт, энергию, искусство воспитанию ее бойцов, развитию ее спорта,

Посмотришь на Андрея Червоненко, можно подумать, будто только что сам сошел с пьедестала почета.

Как и всякое начало, начало кубинского спорта было непростым и нелегким.

Что получила социалистическая Куба в наследство от Кубы старой? Бейзбольные стадионы? Но они строились не для сборщиков тростника, а для заокеанских богатеев, имевших в Гаване свои офисы, банки и виллы. Плавательные бассейны? Но они строились не для жителей трущоб, окружавших столицу, а для иностранных туристов. Гимнастические залы? Но их можно было пересчитать по пальцам, а занимались в них дети доморощенных буржуйчиков.

Куба с ее благословенной природой и благодатным климатом слыла одной из самых отсталых в спортивном отношении стран Латинской Америки.

В наши дни...

Колумбия ведет переговоры о приглашении на постоянную работу кубинских тренеров по тяжелой атлетике. Мексиканская газета пишет о «фантастическом взлете кубинских бегунов и прыгунов». Печать всего мира не устает поражаться победам кубинских боксеров «на всех уровнях и всех континентах».

Вот как расценила успех кубинских спортсменов на панамериканских играх панамская газета «Критика»: «Мощь кубинской команды достаточно точно отражает картину широких преобразований, проводимых в стране, без которых была бы немыслимой надежда на успех в борьбе не только со спортсменами США, но и с подавляющим числом других команд, представителей стран Амери-

канского континента. Вот в чем секрет успехов кубинского спорта. Вот в чем причины его роста».

Что за события произошли в середине семидесятых годов на седьмых Панамериканских играх?

Вот некоторые из них:

Команда кубинских штангистов вчистую переиграла американских, которые не в столь отдаленные времена задавали тон на мировом помосте.

Команда борцов классического стиля сделала то же самое.

Меньше повезло легкоатлеткам; они завоевали «только» четырнадцать медалей — столько же, сколько представительницы Соединенных Штатов Америки.

Сильвио Леонард — один из соавторов мирового рекорда в беге на самую короткую дистанцию — 100 м, марафонец Ригоберто Мендоза, дискобол Хулиан Марринсон, сумевший победить Джея Сильвестера, многократного лауреата крупнейших международных соревнований, гимнаст Хорхе Куэрго, выигравший две золотые медали; боксеры Теофило Стивенсон и Роландо Гарбей, как и их молодые друзья по команде, показывали, какими силами наливается юность Кубы и как усердно учится она соединять эту силу с искусством. Рядом с Андреем Червоненко на Кубе работали и работают выпускники физкультурных институтов Москвы и Ленинграда, Киева и Баку, Минска и Ташкента и многих других городов страны.

Один из известных наших тренеров по боксу Василий Романов вспоминал:

— Советские учителя стараются помочь кубинским спортсменам проходить за годы тот путь, на который у нас уходили десятилетия, и за месяцы — тот путь, на который у нас уходили годы. Стала новой, более совершенной методика, но никакая методика не помогла бы, если бы советские тренеры не рассматривали свою работу на Кубе как почетный интернациональный долг... Таких прилежных, верных, отзывчивых и добросердечных учеников, как кубинцы, я не встречал.

Наше спортивное товарищество особого свойства. Законы коллективизма, пронизывающие нашу жизнь, локоть друга, забота наставника, возвеличивающий человека принцип: «один за всех и все за одного», будучи перенесенными на землю молодого социалистического государства, оказались так счастливо непохожи на законы соседнего спорта — Соединенных Штатов Америки с их девизом: «каждый за себя».

Забыть ли талантливейшего американского пловца Марка Спитца, который увез из Мюнхена целую связку золотых медалей и который заявил о том, что главное достоинство спорта заключается в том, что он дает возможность «делать деньги». Человек стремился к медалям, потому что понимал, сколько теперь будут платить ему за каждое слово по телевидению, раньше боролся за десятые и сотые доли секунды, теперь же его воображение манят цифры круглые, отпечатывающиеся на его счете после каждой рекламной передачи.

Или другой американец Роберт Фишер, чей талант находился

в строгой гармонии с его болезненным самолюбием. Его капризы доводили до обмороков руководителей шахматной федерации страны, но что они могли поделать, когда Фишер говорил: «Захочу поеду на шахматную Олимпиаду, захочу — не поеду» — и оставался дома. Шахматная команда США хватала нули, к Фишеру подсылали парламентеров с тем, чтобы они улестили его и уговорили полететь хотя бы на вторую половину Олимпиады, он назначал им встречи и не являлся на них. Свобода личности? Или свобода от элементарных обязанностей перед шахматной организацией страны, перед страной? (Я чуть было не вставил в этот перечень слова «перед товарищами», но вспомнил изречение Фишера: «У меня никогда не было товарищей и помощников, да я и не нуждался в них. Всего, чего я достиг, достиг сам».)

Куба провозгласила равные права всех своих граждан, какого бы цвета кожи они ни были. Как не вспомнить печальной судьбы многих американских спортсменов-негров, таких, например, как Вильму Рудольф, не пожелавшую мириться с участью человека «второго сорта», или двух негров-американцев, поднявшихся на олимпийский пьедестал почета в Мехико и вскинувших руки в черных перчатках в знак протеста против дискриминации чернокожих на родине?

Посмотрите, как поддерживают друг друга кубинские спортсмены, как радуются победе соотечественника и как стараются подбодрить неудачника.

...На первых Панамериканских играх, в 1951 году, кубинские спортсмены завоевали всего лишь две золотые медали и заняли одно из самых последних мест.

На седьмых Играх маленькая Куба опередила такие страны, как Канада, Бразилия, Аргентина, Мексика, и заняла второе место, вслед за командой США.

В буржуазной прессе бытует расхожее выражение «рука Москвы».

Но однажды в Гаване я услышал из уст сотрудника спортивного комитета X. Каваэро словосочетание «плечо Москвы». Мой собеседник говорил, как, опираясь на плечо старшего брата, растут, набираются сил, мудреют его соотечественники.

В ту пору только-только собирал в школах, ближних и дальних поселениях пригодных для волейбола юношей и девушек мой старый товарищ Федор Дьячков. Его считали фанатом. На Кубе проявились его лингвистические способности. Начав со специфической волейбольной терминологии, он довольно быстро освоил испанский, и люди, не встречавшиеся с ним несколько лет, поражались перемене: изъяснялся свободно, молодые кубинцы с полуслова понимали его, он их. И когда в наши дни кубинские волейболисты — ученики Дьячкова и ученики его учеников возвращаются с трофеями с крупнейших международных турниров, вспоминают добрым словом этого честнейшего, рано ушедшего из жизни мастера.

Нелегок труд советских тренеров на Кубе. Непривычен климат, непривычны нравы, непривычен уклад жизни. Но разве сможешь ты стать настоящим тренером — не просто тем, кто учит, а у кого хотят учиться, если не преодолеешь, быть может, труднейшего на

свете — языкового барьера? Через переводчика можно передать смысл слов, но передаст ли толмач все оттенки твоей мысли... и не будешь же всюду и везде брать с собой переводчика.

Вот почему усердно изучал испанский экс-рекордсмен страны по тройному прыжку Сергей Щербаков, готовивший кубинских легкоатлетов; разве не опыт, обретенный на отечественных стадионах и умноженный на стадионах Кубы, помог ему в работе над докторской диссертацией, которую он защитил, вернувшись домой?

Вот почему усердно изучал испанский Сергей Рыбалко, чемпион мира по классической борьбе... Когда-то, весной шестьдесят второго года, довелось стать свидетелем звездного часа этого невысокого и неразговорчивого — весь в себе — запорожца. Не за Дунаем — за морями-океанами, на Кубе, продолжилась стезя чемпиона мира: он стал главным консультантом, а говоря иными словами — тренером тренеров, специализирующихся в его виде спорта. Новая профессия заставила разговориться потомка запорожских казаков. Как-то он заметил в шутку, что за всю жизнь не произнес столько слов по-украински и по-русски, сколько по-испански — за несколько лет работы на Кубе.

Сколько кубинцев — олимпийских чемпионов и чемпионов панамериканских игр произносят с гордостью: «я ученик Щербакова», «я ученик Рыбалко», «я ученик Романова», «я ученик Червоненко»!

Чествуя Андрея Червоненко на его Родине, в Москве, в один из последних дней Олимпиады, кубинские друзья воздавали должное в его лице всем его советским коллегам.

...Как-то агентство «Пренса Латина» провело опрос крупнейших спортивных обозревателей Латинской Америки для того, чтобы определить ее сильнейших спортсменов. Напротив семи фамилий из пятнадцати стояло слово «Куба».

Вспомнились слова Х. Каваэро:

— Мы хотим, чтобы спорт стал визитной карточкой Кубы, чтобы он показывал простым людям Латинской Америки — и тем, кто не может читать, кто не очень хорошо разбирается в политике, — чего способна достичь страна, избравшая социалистический путь развития.

Олимпиада — испытание не только спортивной техники, но и техники вообще.

* * *

Едва закончился финальный забег женщин на сто метров, одна группа фотокорреспондентов и телеоператоров бросилась к нашей Людмиле Кондратьевой, а другая к спортсменке из ГДР Марлиз Гер. Еще никто не знал, кто победил, обе пересекли линию финиша одновременно... или одновременно... Корреспонденты, фотографируя победительниц, то и дело поглядывали на большое табло. На нем прокручивались кадры закончившегося бега. До заветной черты пять метров — обе девушки идут рядом, три метра, два, чувствуется, что соперниц на финише разделят не метры, не сантиметры — миллиметры и миллисекунды... Первый показ на табло ничего не ска-

зал, надо было еще и еще раз прокрутить пленку. Казалось, замерли гулкие Лужники: кто первая?

Но были на стадионе люди — несколько человек, которые узнали результаты бега через считанные мгновения после того, как он закончился. Это специалисты-электронщики, поставленные на службу спортивной справедливости — службу точного счета. Нажата кнопка на пульте, и будто некая сказочная машинистка, работающая не десятью, а ста пальцами, моментально отпечатала на табло восемь строк. В первой стояло: «Кондратьева (СССР) 11,06 секунды». Во второй «Гер (ГДР) — 11,07 секунды».

И лишь после этого разномастная подвижная ватага фототеле- и кинохроникеров бросилась в одном направлении, туда, где шла, слегка прихрамывая, переполненная счастьем Людмила Кондратьева, так похожая на юную Веру Марецкую.

В считанные секунды автоматизированная система управления и информации «Олимпиада» обработала результат забега (одновременно запомнив его) и начала выдавать информацию о нем. Через несколько минут журналисты получили полный протокол. Из нового здания на берегу Москва-реки, недалеко от Большой спортивной арены, в несколько направлений ушел поток срочной информации — в Главный пресс-центр, Олимпийский телерадиоцентр, в Олимпийскую деревню. И даже в Таллин, Центр соревнований по парусному спорту. Там тоже работала своя электронно-вычислительная система, сконструированная инженерами Министерства приборостроения СССР (кстати, за всю регату только одна эта машина сохранила в своей памяти более трехсот тысяч символов информации, сколько же миллионов таких символов сохранила в себе на вечные времена система, действовавшая в Москве!).

Белый дом отказался выполнить условия контракта и не продал нам электронно-вычислительную машину. Предполагал, очевидно, что без приборов организаторы Олимпиады будут вынуждены пользоваться для печатания протоколов машинками «Ундервуд», портновскими сантиметрами, часами-ходиками и бухгалтерскими счетами, чтобы подбивать бабки.

Из информации ТАСС, иллюстрирующей, как воплотились в жизнь надежды Белого дома:

«АСУ «Олимпиада», созданная советскими специалистами на основе четырнадцати быстродействующих электронно-вычислительных машин и другой совершенной техники, представляет новое поколение автоматизированных систем управления. Инженерам и программистам пришлось тщательно изучить каждый вид спорта, чтобы с учетом их особенностей смоделировать индивидуальные программы обработки информации для трех региональных подсистем. Каждая из них обладает оперативной и долговременной памятью. Ее создали ученые и инженеры, предварительно заложив в этот блок данные о достижении тысяч атлетов, информацию о крупнейших соревнованиях по всем видам спорта. Подсистема «Оргкомитет» координировала деятельность всех служб Игр — от работы транспорта до распределения билетов. Назначение подсистемы «Спортивные соревнования» — оперативная помощь судейским бригадам. Самая

крупная по объему содержащихся данных — подсистема «Информация» — обслуживала журналистов. С ее помощью практически мгновенно можно было получить любые сведения об истории олимпийского движения, сводные таблицы рекордов, сравнительные результаты соревнований».

Уникальная система управления, верно служившая Олимпиаде, передана Моссовету. Она подсказывает, где, что и как строить, как направлять поток машин, в какие районы целесообразно провести троллейбусные линии, а в каких продолжить автобусные маршруты и так далее и тому подобное.

Но эти новые заботы не вычеркнут из цепкой памяти АСУ все, что «узнала» она в дни Олимпиады-80. Даже когда на смену придут новые поколения электронно-вычислительных машин, ее, только ее, станут привлекать к работе во время крупных спортивных состязаний. Разве не будет завидовать ей «племя младое»?

Наше искусство, — если хотите, вошедшая в плоть привычка смотреть и загадывать далеко вперед, привычка, порожденная устремленностью социалистического общества в завтра, выразилась и в том, как мы используем сооружения, построенные в Москве к Олимпиаде.

После Игр путем небольших, заранее предусмотренных переделок один из домов Олимпийской деревни превратили в школу, другой — в поликлинику, третий — в универсам и так далее. Новый — зеленый, тихий и четко спланированный микрорайон столицы возник на месте старого селеньица Никольского, лепившегося к речке Смородинке, и заселили его ученые, рабочие, инженерно-технические работники...

А ведь у всех у нас, москвичей, было бы плохо на душе, если бы случилось с Олимпийской деревней то, что случилось, скажем, с деревней в Монреале. Темные глазницы домов, безлюдье и тишина на шумных и оживленных когда-то улицах... Неуютно жить в городе, трудно подчинять себя порядкам города, где строят превосходные дома, рассчитанные на сто лет, а живут в которых всего несколько недель.

...В бассейне «Олимпийский» царила тишина. Но это не значило, что водные дорожки пустовали: рабочие и служащие расположенных поблизости предприятий сдавали нормы на значок «Готов к труду и обороне». За их секундами не следили электронные счетчики, и пловцов подбадривали не громкие возгласы зрителей на трибунах, а шутливые пожелания товарищей: «идешь лучше Сальникова», «еще немного, и будет мировой рекорд», «давай, давай, тяни, только вперед, а не вниз».

По дорожке Владимира Сальникова плыл светловолосый паренек лет семнадцати, плыл кролем, старательно, но не очень умело, а когда коснулся рукой бортика, с досадой ударил рукой по воде — оказалось, не хватило секунды до нормы. Не так ли начинается едва ли не каждый спортсмен? Когда он, немного раздосадованный, вышел из воды, мы разговорились. Оказалось, что моего собеседника зовут Юра Никифоров, что учится он в строительном техникуме,

живет неподалеку — на улице Гиляровского — и вместе с двумя товарищами по дому записался в так называемую абонементную группу и что теперь вместо того, чтобы убивать свободное время на улице или во дворе, с охотой приходит в бассейн. О рекордах не мечтает, но начал понимать, что после тренировок настроение куда лучше, чем было.

Скольким москвичам принесут радость олимпийские стадионы, скольким помогут укрепить здоровье и сколько юных выведут на спортивную стезю! Импульс, подаренный Олимпиадой, будет не избывать — нарастать с годами.

* * *

Говорят, на свете около четырех тысяч живых и мертвых языков. Но есть еще один счастливый язык, не обнимаемый понятием «лингвистика». Это язык спорта. Язык точнейших измерений, доступных пониманию людей всей планеты. В самом деле, секунда, килограмм, метр, гол, очко, разве сыщется человек, если только он не законченный ипохондрик, чей ум и чье сердце не будоражили бы результаты Олимпиады.

Язык цифр...

Вот как можно с его помощью выразить XXII Игры современности:

Участники: 81 страна и около 6000 человек.

Достижения: 36 мировых и 74 олимпийских рекорда.

Лауреаты: спортсмены 36 стран.

Результаты советских спортсменов: 80 золотых, 69 серебряных и 46 бронзовых медалей.

Советский Союз подтвердил звание ведущей спортивной державы мира. Задающий тон международному олимпийскому движению, щедро делящийся опытом и достижениями.

Огонь, горевший в Лужниках, высвечивал лучшие качества советских молодых людей, участников мирных сражений под мирным небом. Как же было не понять сокровеннейшего желания показать все лучшее, чем одарила Родина, как было не проникнуться заботами и не разделить волнение?

Смелое сердце и незамутненное честолюбие, готовность всего себя отдать победе — качества, отличавшие советских олимпийцев.

В советском спортивном кодексе неразделимы два понятия: «я» и «мы». Товарищество и коллективизм, стимулируемые всем укладом нашей жизни, не отвергают, а, наоборот, предопределяют своеобразное и всемерное развитие личностных качеств. В том числе и спортивных.

Мы говорим: спорт — модель жизни. Модель, отражающая и ее динамизм, и ее законы. Цели достигает не только одаренный и трудолюбивый. Умение предвидеть события, не вылетать из седла при круто меняющихся обстоятельствах, способность «все чувства разумом измерить», когда на это измерение судьба отпускает считанные минуты, а порой и секунды — качества, стимулируемые всем укладом жизни.

Неземные перегрузки падают на долю олимпийца и в дни подготовки к Играм и во время Игр. Но если он честно делал свое дело, если шел к цели со спокойной уверенностью бойца, не дрожал, не сгибался, сражался до конца, всего себя отдавая победе, ждет его и радость неземная.

Когда пишем: «неземная» — это близко к авиации.

* * *

Поздно ночью раздался звонок:

— Здравствуйте, говорит Пахлавуни.

— Карен Амбарцумович? Здравствуйте! Откуда вы?

— Из Москвы. Смотрю Олимпиаду.

— Не могу сказать, как рад вашему звонку. Прошу, ловите первую же машину и приезжайте ко мне.

Вряд ли живет на свете человек, к которому я мог бы обратиться с такой просьбой в столь поздний час. Мне очень хотелось повидать гостя из Еревана, но другого времени для встречи, увы, не давала Олимпиада. А разговаривал со мной пилот, которого я не видел тридцать пять лет, но которого буду помнить всю жизнь.

Когда-то я описал этот эпизод в книге. Зимой 1945—1946 года мне, одному из шестнадцати пассажиров ЛИ-2, довелось быть свидетелем того, как мастерство и самообладание командира корабля Карена Пахлавуни спасли самолет от гибели. До сих пор вижу соседа — бородача-фронтовика, начавшего истово креститься, когда самолет с зачихавшим мотором и обледенелыми крыльями стал терять высоту в непроглядной хмури, тянувшейся чуть не до земли... Помню, как неведомая сила кинула тело к потолку, а душу — в прямо противоположном направлении, к пяткам, как летели с полок вещи и как бортпроводница, изображая невозмутимость, крикнула фальцетом:

— Товарищи, спокойно, самолет ведет Пахлавуни.

Самолет, пробив мерзкое облако, перестал терять высоту. Собственно, терять ему уже было нечего. Высоты как таковой не существовало. Самолет едва не касался плоскостями линии электропередачи. Отвернул от нее чуть в сторону, должно быть, из последних сил набрал самую что ни на есть крохотную высоту и благополучно дотянул до Сталинграда.

Два человека пожали руку командиру. Трое, забрав вещи, торопливо покинули самолет, сказав, что дальше они поедут на поезде или пойдут пешком. Потом они вернулись. За исключением соседа-бородача, решившего, что с него хватит.

И вот новая встреча — в Москве, с человеком, который давно мечтал посмотреть «хоть одну олимпиаду».

Я сразу узнал его. Вот только прибавилось серебра — в волосах (увы) и на груди (а это уж не «увы»: на лацкане пиджака серебрился знак заслуженного пилота СССР).

Не допущу преувеличения, если скажу, что мой собеседник оказался и знатоком и ценителем спорта, что юношеское увлечение футболом и легкой атлетикой пронес через всю жизнь. Полагаю, что этим обстоятельством и следует прежде всего объяснить то, что

выглядит он лет на пятнадцать моложе иных своих сверстников, умудрившихся прожить в сторонке от физической культуры.

Было интересно слушать известного летчика, быть может, лучше других понимающего, что это такое — и сверхперегрузки, и сверхответственность, и способность «предвидеть ситуацию», и не терять присутствия духа при самых крутых изломах судьбы.

— Значит, так, — сказал Карен Амбарцумович, — мне кажется, что и авиация и спорт развиваются параллельными темпами, а что еще можно поставить с ними рядом — не знаю. Первые пассажирские самолетики, на которых я летал в предвоенные годы, делали чуть более ста километров в час. В послевоенные годы Ил-14 раза в три быстрее летал, но все равно, «сделать» на нем миллион километров считалось чуть ли не геройством. Лет шесть зарабатывался знак миллионера. Когда я два миллиона в пятьдесят втором налетал, торжество было... Хоть и приятно, да неудобно вспоминать. Тогда, между прочим, мы еще не умели прыгать в высоту даже на два метра. А на Олимпиаде в Хельсинки героями стали венгр Чермак, перебросивший молот «за волшебную шестидесятиметровую отметку», и американец Ричардс, прыгнувший с шестом на четыре с половиной метра.

— Если не ошибаюсь, на четыре пятьдесят пять.

— Пять сантиметров сюда, пять туда — роли не играет. Младенческая была пора — и в спорте и в авиации. К спортивным рекордам тех лет сегодня то же примерно отношение, что и к авиационным... Теперь и понятия такого нет: «летчик-миллионер», считают не на километры, а на часы, проведенные в воздухе.

— Сколько таких часов набралось у вас, Карен Амбарцумович?

— За двадцать пять тысяч.

— А в пересчете на года?

— Около трех лет.

— И за это время ни одного происшествия? А тогда, в сорок пятом?

— Происшестие — это когда авария. То был пусть неприятный, но все же эпизод. Летали без антиобледенителей. Начало падать давление масла на правом двигателе, произошел разрыв магистрали, и масло выплескивалось из двигателя в атмосферу, а надо было сбивать лед с винта изменением его шага, лопасть изгибалась, лед отлетал и бил по бортам... Мы теряли скорость. Механик зудил: «Не дотянем, командир, давай садиться». Но я знал свои возможности. И возможности машины. Много раз проигрывал подобную ситуацию в уме. Раньше. Потому что предугаданная случайность — полуслучайность. Непредугаданная — полуавария. Я действовал хладнокровно. Знал, что в кабине есть дети. Но я заставил себя забыть о них.

— Не совсем понял. Забыть о детях?

— Именно так. Я выключил их из своего сознания. Чтобы ничто, никакие эмоции не могли помешать мне принять решение — единственно верное и единственно допустимое — дотянуть до аэродрома, не внять назойливому совету механика: «Давай садиться, вон подходящая площадка»... А где была гарантия, что под снегом на

той площадке нет рва или пня? Летчик, как и спортсмен, должен знать, где и что его может подстеречь и как действовать в любой ситуации. Цена разве что не равная за просчеты. Там и здесь.

— Мне показалось, что у вас возникают сравнения с тем, что вы видите «здесь» сегодня, в Москве, на Олимпиаде.

— Конечно, возникают. Вот тот же Санеев. Слышал я, что, когда он готовился к последней своей попытке, задул встречный ветер. Переждать его не имел права, совсем немного отпущено для подготовки к прыжку. А больше у него не будет попыток. Никогда. Человек малоискушенный, не знающий, как действовать в такой ситуации, растерялся бы, точно говорю, растерялся бы и перегорел. А потом всю жизнь ссылался бы на невезение и рассказывал о нем первому встречному. А Санеев сделал только то, что должен был: исключил из своего сознания ветер, заставил себя вложить в прыжок все что мог и все что не мог. И завоевал этой своей попыткой серебряную медаль.

(В очерке Евгения Богатырева «Но есть такое слово — «выстоять», когда и выстоять нельзя», опубликованном в «Советском спорте», были такие строки: «Специалисты утверждают, что встречный ветер отнял у Санеева в последней попытке около двадцати сантиметров. Представляете, каким был бы результат при иных погодных условиях.» Я подивился спортивной просвещенности летчика К. А. Пахлавуни.)

— Или вот еще, — продолжал собеседник, — гандбол. Для того, чтобы нашей мужской команде получить право на главный матч, надо было выиграть у очень сильной югославской команды с разницей, кажется, в три мяча. Как играли! По-моему, это был один из самых красивых матчей Олимпиады вообще. Никак не удавалось выйти вперед. А ведь не запаниковали. Помните, какой был конец? Что, не видели? (собеседник посмотрел на меня сожалеючи). Э-э, надо было обязательно посмотреть. Как дьяволы играли! Душа радовалась. Казалось, югославскую защиту не пробьешь, такой силы защита была... А как контратаковали югославы, тоже было загляденье. Но все дело в том, что в этой критической ситуции, когда все на волоске висело, каждый из наших гандболистов делал свое дело мастерски. Понимаете, мастерски — это когда не дрожат коленки, а руки тем более. Выиграли как надо, по-моему, даже с разницей в пять мячей, пробились в финал.

Собеседник вздохнул, вспомнив о последней трагической секунде другого — финального матча, когда наш игрок не попал в пустые ворота.

— Если бы всем всегда во всем везло, не было бы спорта и вообще опыта не было бы и ходили бы мы наивняками чистой воды. Не надо гандбольную команду ругать, хорошая у нас команда. Пусть теперь ребята покажут, как из неудачи выбираться могут. Конечно, олимпийским чемпионам обидно с золотом расставаться. Но ведь не навсегда.

Еще очень за своего земляка переживал — Юрика Варданяна, штангиста. Ну, я вам скажу... Вот кто знает свои силы и умеет рассчитывать их до капельки. И соперников знает хорошо, они ему

не страшны. И когда смотрел на них, у него не пересыхали от волнения губы. Ничего не мог я понять, когда глядел на некоторых из наших. Вся страна за них переживала. А они с первых подходов такие веса себе заказывают, которые на грани риска... За гранью риска, как оказалось. Летчики, если прямо говорить, такие рисковые поступки не слишком чтут. Уж начинать, во всяком случае, олимпиец обязан с веса, в котором на двести процентов уверен. Тут никаких «или-или». А что получилось? Три нуля у одного, и у другого три нуля. Тут никакой ссылкой на талант, никаким «вот если бы» не оправдаешься. Новичкам — и то непростительно. А тут олимпийцы. Было досадно и за спортсменов и за тренеров. Если ты настоящий тренер (или инструктор, как в авиации), ты своих мастеров должен знать лучше, чем они знают себя, и твое слово законом должно быть. Никакой самодеятельности. Это точно.

(Тут автор хотел бы сказать от себя, что, работая инструктором, заслуженный пилот СССР К. А. Пахлавуни подготовил в войну и после войны более тридцати летчиков; сегодня они летают на многих пассажирских трассах. На всех учеников Пахлавуни за все годы — одна легкая авария без жертв, но и о ней Карен Амбарцумович вспоминает себе в укор: значит, не воспитал должного чувства ответственности.)

И снова продолжился разговор о «чувстве ситуации». И не мог не согласиться я с летчиком, что это чувство изменило и нашим баскетболистам и нашим футболистам в решающих матчах.

— Пришлось импровизировать. На тренировках надо было, на тренировках. Когда композитор импровизирует — хорошо, когда баскетболист — плохо. Ненадежно, одним словом.

* * *

В спорте человек проверяется на зуб, на прочность и на разрыв. Обрести себя в большом спорте можно, только научившись управлять своими чувствами, нервами, волей. Обрести себя в спорте дано только человеку, который хорошо знает себя. Это относится и к спортсменам. и к треперам.

В наши дни спорт вбирает в себя усилия представителей многих специальностей. Напрашивается одно сравнение. В тридцатые годы наш знаменитый конструктор космических кораблей С. П. Королев, будучи еще молодым человеком, сам сконструировал и построил самолет. Он держал в голове все характеристики будущей машины, сам выполнил все расчеты, сам сел в самолет и в первый раз поднял его в воздух.

Построить современный самолет можно лишь в тесном сотрудничестве конструкторов с баллистиками, специалистами в области аэродинамики, математиками, физиками и даже психологами.

В каждом новом спортивном рекорде — труд конструкторов современных аппаратов, инструментов и приборов, без помощи которых не определить ни физических, ни душевных сил, скрытых в спортсмене.

В мастерство одного спортсмена вкладывают свои усилия, талант, опыт, знания многие люди, о которых никогда не узнают ни

зрители, ни читатели. Представители разных профессий все больше приближаются к спорту, ибо видят в нем прекрасную модель жизни, необъятное поле для приложения своих сил и способностей.

В развитии спорта с каждым годом возрастает роль науки и техники. Появляются новые беговые дорожки, новые шесты, ракетки и даже штанги, в которых, кажется, ничего нельзя усовершенствовать. Каждый из этих новых инструментов в спорте призван помочь человеку полнее проявить свои способности.

— Что вы думаете по этому поводу? — спросили у двукратного олимпийского чемпиона Валерия Борзова.

— Роль эта действительно огромна. Нынешние результаты, достигнутые спортсменами, невозможно представить себе без тартанового спортивного покрытия легкоатлетических дорожек, электронных фиксаторов времени, применения в тренировке свето- и звуколидеров. Добрыми нашими помощниками стали киновидеозаписи. Или такой пример, тоже из области легкой атлетики. Раньше спортсмены прыгали с металлическим шестом, прочным, но тяжелым. Результаты были более чем скромные. Крепкий, легкий, гнущийся шест фибергласа сейчас выбрасывает человека высоко в небо. Удобна и новейшая спортивная обувь. Дальнейшие научные открытия и технический прогресс дадут возможность найти новые средства, методы, материалы, чтобы улучшить систему тренировок и, как следствие этого, поднять потолок рекордов.

Подбирают ключи к замкам, под которыми хранятся наши «неприкосновенные запасы», космонавты, медики, биологи, все те, кто служит спорту и спортивной науке.

Уметь — значит «ум иметь».

* * *

Спорт помогает вырабатывать ценностные установки, преодолевать отрицательные свойства человеческой натуры. Будучи замешанным, настоянном на непримиримой подчас борьбе, он учит не только достойно выигрывать, но и достойно проигрывать, даря сладость победы лишь после горечи поражения. Спорт помогает оценивать обстановку, принимать решения, познавать самого себя, чувствовать локоть товарища и понимать, как много это значит в наше время.

Здесь справедливое возвышение человека по уму, таланту и трудолюбию... А победа... Она достается не только преодолением противника — преодолением себя. «Ты жаждешь победы, я дам тебе самую главную — победи самого себя и станешь непобедимым».

Жарким потом, работой без лишнего счета завоевывается место под спортивным солнцем.

А разве можно забыть о возвышениях, переживаниях, которые дает нам спорт! Самая изощренная фантазия не позволит сочинить коллизии, которые с избытком дарит он. Их не запрограммируешь, не выдумаешь. И в этом тоже великая магнетическая сила спорта.

Ждет еще своих последователей благодарная тема: «Спорт как источник эмоций». Можно не сомневаться, появятся книги, которые на документальном материале покажут нам возвышающую красоту

и благотворность спортивных переживаний. До поздней ночи не спит страна, ожидая результата далекого матча, в котором от имени страны с командой высшего класса сражаются одиннадцать соотечественников... А заканчивается матч, и уже через несколько минут резко падает напряжение в электрической сети. Хорошо сыграют наши, — умиротворенно ложится спать страна.

Без сопереживателей, без зрителей на стадионе немыслим спорт. Но мы хотим, чтобы все больше людей пригубило из животворного его кубка, чтобы больше людей познало радости и печали его, чтобы как можно больше людей прошло его школу. Ибо он готовит к жизни, дает такой комплекс навыков, ощущений, такой заряд оптимизма, такую готовность к товариществу, которые неизбежно возвышают человека в «среде равных».

Так, как возвысили молодого рабочего из Енакиево, ставшего академиком.

* * *

Николай Прокофьевич Мельников — инженер-строитель, действительный член Академии наук СССР, лауреат Ленинской премии.

Полвека назад он делал расчет рубиновых кремлевских звезд и устанавливал их на башнях. Уже тогда молодой инженер мечтал о других высотных зданиях, которые вырастут над будущей Москвой.

Шуховская башня казалась венцом строительной техники. Но только венцом на «ту пору», в какую была построена. К звездам! Строить быстрее. Строить выше. И сильнее (надежнее, искуснее) тоже!

Академик Н. П. Мельников учил своих учеников мечтать о башнях высотой в один километр. И в четыре километра тоже.

Познакомились мы в безмятежный и ласковый августовский день восемьдесят первого года. Неподалеку лениво плескалось море, а на телеэкране шел такой же безмятежный и ленивый матч. Одна команда действовала по принципу: «лучше не забить, чем пропустить», в то время как другая — по принципу совершенно противоположному: «лучше не пропустить, чем забить». Если какой-нибудь форвард случаем оказывался на чужой штрафной площадке, к нему со всех ног устремлялись два или три защитника, в то время как полдюжины других игроков оборонявшейся команды зорко оберегали свои ворота от второго форварда, ни шатко ни валко приближавшегося к ним. Миллионов шестьдесят телезрителей дружно клевали носами, на табло стояли нули.

— Какая-то антифутбольная передача, — проговорил Николай Прокофьевич. — Или футболистов не предупредили, что их будут показывать на всю страну. Обидно за футбол.

— Сами-то играли, Николай Прокофьевич?

— Играл... Вратарем в двадцатые годы... Сперва за команду Енакиево, потом за киевский «Сокол» в нескольких матчах выступал за сборную Киева. В общей сложности лет семь.

— Иными словами, в самые лучшие годы? Недавно я прочитал

в одной дискуссии, что футбол, отнимая много времени и сил, слишком мало возмещает. Извините за нескромный вопрос. Как же вы стали академиком, отдав футболу столько лет?

— Сказать честно, такой вопрос слышу впервые... Видимо, тот участник дискуссии никогда сам не играл, поэтому и не догадывается, какая роль в жизни молодого человека принадлежит спорту.

— Я слышал, что баски делали мяч из шкур священных животных, боготворя его.

— И правильно поступали.

— Не могли бы вы, Николай Прокофьевич, рассказать о своей футбольной юности, о том, чем обязаны футболу?

— Думаю, не преувеличу, если скажу, что обязан жизнью. Реактивность вратаря помогла мне спастись во время железнодорожной катастрофы. От поезда, шедшего в гору, отцепилось полсостава и понеслось на стоявший внизу эшелон. В течение нескольких мгновений, которые были даны мне на принятие решения, я представил, как выпрыгну из окна, вылечу за насыпь и заставлю себя несколько раз перекатиться. Сумел побороть страх. И выполнил прыжок так, как задумал. Мои соседи по вагону погибли, все... его разнесло в щепы.

— Вы произнесли слово «реактивность». Какие еще слова могли бы вы поставить рядом со словом «футбол»?

— Ты вышел на футбольное поле, или беговую дорожку, или на ринг и уже одним этим заявил о себе: я смел, верю в свои силы и хочу победить. Для этого надо приглушить в себе лень и работать так на тренировках, чтобы не оказаться битым. Но всего этого недостаточно. Некоторые молодые рабочие, мои товарищи по заводу в Енакиево, выпивали. Тренер сказал: или футбол или вино. С тех пор я не взял в рот ни капли. На одном приеме Алексей Николаевич Косыгин попросил: «Николай Прокофьевич, откройте, пожалуйста, бутылку». Я ответил, что не знаю, как это делается. «Так что же, выходит, вы не пьете?» «Не пью», — ответил я. Алексей Николаевич пошутил: «Какой же вы академик?» «Я и не курю тоже». Но это вспомнилось так, между прочим. Что такое честолюбие? Это способность соразмерять свои претензии и возможности. Встречал достаточно людей, и за пределами футбольного поля, у которых первое заметно превосходило второе... Может быть, и возвышались на какой-то срок, но потом все равно рано или поздно жизнь ставила их на место. В спорте, как и в жизни, достойное место уготовлено только человеку деятельному, не боящемуся временных неудач. Очень многое зависит от того, как выходит он из поражений — ссылается ли на невезение свое, на судью, на плохую погоду или никому ничего не говорит — только себе, становится мудрее и злее, что ли, и горит желанием показать и другим и себе — себе прежде всего, что он достоин лучшей участи и совершенствуется в избранном виде спорта или профессии с бо́льшим прилежанием, чем раньше. Но тут многое и от окружения зависит, от товарищей. У нас в Енакиево было истинное спортивное товарищество... Помогали друг другу и возвышали тем самым.

— Не забываете старых друзей?

— Уехал я из Енакиево в Киев, поступил в политехнический институт. Окончил, начал работать. Много лет не был в родном городе. А когда приехал, первым делом разыскал Ивана Журавлева, центрфорварда. Прекрасный был игрок и товарищ верный. Вот уж драгоценный был характер. Как бы ни складывалась игра — всегда ровен духом, азартен, сам не вешал носа и другим не позволял этого делать. В спорте открывается характер человека: хороший становится лучше, плохой — хуже, все на виду. Не забуду матчи со сборной Горловки. У них могучий центрфорвард играл, его Хозяином звали, удар по воротам... Вся команда на него играла, он бил... Один раз метров с двадцати ударил по воротам, промахнулся, мяч выбил доску из забора. Получалось у них не все за одного, а все на одного, ну а если не ладилась у Хозяина игра, команда сникала. Иван Журавлев уступал силой удара горловскому центрфорварду, но техникой, характером превосходил его во много раз. В поте лица боролся за мяч, не вскидывал рук, когда получал неточную передачу, никогда не отвечал на грубость, понимая, что это оружие слабого и злого.

— Кого из футболистов вы ценили и цените выше других и за что?

— Очень хорошо помню Федотова, искусство его заключалось в способности предвидеть ситуацию на поле и оказаться в нужное мгновение в нужной точке. Что касается силы и точности удара... Понимаю, в наше время стала жестче опека защитников, возможности форвардов сократились, и все же Федотов и Бобров, играй они сегодня, несомненно, были бы знамениты. Помню и лучшие годы и лучшие матчи Селина, Стрельцова, Пайчадзе, Татушина, Нетто, Огонькова. Из команд всегда симпатизировал тбилисскому «Динамо», а теперь после того как оно выиграло европейский Кубок, привязался к нему еще больше. Вот уж кто действительно далек от девиза «бей-беги», который ничего, кроме дискредитации, не приносил и принести не мог. Темперамент — порох футбола. Само по себе чрезмерное проявление темперамента чту не слишком высоко, но если он сливается с мастерством, стремлением превзойти соперника классом — тогда это великое благо... Надежно играет киевское «Динамо». Больше года команда не проигрывает во внутренних чемпионатах. Но смотрю на киевлян глазами старого футболиста, одну комбинацию, вторую, пятую и спрашиваю себя: где я это уже видел? И отвечаю: у тех же киевлян. Играют солидно, уверенно, и это не может не привлекать, но как хотелось, чтобы в игре лидера было больше свежести, неожиданности — именно того, что делает футбол едва ли не главным зрелищем века.

— Сами-то спорт не забросили?

— Об этом не может быть речи. Люблю плавание. Эту радость начинаешь тем больше ценить, чем меньше возможностей получаешь принадлежать самому себе.

— Не могли бы вы в двух словах сказать, Николай Прокофьевич, о Московской олимпиаде?

— Считаю ее самым ярким проявлением человеческих стремлений к радости, миру и товариществу. Ее организация, ее уро-

вень, строгая беспристрастность судей помогли не просто выявить сильнейших атлетов современности, но и показать им все лучшее, чем одарили их природа и спорт.

* * *

Неохотно, будто пересиливая себя, буржуазная пресса вынуждена была, по мере того как нарастала Московская олимпиада, менять тон своих репортажей. Вынуждены были увеличивать количество передач западные телекомпании. Начались запоздалые сожаления, смысл которых выразила греческая газета «Месимврина»: «Стало очевидным, что те, кто не поехал в Москву, оказались не правы. Несмотря на их отсутствие, Игры завершились полным успехом как со спортивной, так и с организационной точки зрения».

«Олимпиадой совершенства» — назвала Игры влиятельная французская газета. «Такое вряд ли повторится когда-нибудь еще» — отозвалась газета итальянская. «По всем стандартам Советы организовали Московскую олимпиаду так, что им позавидовали бы многие», — заключала уже знакомая нам «Атенз ньюс».

Год Олимпиады связывают обычно с особенно активным притоком молодежи в спорт. В некоторых же странах, в Америке прежде всего, наблюдался отток из спорта. Потеряв годы интенсивной подготовки, потеряв надежды сравнить свое мастерство с мастерством лучших атлетов земли, многие известные американские спортсмены заявили об уходе.

«Нас предали», «от нас отворачиваются» — так говорили не только американские олимпийцы. Так имели основание заявлять и будущие олимпийцы. В Нью-Йорке состоялись массовые демонстрации школьников, протестовавших против решения муниципальных властей урезать спортивные программы. Десятки школ крупнейшего города США были вынуждены отказаться от услуг преподавателей физической культуры и тренеров: им нечем было платить.

«Спасите наш спорт» было написано на плакатах, которые несли юные демонстранты. Первые буквы этих слов по-английски звучали как «SOS» — сигнал бедствия.

На какие позиции в современном спортивном мире откатится Америка, если все так будет продолжаться и дальше?

Часть шестая

УРОКИ НА ЗАВТРА

ГЛАВА 1

«Человек, который мужественно приемлет удачу, не должен падать духом при неудаче». Три заступа. Звездный класс и звездный час

Любить спорт — это значит принимать близко к сердцу не только его радости, но и его горести — на их фоне ярче ощущение удач. Умение извлекать пользу из поражений — искусство не простое, до-

ступное не каждому. Но не оно ли показатель не просто спортивной — гражданской зрелости?

Английскому писателю Уильяму Теккерею принадлежит мудрое изречение: «Бывают черные дни, и человек, который мужественно приемлет удачу, не должен падать духом при неудаче; первое из двух труднее, поверьте».

Эти слова могли бы послужить эпиграфом к размышлениям о полезных уроках олимпиад. Ибо одна из замечательных особенностей игр заключается в том, что они, возводя на пьедестал сильнейших, делают их опыт, искусство, открытия достоянием для всех, показывают, в каком направлении следует вести и спортивный поиск и учебу. Они даруют мудрость и победителям и побежденным.

Неудача не страшна, если у тебя мужественное сердце и хороший заряд честолюбия.

На Играх 1952 года в Хельсинки двадцатитрехлетний советский метатель молота Михаил Кривоносов, имевший к той поре один из лучших в мире результатов, трижды в предварительных попытках переступал обод круга, и все три раза судья поднимал красный флажок. На этом для молодого минчанина Олимпиада кончилась. «Зря брали», — в сердцах проговорил один из тренеров. «И вообще я бы выступил не хуже», — отозвался другой, никогда в жизни не державший в руках молот и готовивший барьеристов. В те годы мы не умели еще относиться к поражениям спокойно, как к неизбежным издержкам соревновательной борьбы. Собирались было списать со счетов минчанина, тем более что появился одаренный метатель в Баку.

Кривоносов тренировался за двоих. А когда выпускал молот, словно бы уговаривал его: подальше, подальше от моих глаз. И тот слушался все охотнее. А потом вдруг оказалось, что главный соперник из Баку показывает хорошие результаты только на своем родном динамовском стадионе, а на других стадионах, в незнакомых городах, встречаясь с сильными соперниками, увядает, вгоняя в ипохондрию своего ничего не понимающего тренера. Повеселила эта «особенность» Михаила Кривоносова. Хоть и последовал за пятьдесят вторым один неудачный год (скорее всего, ушедший на самоосмысление), уже в следующем, пятьдесят четвертом, выиграл первое место в стране, установил мировой рекорд, стал чемпионом Европы. И еще пять раз бил мировые рекорды. И пробился на Олимпиаду в Мельбурн. И выиграл в ней серебряную медаль, лишь считанные сантиметры уступив чемпиону. Упорство, выработанное годами занятий спортом, помогло ему стать кандидатом педагогических наук, заведующим кафедрой легкой атлетики Белорусского государственного института физкультуры, автором книги «Дорога в большой спорт» и одним из тренеров сборной команды Советского Союза.

Когда-то давно я услышал эту историю «хельсинкского неудачника» из уст Гавриила Коробкова, о котором с благодарностью вспоминают и долго будут еще вспоминать многие легкоатлеты.

— Иное поражение учит куда больше, чем самая блистательная победа, — говорил Коробков. — И очень важно, чтобы все, через что

прошел, что испытал неудачник, не осталось одним только его опытом. Мы с чистым сердцем пишем о победах, об их истоках и несправедливо забываем об истоках неудач. Искусство особого свойства проследить их с самого малого ручейка. Не лениться подняться к верховьям. Усилия окупятся вдвойне. Это закон точный, не знающий исключений.

Очень современными кажутся эти слова многоопытного тренера.

Олимпиада не только проверяет, не только изучает людей, она формирует личности. Убежден, что не существует в мире спортсмена (как вообще любого деятельного честолюбивого человека), не прошедшего через вереницу поражений, огорчений, разочарований, а порой и несправедливостей. Поражения, как ни обидны бывают они порою, несут с собой поток полезных человеческих восприятий — предшественников и формирователей опыта. В особенности на первых порах, когда боец молод.

Искусство настоящего спортсмена заключается в умении и забыть и помнить неудачу.

Команда наших ватерполистов... Последние секунды матча с голландцами в Монреале. Впереди с разницей в один гол — соперник. Если разница сохранится, то наши — лауреаты крупнейших турниров — просто-напросто не попадут в финал. Готовились с особой старательностью к матчам с венграми, югославами, итальянцами... Выходит, «пропустили» голландцев. За несколько минут до конца наши получили право на четырехметровый штрафной бросок. Неудача. На последней минуте из воды был удален один из игроков Голландии. Судьба подарила почти верную возможность отыграться. Но гол особенно труднодостижим, когда он так необходим. После финального свистка судьи наши шли в раздевалку будто не по земле, а по дну — так трудно давался каждый шаг, двигались словно в воду опущенные.

В Монреале оказались за чертой восьми финалистов. Кажется, такого афронта еще не случалось. И вот Московская олимпиада. Стоит ли говорить, что готовились к ней так, как ни к одной предыдущей. Да, в спорте бывают горькие поражения. Но в спорте существует и Великая Реабилитация. Стремление к ней дает силы, о которых не догадывается тот, кто смирился с поражением, вышел из борьбы.

Слаженно, азартно, умело вели советские ватерполисты борьбу с самыми сильными противниками и с достоинством покидали водную арену.

Умение пережить поражение — один из уроков, которым учит Олимпиада.

* * *

Звание чемпиона дается не только за удачи. Оно свидетельствует о характере, жизнестойкости, способности преодолеть превратности спортивной судьбы.

В таллинской бухте Валентин Манкин, выступавший в классе «Звездный», в третий раз завоевал золотую медаль.

Звездный класс. Два эти слова без кавычек — аттестация челове-

ку, которого, случалось, подстерегали опасные шквалистые ветры не только в гонках, но и в дни подготовки к ним — на берегу. Случались и в его спортивной биографии поражения. Но, думаю, не ошибусь, если скажу, что каждое из них приносило частицу того опыта, который так помог в июльские дни 1980 года.

Хуже, когда поражения списываются по графе «случайности». Или, что чаще бывает, по другой графе — «невезение».

Вернемся к Олимпиаде зимней, в Лейк-Плэсиде.

Были победы лыжников, биатлонистов, фигуристов, которые венчали целеустремленную, современную в полном смысле слова работу спортсменов и тренеров.

Но произошло в самом конце Игр событие, воспоминание о котором вызывает горечь. Речь об игре в маленький резиновый кружочек, ошалело мечущийся по ледяной площадке. Когда тот кружочек в покое, смотреть нечего: перекинут во время игры за борт, подхватит его зритель, положит в карман, и все забыли о нем. Но когда шайба на площадке...

Неожиданно написал о хоккее (случилось это в шестьдесят седьмом, в дни венского чемпионата) один марокканский журналист, впервые увидевший игру: «Мне показалось, что человек, выходящий с клюшкой на лед, должен бегать так быстро, как спринтер, думать так быстро, как шахматист в цейтноте, переносить удары так стойко, как боксер, владеть клюшкой так искусно, как фехтовальщик шпагой, стрелять метко, как снайпер, и к тому же обязан быть таким же неутомимым, как марафонец. Я мог бы взять примеры, кажется, из всех других видов спорта, чтобы дать моим читателям представление об этой игре. Ограничусь тем, что скажу: хоккеисты одеты, как космонавты. Наше телевидение впервые транслирует хоккей. Смотрите хоккей! Наслаждайтесь!»

Спустя тринадцать лет довелось встретиться в древней столице Марокко — городе Маракеше, расположенном в Западной Сахаре, с одним почтенным администратором гостиницы, который ни разу в жизни никуда из Марокко не выезжал и который расспрашивал: «Чем занимается Тарасов?» и в самом конце: «Что случилось с вашими хоккеистами в Лейк-Плэсиде?»

Я ответил седоволосому Хабибуле на первый вопрос. На второй же не так просто было подыскать ответ.

Не всем нравится, когда комментаторы, имитируя восторг, нараспев произносят слово «Го-о-ол!» по поводу десятой или пятнадцатой шайбы, заброшенной нашими игроками в матчах с третьеразрядной командой. Голосовые связки, а заодно и эмоции следует беречь. Хотя бы для того, чтобы не садился голос во время игр, которые неудачно складываются для нас.

Не желая ни в какой мере обидеть мастеров нелегкого комментаторского дела, хотел бы задаться вопросом: а им ли одним свойственна эта привычка — много слов после любой победы и так мало — после поражения?

Матч с американцами в Лейк-Плэсиде мы не имели права проигрывать, как ни посмотри на эту встречу — хоть со спортивной хоть с любой другой точки зрения. Поплатились за обольщение пре-

дыдущими победами над командой США, за то, что не разгадали сил, нараставших в ней.

До этого хоккеисты США приезжали на наш турнир «Известий», где показали средний по всем параметрам класс. На одной из пресс-конференций у тренера американцев спросили: «На что может рассчитывать ваша команда во время Олимпиады, до которой осталось так мало времени, если сегодня она не удостоилась ни одного похвального слова?»

Тренер флегматично жевал резинку и отвечал:

— Турнир «Известий» был для нас школой. Ребята молоды, азартны, а по моим представлениям до Игр еще достаточно времени, чтобы научиться играть в современный хоккей.

За несколько дней до начала олимпийского турнира наши провели с американцами товарищеский матч на их поле и победили с крупным счетом. Казалось, «проблемы американцев» не существует.

Но когда начался решающий матч Олимпиады, выяснилось вдруг, что соперником стала команда неразгаданной силы. Ее игроки были подвижнее, неутомимей наших, шевельнулась мысль: а не нарочно ли проиграли нам за несколько дней до того, не хотели ли внушить превратное представление о своих возможностях, убаюкать и усыпить? А сегодня... навязали свою волю, свой темп, свою манеру игры. Лишили наших той уверенности, к которой они привыкли. Заставили приспосабливаться. Это всегда труднее (и неприятнее к тому же), чем задавать тон самим.

Хорошо, что поражение не привело, как это бывало в прошлом, к «оргвыводам», под которыми подразумевалось не что иное, как вывод организатора из дела. Выигрыш Кубка Канады в 1981 году — крупнейшего турнира, собравшего и профессионалов, был наградой за веру в игроков и тренеров.

* * *

Пусть золотые медали, добытые легкоатлетами и пловцами, не заслонят проблем, существующих в этих популярных видах спорта. Или избыла стайерская сила? Разве не обязывают традиции Владимира Куца и Петра Болотникова? Почему, кроме Владимира Ященко (не выступавшего в Играх, так я уже писал, из-за травмы), у нас не нашлось прыгунов в высоту, способных продолжить дело Роберта Шавлакадзе и Валерия Брумеля? Воздавая должное брассисткам, мы вправе спросить, почему до сих пор так заметно отстают наши пловчихи, выступающие вольным стилем, баттерфляем и на спине, от своих соперниц из Германской Демократической Республики? Когда подтянутся наши спринтеры-кролисты?

Эта проблема дала о себе знать два года спустя в чемпионате Европы по легкой атлетике и чемпионате мира по плаванию. В отчетах с тех состязаний то и дело повторялись слова: «Не оправдали надежд», «Были далеки от своих лучших результатов», «Не смогли показать себя в условиях острой борьбы». Но почему такое произошло и кто повинен? — ответы на эти вопросы любители спорта не получили.

Олимпиада показала, в чем мы сильны и в чем мы отстаем. Особое внимание привлекли итоги турнира боксеров.

Помню, как сокрушались наши специалисты, когда на Играх 1972 года в Мюнхене боксеры выиграли только две золотые медали. Тогда мы говорили «только». Теперь бы в пору написать «целых две медали». Потому что две следующие Олимпиады принесли нам, как об этом ни горько вспоминать, лишь одну высшую награду на ринге.

Или не было у нас Николая Королева? Валерия Попенченко, чьи бои на токийском ринге 1964 года запомнились многим любителям бокса и чье искусство было отмечено Кубком Баркера — почетнейшей наградой для боксера? Бориса Лагутина, завоевавшего на Играх 1960 года в Риме бронзовую медаль, а на двух следующих олимпиадах — медали золотые? Владимира Енгибаряна, Вячеслава Лемешева, Бориса Кузнецова?

Одна золотая медаль в весе до сорока восьми килограммов Шамиля Сабирова — это вовсе не то, на что мы имели право надеяться. Надеяться вплоть до последнего дня, когда в финал пробилось семь наших мастеров. Поблагодарим студента Краснодарского государственного института физической культуры Ш. Сабирова, поблагодарим за хороший бой со знаменитым кубинцем Т. Стивенсоном П. Заева, хоть и проигравшего, но продемонстрировавшего и технику и характер... Может гордиться серебряной медалью В. Мирошниченко, который на пути к финалу одержал четыре победы, в том числе над чемпионом мира и Олимпийских игр кубинцем Х. Эрнандесом, чемпионом Европы и мира поляком Х. Средницки, но в финальной встрече с болгарином П. Лесовым рассек бровь.

Другие же финалисты уступали противникам в мастерстве, силе и выдержке. Значит, усилий, предпринятых в дни подготовки к Олимпиаде для того, чтобы «приблизиться к кубинцам и обойти их», было недостаточно. Возможно, лучшие мастера и достигли уровня, который продемонстрировали кубинцы на предыдущей Олимпиаде, но с тех пор главные соперники на международном ринге сделали новый шаг вперед.

Существует в боксе проблема, о которой мы почему-то стесняемся говорить прямо. Заключается она в следующем. Известно, что природа наделила боксеров, входящих в состав национальной сборной Кубы, особой стойкостью и силой. Соединив эти качества с техникой и умножив их усердием, кубинцы сразу же вышли на передовые позиции в мире. В дни пребывания на Кубе довелось убедиться в необыкновенной популярности боксеров и внимании к ним. Когда ты знаешь, что на тебя смотрит страна, любое дело спорится. В городах и провинциях Кубы плодотворно работают секции бокса, над которыми шефствуют чемпионы панамериканских игр, мира и олимпиад. Встречи между командами городов, а тем более международные соревнования выливаются в праздники спорта.

Популярность бокса в нашей стране по сравнению, скажем, с пятидесятыми годами пошла на убыль. Забыты соревнования, носившие название «открытый ринг», в которых могли показать себя юноши, делавшие только первые шаги, но преисполненные желания

войти в настоящий бокс. Редки матчи между городами и республиками. А кто вспомнит настоящий международный турнир, скажем, в Москве или Ленинграде? Стоит ли говорить, как велика пропагандистская роль такого соревнования, как много мальчишеских сердец загорается стремлением походить на чемпионов!

Сейчас, если мы ставим перед собой цель опередить кубинцев, нам надо искать способных боксеров заботливо, как никогда. И работать, как никогда, истово. Потому что (и это показала Олимпиада-80) кубинцы и бьют сильнее и держатся крепче.

ГЛАВА 2

Право на реабилитацию. Шесты, ядра и шиповки. Велосипед номер десять. Допрос с пристрастием. О стимулах. Взгляд в будущее и вера в него

Знакомство с Александром Гомельским было заочным. В 1956 году, незадолго до окончания Олимпийских игр в Мельбурне, мне было поручено связаться с Австралией и взять интервью у одного из членов советской делегации. У нас был день, а в Австралии глубокая ночь. Дежурил в советской олимпийской команде Александр Гомельский. Показалось, что его скучный тон (он через силу отвечал на вопросы) был связан с тем, что звонок раздался в неурочный час. Но позже оказалось, все дело было в том, что за несколько часов до того советская сборная проиграла американцам 55 : 89. Интервью получалось вымученным, через силу.

Вскоре после возвращения делегации из Мельбурна (там баскетбольная команда СССР взяла второе место) в газетах было опубликовано немало материалов о том, что и как надо сделать для того, чтобы догнать американцев в баскетболе. Уехали с надеждой на Рим.

В Риме картина повторилась. Заскучали наши тренеры на предварительном матче американцев с японцами. Американцы дали слово на каждый полученный мяч отвечать двумя. Маленькие, юркие, довольно техничные японские баскетболисты ничего не могли противопоставить высокорослым игрокам США. Стоило кому-нибудь из тех вскинуть руки у чужого кольца, как японцы наваливались на него, получая серию наказаний и штрафных бросков. Были случаи, на руках американцев висели двое, а то и трое японцев. На площадку вышел второй состав японцев. Счет был 100 : 50, матч приближался к концу. И вдруг словно под мышками у американцев пробился к кольцу японец. Попал. Американцы огорченно всплеснули руками. И за десять секунд забросили еще два мяча. Матч закончился со счетом 104 : 52. Наши поняли, как мало у них надежд в предстоящем матче с баскетболистами США. И действительно: 57 : 81. Кто-то спросил огорченно: «Интересно, до конца века научимся ли выигрывать у американцев?»

То, чего мы ждали долго, во что верили, на что тайно надеялись, произошло в 1972 году на Играх в Мюнхене. Советская команда, с самого начала захватив инициативу, держала ее до последних

минут. Но в течение одной минуты американцы так взвинтили темп, стали так ожесточенно бороться за каждый мяч, смогли взять под такую плотную опеку советских игроков, что наша команда дрогнула. Одна неточная передача, один неточный бросок по кольцу... второй. У соперников зряшних атак и бросков не было. Счет сравнялся. Потом вышли вперед на очко американцы. Все должны были решить последние секунды, точнее — последняя.

Прочитал в одной книге о том, что, после того как Александр Белов успел-таки забросить мяч и принести победу советской команде, американцы покидали площадку молчаливые, огорченные, не понимавшие, что произошло. Так мог написать только человек, который знал о матче из чужих уст. Невообразимый скандал устроили американские тренеры и игроки, чуть не с кулаками бросались на судей, доказывая, что время матча истекло за доли секунды до того, как в их кольце оказался мяч. А наши целовали друг друга, подбрасывая друг друга в воздух. Было чему радоваться. С тех пор, как был изобретен баскетбол, кажется, еще никому не уступала первых мест на олимпиадах команда США.

В 1976 году в Монреале матча с американцами не было. Наши просто до них не дошли. Югославы переиграли нас по всем статьям.

Считалось, что встреча с югославами и будет решающей на Московской олимпиаде. Но команда Италии, неторопливо набиравшая силу, нашла точный тактический ход. Взяла под пристальное наблюдение наиболее результативных наших баскетболистов, не давала им спокойно передвигаться по площадке и, главное, спокойно бросать по кольцу. Итальянцы показали взрывную силу, умение комбинировать, выводя вперед своих высокорослых игроков. Вдохновение, импровизация взяли верх над четкой, академической и строгой игрой советской команды. Потом последовало поражение от югославов. И вот уже начали раздаваться голоса: «Не пора ли уходить Гомельскому?»

Пишу эти строки с глубоким уважением к Александру Гомельскому, потому что он лучше других тренеров-неудачников Олимпиады-80 показал, как надо выходить из проигрыша. Отлично провела в 1981 году чемпионат Европы советская сборная. Два раза обыграла югославов, обыграла с большим преимуществом остальных соперников, представ перед зрителем в новом облике. Противники искали главного игрока, чтобы прикрыть его. Но в советской сборной оказалось столько главных игроков, что глаза у чужих тренеров разбегались.

А спустя год...

Баскетбольный Кубок мира, привезенный в Москву из далекой Колумбии, показывал, что это такое доверие к тренеру, к его возможностям, к его опыту.

Есть великая скорбь в поражении, но есть и глубокая мудрость.

Мудрость проигравших. В антропологическом музее в Мехико висит картина. Она изображает ацтеков, игравших в мяч. Одно правило было у той игры: проигравшие кончали счеты с жизнью и, по верованиям, переселялись в рай. Заметьте, в рай переселялись не выигравшие, а проигравшие. Эти души кое-что повидали на зем-

ле, считались, очевидно, не лишними там, в раю, среди ближних, не обременявших себя земными заботами.

Все зависит от того, как воспринимать поражение. Один из эпизодов Олимпийских игр 1964 года в Токио: финиш марафона. Вторым на стадион выбегает японец. Но у самой императорской ложи его перегоняет третий участник. Японец берет лишь третье место, не может перенести печали и... делает себе харакири.

Есть немало людей, которые готовы после поражения делать харакири если не в прямом, то в переносном смысле этого слова.

Но есть люди, которых проигрыш одушевляет, дает запас сил, энергии, воли. А главное — цель. Такие люди и дороги спорту.

На вечере юных спортсменов Красноярска получил записку, на которую не так-то просто было ответить: «У нас в городе очень трудно приобрести спортивную форму. Скажите, почему советские спортсмены выступают в заграничной форме? Разве научиться выпускать майки труднее, чем научиться бить рекорды?»

Легкая промышленность в долгу перед физкультурниками.

В стране занимаются легкой атлетикой шесть миллионов человек, и три с половиной миллиона из них имеют спортивные разряды. Но за четыре года легкая промышленность выпустила в несколько раз меньше туфель-шиповок. А без них бегун — не бегун (в тапочках не разбежишься!), и метатель — не метатель, и прыгун — не прыгун.

Спорт предъявляет все новые и новые требования к создателям спортивного инвентаря. То, что казалось близким к совершенству на одной олимпиаде, очень часто устаревает к другой.

Наши прыгуны пользуются заграничными шестами. Каждый из них стоит немалых денег, и даже ведущему спортсмену редко удается получить в свое распоряжение два одинаковых шеста. А если «его орудие» вдруг поломается, спортсмен теряет надежду на высокое место в крупном соревновании.

На тренировках легкоатлетов приходилось видеть отечественные ядра. Но вот другой снаряд — молот, в котором ядро прикрепляется к тросу с помощью несложного приспособления уже заграничного производства. Мы производим мало хороших мячей. И мало хороших велосипедов. Хотя и не стеснялись украшать некоторые модели эмблемой Олимпиады-80.

В Тунисе автору этих строк довелось совершить на новеньком, только что с конвейера харьковского завода велосипеде прогулку из Ла-Гулеты в Карфаген. Однако на полпути, перед затяжным подъемом, я почувствовал, что с машиной творится что-то неладное. Едва перестал крутить педали, слетела цепь с шестеренки. Мои спутники посмотрели на меня без ласки: будто я был виновен в том, что путешествие, к которому так долго готовились, придется прервать. Тогда мне дали вдохновляющий совет:

— Если вы все время без перерыва будете крутить педали, цепь не слетит.

Полуторакилометровый подъем, на котором надо было без перерыва крутить педали, может быть, и не представлял какой-либо трудности для чемпиона велогонки Мира Сергея Сухорученкова, но

для меня... Все-таки дальше цепь не слетела ни разу, и я в определенном смысле благодарен харьковским велостроителям за то, что они помогли мне несколько лучше узнать свои физические возможности. В этот день мы сделали лишь тридцать два километра. Мне же показалось, что не менее ста.

Между прочим, велосипед, на котором «раскрутилась трещотка и заклинился ход колеса», был выпущен в 1979 году и имеет номер десять. До первого ремонта он благополучно прошел пять десятков километров. Не более.

А на нем красовалась олимпийская марка.

* * *

Рядом со словами «олимпиада» и «спорт» всегда стоит слово «проблема».

История олимпийских игр связана с мифами. Мифы донесли до нас имя бесстрашного Геракла, совершившего двенадцать знаменитых подвигов. Имя легконогого Фаилла, будто бы пролетевшего над скаммой — ямой для прыжков — ни много ни мало шестнадцать метров. Имя силача Бибона, поднявшего над головой одной рукой камень весом в сто сорок килограммов. Мифы, они подстегивают вооображение, вызывают желание приподнять завесу таинственности над прошлым, чтобы попытаться найти ответ на вопрос: «а могло ли это быть на самом деле?»

Но воображение подстегивают не только мифы глубокой древности.

Об одном мифе современности мы и поговорим.

* * *

В одной радиопередаче услышал:

— В нашей стране пожарно-прикладные виды спорта приобретают все большую массовость. Ими регулярно занимаются два миллиона человек. Этим и объясняются высокие результаты представителей спорта мужественных и решительных.

Два миллиона — это значит каждый сто тридцатый житель страны. Спросил себя, сколько имею друзей, прикидывал так и эдак — оказалось, девять человек. А сколько товарищей? Одной цифрой было не обойтись... но все равно для эксперимента недостаточно. Тогда начал вспоминать знакомых, подумал, их, по меньшей мере, тысяч шесть. Значит, среди них человек сорок должны «регулярно заниматься пожарно-прикладными видами спорта». Можно было начинать ненавязчивый и вместе с тем аккуратный опрос. Приезжая в новый город — в Красноярск или Вентспилс, Хабаровск или Норильск, Вильнюс или Новороссийск, я между делом интересовался, как обстоят дела с этим, ставшим мне почему-то близким видом спорта. Хоть одного приверженца его при всем старании обнаружить не удалось. Как-то я позволил себе задать этот вопрос в Баку. Сосед спросил на ухо хозяина дома:

— Послушай, этот твой новый гость случайно не того? — и едва заметно постучал указательным пальцем по лбу.

Больше в тот дом меня не приглашали.

Сказал себе: не повезло с этим подсчетом. Да бог с ним, пожарно-прикладные виды спорта, если не изменяет память, не входят в число олимпийских. Примемся за олимпийские. Например, за легкую атлетику.

Рассказывал новоназначенный председатель спортивного комитета одной из южных республик:

— Едва я принял пост, решил познакомиться с отчетами, которые подписывал мой предшественник. Аж дух захватило. Оказалось, что легкой атлетикой у нас занимается, причем занимается регулярно, девятьсот пятьдесят тысяч человек, казалось, наскреби еще каких-нибудь пятьдесят тысяч, получится внушительная цифра — миллион... Мой коллега создавал видимость абсолютной объективности. Я подумал: почему ни у одной комиссии, проверявшей в прошлые годы работу спортивной организации республики, не возникла мысль проверить правильность отчета? Мы взяли на выбор один город и один район. В первом случае число занимающихся было увеличено в отчете в три раза. Во втором — в четыре, район отдаленный, его не часто согревали визитами ревизоры, был простор для воображения. Так вот в первом же своем отчете я назвал более или менее точную цифру легкоатлетов — триста семьдесят пять тысяч.

Мой собеседник умолк и подавил вздох.

— Ну и что последовало за этим?

— Лучше не вспоминать. Кто-то решил, что я занизил цифру. Занизил для того, чтобы все увидели, с чего я был вынужден начинать, а в дальнейшем, когда ряды легкоатлетов возрастут, подивились моим организаторским способностям. Но не это была главная беда. На всесоюзной конференции (это случилось месяца через четыре) раздались гневные слова по адресу нашей солнечной республики, «в которой заметно поредели ряды легкоатлетов» и «которая не использует благоприятнейших возможностей для массового развития этого вида спорта».

Когда дошли до нас эти высказывания, мой заместитель — тертый калач, переживший не одного председателя, сказал, когда мы остались лицом к лицу:

— Или я вас не предупреждал? Напрасно не послушали меня. Надо было оставить все те цифры, которые посылал в Москву ваш предшественник. Все было бы так же, как при нем. Вам дали бы три-четыре года, по крайней мере, для спокойной работы, для вхождения, так сказать, в курс дел. А теперь что получилось? Помяните мое слово, одной только конференцией дело не ограничится.

Как в воду смотрел мой зам. Вскоре пришел приказ... о легкой атлетике. Люди, долгие годы проработавшие в комитете, говорили, что никогда раньше не было таких гневных слов о нашей республике. Обидно стало, не могу сказать как... Да только... на обиженных воду возят. Надо было принимать серьезные безотлагательные меры. Кое-чего, конечно, достигли. И все же это было так далеко от того, что выдавал за действительное мой предшественник.

— Позвольте мне задать вам один, так сказать, не совсем тактичный вопрос. Жизнь чему-нибудь научила вас? Как вы поступали в дальнейшем?

— Позвольте вам не позволить, — чистосердечно улыбнулся собеседник.

* * *

Бюро пропаганды художественной литературы, получая заявки на встречи с писателями, рассылает им путевки на выступления. На обороте путевки должно быть указано, сколько человек присутствовало на встрече. Приглашают писателей и спортивные организации. Если в зале находятся человек восемьдесят, напишут в путевке «сто двадцать». Если сто — «сто пятьдесят». А один раз в большом спортивном клубе после вечера, в котором участвовало не более двухсот юношей и девушек, в путевке проставили: «четыреста». Я несмело спросил председателя спортклуба, почему он так поступил:

— Видите, если бы не многосерийный детектив, который передают по телевидению, пришло бы не меньше пятьсот.

В конце года эти четыреста мифических слушателей войдут в общее число участников «спортивно-массовых мероприятий».

Я бы погрешил против истины, если бы написал, что подобными наивными приписками занимаются только в спортивных организациях.

За пятнадцать лет один только раз в библиотеке подмосковного города Одинцова написали на путевке честно: «во встрече участвовало тридцать два человека». Но все или почти все тридцать два человека прочитали книги, о которых шла речь на встрече, одно удовольствие было выступать в Одинцове.

Приписки... не слишком ли мы привыкли к ним?

Есть цифры, не вызывающие сомнений. Мы знаем, что в стране 328 тысяч штатных работников физической культуры и спорта. Этими тренерами подготовлены 2500 спортсменов, стартовавших на Олимпийских играх в 1952—1980 годах; 669 из них удостоены звания олимпийских чемпионов. Это наша гордость... Будет ли преувеличением сказать, что надежды на будущее спорта мы связываем с его прошлым, что пример чемпионов будет одушевлять на спортивные подвиги не одно поколение.

Но есть цифры в отчетах, вызывающие и подозрение.

В День физкультурника, воздавая должное лучшим мастерам нашего спорта, мы прочитали на страницах «Комсомольской правды» гневные слова о любителях дутых показателей:

«Одни наивно полагают, что постоянное «округление» цифр прибавит авторитета им как руководителям и организациям, которые они представляют. Другие же очковтирательством пытаются прикрыть свою организаторскую немощь.

В конечном счете дутые показатели — это зло, которое оборачивается гораздо большими потерями, чем кажется на первый взгляд. Показуха, очковтирательство — наиболее уродливые формы бюрократизма. Они убивают инициативу и творчество, ограничивают возможности людей способных и энергичных, отталкивают их от нашего дела. Более того, иные спортивные руководители, пользуясь бесконтрольностью, настолько уверовали в свои мифические по-

казатели, что уже считают исчерпанными существующие возможности и спешат направить «наверх» те или иные заявки, от решения которых-де только и зависит развитие спорта. Нередко это выражается в просьбах финансировать строительство дорогостоящих сооружений. В стране имеется достаточно много Дворцов спорта, где, к слову сказать, чаще можно услышать певцов, чем увидеть спортивные соревнования».

Эти слова сказаны председателем Спортивного комитета страны.

Зло дутых показателей, о котором говорится в статье, стремление прикрыть безынициативность, а порой — неумение и лень благополучной цифрой, давайте скажем об этом прямо, проникло в разные стороны и сферы нашей физкультурной жизни.

Мне хочется привести слова поэта, фронтовика-разведчика, выпускника военного факультета Центрального института физической культуры Владимира Карпеко. В свое время он играл вратарем в хорошей футбольной команде, а возвратясь с фронта с тяжелым ранением, нашел в себе силы добиться спортивных отличий и в баскетболе, и в волейболе, и в фехтовании. Звание мастера спорта он получил в сорок третьем.

— Володя, почему не носишь значок мастера? — спросил я его однажды.

— Носил, пока не узнал, как получил его один мой сокурсник — борец. Случилось это года через три после войны. Сказали ему: «в этих соревнованиях ты должен проиграть такому-то чисто, а такому-то — по очкам, зато в следующих соревнованиях тебе проиграют и один и второй. Ты не волнуйся, тут дело верное, расписанное наперед. К концу года все трое станете мастерами». Соблазнился, поганец. Узнал я об этой афере, подумал, увидев значок мастера у него на груди, — неужто и мне стоит его носить, пусть не в чужих глазах, в своих, стану чем-то похожим на него? Так и лежит у меня с тех пор в ящике тот значок.

В одном шашечном турнире организаторы-ловкачи применили новинку: решив по уговору вывести в мастера двух перворазрядников, участники турнира повторяли партии, сыгранные много лет назад. С первого хода до последнего. Так появились новые мастера... комбинаций с жертвой качества. И чести.

Кому нужны такие мастера? Такие показатели? Возьмем под контроль отчеты. В том числе и те, которые извещают о «повсеместном распространении спортивных игр».

* * *

Весной 1981 года в Риге, где проходил пленум Федерации спортивных журналистов СССР, ко мне подошел черноволосый человек средних лет, лицо которого показалось знакомым, и смущенно сказал:

— Вы меня, наверное, не помните. Меня зовут Мисак.

— Здравствуйте. Узнал вас. Мы познакомились с вами...

— Больше двадцати лет назад. Между прочим, бывший директор института физкультуры по-прежнему не разговаривает со мной.

История ссоры директора и журналиста была необычной.

Редактор местной спортивной газеты сказал:

— Завтра будут судить нашего молодого сотрудника. Нет, не в суде. На совместном заседании республиканской баскетбольной федерации и руководства института физкультуры. Наш сотрудник — его зовут Мисак — написал в газете об одном матче на первенство города, в котором каждая команда мечтала... о проигрыше, чтобы встретиться в полуфинале с коллективом послабее. Если бы знали, сколько гневных звонков раздалось в редакцию! Осуждали не ловчил, а журналиста, который высмеял этих ловчил. Я хотел поначалу запретить Мисаку присутствовать на разборе, но потом подумал: и ему будет полезно, да и другим тоже — посмотреть, кто кого и как защищает. Не хотели бы пойти вместе с нами послушать? Между прочим, мы уже получили первый отклик на нашу публикацию. Два уважаемых товарища письмом на бланке требовали отстранить Мисака «от баскетбольных публикаций, наносящих ущерб развитию данного вида спорта».

Заседание началось своеобразно. Ведущий спросил Мисака:

— Разве не может быть, что в пылу сражения, на последних его минутах нападающий команды СКИФ перепутал кольца и только поэтому забросил мяч в свою корзину? Вы утверждаете в своем отчете, что он сделал это три раза, а вот передо мной официальный отчет-стенограмма матча, в котором говорится, что он ошибся таким образом только дважды.

Мисак робко подал голос:

— Ваш нападающий бросал по своему кольцу четыре раза, но попал только три.

— И этого достаточно для того, чтобы дискредитировать на всю республику нашу команду? Институт, имеющий богатые традиции? Наконец, вид спорта, который пользуется все большей популярностью у подрастающего поколения? Вы не хотите отвечать? Тогда за вас это сделают другие.

«Другими» оказались тщательно подобранные и подготовленные ораторы. О, сколько стрел было направлено в журналиста! «Советский спорт» откликнулся на то «обсуждение» фельетоном «Допрос с пристрастием», который не отказала себе в удовольствии перепечатать местная газета. Результат матча, который в свое время высмеяла она, был аннулирован. Как, впрочем, и решение баскетбольной секции, осуждавшее журналиста. Вряд ли стоило сейчас, немало лет спустя, вспоминать ту полугрустную историю, если бы...

Если бы Мисак не сказал тогда в Риге:

— А время какое было, как любили баскетбол! В одном только первенстве города играло восемь клубов, по пять команд в каждой. Был интерес к баскетболу, потому-то так близко к сердцу и приняли ту нашу публикацию.

— А теперь?

— Что вы... Все это давно забытое прошедшее время. Теперь городские баскетбольные соревнования — для галочки в отчете. Претендентов — раз-два и обчелся. Ни афиш... Ни зрителей. Потому-то так и играют наши во всесоюзном турнире: низшее место в низшей лиге. Чем я это объясняю? Просто спортивные игры перестали

быть опорными, главными для нашей республики. Гимнастика — да; современное пятиборье — да, прыжки в воду с вышки — тоже. Как и борьба. А вот спортивным играм не повезло. За них местное спортивное начальство ответственности не несет. Кроме того, на Спартакиаде народов СССР один хороший прыгун с вышки может принести республике куда больше очков, чем три или четыре команды по спортивным играм.

На следующий день после беседы с Мисаком рижские коллеги пригласили на праздник баскетбола в спортивный Дворец. Там шел матч ветеранов трех Прибалтийских республик. Зал был переполнен. Посмотрели бы вы, как встречали Яниса Круминьша, прославленного мастера пятидесятых годов (он отрастил бороду и стал похож на большого доброго гнома), Ивана Лысова, сохранившего и юношескую подвижность и чисто лысовское искусство владения мячом — его финты по-прежнему неожиданны и интересны. Как встречали всех! Был трогательный ритуал представления мастеров прошлых поколений, цветы, призы лучшим игрокам. На трибунах не было ни одного свободного места. В полном составе присутствовала женская команда ТТТ, многократный чемпион СССР. У скольких мальчиков и девочек, свидетелей непоказного уважения к мастерам баскетбола, появилось желание стать похожими на них!

Баскетбол в Прибалтике относится к почитаемым видам спорта. Рига — один из его опорных пунктов. Это зафиксировано в специальном приказе. Но и без приказов ясно, какой вклад в подготовку резервов нашего баскетбола вносит небольшая Латвия и ее столица.

Приказ, постановление — не всегда подмога в деле, которое надо сдвинуть с места. Но как безотказно срабатывают они, когда надо что-нибудь прикрыть. От чего-нибудь отказаться.

Пример тому — не только город, где живет и работает Мисак.

Вскоре после Риги довелось побывать в Баку. Узнавал и не узнавал родные улицы, площади, бульвары, сколько построили, сколько реконструировали, как принарядили город! И только приметных спортивных сооружений сколько было, столько и осталось. Просто для того, чтобы пробудить воспоминания, я объездил их — первый зал «Локомотива», второй зал «Локомотива», зал «Динамо»... Безлюдье, тишь, спокойствие, и вспомнил раскаленные поединки баскетбольных и волейбольных команд, оспаривавших первенство и Кубок города и желанный баскетбольный приз — бронзовый олень — победителю пулек-минитурниров с таймами по десять минут.

Сам играл в тех турнирах — сперва за детскую, потом за юношескую команды. Благодарно вспоминаю товарищей по командам, кем только не стали. Среди них почетный летчик и инженер-лауреат, доктор филологических наук и заслуженный педагог, государственные и партийные работники, нет ни одного избравшего легонькую жизненную тропу...

Что скрывать, среди товарищей волейболистов и баскетболистов не слишком часто встречались отличники. Активные занятия спортом, что ни говори, забирают частицу того времени, которое положе-

но по всем правилам отдавать домашним заданиям. Забирают. Но зато какую компенсацию дают! Через спортивные поражения жизнь впитывается в молодого человека с юных лет маленькими капельками яда, и ему уже не так страшны последствия малых и больших жизненных столкновений (несправедливостей, подножек фортуны и т. д. и т. п.), которые выбивают, случается надолго, из колеи человека, не прошедшего школу спортивных поражений.

Далее. Разве не научил их спорт считать часы и ценить время? Разве не научил искусству товарищеского сопереживания и способности отдавать всего себя коллективной победе? Да и забуду ли я когда-нибудь своих тренеров, таких не похожих друг на друга характером, взглядами на баскетбол и так беспредельно любивших его — Сергея Кочкина, Михаила Перерву, Льва Григоряна, Сергея Савельева, Льва Перника, да продлятся их годы!

Исчез, избыл, испарился в жизни миллионного города баскетбол. Беседую с ответственным сотрудником спортивного комитета, которого помню много лет, и слышу от него:

— По плану олимпийской разверстки нам вменяется готовить резервы по борьбе (вы знаете, у нас выросли чемпионы страны, Европы и мира), мы уделяем достаточно много внимания футболу (один наш игрок включен в сборную страны), кроме того, от нас ждут пополнений в легкоатлетическую команду и в команду гребцов. Что касается баскетбола... Зрителей калачом не заманишь и на иной международный матч. Интерес к этому виду спорта заметно пал. Виновата ли разверстка? В каком-то смысле — да. Огорчает ли, что наши команды давно и надолго выбыли из высшей лиги? Конечно, прискорбно. Когда-то в городе действительно были неплохие тренеры, одни из них уехали, другие переквалифицировались. Я, например, знаю двух тренеров, которые стали школьными преподавателями. И хотя недавно вынесено серьезное постановление республиканских органов о развитии спортивных игр, в частности баскетбола, мы не ждем быстрых сдвигов. Слишком запущен баскетбол. Понадобятся годы.

Мы сузили территорию, откуда черпаем игроков в сборные команды страны, перестали искать высоких, быстрых, неутомимых и реактивных игроков там, где искали всегда. Например, в республиках Закавказья, которые в не столь отдаленные времена давали своих кандидатов (и каких!) нашим студенческим, олимпийским и другим командам. И по баскетболу. И по волейболу. Вспомним, например, имена Коркия-старшего и Коркия-младшего, Гурама Саканделидзе, Александра Петрова, Инны Рыскаль (все, что написано о баскетболе, в полной мере может быть отнесено и к волейболу), Октая Агаева.

В 1982 году:

в женской волейбольной команде страны не было ни одной представительницы республик Закавказья;

в сборной мужской волейбольной команде — ни одного представителя;

в сборной женской баскетбольной команде — ни одной представительницы;

В олимпиаде есть очень много хорошего. Но есть в ней принципы и системы оценок, которые предосудительно применять безоглядно к нашей, если так можно сказать, внутренней жизни.

Позволю цитату из статьи «С дальним прицелом» заслуженного тренера СССР Б. Юмашева, опубликованную в «Советском спорте»:

«Спортивные игры — один из самых трудных участков работы в большом спорте. На личном опыте я убедился, что эффективно руководить из председательского кресла здесь невозможно. Надо бывать на тренировках команды, сидеть с тренером на скамейке во время матчей, одним словом, знать, чем дышит не только вся команда, но и каждый ее игрок.

...К сожалению, к развитию игровых видов спорта, даже олимпийских, у нас нередко наблюдается несколько пренебрежительное отношение. Почему? При подведении итогов того или иного комплексного турнира в актив добровольного спортивного общества в игровых видах идет лишь одна медаль, хотя она и завоевана целой командой, то есть целым коллективом спортсменов. К примеру, на VII Спартакиаде народов СССР одна наша Ирина Дерюгина (художественная гимнастика) принесла спартаковскому коллективу (речь об украинском «Спартаке» — *А. К.*) 184,5 очка, легкоатлетка Мария Кульчунова — 117 очков, а вся команда гандболистов — 133,72 очка. Но ведь не секрет, что подготовка одного спортсмена высокого класса требует гораздо меньше усилий и затрат, чем подготовка команды, состоящей из группы спортсменов-личностей. Прямо скажу, подобная «бухгалтерия» многим руководителям отбивает охоту всерьез заниматься игровыми видами спорта».

Вот, оказывается, как один только непродуманный пункт из положения о спартакиаде (скопированный без долгих раздумий из правил олимпиад) может привести к затуханию работы, длившейся долгие и долгие годы в городах, областях, краях и республиках. Когда пропадают стимулы, пропадает интерес.

Думая о том, как и что надо сделать, чтобы претворить в жизнь постановление «О дальнейшем подъеме массовости физической культуры и спорта», не должны ли мы прежде всего убрать рогатки на пути к этой самой массовости?

* * *

Нам небесполезно оглядываться порой назад. Это помогает лучше представлять не только то, что мы можем сегодня, но и то, на что будем способны завтра.

Мы храним глубокое уважение к предыдущим спортивным поколениям, которые подвели нас к победе на Олимпиаде-80... И все же... Они знали и умели куда меньше современных спортсменов, на долю которых выпали и новые нагрузки и новая ответственность. С каждым четырехлетием золотая медаль добывается все труднее, ценится все выше.

Стала историей и Олимпиада-80. Она показала новые цели, подсказала пути к этим целям, она продолжает учить.

Это — свойство каждого приметного спортивного состязания.

ГЛАВА 3

В Испанию, на футбол. Теплоход «Фредерико» и его пассажиры. «Я с ней не расстанусь!» Воспоминание о встрече в клубе «Реал Мадрид». Лучший тайм. Ренат Дасаев — счастливое исключение. Как с нервами? Что значит настроить на игру?» «Кто не думает о будущем, тот не имеет его»

Футбольные чемпионаты мира проводятся раз в четыре года, в перерыве между олимпийскими играми. Правда, на свете есть немало людей, которые считают, что это олимпиады устраиваются в перерыве между мировыми футбольными турнирами, чтобы хоть как-то скрасить томительность ожидания настоящего спортивного состязания.

Футбол занимает все большее место на страницах газет, в передачах телевидения... в наших сердцах тоже. Не зря древние баски делали мяч из шкур священных животных. Он только с виду прост, как апельсин, ставший эмблемой чемпионата-82, этот мяч. Но как помогает раскрыть характер, как точно отвечает на вопрос, кто что стоит в напряженном состязании, как возвышает искусных и самоотверженных!

Мир был прикован к телевизорам весь этот месяц, как никогда. Всего шестнадцать лет прошло после лондонского чемпионата мира, где был зарегистрирован один необычный рекорд: на каждого футболиста, участника розыгрыша, приходилось 4,721 журналиста. Даже если отбросить тысячные, сотые и десятые доли, получалась внушительная цифра. В Испании же, в восемьдесят втором, на одного игрока приходилось уже более двадцати представителей «пишущей и электронной прессы». Стоит ли удивляться? Победно шествует по миру популярнейшая из игр, а объединяет федерация примерно столько же стран, сколько и Организация Объединенных Наций.

Мир футбола узнавал не только лучших своих мастеров. Мир лучше узнавал Испанию. Бесчисленное множество книг, брошюр, буклетов, фотонаборов, изданных на высоком полиграфическом уровне, было предложено гостям чемпионата. Вышла даже специальная многостраничная футбольная энциклопедия. Заново составлялись разговорники.

В одном из них встретился диалог:

«— Кому вы отдаете предпочтение?

— Командам Бразилии, Федеративной Республики Германии, Аргентины и Испании.

— А что вы думаете о команде Италии?

— Это хорошая сборная. Но я не думаю, что ей удастся показать свои лучшие качества.

— А почему?

— Она слишком экспрессивна. И близко к сердцу принимает неудачи.

— И в этом смысле вы более высоко оцениваете шансы?..

— Шансы команды Федеративной Республики Германии. Она не менее технична и более уравновешенна.

— Нам остается только дождаться конца чемпионата и посмотреть, насколько точен ваш прогноз. Мне было интересно беседовать с вами. Благодарю.

— И я вас благодарю тоже».

Гость, выучивший этот текст, должен был чувствовать себя не лишним человеком в Испании: при случае ему было о чем поговорить. Футбол был главной темой разговоров.

* * *

Вокруг небольшого возвышения в зале мадридского аэропорта, как спутник вокруг земли, крутился на транспортере одинокий чемодан. Хозяин забыл о нем. Хозяин был испанцем. Вместе с грузчиками, таможенниками и пограничниками он угрюмо наблюдал по телевизору за тем, как его команда проигрывает североирландцам. Испанская речь, больше чем какая-либо еще приспособленная для выражения полярных эмоций, оказалась вдруг малопригодной для проявления чувств, вызываемых таким матчем. Ахи, охи, стоны, всплески рук лучше всяких слов выдавали настроения наблюдателей.

— О, святая Мария, — едва слышно прошептал полицейский чин, сидевший у самой двери, — чем мы прогневали тебя, за что ты послала нам этого Сантамарию?

Похоже, что все помыслы телеаудитории были связаны с тренером испанской команды, «двойным тезкой» святой. О нас же просто-напросто забыли.

— Ребята, — флегматично посоветовал Слава Гаврилин, руководитель небольшой журналистской группы, лучше других знающий нравы и характер испанцев, — надо терпеливо дождаться конца тайма. Их от телевизора не оторвешь.

— Да, но тайм только что начался, — вздохнул один.

— Самим бы хорошо посмотреть, — отозвался второй.

— Ничего, еще насмотримся, — мудро заключил третий.

Мы ждали ровно сорок пять минут. Ни минутой больше. Или меньше.

Именно тогда, вечером двадцать пятого июня, в мадридском аэропорту и был задан новый счет каждому из восемнадцати испанских дней. Он пошел не на часы, а на таймы. Время начинало течь то удивительно медленно (тайм: обед с его взмыленными официантами; два тайма: поездка в пресс-автобусе «отель — стадион» по забитым улицам Барселоны; два тайма: блеклый матч СССР — Польша), то удивительно быстро (сорок пять минут — знакомство с «Герникой» Пикассо в филиале «Прадо», два часа пятнадцать минут — сам «Прадо»; тайм: представление «Свет и вода» у знаменитых барселонских фонтанов; два тайма: матч Италия — Бразилия; четыре тайма: матч Франция — ФРГ).

Говорят, большое лучше видится на расстоянии. В благословенно прохладные московские вечера, обращаясь к торопливым каракулям в блокноте, спрашиваешь себя: ты ли это написал: чемпионат, мол, это великая жара, великая теснота, великая усталость, ве-

ликий шум и бес-сон-ница? Не правильней ли написать, что это праздник, обогативший душу и закаливший сердца? Что он останется в памяти твоей как одно из самых ярких спортивных событий? Что в наш век всеобщих расхождений, распадов и расплывов он объединял вокруг мяча, танцевавшего звонко и возбужденно свое танго на зеленых-зеленых полях, под голубыми-голубыми небесами, миллионы, миллиарды маленьких и больших, белых и краснокожих, бесстрастных и легко возбудимых? Что он показал, как велико движение к товариществу, взаимопониманию, жизни молодых людей всех материков Земли?

И все же постараюсь с легким оттенком снисходительности к сиюминутным впечатлениям вернуться к фразе, встреченной в блокноте.

Итак, Барселона, бульвар Рамблас.

В общем-то, он мне достаточно хорошо знаком. В семьдесят девятом — восьмидесятом годах в Барселону раз пять или шесть заходил «Шота Руставели». Рамблас начинается метрах в двухстах от пристани. Это неширокий тихий тенистый бульвар. Он знаменит своими птичьими и цветочными лотками, его облюбовали художники, рисующие мелками на бетонных плитах, и художники-карикатуристы, способные в три минуты изобразить вас на ватмане. Мирные картины, покой и словно бы пропитавшая воздух взаимная предупредительность и приветливость. И я наивно обрадовался, когда узнал, что наш отель выходит фасадом на Рамблас. Догадывался примерно, как будут выглядеть трибуны стадионов, сколько будет на них шума, грома и гула. После тех представлений сможем передохнуть.

И действительно, умиротворяюще спокойной была первая ночь. А утром, пока не брызнуло еще расплавленным металлом на улицы и площади Барселоны немилосердное здешнее солнце, я вышел к морю, постоял у «Санта Марии», копии колумбовой каравеллы, поглядел на высоченный памятник знаменитому мореходу, указывающему правой рукой путь к далекому, открытому им материку, как вдруг услышал неведомо откуда, будто из стереоколонок, установленных в разных концах площади, оглушительные многоголосые выкрики: «Бра-зил — чем-пион, Бра-зил — чем-пион!» Я почему-то снова глянул на Колумба. Жест мудрого моряка как бы подсказывал мне: пойди туда, посмотри, что там, не пожалеешь.

Я обогнул здание морского вокзала, миновал вышку фуникулера и, идя на звуки, увидел хорошо знакомый по плаваниям итальянский лайнер «Фредерико». Вдоль правого его борта тянулось полотнище «Караван «Жорнал до Бразил». Оказалось, что эта издающаяся в Рио-де-Жанейро ежедневная газета, увеличившая в дни чемпионата свой обычный (80 тысяч) тираж в несколько раз, и снарядила туристский караван (с одной стороны, реклама, с другой — бизнес), зафрахтовав приписанный к Неаполю лайнер. На одной из палуб шла генеральная, судя по всему, репетиция. Трубили трубы; гремели барабаны, трещали трещотки, но, перекрывая нестройный этот аккомпанемент, неслось по бухте заветное, ожидаемое, ликующее: «Бра-зил — чем-пион!» Я разглядел на борту молодую маму

с грудным младенцем, старичка в пенсне, два или три десятка знаменосцев, размахивавших флагами в такт, и еще около сотни самых добросовестных в мире исполнителей. Их лица были одушевлены, их желания — возвышенны, их преданность родной команде — демонстративной. И на маме, и на младенце, и на старичке, на всех, на всех, были желтые майки. Желтый цвет стал главным цветом Барселоны до того самого дня, как...

Впрочем, он еще далек, «тот день», и не стоит забегать вперед.

Я стою близ «Фредерико» и говорю себе: а вдруг доживу до такого дня, когда... когда газета «Советский спорт» (тираж 4 миллиона экземпляров), войдя в контакт с «Интуристом», зафрахтует не чужеземный, а наш родной теплоход — «Карелию» или «Казахстан», «Ивана Франко» или тот же «Шота Руставели», пригласит на него истинных, живущих не только своими радостями энтузиастов физической культуры и предложит им: «Товарищи, айда на чемпионат мира!»

А то что получается иногда? В составе журналистской группы на чемпионат мира в Англию прорвался один пройдошистый малый. На финальный матч Великобритания — ФРГ он пришел с книгой «И один в поле воин» и не отрываясь читал ее. Отрывался лишь тогда, когда в сетку одних или других ворот влетали мячи: ему мешал шум.

— Ты что делаешь? Ты зачем сюда приехал? — наконец не удержался я.

— Ты, наверное, ее не читал, потому так говоришь. Очень интересная, понимаешь, книга.

На «книголюба» смотрели с оттенком сострадания и отвращения.

Научились же мы отправлять хорошо экипированные и вокально подготовленные группы любителей на хоккей. Разве мало значит поддержка трибун? Не потому ли еще с добавочным, так сказать, энтузиазмом проводят свои игры мастера клюшки? Почему же тогда в немилости такой футбол? Прилетела в Испанию группа специалистов: физкультурных работников, тренеров, сотрудников научно-исследовательских институтов. Им сам бог велит сохранять на трибунах невозмутимость. А журналистам — членам Международной федерации спортивной прессы — то же самое велит хартия. Придет минута, когда так захочется вскрикнуть:

— Встряхнитесь, ребята!

Ты наберешь полную грудь воздуха, а потом незаметно, так, чтобы никто не догадался, почему ты сделал это, выдохнешь его. Вечером бразильцы вынесут свои трубы и барабаны на бульвар Рамблас. Мы не заснем до поздней ночи. Когда же трехкратные чемпионы мира выиграют красиво, с чисто аристократической элегантностью первый матч «второго этапа», мистерия продлится до утра. После этого пассажиры теплохода «Фредерико» будут спать счастливым и безмятежным сном до самого обеда. Другие матчи их интересуют постольку поскольку. Вечер принадлежит им.

Мы же стараемся увидеть как можно больше.

Раздумчиво лиричные глинковские «Воспоминания о летней ночи в Мадриде» не слишком хорошо вязались с нашими воспомина-

ниями — во времена великого композитора миру не был известен ни футбол, каким знаем его мы, ни его страдальцы, приверженцы и поклонники, которых называют в Бразилии «торсидорес», а в Италии — «тиффози». Поначалу итальянские футбольные паломники вели себя скромно. В самом деле, на что им было рассчитывать: попала «Скуадра адзурра» в одну подгруппу с чемпионами мира аргентинцами и бразильцами, а выходила из подгруппы в полуфинал лишь одна-единственная сборная. Разум человеческий и электронный выводил в чемпионы команды в такой последовательности: Бразилия, Аргентина, ФРГ, Испания... В пресс-центре, где перед началом второго этапа журналистов попросили внести в специальную карточку свои прогнозы (победителю приз — двухнедельное путешествие по стране, давшей чемпиона), лишь два или три чудака-итальянца написали: «в финале встретятся команды Италии и ФРГ». Заполняя листки, они чуть прикрывали ладонями написанное, чтобы никто не заподозрил их в легкомыслии. И лишь один из известных мне журналистов с гордостью показал перед началом финала копию карточки, на которой действительно стояли команды Италии и ФРГ. Но, если мне не изменяет память, тот корреспондент был из Неаполя, а неаполитанцы, известно давно, любят иногда чуть прихвастнуть, иначе, мол, «мы не были бы неаполитанцами, а были бы «северянами», которые больше похожи на немцев, чем на итальянцев».

На матч Аргентина — Италия приехали часа за два до начала. Чтобы как-то скоротать время, я отправился в самый дальний конец галереи и, утонув в кресле, начал наслаждаться телевизионным репортажем с теннисного турнира в Уимблдоне. Минут через двадцать, однако, голос диктора заглушил рокот полицейских мотоциклов, начавших въезжать на площадку у неприметного, будто бы потаенного хода. Раздались звуки сирен. И тут же появилась аргентинская команда. Игроки были серьезны, сосредоточенны, не расточали ни улыбок, ни автографов, за которыми первыми потянулись мальчишки — ассистенты фоторепортеров. Коря себя за оплошность, с опозданием прибыли телерепортеры со своими камерами. Кто-то на ходу протянул к тренеру Менотти, как эскимо на палочке, микрофон с просьбой сказать пару слов. Тот отрицательно качнул головой и, будто не замечая никого, двинулся вслед за командой к раздевалке.

А потом прибыли итальянцы. Они выглядели весело! Их тренер Беарзот был похож на человека, которому предстоит пережить приятное событие. «Ручки в брючки», независимая походка, лучезарная улыбка, а при этом... при этом, даю честное слово, тренер насвистывал какую-то фривольную мелодию. Он не исполнял роль. Он был в эту минуту самим собой. Хотя, проиграй сегодня его команда, ему уже никогда не пришлось бы выводить ее на чемпионат. Итальянское терпение имеет свои, не такие дальние, как в других климатических поясах, пределы, до этих рубежей оставалась тонюсенькая полоска надежды — тренеру поражения не простили бы. А он... он насвистывал песенку, всем своим видом показывая окружающим, какое распрекрасное сегодня у него настроение.

Подумал я, грешным делом, делает хорошую мину при дурной игре. Первые три матча в подгруппе итальянцы завершили вничью. Со страниц римских, миланских, генуэзских, сицилийских и прочих и прочих газет раздавались упреки в адрес тренера и игроков — с такой-де игрой нечего рассчитывать на милость судьбы, почему взяли в команду этого, а не того, что будет делать «этот» в поединках с Кемпесом, Марадоной и Ардилесом? И футболисты и тренер терпели-терпели до поры до времени, а потом им все это надоело, и заключили они договор — бойкотировать прессу: ни одного интервью, ни одного высказывания, ни одной встречи с представителями отечественной журналистики. Вот почему стоят с опущенными микрофонами радиокомментаторы, вот почему не вынимают ручек из карманов подоспевшие к входу итальянские корреспонденты, знают — бесполезно. В чем-в чем, а в отсутствии характера Беарзота и его воспитанников не упрекнешь.

Одному из известнейших наших футболистов А. П. Старостину принадлежит выражение, ставшее крылатым: «порядок бьет класс».

Но оказалось вдруг, что есть на свете нечто, способное побить и класс и порядок, и наиболее точно выражается оно словом «страсть».

Любо-дорого (и завидно, к тому же!) было смотреть, с какой страстью проводила ответственнейший матч голубая команда. Будто с небес снизошло вдохновение. Задавал тон, показывал пример, звал за собой игрок с шестым номером на футболке — Джентиле. Это имя звучит на итальянском символом доброты и достоинства. Джентиле был по-рыцарски суров и непреклонен. И полон достоинства. Ему была поручена самая главная роль — не дать сыграть Марадоне, только при этом условии могла на что-то рассчитывать «Скуадра адзурра». Происходило то, что на тренерском языке носит название «размен». «Не сыграю сам, но не дам сыграть и тебе» — согласитесь, не самое привлекательное кредо. Но не дать сыграть такому первоклассному форварду, как Марадона, не просто, для этого самому надо быть игроком экстракласса. И Джентиле показал именно такой класс. Потом в других матчах заблистает звезда других итальянских мастеров-созидателей, в этом же героем был самоотверженный оппонент, опровергатель, разрушитель, показавший, как надо выполнять четкую, недвусмысленную тренерскую установку. Марадона, безукоризненно проведший предыдущий матч, присутствовал на поле лишь номинально. Он делал отчаянные попытки переиграть, перехитрить, перебегать своего соперника — не удавалось. Привычные связи и наигранные комбинации чемпионов мира нарушились, команда атаковала без системы, полагаясь на случай и удачу. Я был бы далек от истины, если бы написал, что во всех эпизодах борьбы Джентиле вел ее в строгом согласии с законами. Нет случалось, он нарушал их. Но я не разделяю категоричности известного обозревателя, написавшего о том, что грубость была чуть ли не единственным оружием игрока под номером шесть: «Джентиле, который был приставлен к Марадоне, без зазрения совести сбивал с ног соперника, как только чувствовал, что аргентинец может обойти его. Фактически Марадоне просто не давали играть».

С тем, что Марадоне не давали играть, спорить не пристало: факт подмечен точно. Но не найти для характеристики Джентиле других слов — это значит не заметить того, чего так недостает нашим футболистам — умения страстной и техничной игрой претворить в жизнь тактический замысел тренера.

Куда более точным и справедливым представляется высказывание вице-президента ФИФА — Международной федерации футбола В. И. Колоскова, назначенного комиссаром двух ответственнейших игр: Италия — Аргентина и Аргентина — Бразилия:

— Нарушения Джентиле носили, можно сказать, игровой характер — они происходили в борьбе за мяч, не были злостными. Во всяком случае, так определил это я.

Когда же итальянцы убедились, что с «Марадоной все в порядке, а за Джентиле можно быть спокойными», они отрядили в атакующие дивизионы дополнительные силы. И показали, как азартно и неудержимо могут пробивать путь к чужим воротам. За девять минут Тарделли и Кабрини дважды поразили их после искрометно разыгранных комбинаций.

В промежутке между этими голами произошло событие, отозвавшееся стоном в рядах почитателей аргентинской команды: их любимец, их надежда, звезда предыдущего чемпионата мира и главный бомбардир Кемпес увидел свой номер, поднятый ассистентом судьи. Это значило, что его, Кемпеса, отзывал с поля тренер Менотти. Унизительней не придумать жребия для мастера, привыкшего к славе. Увы, футбольная слава кратковременней всех прочих. Она прихотлива, но и справедлива вместе с тем, высвечивая лики лишь тех мастеров, которые обладают способностью к совершенствованию. Много звезд закатилось на этом турнире, но зато сколько ярких взошло.

В составе итальянской команды пока не бросается в глаза Росси. Он скромно и честно делает свое дело — уходит из-под опеки, ассистирует партнерам, а вот единственной возможностью поразить ворота пользуется плохо. И это дает основание тому же, скорому на приговоры обозревателю написать: «По тому, как сыграл в этом эпизоде Росси, стало ясно, что некогда лучший бомбардир итальянцев находится в плохой спортивной форме». Думаю, что уже через неделю наш автор горько пожалел об этом торопливом суждении.

За семь минут до конца матча аргентинцы получили право на штрафной. Пока судья отодвигал стенку на положенное расстояние, капитан чемпионов мира Пасарелла ударил. Судья, полуобернувшись, увидел мяч в воротах и... засчитал гол. Но неправедный этот гол настроения аргентинцам не прибавил. Чемпионы сдавали полномочия.

После матча произошел мимолетный, но надолго запомнившийся эпизод. По обычаю, игроки обеих команд начали меняться майками: второй номер со вторым, пятый с пятым, а восьмой с восьмым. Покидали поле в трусах, перекинув чужие футболки через плечо. И только Джентиле остался в итальянской форме. Но вот кто-то из аргентинцев протянул ему свою, сделав рукой недвусмысленный жест: «поменяемся, мол».

Джентиле посмотрел колко. Приложил обе руки к груди, всем своим видом говоря: нет, это моя футболка, на ней эмблема моей страны, и я с ней не расстанусь. Был ли этот жест демонстративным? Возможно. Но у меня нет никакого сомнения в том, что он был искренним. И еще более симпатичным показался мне Джентиле. Забегая вперед, скажу, что в конце чемпионата я, отвечая на анкету, предложенную пресс-центром, включил Джентиле в первую символическую сборную команду мира. И был рад, что не ошибся. Итальянский защитник действительно оказался в ней.

После матча Италия — Аргентина (а я рассказываю о нем столь подробно потому, что он оказался решающим, ключевым для определения будущего чемпиона — итальянцы поверили в себя!) стала известна любопытная деталь. Оказалось, что, готовясь к игре, Менотти чуть ли не в полном смысле посадил свою команду под усиленную стражу — никаких контактов, никаких отвлечений от мыслей о будущей игре и будущей победе. Не он первый, не он последний. Подобной «педагогической концепции» придерживались и руководители нашей сборной в семидесятом, в Мехико, перед важным матчем с командой Уругвая. Мне предоставилась тогда возможность провести день с командой. Вспоминаю постные лица футболистов и жалобы на «многосерийные футбольные сны» и тяжелую, как в плохом сне, никак не желавшую задаваться игру. Слишком много разговоров об ответственности наслушались тогда наши.

А итальянцы? Как настраивали на поединок их?

Вопреки установившимся канонам, жили они в обстановке сверхщадящего режима. Подумать только, накануне игры итальянских футболистов видели на улицах. Каждый мог распоряжаться свободным временем по своему усмотрению. Им доверяли! Давали возможность раскрепоститься так, как привык это делать каждый сам по себе. Тренер верил в свою команду, в каждого ее игрока. Команда отвечала взаимностью.

Послушаем Энцо Беарзота:

— Сила нашей команды в ее духовном единстве. Мы были компактной и объединенной группой, несмотря на всю критику в наш адрес и все сложные моменты розыгрыша Кубка мира. Какой смысл иметь двадцать две сверхзвезды, которые не в силах объединиться и вместе бороться за цель? Мы — иное дело. Конечно, если бы наши игроки конфликтовали вне поля, то они бы эти взаимоотношения перенесли и на игру. Но они были едины всюду, вот почему у нас получилась монолитная команда в этом чемпионате. И в этом вся суть.

* * *

Перед началом чемпионата были сомнения: ехать ли на первую половину его или на вторую.

Поехать на первую — значит, увидеть визуально матч в Севилье СССР — Бразилия. Согласитесь, сильно действующий стимул. Чем черт не шутит, ведь выиграла же не так давно наша команда «у них» на знаменитом стадионе «Маракана», матч был связан не помню

уж с каким юбилеем бразильского футбола, и омрачать его хозяевам поля, конечно же, не хотелось.

Мы двадцать один год (после того как выиграли в шестидесятом Кубок Европы) ждали такую команду, какую получили в восемьдесят первом. Собранно, уверенно, красиво провела игры в отборочном турнире к первенству мира, опередила сборные Чехословакии, Уэльса, Исландии и Турции, забила двадцать мячей, а пропустила всего-навсего два. Разве не стоило посмотреть на такую команду в матче с трехкратными чемпионами мира? Был и интригующий повод — наши вылетали из Москвы за день до ответственнейшей той игры. Человека, интересующегося психологией спортивного противостояния, не может не привлечь неожиданный ход, придуманный тренерами и врачами. С одной стороны, команда избавит себя от дополнительного груза переживаний, от изнуряющей жары, вступит в бой, как говорится, с места в карьер.

С другой стороны... Был большой соблазн поехать на первую половину чемпионата, посмотреть своими глазами на две других игры советской сборной с командами Шотландии и Новой Зеландии. А разве мало обещал такой, скажем, матч, как Бразилия — Шотландия? Лучше синица в руках, чем журавль в небе.

Только те рассуждения были с изъяном. А вдруг наша команда пробьется в следующий этап? Как будешь чувствовать себя, если вынужден будешь в разгар чемпионата, двадцать шестого июня, махнуть на прощанье ручкой и Мадриду и всему чемпионату?

Я самым искренним образом желаю удачи тренеру Константину Ивановичу Бескову именно на этой земле, именно в Испании. Потому что хорошо помню, что случилось здесь в один далекий день.

* * *

— На сколько дней ваша командировка в Мадрид? — спросил меня в мае 1965 года главный редактор еженедельника «Футбол» Мартын Иванович Мержанов. — На неделю? Будет много дел? А что если я предложу одну вещь? Нас очень заинтересовала бы беседа с тренером сборной Испании Хосе Вильялонга. Его команда, как вы помните, недавно обыграла нашу в финале Кубка Европы. Каковы взгляды Вильялонги на пути развития футбола вообще и европейского футбола в частности, какие школы он различает, каким и почему отдает свои симпатии? В чем видит их преимущества и недостатки? Могло бы получиться очень поучительное интервью.

Когда переводчик Фернандез передал Вильялонге по телефону мою просьбу, тот неожиданно сказал:

— Журналист из России? Перемещенное лицо? Эмигрант? Ах, прямо из Москвы? Буду рад встрече завтра в клубе «Реал Мадрид» от часу до двух.

Ровно в час у парадного подъезда, рядом с которым была прикреплена к стене крохотная, с визитную карточку, бронзовая пластинка «Клуб «Реал Мадрид» (каждому испанцу и так хорошо известен этот дом), нас встретили два пажа в темно-зеленых ливреях, расшитых золотом.

— Сеньор Вильялонга ждет вас. Но прежде, по обычаю, разре-

шите познакомить (уйдет пять-шесть минут, главный тренер знает об этом) с нашим музеем. Начнем с этого Кубка. Он завоеван сборной командой Испании, руководимой сеньором Вильялонгой в Кубке Европы 1964 года. Это тоже призы нашего клуба. Они были выиграны...

В ту пору не часто приезжали советские журналисты в Испанию, может быть, поэтому был так предупредителен Хосе Вильялонга. Он очень тепло отзывался о советской школе футбола, о сплоченности сборной команды, которая по достоинству завоевала право играть в финале самого представительного европейского турнира.

— Имея в виду любительский статус вашего футбола, это очень большое достижение, — без улыбки проговорил мой собеседник. — И большая заслуга господина Константина Бескова. Мне кажется, — задумавшись, Вильялонга покрутил в руках пепельницу, — я знаю его лучше, чем какой-либо другой тренер.

Вильялонга тяжело поднялся с места, подошел к шкафу и, сдунув пыль с двух объемистых папок, на которых было написано «Русия», заметил:

— Без этого не было бы того, — и Вильялонга показал взглядом на большой круглый стол, заваленный лишь слегка тронутыми временем письмами и телеграммами в связи с победой сборной Испании в европейском розыгрыше.

В папках было бесчисленное множество отзывов о Бескове и его команде:

— Здесь, кажется, все, что писала европейская пресса о вашем тренере и все, что писали мои помощники, выезжавшие на игры с командами Дании, Швеции и Италии, которых ваши обыграли на пути к финалу. Поэтому мне так неприятно было узнать о смещении господина Бескова с поста главного тренера. Смещать за второе место в первенстве Европы? Если бы у меня было такое право, я бы написал ему: приезжайте, давайте работать вместе.

— Сеньор Фернандез, — обратился я к переводчику, — спросите, пожалуйста, почему сеньор Вильялонга решил, что Бескова сняли. Я вылетел из Москвы совсем недавно и там ничего об этом не слышал.

— Вас опередил телеграф, — грустно улыбнулся Вильялонга, — Вчера об этом известила наша «Марка».

— Еще я хотел бы спросить, что имел в виду главный тренер Испании, когда подчеркивал любительский статус советского футбола?

— У вас — хорошо известная ответственность каждого игрока и, прежде всего, тренера перед своим клубом. У нас еще и особая ответственность клуба, футбольной ассоциации перед теми же игроками и перед теми же тренерами. Футбольная жизнь осложняется, как и жизнь вообще, и членам команды и их учителям надо давать возможность спокойно смотреть в завтра.

...Разве можно сомневаться в том, на какую половину турнира следует лететь? Ясно, на вторую.

Уже в Барселоне поймал себя на крамольной мысли: а может быть, следовало все-таки согласиться на первую... хотя бы для то-

го, чтобы на расстоянии, которое сглаживает переживания, посмотреть на матч с бельгийцами... на матч с поляками? Такие уж были это игры.

* * *

Друг привез в подарок младшему сыну заокеанскую новинку — электронный футбол. Игрушка занятная: рычажок налево — против тебя любители, рычажок направо — профессионалы. Быстро-быстро нажимая на пять клавишей, ты должен мыслью и движением предвосхитить маневры «противников», обвести одного, а то двух и трех защитников, выйти на удобную позицию и «ударить по воротам». Если ты действовал точно и сообразительно и ударил своевременно (опоздание на десятую долю секунды меняет счет на табло в пользу соперников), раздастся музыкальный привет. Для того чтобы время от времени обыгрывать любителей, достаточно двух часов упражнений. С профессионалами дело куда посложнее. Они не действуют однотипно в схожих ситуациях, перехитрить, а значит, и переиграть их довольно трудно — у них идеальная подстраховка и полное, если так можно сказать, взаимопонимание. Ярко-красные точечки на «поле» атакуют тебя, владеющего мячом, куда искуснее и решительнее, чем любители. Ты должен и мыслить и действовать в несколько раз быстрее. Одно слово — профессионалы!

На любительском уровне не часто приходится видеть такую полную самоотдачу, какую довелось увидеть на полях под раскаленным солнцем Испании.

Наш лучший тайм из всех испанских таймов был в матче с бразильцами — первый из двух. Не будет преувеличением сказать, что бразильцы крепко держали в памяти результат предыдущей, пусть товарищеской, но принципиальной встречи и заметно нервничали. Наши же играли с достойной уважения уверенностью — гол, забитый издали Балем (вратарь не удержал в руках довольно простой мяч, и тот приземлился в воротах), прибавил сил... Открывались, комбинировали и, самое главное, били по воротам.

Можно пенять на судью-разгильдяя, можно соглашаться или не соглашаться с разговорами о том, что он проводил игру с оглядкой на трехкратных чемпионов мира (после того матча судью освободили — и поделом! — от мало подходящих для него обязанностей), но правильней всего будет сказать, что во втором тайме наши задались не очень привлекательной целью — сыграть на удержание счета. Возможно, такая тактика и оправдала бы себя в матче с какой-нибудь другой командой. Но бразильцы показали, сколь наказуемо в футболе стремление к разрушению без стремления к созиданию. Скажем спасибо вратарю Дасаеву за то, что проиграли с минимальным счетом 1 : 2, отметим двух-трех защитников, исполнявших свои обязанности на пределе сил. Но что делали в это время нападающие?

Минут через десять после того, как закончился матч (смотрел я его по телевизору еще в Москве), из города Висмара, что в ГДР, позвонил мой добрый товарищ капитан теплохода «Шота Руставели» Юрий Адамович Михневич:

— Мы находимся в очитанных километрах от ФРГ, западно-германское телевидение сейчас начнет передавать пресс-конференцию, будет выступать Бесков, если хотите, послушайте, я приложу телефонную трубку к телевизору.

Раздался знакомый голос Константина Ивановича:

— Да, первым таймом удовлетворены, вторым — нет... Команда хорошо понимает свою задачу... Постараемся показать более качественную игру в матчах с командами Новой Зеландии и Шотландии и выйти во второй этап розыгрыша...

— Вы уверены, что это нашим удастся? — темпераментно спрашивает Юрий Адамович. — На месте тренеров я сделал бы первой своей задачей знаете что? Я бы постарался отучить игроков от жестикуляции и выражения недовольства друг другом, разве не понимают, что ничего не передается от человека так быстро и опасно, как раздражение?

Придет день, когда невольно вспомнятся слова капитана. Он хорошо знает, что говорит. Его экипаж, случается, проводит вдали от дома пять, семь, а то и десять месяцев, в краях, с частой сменой не только часовых поясов, но и климатических условий, море не только друг, но и враг, сколько раз подстерегали теплоход и штормы и ураганы, но каждый, повторяю, каждый член экипажа знал свое дело и делал его спокойно и уверенно. А случился на борту человек (это было уже при мне), забывший о законах морского товарищества и попробовавший было перенести свою вину на другого, так давно уже нет его на борту. В море свои нормы высвечивания, там люди открываются быстро, хороший становится лучше, плохой — хуже.

Как, впрочем, и в футболе, за которым на этот раз наблюдают ни много ни мало — два миллиарда — половина человечества.

Загорается надежда. Наши выигрывают у команды Новой Зеландии со счетом 3 : 0. Парадокс системы — второй гол, забитый Гавриловым, был равнозначен второму голу в ворота Бразилии или досрочно вбитому голу в ворота шотландцев. Те, имея худшую разность забитых и пропущенных мячей, попадали в следующий этап, лишь выиграв у наших.

Сборную СССР устраивала ничья.

Размагничивающее стремление к ничьей часто бывает бито мобилизующим стремлением к победе. Но матч заканчивается с желанным для нас счетом 2 : 2. Пройден трудный этап. Впереди второй, еще более трудный. Он требовал особой собранности, искусства отдать победе «все, что имеешь, и еще что-то сверх того».

Незадолго до вылета из Москвы я встретился с уважаемым знатоком и ценителем футбола. Он сказал:

— Не могли бы вы передать ребятам мое пожелание? Знаете, как они должны играть? Так, чтобы после каждого матча на поле выбегало десять пар санитаров с носилками.

Я недоуменно посмотрел на него.

— Надо, чтобы у них после девяноста минут игры уже не оставалось сил самостоятельно дойти до раздевалок... Я говорю о полевых игроках, вратарь, который мне нравится все больше и больше,

пожалуй, сможет и своим ходом. Носилки надо пожелать, носилки, иначе не на что будет рассчитывать! Борьба пойдет не только на грани дозволенного, но и на грани возможностей.

В литературе это называется гиперболой.

После матча с бельгийцами, однако, создалось впечатление, что нашим было под стать провести еще целый тайм, столько сэкономили сил. В особенности нападающие.

Но мы будем еще иметь возможность подробней поговорить о двух оставшихся матчах нашей сборной.

Пока же внимание и тех, кто в Барселоне, и тех, кто вдалеке от нее, привлекают итальянцы. Не элементарным ли желанием внушить веру в своих игроков и неверие — в игроков чужих вызвано заявление Беарзота, что теперь его команда будет от матча к матчу наращивать мощь игры? Ведь следующие противники — бразильцы. Бразильцам достаточно пристать к ничейной гавани в этом матче, чтобы попасть в полуфинал.

Можно ли верить в то, что они позволят «Скуадре» показать свою нарастающую мощь именно с ними?

Главный стадион Барселоны принадлежит ее футбольному клубу и вмещает до ста тысяч человек. Он современен в полном смысле слова.

Второй же стадион, носящий имя Испании, построен ни много ни мало шестьдесят лет назад и, хотя подвергся реконструкции, выглядит весьма архаично: и размерами уступает «Барселоне», а удобствами для зрителей и подавно. Достаточно сказать, что на двух трибунах из четырех, там, где места подешевле, люди оба тайма стоят впритык друг к другу под палящими лучами солнца. И завидуют, должно быть, жителям противостоящих домов, которые разместились на балконах со всеми удобствами... даже биноклей не надо — футбол виден как на ладони.

В этот вечер главный стадион города свободен. Так почему же матч сборных Бразилии и Италии проходит не на нем? Почему начинается не в девять вечера, а в пять часов дня? Почему срываются переговоры о переносе матча на «Барселону» и многие зрители так и не могут на него попасть?

Свою волю диктует телевидение. А ему, в свою очередь, рекламодатели. Телезрители помнят, очевидно, щиты в двух-трех, а то и в одном метре от кромки поля, на которые в пылу борьбы нередко налетали футболисты. Среди прочего рекламируются виски, ликеры, пиво, сигареты — все то, что в отличие от спорта не удлиняет, а сокращает жизнь. Большие деньги плачены за право установить эти транспаранты, матч будут смотреть полтора-два миллиарда — за каким еще событием в мире разом с неослабевающим интересом следит столько народа? Всесильная, всемогущая телереклама берет верх над всем прочим, в том числе над здравым смыслом. А в небе самолетики и вертолетики с длинными и короткими полотняными шлейфами: пейте, курите, покупайте!

Итальянцы говорят: посмотри на Неаполь и умри. Все равно, дескать, ничего лучше в мире не увидишь.

— Теперь до конца дней буду вспоминать матч Италия — Бра-

зилия, — говорит после игры киевский журналист, — наверное, ничего лучшего не увижу.

Когда-то Пеле заметил:

— Нам, бразильцам, могут забить столько мячей, сколько мы позволим. Мы же — столько, сколько захотим.

Кажется, с таким настроением и вышли на матч трехкратные чемпионы мира. Они были техничны. Они были красивы. Они были элегантны, наконец. Смотрел на них и вспоминал давние московские гастроли негритянского баскетбольного цирка из США, вот уж были жонглеры так жонглеры, немыслимый дриблинг, немыслимые броски по кольцу, в том числе после отскока мяча от пола. Но не только руками, а и ногами можно так же безукоризненно владеть мячом. Для этого нужна полная раскрепощенность — не только техника. Бразильцы играли раскрепощенно, будучи уверенными в своем превосходстве, «уж что-что, а ничью мы сделаем без труда... сегодня нам большего и не надо». Их пасы были выверенны и неожиданны, их комбинации искрометны. Эта команда мало чем напоминала ту, которая в 1970 году в Мехико встречалась с теми же итальянцами в финале. Тогда бразильцы взяли на вооружение рационализм, прибавили к нему строгую, исключающую риск игру в обороне и четкий, «до гола», розыгрыш мяча в атаках. Не один матч с участием Пеле довелось мне повидать, но гол, который он забил тогда в Мехико — в невероятном прыжке, головой, под самую перекладину, и все это метров с двенадцати, до сих пор перед глазами.

Тогда в финале, превосходя своих соперников по всем статьям, во всех линиях, бразильцы выиграли убедительно и навек завладели «Золотой богиней», ибо в статуте приза был пункт: команда, трижды победившая в чемпионатах мира, больше ни с кем никогда не делит его. С тех пор разыгрывается новый приз.

Сегодня бразильцам нужна ничья. Они верят в свою непогрешимость и не видят, а может быть, демонстративно не желают видеть опасность, исподволь подбирающуюся к ним.

Уже на четвертой минуте Росси оказался в позиции, о которой может только мечтать форвард. «Открывшись» в штрафной площади и в тот же момент получив безукоризненный по меткости мяч от Терделли, ударил... Но не по мячу, а по воздуху. Промахнулся непростительно. Представил я себе, как поступил бы тотчас один ваш форвард, с которым связывались особые надежды, окажись он на месте Тарделли: подбежал бы к неудачнику, развел бы руками: «что же ты?» и показал бы на виду изумленной публики, как следовало бы бить, чтобы не промахнуться. А Тарделли? Как честный работяга, он бросился назад, помогать полузащитникам, а потом и защитникам бороться против контратаки противников.

Словно в благодарность за то, что никто не заметил его провинности, словно горя желанием исправить свою промашку, Росси уже через несколько секунд снова вышел на ударную позицию и снова, получив идеальную передачу (на этот раз от Кабрини), завершил ее ударом головой. Итальянцы повели в счете. Бразильцы и бровью не повели.

Лишь на минуту изумленно затихла восточная «желтая» трибуна. Зато на противоположной трибуне буйствовали трехцветные итальянские флаги.

Вспомнилась сценка в ресторане нашего отеля за час до отъезда на матч. Бразильских туристов обслуживал немолодой, степенный, с наметанным глазом официант. Помимо этих достоинств он имел и хорошую память — встречал и провожал гостей в строгом соответствии с той «пропиной» — теми чаевыми, которые до этого получал. Всех своих клиентов он уверял в глубочайшем почтении к Бразилии и ее команде. Около половины зала занимали итальянцы. Неожиданно по их рядам пошла шляпа. Когда она закончила маршрут по замысловатой кривой, некий молодой человек выгреб из нее содержимое и, что-то шепнув на ухо тому самому официанту, застыл в ожидании. Словно кляня себя за неспособность отвратить соблазн, официант вышел к бразильским столикам и во всю мочь своих легких крикнул: «Вива Италия! Вива Беарзот!» после чего молитвенно сложил руки и обратился к бразильцам, как бы говоря: «Бывают в жизни обстоятельства, когда ты думаешь одно, а говоришь другое. Не сердитесь на меня, пожалуйста!»

«Вива Италия!» доносилось теперь волнами со стороны западной трибуны. Ровно семь минут. Семь минут, которые понадобились бразильцам для того, чтобы сравнять счет. Трехкратные чемпионы как бы говорили: нам надо было это сделать, и мы это сделали, посмотрим, на что теперь будете способны вы.

— Посмотрим, — ответил за всех тот же Росси. Этот невысокий и худощавый на вид форвард обладает редким даром предвидения. Предвидения того, как могут развернуться события на поле, когда мячом владеют свои и когда мячом владеют соперники. Вот он неторопливо отходит от чужой штрафной площадки, а сам, как воробей, видит все, что происходит у него за спиной. Должно быть, и не все зрители догадались, почему Росси сделал вдруг резкий рывок назад. Просто-напросто он почувствовал, что вот сейчас в эту секунду по всем законам бразильский защитник Леандро должен будет отдать мяч своему партнеру Луизиньо. И он бросился наперерез мячу, подхватил его и не глядя, не глядя на него, ощущая его лишь боковым зрением, отдал сам себе не сильный и не тихий пас «на выход», а именно такой, какой требовался в данной ситуации, и в самом конце рывка ударил по воротам.

Представляю, как запестрит имя Росси на страницах итальянских газет. Однажды это уже случилось — в восьмидесятом году. Это имя не сходило с тех же самых страниц. Росси — надежда Италии на близившемся чемпионате Европы — дал улестить себя дельцам, стоявшим далеко от спорта, но близко, совсем рядом — с тотализатором, имеющим многомиллиардный оборот. Несколько игр на первенство страны закончились именно с таким счетом, который видели в сладких снах комбинаторы. История раскрылась, был громкий судебный процесс, одну команду исключили из высшей лиги, кто-то сел за решетку, Росси же был дисквалифицирован на два года. Тогда, в восьмидесятом, заходя на «Руставели» в итальянские порты, не раз слышал: «На Росси можно ставить крест».

Но эти два года отлучения от футбола Росси тренировался так, как никогда раньше — и с товарищами по клубу, и с мальчишками, и один — учился делать рывки, бить по воротам с лету, обводить невидимого противника. Верил в себя. Но был человек, который верил в Росси больше: Беарзот. Тут мы имеем дело с завидным даром тренерского предвидения. Первые матчи в Испании Росси провел средне. И вот уже послышались сперва нестройные, а потом слившиеся в хор причитания обозревателей: для чего взяли Росси? Разве не лучше него сыграли бы?.. шел длинный перечень имен. Тренер слушал, да не слушался. Держал свое на уме.

Посмотрите на Росси, как он останавливает, как укрощает мяч, посланный ему издалека, — одним неуловимым движением ноги. Сколько лишних движений делают, исполняя тот же прием, наши форварды: два, три, а то и четыре... За это время успевают занять нужные места, оглядеться, сплотить ряды чужие защитники. Посмотрите, как обыгрывает Росси соперников — у него не один, а несколько любимых обманных приемов, поди догадайся, какой применит он в эту секунду. Наконец, нельзя не подивиться умению итальянского нападающего находиться в нужное мгновение в нужной точке штрафной площадки соперника, чтобы «выстрелить» по воротам не мешкая и точно. Из всех известных мне футболистов этим искусством в такой же мере владел нападающий команды ФРГ невысокий неудержимый и «нацеленный на гол» Гердт Мюллер. В свое время наши операторы, создававшие учебную футбольную фильмотеку, усердно снимали Мюллера. Но одно дело снять его с разных точек, а другое — проявить и закрепить пленку, сделать монтаж, озвучить и, наконец, размножить фильм. Один из участников той съемочной группы жаловался:

— Пока картина дойдет до зрителей, появятся новые форварды, которые затмят Мюллера и у которых учиться будет куда полезнее. И получится, что наша учебная лента начнет популяризировать, если так можно сказать, опыт передовика минувших лет. А в спорте, а в футболе свой отсчет времени, здесь куда быстрее, чем в жизни, чем, например, в искусстве, закатываются одни звезды и восходят другие.

...Давно не мытарствуют с пудовыми киноаппаратами наши спортивные наблюдатели. Росси, как и другие наиболее яркие игроки чемпионата «Испания-82», на наших видеолентах. Я бы привлек к созданию учебной ленты не только специалистов, но и журналистов и артистов, мастеров образного художественного слова. А может быть... то, что на видеолентах, дает возможность создания не только учебной ленты? С каким интересом посмотрела бы страна тщательно смонтированный фильм «Звезды мирового футбола!»

Размечтался и подумал, а кого из наших можно было бы включить в этот фильм? Без сомнения, вратаря Дасаева, по достоинству признанного вторым (после итальянца Зоффа) голкипером мира. А еще? С большой натяжкой одного-двух защитников. А из форвардов? Давайте лучше поговорим о чем-нибудь другом.

Вернемся к матчу на стадионе в Барселоне, посмотрим, как играют бразильцы после второго пропущенного гола. Их задача выра-

жается простой формулой: забить один мяч и не пропустить ни одного в свои ворота.

До чего же уверенно, до чего же самоуверенно играют они! Какую работенку вратарю соперников Зоффу задают! Зоффу сорок лет. По нашим меркам капитан итальянцев считался бы заслуженным ветераном и уже десять лет играл бы в футбол только во сне. А реакция, а броски, как у двадцатилетнего. И лишь хладнокровие, как у умудренного и закаленного футболом бойца. И умение выбрать место, найти точку, почувствовать, откуда может сверкнуть желтая молния и... стать на ее пути.

В одних газетах написали, что матч с бразильцами выиграл Росси. В других — что выиграл Зофф. Точнее было бы сказать, что выиграла вся команда, имевшая в каждой линии своих лидеров, своих опорных игроков. А вместе с ними — Росси и Зоффа.

Так или иначе, к исходу семидесятой минуты бразильцы своего добились: Фалькао, получив мяч от защитника, ударил метров с восемнадцати, ударил так, что было ясно: этот мяч не отобьет даже Зофф.

В распоряжении итальянцев осталось двадцать минут.

Одних неудача сгибает и лишает сил и веры в себя: такие игроки и такие команды как-то сами по себе выбывают из турниров и выпадают из памяти. Других неудача взнуздывает. То была двадцатиминутка восхищения не просто футболом — упорством, несгибаемостью, мастерством. Оказалось неожиданно, что темпераментная, быстрая, молодцеватая, самоуверенная, всесторонне оснащенная технически бразильская команда не так совершенна, как это можно было подумать после ее матча с аргентинцами. Все познается в сравнении. Так же неожиданно выяснилось для многих, и прежде всего для самих бразильцев, что их можно превзойти и страстью, и мастерством, и коллективным одушевлением. Но в эти двадцать минут для того, чтобы превзойти бразильцев, итальянцам надо было превзойти себя.

Они ищут обострения, смело вступают в единоборства, самоотреченно борются за каждую долю секунды, за мяч. Вспоминал футболистов, которых знаю чуточку лучше, чем итальянцев, и мысленно прикидывал: а как поступил бы один, а как поступил бы второй, а одиннадцатый? Ох, сколько возможностей, сколько приемов выхода из борьбы или имитации этой борьбы изобрели поколения «не охочих перегибаться на футбольном поле!». Итальянцы не создавали видимости борьбы, они шли на нее, шли даже тогда, когда рисковали свалиться с подбитой ногой. Как это случилось с Тарделли после розыгрыша углового. Он получил серьезнейшую травму, но за мгновение до того, как упасть, успел откинуть мяч волшебно возникшему у самых ворот Росси.

И тотчас поникли знамена и флаги на бразильской трибуне и затрепетали ликующе и победно на трибуне противоположной. Будто выключили одну стереоколонку и включили на полную мощность колонку другую.

«Теперь он наш национальный герой до конца жизни!» — кричал в микрофон итальянский комментатор, имея в виду Росси, забившего

бразильцам, самим бразильцам — три мяча. Итальянцы выходили в полуфинал. Бразильцы возвращались домой.

Через час после того, как от пирса Барселоны отчалил молчаливо и неприметно теплоход «Фредерико» с бразильскими туристами на борту, я оказался на пристани. Катер береговой службы занимался странным, на первый взгляд, делом: вылавливал буи, неожиданно появившиеся в акватории бухты. Лишь после того как катер подошел к берегу, стало ясно, с какими буями имел он дело. Это были большие, в полтора-два обхвата барабаны, которые бразильские страдатели привезли из-за океана для того, чтобы поддерживать свою команду, те барабаны, которые не давали нам спать. Я наивно подумал, наконец-то немного отдохнем по-человечески. Не мог предвидеть, что место на бульваре Рамблас займет новое пополнение — тиффози, которые приедут, приплывут и прилетят на заключительную стадию чемпионата. Следующие три дня и три ночи на бульваре можно было видеть и слышать молодых людей в одних только трусах... Тела были расписаны тремя вертикальными линиями, соответствующими цветам итальянского флага.

Торсида не могла простить своей сборной, что та лишила ее высших — финальных переживаний. Между прочим, на двенадцатое июля был назначен и расписан по минутам прием у президента в честь новых чемпионов мира, настолько велика была уверенность бразильцев в непогрешимости ее команды. Надежды оказались развеянными, прием был отменен.

Футболисты Бразилии, слывущие последние три десятилетия законодателями мод и вершителями судеб, соскучились по настоящим победам. В самом деле, после завоевания «Золотой богини» в 1970 году они не видели громких побед: на чемпионате мира в ФРГ им пришлось довольствоваться лишь четвертым местом, на турнире в Аргентине третьим, а теперь... теперь скажи об этом до начала первенства любому уважающему свое мнение любителю футбола (а кто из них свое мнение не уважает? Все знают, как надо играть в футбол и кому выходить в чемпионы), скажи, что бразильцы не попадут даже в четверку, испепелил бы вас взглядом и отвернулся бы демонстративно, давая понять, что с таким незнайкой нет у него никакого интереса якшаться.

Стало чуть грустнее от того, что покинула Берселону команда Бразилии, что все остальное произойдет уже без нее? Несомненно. Выбывать из борьбы можно по-разному. Бразильцы сделали это с достоинством. С высоко поднятыми головами покидали Испанию футболисты Алжира. Если бы существовал среди множества призов, учрежденных на чемпионате, приз «За неожиданность», его бы, без всякого сомнения, следовало присудить футболистам Алжира. Их матч с почитаемой и возносимой командой ФРГ стал едва ли не главным чудом в не такой уж короткой истории мировых чемпионатов.

Алжирская сборная показала, что может играть в современный футбол, что ее техника, ее тактическое мастерство, ее настроенность на бескомпромиссную борьбу не уступают «по всем параметрам» команде ФРГ. Пресса писала, что из миллионов спорщиков на фут-

больном тотализаторе лишь два чудака заранее обрекли команду Западной Германии на поражение в том матче. Чудачество обернулось баснословными выигрышами.

«Алжир разоблачает команду ФРГ как ложного фаворита», «С такой командой Дерваль должен возвращаться домой», — таким был отклик западногерманских газет.

— Если бы меня спросили, готовы ли вы поплатиться жизнью, если ваша команда проиграет алжирцам, я, без сомнения, ответил бы, что готов поставить две жизни за то, что этого не произойдет.

Произошло, однако!

И вспомнил я услышанное в Алжире:

— У нас хорошо известно имя советского тренера Рогова, который сумел за короткий срок передать нашим футболистам все то, что за долгие годы накопила советская футбольная школа. Команда хорошо провела отборочные игры... Увидите, как покажет она себя в Испании. Футбол всегда любили в Алжире, но сейчас он затмил своей популярностью все другие виды спорта. А будущих тренеров нам помогает готовить другой советский мастер Маркаров, тот самый, который играл в «Нефтчи» и в «Арарате», потом был тренером «Арарата», в свое время слыл лучшим бомбардиром советского футбола. Это настоящие энтузиасты, их трудолюбие, преданность футболу передаются игрокам, готовится команда так, как не готовилась никогда раньше.

Любо-дорого было смотреть, с каким одушевлением, с какой верой в свои силы, с каким демонстративным честолюбием и неуступчивостью брала верх незнакомая команда над командой, которую многие прочили в чемпионы. День шестнадцатого июня стал в Алжире днем национального ликования. Заочно чествовали игроков и очно — близких и дальних родственников игроков. В ночь на семнадцатое дошел черед до родственников дальних родственников, то было трогательное проявление чувств, и пусть кто-нибудь другой попробует с улыбкой написать об этом.

Австрийцы, которым предстоял матч с командой Алжира, хорошо запомнили урок, порой на чужих ошибках мы учимся не менее усердно и успешно, чем на своих (считалось, что сборная ФРГ поплатилась за то, что недооценила силы и возможности соперников). Мы подошли к матчу предельно мобилизованными, настроенными на трудную борьбу. Она была трудной. Она была равной. Уступили с минимальным счетом спортсмены Алжира. Это была единая дружная команда и в час торжества и в час горя. На протяжении двух этих игр ни один самый-самый маститый, ни один самый-самый искусный не сделал ни одного замечания своим партнерам, не развел руками, провожая взглядом адресованный ему, но не дошедший до него мяч, ни один не спорил с судьей и не поучал его, ни один не хватался за голову, подчеркивая промашку партнера. И никто не смотрел на бутсы (мол, они во всем виноваты!) после того, как неудачно пробил штрафной.

Писали и говорили, что это советский тренер, выведший алжирцев в финал, преподавал им уроки непоказного, но одинаково чтимого во всех землях спортивного товарищества.

У сборной Алжира оставалось много надежд на выход во второй этап чемпионата. Предстоял матч с аутсайдерами — футболистами Чили. Ни у кого не было сомнения в исходе этой игры. Но как трудно выиграть, когда это обязательно надо сделать, даже у команды, уступающей тебе почти по всем статьям. И снова показали себя бойцами футболисты из Африки. Казалось, дело сделано, четыре очка из шести — гарантия на одно из первых двух мест в группе, а значит, и на выход в следующий круг.

Мудро поступила Международная федерация футбола, приняв предложение своего президента Авеланжа допустить к финальным играм чемпионата в Испании не шестнадцать, как бывало раньше, а двадцать четыре команды. Сколько хороших неизвестных раньше сборных высветило яркое испанское солнце! Камерун, Гондурас, Кувейт делегировали спортсменов, которые, хоть и уступали в технике и тактическом мастерстве фаворитам, подчас превосходили их страстью, темпераментом, духом. Их интересно было смотреть, они запоминались!

Но система выявления двенадцати наиболее достойных из этих двадцати четырех, тех двенадцати, которым было дано повести борьбу на последующем этапе, оказалась, как бы выразиться поделикатнее, не очень хороша. И это подтвердил день двадцать пятого июня. Парадокс системы заключался в том, что в матче сборных ФРГ и Австрии счет один — ноль устраивал и победителя и... побежденного. Искусство, а вместе с ним и достоинство вышедших на поле команд приносилось в жертву простейшему расчету: сделав первые удары по мячу, обе команды уже знали конечный результат матча: счет один-ноль выводил их по лучшей разнице забитых и пропущенных мячей в предварительных играх в следующий этап, оставляя за бортом турнира сборную Алжира.

На этом матче не было аплодисментов. Не было борьбы. Была курортная игра. Когда команды достигли «нужного счета», новые, неведомые раньше футболу идеи завладели игроками противоборствующих, так сказать, команд; не дай бог случайно не забить гол. Стали перекидывать друг другу мяч в середине поля. В боксе или борьбе соперников тотчас наказали бы за «пассивное ведение поединка» и сняли бы с ринга или ковра. Но на зеленом ковре, увы, такого рода антиспортивная игра правилами не воспрещена. Команды приобретали «права», но теряли лицо.

Договорный матч — презренный матч. Где бы, на каких широтах он ни проходил. Ущерб только игре? Нет. Ущерб достоинству — прежде всего. И я хорошо понимал того полицейского чина из ФРГ (об этом написали испанские газеты), который возбудил судебное дело против тренера своей команды за то, что тот нанес урон престижу не только западногерманского футбола, но и всей страны.

Любителям спорта хорошо известно имя Константина Сергеевича Есенина, сына поэта, умеющего находить поэзию в такой, казалось бы, прозаичной сфере, как «статистика футбола». На стеллажах в его домашнем футбольном, а говоря иными словами, рабочем кабинете бесчисленное множество папок, газетных и журнальных

вырезок, справочников, в которых живая история отечественного футбола. Он непогрешимый знаток, а часто и провидец. На испанских стадионах мы часто оказывались рядом. Перед матчем с поляками за право выхода в полуфинал он говорил:

— Такого благоприятного расклада для нашей команды не было и не будет никогда. Выбыли аргентинцы, бразильцы, англичане, шотландцы, югославы. Сколько поколений наших футболистов мечтало о таком раскладе. Один только гол в ворота команды Польши, и полуфинал, а там достаточно выиграть один только матч... Интересно, понимают ли ребята, что могут увековечить свои имена? Они должны, они обязаны показать в матче с поляками свою лучшую игру.

Вздохнул. И высказал сожаление, что проводится чемпионат не в восемьдесят первом году, когда сборная СССР достигла высшей своей формы.

А теперь. Нет в команде Буряка, Кипиани и Хидиятулина. Травмы обидны всегда, но в особенности перед чемпионатом. Хидиятулин ее получил на последней секунде контрольного матча первой и вторых сборных СССР в Лужниках перед вылетом в Испанию. Это значит, что у капитана Чивадзе не будет рядом в защите партнера, к которому он уже привык и надеясь на которого совершал дальние рейды к чужим воротам, теперь вынужден будет делать это с оглядкой и с бо́льшим, чем раньше, риском.

Кто владеет серединой поля, тот владеет и игрой. В середине поля из тех, на кого привыкли полагаться, остался лишь Бессонов. Но и он выходит на игры после тяжелой травмы.

Пока все таймы, которые последовали за первым таймом с бразильцами, давались через силу. Разве что с новозеландцами сыграли более или менее уверенно. Но те на порядок, а то и два ниже классом всех других команд. Матч с шотландцами в подгруппе был драматическим. В безобидной ситуации споткнулся и не попал по «принадлежавшему ему мячу» Чивадзе, такую ошибку, случается, прощают в «домашнем розыгрыше», но не на чемпионате мира. Шотландцы перехватили мяч, забили гол, не трудно было догадаться, каким эхом отозвался он в сердце капитана. Но он же и показал, как должен вести себя настоящий спортсмен в трудной ситуации... Это он сумел забить в ворота соперников такой трудный, такой важный гол, который принес желанную ничью, а вместе с ней — продление испанской прописки.

На первой стадии чемпионата, предшествующей играм на полях Испании, отбирались две команды из пяти. Тогда наша сборная прошла турнир с самыми небольшими переживаниями... С каждым новым этапом отбор становился все более суровым. В Севилье и Малаге две команды отбирались из тех четырех, которые уже были закалены в горниле чемпионата. Прошли и этот этап. И теперь, когда отбиралась лишь одна команда из трех — Бельгии, Польши или СССР, вспоминались слова Константина Есенина: наши должны, наши обязаны показать свою лучшую игру.

Поляки выиграли у бельгийцев со счетом 3 : 0. Свой Росси появился у победителей — Бонек, форвард не только быстрый умом,

но и быстрый делом; хорошо взаимодействуя с ветераном Лятой, он пробивал в оборонительных порядках бельгийцев одну брешь за другой, и три из них высветились на электронном табло: после окончания матча на них в каждой из строчек стояла одна фамилия.

Нашим же в матче с бельгийцами надо было или не проиграть или выиграть со счетом 4 : 0. Ничья или выигрыш со скромным счетом заставляли стремиться в матче с поляками только к победе. Остановились на втором, так сказать, варианте: игра, в которой команда мечтала лишь об одном — не пропустить гола, завершилась со счетом 1 : 0. «Гол Оганесяна и больше — ничего!» — так откликнулась одна из местных газет на матч с бельгийцами. Отклик был лаконичным, обидным и справедливым.

В матче с поляками нужен был всего-навсего один лишний гол. Наши вышли на матч с пятью защитниками.

* * *

Сегодня я могу с чистым сердцем причислить к непогрешимым футбольным провидцам не только сына, но и правнука поэта Сергея Есенина двенадцатилетнего Диму Полякова. Это хороший парень, бесстрашный и искусный пловец, при мне он совершил по Черному морю несколько смелых и дальних проплывов. Когда же мы оказывались рядом на футбольной трибуне, он удивлял точностью наблюдений и характеристик. У него был свой взгляд на то, кого следует и кого не следует (и почему) брать в сборную... Не зря говорят: на что на что, а на футбол у каждого свой взгляд. Эти высказывания Димы мы оставим за пределами повествования. Но то, что я услышал от него накануне вылета нашей команды в Испанию, заслуживало внимания.

Привожу более или менее точный текст нашей беседы, состоявшейся одиннадцатого июня.

— Дима, я хотел бы знать твое мнение о том, как сыграют наши?

— Я уже много думал об этом. Понимаете, если они войдут в число двенадцати, это будет большой и неожиданный успех.

— Не мог бы ты выразиться точнее?

— Они войдут в число двенадцати, может быть, даже станут впритык с четверкой полуфиналистов, но на большее... Почему я так говорю? Посмотрите на составы клубных команд, выступающих в нашем внутреннем чемпионате. Сколько в каждой из них защитников? В два раза больше, чем нападающих. А то и в три раза, честное слово. И в команде, которая идет на первом месте, и в команде, которая на самом последнем. Это значит что?

— Гм... гм...

— Вы хотите, что-то спросить? Нет? Теперь давайте спросим себя, кто у нас в командах и кому отдаем... как это?

— Ты хочешь сказать предпочтение?

— Да. Тем, которые разбивают чужие комбинации и закрывают дорожки к собственным воротам. А это легче, чем находить пути к воротам чужим, комбинировать, атаковать...

(Прерывая текст, автор хотел бы сказать, что это Димино наблюдение вспомнилось ему через неделю после окончания испанско-

го турнира. В Киеве местные динамовцы вышли на игру со своими минскими одноклубниками — лидерами розыгрыша, имея лишь одного «чистого нападающего» Блохина. Такой, с позволения сказать, «ход» избрал чемпион страны. Что же спрашивать тогда с менее именитых команд? Чемпион проиграл, и результат был закономерным.)

— Это так, Дима, но двадцать голов, которые забила наша сборная на первой стадии розыгрыша...

— Вы же знаете, что в Испании будет совсем другое дело. Это все равно как если ты плывешь. Предположим, ушел от берега на милю, тебе легко плывется и легко дышится. Но вот думаешь, пора назад, поворачиваешь и видишь, как далеко берег, и спрашиваешь себя — зачем так далеко уплыл? А потом течение сносит. И волны, которых ты сначала не замечал. А когда последние двести метров до берега, кажется, что у тебя совсем уже сил не осталось. Последние метры всегда самые трудные. И у наших будут такие метры там, у Апеннин... простите у Пиренейских берегов.

— Но там будет плыть не один человек, а целая команда или целая эскадра, так называют свою команду итальянцы.

— У них может быть эскадра. А еще где-нибудь может быть дружина. Где все хорошо понимают друг друга.

В нашей сборной игроки нескольких команд, каждая из которых играет в свой футбол. Например, моя фамилия Бессонов. Я получил мяч. И я знаю, куда перебежит мой товарищ по динамовской команде в ту же секунду. Его еще там нет, но я знаю, что сейчас он там будет, и я посылаю мяч туда, а он уже как раз там. А если со мной будет играть мало знакомый Гаврилов или совсем незнакомый Шенгелия? И если они будут прикрыты... Вы знаете, как за ними будут там следить? Что делать? Куда пасовать? Назад? А те уже успели перестроиться, считай, что атака пропала. Бессонов играет со своими много лет. А с Гавриловым и Шенгелия только... И потом все они такие молодые.

— Разве это плохо?

— На чемпионате мира? Конечно, плохо. Самая молодая команда. Не знаю, почему мы этим хвастаемся. К таким соревнованиям надо готовиться долго и везти тех, у кого наверняка знаем ничего не задрожит. Кого сделали капитаном итальянцы, знаете? И сколько ему лет, тоже знаете? А я вот за Дасаева боюсь. Только с «Нефтчи» четыре мяча пропустил, а там будут нападающие посильнее. Правильно говорю?

Ринат Дасаев был счастливым исключением. Он показал свою способность наращивать умение. Всем вместе взятым форвардам Бразилии, Новой Зеландии, Шотландии, Бельгии и Польши удалось провести в его ворота лишь столько мячей, сколько пропустил он в том печально памятном для «Спартака» бакинском матче.

Большинство других игроков команды показало малопривлекательную способность растеривать свое умение. В матче с бельгийцами наши полузащитники отдавали безошибочные пасы лишь назад (как было не вспомнить Димино предсказание). Как только следовал такой пас, в руке одного из наших тренеров срабатывал счет-

чик, похожий на тот, каким стюардессы в самолетах быстро-быстро пересчитывают пассажиров. Эта, так сказать, передача назад засчитывалась игроку в актив: как-никак мяча не потерял. Тактико-техническое действие признавалось положительным. Невольно вспомнилось, как кто-то где-то написал, что по числу выполняемых тактико-технических действий на протяжении девяноста минут игры игроки нашей сборной сравнялись с бразильцами, что вселяет «определенные оптимистические предположения». Все зависит от того, что и как считать. И к какому общему показателю, к какому конечному результату в этих подсчетах стремиться. Желаемое принималось за действительное. Действительность оказалась суровым «опровергателем».

Зададимся теперь вопросом, насколько мобилизованными вышли на матч со сборной Польши наши футболисты? Насколько были «подготовлены к голу», полны желания отдать себя такой нужной и не столь уж, казалось бы, трудной победе. Ведь могут же наши играть — вспомним тот же первый тайм с бразильцами. А если позволить себе более далекие воспоминания...

В 1945 году, едва-едва окончилась война, советская сборная была приглашена на матчи с сильнейшими профессиональными английскими командами. Не будет преувеличением сказать, страна «припаялась» к нехитрым по тем временам радиоустройствам: жадно ловила голос Вадима Синявского, мастера нелегкого жанра футбольного репортажа... Как там наши, не упадут ли лицом в грязь, как-никак был большой военный перерыв. А радиоволны несли издалека счастливые вести и хорошее настроение. И хоть парадоксально звучало сравнение английского обозревателя: «Одиннадцати советским футболистам удалось сделать то, о чем мечтала многомиллионная армия вермахта, — захватить в плен всю Англию», разве не показали тогда наши и несгибаемый дух и волю к победе... достойно представили страну, только что придавившую ненавистного врага в его берлоге. А вскоре вышла первая послевоенная футбольная книжка, и называлась она «19 : 9» — по тому общему счету, который дали матчи с профессиональными клубами Великобритании. Сразу же стала редкостью — на день рождения дарили как лучший подарок. А я... я храню обширные и бесхитростные свои репортажи в «Бакинском рабочем», сделанные по радиопередачам Вадима Синявского. Нам всегда дорого то, что вызывает приятные воспоминания.

Умеем же мы играть? Не умеющим не даются такие призы, как Кубок обладателей европейских кубков, как Суперкубок.

Все зависит от того, как наши подготовились духом. Проверка!

* * *

Перед матчем с бельгийцами до утра не мог сомкнуть глаз Сулаквелидзе. Переживал. И раньше такое случалось.

После матча, проигранного на Олимпиаде в Москве футболистам ГДР, капитан советской команды Романцев говорил:

— Ребята все до единого жаждали победы и очень остро пе-

реживали предстоящие события. Над нами довлела огромная ответственность... А опыта участия в крупных турнирах у большинства было маловато. Вот и перегорели перед стартом. И всем нам было просто больно смотреть в глаза друг другу после проигрыша. Не уверен, что кто-нибудь из нас две ночи подряд смог сомкнуть глаза. Досада, горечь отгоняли сон.

Это высказывание капитана — о двух бессонных ночах после матча с командой ГДР и перед матчем за «олимпийскую бронзу» с командой Югославии — было приведено в прессе как пример «высокого чувства спортивного долга».

Я же думаю, что признание Романцева правильнее было бы рассматривать с другой точки зрения.

Бессонные ночи — свидетельство эмоционального перенапряжения, изъедающего уверенность в себе и в своих товарищах.

Более двух веков назад японский поэт написал:

> «Что ждет меня завтра?»—
> Всю ночь боец утомленный
> Устало бормочет во сне.

Перенапряжение перехватывает дыхание, опутывает невидимыми, но крепкими нитями ноги, дает смещенное представление о своей силе и силе противника.

За последнее десятилетие в наших учебных и научно-исследовательских институтах физической культуры и спорта защищено около двадцати кандидатских диссертаций, посвященных методике технической, тактической и психологической подготовки современного футболиста. Было бы предосудительно охаять скопом все эти работы, среди авторов их есть люди, без сомнения, глубоко познавшие суть футбола, но кто ответит на вопрос, сколько не футов, нет — миль! между теорией футбола (во всех остальных странах мира не занимаются ею так усердно, как у нас) и его практикой?

Пылятся на архивных полках диссертации типа: «Психология спортивного поединка», «Слово перед стартом», «Микроклимат содружества тренер — спортсмен».

А один из основных игроков сборной команды страны не может заснуть перед матчем с бельгийцами. Сулаквелидзе признался честно. На игру его не выставили.

Люди, которым, безусловно, следует доверять, утверждают, что перед другим, самым важным матчем с поляками мирно спал лишь один Бессонов. Но сколько его, так сказать, однофамильцев нежданно-негаданно появилось в ту ночь в команде.

Почему нежданно? Почему негаданно?

Потому что даже на уровне сборной мы знаем игроков с одной только видимой стороны — как он бегает, как бьет по неподвижно лежащему и как по летящему мячу, насколько владеет левой и насколько правой ногой. А вот как владеет нервами и вообще как владеет собой перед трудным матчем, снятся ли ему сны одушевляющие или сны кошмарные, способен ли он к лучшим или худшим проявлениям в ответственной игре... положа руку на сердце, скажем: четко мы себе этого не представляем.

Можно полагать, что после чемпионата-82 и после юношеского чемпионата мира 1983 года в Мексике (результат сборной СССР: три матча — три проигрыша) резко возрастет количество научных футбольных публикаций.

Разве не представляется актуальной тема: «Чему и как учат в многочисленных детских, детско-юношеских, юношеских и прочая и прочая школах, а также в высшей школе тренеров?» Турнир в Испании показал, что лучшие наши игроки не владеют искусством элементарного паса, остановки и обработки мяча. Из прессы: «Мяч, как правило, терялся после второй-третьей передачи, в четвертьфинальной же встрече со сборной Польши дело доходило до абсурда. В первом тайме в течение двадцати минут наши хавбеки и нападающие теряли мяч после первой же передачи (!) партнеру, хотя им никто при этом не мешал... Наши футболисты словно бы спешили освободиться от мяча, пытаясь неподготовленной передачей переложить ответственность на плечи партнера».

Вспоминая детали того четвертьфинального матча и используя терминологию небезызвестного людоведа Евгения Сазонова, постоянного автора шестнадцатой страницы «Литературной газеты», вполне можно было бы подготовить трактат: «О правилах хорошего моветона на футбольном поле». Иллюстрировать сочинение позволили бы многочисленные кадры, на которых запечатлен Блохин. Во время игры он пробовал поучать судью на поле и боковых судей, своих товарищей, соперников, даже их тренеров, откинувших попавший к ним мяч почему-то не туда, куда это хотелось Блохину. Полагаю, не ошибусь, если напишу, что все форварды всех других команд, вместе взятые, не продемонстрировали на поле такого обилия жестов, какое показал один лишь наш форвард в одной лишь игре: разводил руками, вскидывал их к небу, хватался за голову и вообще всем своим видом показывал, какая тяжкая для него провинность этот футбол. И невольно подумалось: неужели тренеры нашей команды К. Бесков, В. Лобановский и Н. Ахалкаци, зная эту привычку Блохина, не могли воздействовать на него, дать ему простой совет: на футбольном поле лучше играть ногами, чем руками. Твои жесты и реплики только нервируют и без того возбужденных товарищей по команде, да и тебя самого тоже, а просветительская работа на поле еще никогда никому не приносила ничего хорошего.

Через десять дней после того, как закончился чемпионат мира, ко мне домой позвонил старый и добрый друг:

— Здравствуйте, это Фриц Фукс.

— Какими судьбами? Надолго ли в Москву?

— Нет, проездом из Вены. В Ленинграде делают один документальный фильм, и вот разыскали меня и пригласили.

— Хорошо, расскажете обо всем не по телефону, приезжайте, жду.

Фриц Фукс человек удивительный. Австриец, коммунист, журналист, был участником венских баррикад 1934 года, эмигрировал в Советский Союз, жил в Ленинграде, ранней осенью получил предложение выехать в эвакуацию, но враг подходил к берегам Невы, и сказал Фукс примерно так:

— Ленинград — теперь и мой город, и ни я, ни моя жена никуда отсюда не уедем.

Работал он в радиокомитете. Это его голос, обращенный к немецкому солдату, звучал из осажденного города.

Вечером 6 мая 1942 года Фрица Фукса попросили перевести и записать на шоринофон одно необычное сообщение. На листке оберточной бумаги было набросано несколько фраз. Фукс подошел к машинке и быстро отстукал текст. Потом перешел в другую комнату и подсел к звукозаписывающему аппарату:

— Здесь Ленинград, здесь Ленинград. Передаем новости спортивной жизни. Сегодня у нас был футбольный матч. Команда «Динамо» — участник предвоенных чемпионатов — встречалась с командой энской части. Матч собрал немало зрителей и начался атаками динамовцев, многие из которых пришли и приехали на игру из прифронтовых частей...

Плыли над затемненным городом, измученным блокадой и голодом, плыли над фронтом, над фашистскими окопами слова:

— Здесь Ленинград, здесь Ленинград... Сегодня у нас был футбольный матч.

Около трех лет я собирал материалы для документальной повести «Тот длинный тайм», посвященной матчу в блокадном Ленинграде. Благодарю друга Виктора Набутова: он и его товарищи помогали мне восстановить подробности необычного того состязания, разыскать его участников. Известный ленинградский радиожурналист Лазарь Маграчев вспомнил о Фрице Фуксе и посетовал, что он дальше всех — живет в Вене, работает переводчиком в издающейся АПН газете «Зовьетюнион хойте». В 1967 году в Вене проходил хоккейный чемпионат мира, мы с Набутовым выехали в Австрию, Виктор привез Фуксу записанное на магнитофонную ленту письмо от Лазаря Маграчева. На следующий день, после того как наша команда стала чемпионом, мы пригласили Фрица Фукса к себе в гости. Выпили по бокалу за победу. А потом Набутов включил свой репортерский диктофон с письмом ленинградского журналиста:

«Мы помним вас, наш старый и верный друг Фриц Фукс. И люди, с которыми вы провели все дни блокады в радиокомитете, шлют вам слова сердечного привета».

Письмо уносило далеко-далеко от тихого и уютного отеля «Стефани» в заснеженный, окруженный, но не сломленный Ленинград сорок второго года. Фриц Фукс слушал. И глаза его, большие, добрые и умные глаза, лучше всего говорили, что испытывает, что вспоминает в эту минуту старый коммунист, честно деливший с ленинградцами все тяготы блокады и честно делавший то, к чему призывал его интернациональный долг.

— Мне много лет, — говорил Фукс, — но дни ленинградской блокады вошли в мою жизнь как самое большое и главное событие. Я счастлив, что жизнь позволила мне послужить городу, который дал миру Октябрьскую революцию. Я знал, что наши передачи забивались фашистской радиослужбой, но знал также, что многие слова доходят до немецкого солдата, который и мерзнет и мокнет в окопе, не знает за что, во имя чего бессмысленно убивает русских...

пока не убьют его. Мы должны были внушить неприятелю мысль, что Ленинград полон веры в победу, что ни голод, ни бомбардировки, ни жертвы не сломили его дух.

Набутов включил магнитофон, чтобы записать речь австрийского друга, понимал, какую необыкновенную радиопередачу мог подготовить для своего — ленинградского радио. Но совершенно неожиданно старый друг журналиста магнитофон превратился в назойливо неприятного участника беседы, сковывал, придавал неестественные оттенки голосу и направлял разговор в русло традиционно-привычного интервью. Я посмотрел на Виктора. Он понял меня, вздохнул и выключил аппарат.

— А тот футбольный матч, который сыграли весной сорок второго года динамовцы... он тоже очень хорошо говорил, что есть мужество и воля советского человека. Надо, чтобы молодые советские спортсмены черпали у старших своих братьев примеры того мужества.

О встречах с Фрицем Фуксом я рассказал в газете. Вскоре его пригласил Ленинград. Фукс не был в СССР двадцать два года. Когда же после возвращения из Ленинграда он остановился в Москве, я поразился переменам, происшедшим с ним: помолодел, повеселел, сказал, что был счастлив встретить многих своих старых друзей.

А теперь, в июле 1982 года, он ехал в ставший ему родным город на Неве по очень приятному делу: известный советский режиссер Е. Ю. Учитель снимает документальный фильм, который называется «Фриц Фукс в Ленинграде». Так мы снова встретились в Москве. О чем шел разговор? Конечно, и о только что закончившемся чемпионате мира по футболу тоже. Фукс сказал, что посмотрел все наиболее интересные матчи, составил себе на целый месяц особое телерасписание, «убрав с вечеров все не слишком важные дела».

— Огорчили меня наши, — сказал он.

— Вы имееет в виду матч австрийцев с командой Федеративной Республики Германии?

— Нет, — ответил он, — нашими я по старой привычке называю советских футболистов тоже. А говорю о матче в четвертьфинале, когда был нужен гол. Мне никто не может ответить на этот вопрос, куда делся дух, который всегда помогал советским командам в трудных соревнованиях?

Был у меня в тот вечер еще один гость — представитель Союза обществ дружбы СССР в Испании профессор Венедикт Степанович Виноградов. Он и сказал:

— Между прочим, этим вопросом задавались и испанские газеты. Вроде бы опытные наставники у нашей команды — Бесков, Лобановский, Ахалкаци, да и помощников у них было немало; объяснить вялую игру жарой, усталостью, я думаю, несерьезно. Я ездил в Севилью на начало, видел, как играли наши, весь стадион симпатизировал им, сами испанцы — прежде всего: верили в свою команду и очень желали поражения сильным бразильцам. Первый тайм под аплодисменты проходил, наши показали, на что способны. Испания сразу же отвернулась от своего соотечественника судьи Кастильо, который провел матч с такими же ошибками, как наш Ступар матч

Франция — Кувейт. Ведь забили-то нам гол бразильцы в самом конце...

— А до этого гола очень достойно выглядела советская команда, — поддержал Фукс. — Но посмотрите, что получилось: в то время как некоторые дружины от игры к игре наращивали свою мощь и еще, я бы сказал, расширяли зону взаимопонимания, советские футболисты эту мощь постепенно теряли и понимали друг друга все хуже... Говорите, некоторые не спали ночью? Зато спали днем во время игры. Куда подевались Гаврилов, Шенгелия, Блохин? Куда провалились? Неужели не могли вы найти?.. — Фриц Фукс досадливо махнул рукой.

— Между прочим, я тоже ленинградец, — сказал Виноградов, — и тоже провел всю блокаду... из двадцати ребят, которые учились со мной в классе, выжило четверо... В школе на завтрак давали суп из клея, в котором плавало несколько хвойных иголок. Но хорошо помню дух. Веру в то, что перенесем все, выстоим, победим.

— А если вспомнить тот же футбольный матч 6 мая 1942 года... Футболистам, для того чтобы они смогли продержаться на поле два тайма... так и решили — сыграем два не укороченных, а полных тайма... дали перед началом по сто граммов клюквенного киселя.

И потекли воспоминания двух ленинградцев. Другие гости молчали. А у меня в ушах звучали слова Фрица Фукса: «Я узнавал и не узнавал нашу команду в том четвертьфинальном матче... Куда девался дух?» В устах такого человека, как Фриц Фукс, эти слова, переносившие в Испанию, в июль 1982 года, приобретали особо суровую оценку.

* * *

Я хотел бы уметь в трудную минуту молчать так, как молчит Нодар Ахалкаци, и разговаривать так, как разговаривает Константин Бесков. На пресс-конференции сразу же после окончания матча Польша — СССР Бесков говорил спокойно. Его спросили:

— Чем вы можете объяснить консервативную систему и безвольную игру ваших футболистов?

— Каждая команда показывает такую игру, какую может показать. Цель нашей сборной сводилась к простому: не пропустить гола и забить гол. С первой задачей справились... Но как могли справиться со второй, если на протяжении всего матча наши форварды ни разу не ударили по воротам? Воздаю должное польской сборной, игравшей с хорошим волевым зарядом. Она сумела не только нейтрализовать наших нападающих, но и пресечь попытки защитников совершать длинные рейды... После двух-трех таких попыток, завершившихся потерей мяча, у советских ворот создавались угрожающие моменты... С такой игрой наши не могли рассчитывать на успех.

— Что бы вы могли сказать о странной игре Блохина, о постоянных замечаниях, которые он делал партнерам?

— К сожалению, это часто бывает: молодой футболист больше играет, а опытный футболист больше разговаривает вместо того, чтобы играть. Не всегда просто отучить такого игрока от его привы-

чек. Мол, делали попытки переучить, но вы сами видели, насколько оказались они плодотворными.

Бесков сделал своими помощниками Лобановского и Ахалкаци, преследуя вполне определенную цель: эти тренеры лучше, чем кто-нибудь другой, знают характер, наклонности, привычки и привязанности своих игроков. Как и их положительные и отрицательные игровые свойства. Знают, кому в какую минуту какое требуется слово, как возбудить одного и успокоить другого. Разве предосудительно желание иметь рядом с собой таких помощников? Не зря говорят; чтобы узнать человека, надо с ним пуд соли съесть... На тренировочных же сборах — счет соли на граммы. Попади в ворота пролетевший над штангой мяч, посланный в первом тайме Сулаквелидзе, и выйди наша команда в полуфинал, мы бы славили прозорливость старшего тренера, взявшего себе, вопреки традициям, таких помощников. Не в том беда, что их было много, беда в том, что ни один из тренеров не показал способности настроить своих воспитанников на лучшие игры. Наоборот, многие из них показали на полях Испании свои худшие игры.

— Скажите, — с чисто детской наивностью спрашивает меня после чемпионата Дима Поляков, — а не потому ли так плаксиво провели наши встречу с поляками, что догадывались, сколько мячей наколотили бы им итальянцы или кто-нибудь еще, попади они в полуфинал? А так — все чин-чинарем. Ведь перед началом вы тоже не верили, что наши выйдут из своей севильской группы. Мол, прилетели последними, вылетят первыми. А они вошли в восьмерку. Может быть, неплохо, что все так кончилось?

Но есть и другая точка зрения. И высказывает ее один из самых ярких наших форвардов, заслуженный мастер спорта Никита Павлович Симонян. Наша беседа началась через несколько часов после ничейного матча в четвертьфинале. Их было недостаточно для того, чтобы остыть и развеять переживания, «все чувства разумом измерить». Некоторые суждения собеседника могли показаться экстремальными, но я соглашаюсь с ними, потому и привожу.

— Вы много раз, Никита Павлович, выходили в составе сборной СССР на крупные международные турниры. Были в составе той команды, которая в 1956 году взяла первое место на Олимпийских играх, со своими ста сорока двумя голами долгие годы возглавляли список сильнейших бомбардиров отечественного футбола. Что бы вы могли сказать об этом матче?

— Таких возможностей не было никогда... И я думаю, что не скоро они появятся. Можно сказать, что на одиннадцати, которые вышли сегодня на поле, было сконцентрировано внимание футболистов многих поколений. Покажите, на что способны, что есть наша школа, наш футбол. Понимали ли, сколько радости могли принести стране? Ведь не спала Сибирь, не спал Дальний Восток, все ждали вестей из Барселоны, не отходили от телевизоров и радиоприемников. Может быть, громко это прозвучит, но для них это был главный матч жизни. Если бы так нерешительно, безвольно и неумело действовали они в своих клубах, их никто никогда под знамена сборной не призвал. Матч был полезен лишь с одной точки зрения —

он показывал, как нельзя играть в международных соревнованиях... Думаю, что это урок на многие годы. Факт заключается в том, что восемьдесят процентов полевых игроков вложили в матч лишь малую долю того, на что были способны...

— А это значит...

— Что перечеркнули все прошлые свои заслуги.

И еще была беседа в автобусе — с Виктором Понедельником, в прошлом игроком сборной СССР, заслуженным мастером спорта, заведующим отделом футбола газеты «Советский спорт».

— Виктор, не могли бы вы вспомнить, как готовили вашу сборную перед финальным матчем на Кубок Европы в шестидесятом, перед матчем, в котором вы забили решающий гол? Ведь и тогда были в сборной представители разных клубов, разных школ, разных характеров. Вы провели в Мадриде месяц, не напрашивались ли сравнения?

— У нас был тогда Андрей Петрович Старостин...

Так начал свой ответ Виктор Понедельник. Вернувшись в отель, я записал его в блокноте, но позже прочитал в «Советском спорте» статью В. Понедельника «Гармония большой игры», в которой он звучал более четко. Приведу высказывание, представляющееся мне чрезвычайно ценным и современным:

«На чемпионате мира в Испании в нашей команде были не просто футболисты из разных клубов — были люди разных национальностей, а значит, разных темпераментов, привычек, наклонностей. Я сам побывал в роли игрока сборной, выступал на чемпионате мира и на чемпионатах Европы, и мне не надо рассказывать, каково приходится футболистам при подготовке к ответственным матчам. Одинаковый, расписанный до минут режим дня, одинаковые рекомендации, одинаковые слова перед каждой игрой — все это, поверьте, действует угнетающе.

Но у нас, игроков старшего поколения, было одно очень важное преимущество перед сборной СССР, выступавшей в Испании. В нашей команде был Андрей Петрович Старостин. Должность его именовалась: «Начальник сборной СССР». Но он был для нас и отцом, и старшим другом. К нему каждый заходил в любое время суток и всегда получал от него дельный совет.

В той нашей команде, что завоевала звание чемпиона Европы, счастливо сошлись исполнители ролей начальника и старшего тренера — Андрей Петрович Старостин и Гавриил Дмитриевич Качалин. Оба умели трезво оценить обстановку, оба хранили идеалы спортивной чести, верности принципам советского футбола, оба были для нас людьми, у которых мы учились не только игре в футбол, но и житейской мудрости.

А как умел настраивать на очередной матч игроков сборной Андрей Петрович! Старостин способен был и встряхнуть игрока, и ободрить его в тяжелую минуту, для каждого футболиста у него были свои слова. И его понимали, любили и уважали Л. Яшин и Ю. Войнов, С. Метревели и М. Месхи, И. Нетто и С. Овивян, Г. Чохели и А. Масленкин, В. Иванов и В. Бубукин. Вот такого мудрого человека и не хватало сборной СССР в Испании.

Убежден, что наши футболисты не попали в полуфинал еще задолго до того злополучного матча со сборной Польши. Команда начала дробиться еще раньше, в те дни, когда игроки почувствовали, что они потеряли свою прошлогоднюю игру. Наверстать же упущенное в преддверии чемпионата, а тем более в ходе его никто из нынешнего руководства сборной помочь им уже не мог».

И мое многолетнее знакомство с Андреем Петровичем Старостиным, с его педагогическими взглядами, с его мудрыми и интересными литературными произведениями убеждало в том, что такой человек был нужен в команде ничуть не меньше тех заслуженных... Нет, не мастеров спорта, а артистов, которые честно делали свое дело, пытаясь создать настроение в команде. Все же, думается, это лучше делать с помощью куда более испытанных средств. И помнить, что опыт, в том числе футбольный, — это наше богатство, наше достояние и относиться к нему следует соответственно.

С Андреем Петровичем Старостиным мы встретились в самолете, летевшем из Мадрида в Москву. В отличие от некоторых своих товарищей, осунувшихся и небритых (ночь провели бессонно, в аэропорту), Андрей Петрович, как всегда, выглядел джентльменски подтянутым и бодрым, хотя и был самым старшим в группе. Он сказал с улыбкой:

— Мои друзья шутят, что главная задача нашей туристской группы в Испании сводилась к отчаянной борьбе за выживаемость. Смотрели игры стоя, под палящим солнцем. И все же мы видели, видели их!

И блеснул глазами.

Я самым искренним образом мысленно пожелал ему побывать на следующем чемпионате мира не туристом. И был бы счастлив, если бы это пожелание сбылось.

Что бы там ни было, мы смотрели не просто игры в футбол. Мы посмотрели его праздник!

* * *

Стонали от досады владельцы кинотеатров: к чемпионату отобрали боевики из боевиков, лучшие свои и зарубежные фильмы последних лет, а залы пустовали. А в театрах... Увидев в щелочку между занавесами малолюдный партер, демонстративно устроился у телеэкрана комик-премьер. Команда Испании проигрывала футболистам ФРГ. Выйдя на сцену, комик сыграл свою роль в трагедийном ключе. Он знал — живи в наши дни его соотечественник драматург-классик, он бы ему простил.

Однако вернемся к диалогу, прочитанному в разговорнике. Вспомним, что было сказано о команде Италии: «Она слишком экспрессивна. И близко к сердцу принимает неудачи... Команда Федеративной Республики Германии не менее технична и более уравновешенна».

Матч ФРГ — Франция будто бы подтверждал эту точку зрения.

Команда ФРГ должна была проиграть его, по меньшей мере два раза.

За двадцать две минуты до конца матча (как помнит читатель, основное время принесло ничейный результат 1 : 1, и были назначены дополнительные таймы) французы вели 3 : 1. Казалось, все, матч сделан, финалист известен. Французы возвышались над безгрешной, точной, академически строгой и сыгранной командой мастерством импровизации, которая одинаково ценится и в кино, и на театральной сцене, и на футбольном поле в наш век всеобщих расчетов и всеобщей расчетливости. Вдохновение, соединенное с мастерством, торжествовало над мастерством в чистом и тоже очень привлекательном виде, ибо, что ни говори, видеть, как подчиняют себе мяч, как па высоких скоростях распоряжаются им, как таранят оборону футболисты ФРГ — тоже удовольствие. От них ждали такой игры — звание лидеров европейского футбола ко многому обязывало. Но французы показали игру, какую от них не ждали, — и защитникам и вратарю ФРГ было не просто предугадать, где грянет гром и где сверкнет молния. Нет, это не был легкомысленно открытый футбол, в котором игра ва-банк! Это был футбол, подчиненный высшим его законам, главный из которых гласит: умея защищаться, умей нападать. В этом матче одинаково высоко котировалось умение завязывать комбинации и развязывать их. Но каждое «развязывание» знаменовало начало новых хитроумных комбинаций, проводившихся на высоких скоростях и лицом к чужим воротам! Вот уж где действительно был переизбыток тактико-технических действий... Даже у самых искусных мастеров подсчитывать их кругом пошла бы голова, наверняка сбились бы со счета.

Высокий длинноногий центральный защитник французов Трезор, отбросив сомнения и одним только взглядом перепоручив своего подопечного партнеру, приближается к чужой площадке. Французы получили право на штрафной. И будто бы шестым чувством угадав, где окажется мяч, поданный Жирессом, всего себя вкладывает Трезор и в рывок, и в удар, и, как взрослый малышам, жестом показывает своим радостно возбужденным друзьям — не пора, не пора целоваться, надо играть, надо делать свое дело.

Еще через шесть минут французам улыбается фортуна: мяч после удара Жиресса попадает в штангу, а от нее не в поле, не за поле, а в гол. Вот теперь уже, кажется, можно целоваться. И бить друг друга по плечу. И прыгать друг на друга.

У команды ФРГ надежды на спасение матча приближаются к нулю. Оставалось процентов тридцать после счета 1 : 2, но как-то сам собой мгновенно отпал нолик в конце: три процента — не больше надежд.

Они минимальны, эти шансы, но они есть. И футболисты ФРГ дают за половину академического часа — за двадцать две с половиной минуты — урок всему спортивному миру (слово «спортивному» можно было бы в этой фразе и пропустить), как выходить из поражения, как бороться с невезением.

На девяносто шестой минуте в команде ФРГ появляется лучший ее игрок Румменигге. В предыдущем матче он был подбит, и тренер Дерваль, веривший в благополучный исход полуфинальной встречи, берег его для финала. Но финал был теперь далеко-далеко, а Рум-

менигге — близко, Дерваль положил ему руку на плечо: на кого мне еще надеяться в эту горькую минуту, как не на тебя, пойди и...

Естественно, я не слышал этих слов, но взгляд тренера лучше всяких слов говорил, как он надеется на своего игрока, как верит в него, когда, казалось, верить больше не во что.

Стали чуть азартнее немецкие футболисты, чуть злее, что ли, и заметно сплоченнее. Игра сконцентрировалась вокруг Румменигге. Он принял на себя весь груз ответственности и показал, как надо нести его. У французов не нашлось своего Джентиле, а может, и был защитник, классом не уступавший ему, да только не осталось у него сил после ста минут взять под неослабный присмотр ловко перемещавшегося по полю форварда. Его игра была профессионально четкой, его передачи партнерам — выверенными, его наступательный дух — возвышенным. На него надеялись. Случилось, что только один раз сыграл он неточно, но не посмотрел на больную свою ногу — мол, знайте, граждане зрители, это она во всем виновата. Уже через шесть минут после выхода на поле он, выиграв очередное единоборство в штрафной площадке, в прыжке направляет мяч в ворота. 3 : 2. Но есть еще целых восемнадцать минут. Время тает, а возможности немецких футболистов уйти от поражения растут, они чувствуют это. Защитники французов мечутся близ своих ворот и впервые, кажется, начинают играть на отбой, чтобы выиграть пять, десять или пятнадцать секунд и получить право на дополнительный глоток воздуха. Почувствовав эту расстроенность соперников, с удвоенной силой ведут штурм проигрывающие. И как награда — гол, забитый Фишером после комбинации, затеянной и безукоризненно разыгранной Литбарски и Хрубешом.

А потом, как водится, били пенальти. И зрители запомнили надолго немую и выразительную сцену: Штилике, подошедший к мячу третьим, не забил гола... сел на землю и заплакал. Потому что снова уходила победа, и этот ее уход связывался с представлением не о всей команде в целом, не дробился в сознании на одиннадцать равных долек... Он был бы связан в истории футбола лишь с именем Штилике, и он плакал не стесняясь. Зрители сострадали ему искренне. Кто-то из немецких игроков положил ему руку на плечо, попытался утешить. А к мячу подходит французский форвард Сикс. У Сикса, выражаясь по-бильярдному, кикс — вратарь, угадав направление мяча, отбивает его. На впечатлительного француза Босси эта неудача действует куда больше, чем на товарищей Штилике. Второй промах подряд. Румменигге появляется у одиннадцатиметровой отметки одним из последних. Не вбивает — кладет мяч в самую дальнюю от вратаря точку.

5 : 4.

Тот матч в Севилье, на стадионе «Санчес Писхуан», состоявшийся восьмого июля, войдет в историю футбола. Были достойны добрых слов победители. Были достойны добрых слов побежденные... Не знаю, кто больше.

Итальянцы выиграли полуфинал у поляков со счетом 2 : 0. Выиграли не в своем стиле — расчетливом, аккуратном, можно даже сказать — размеренном. Он был оправдан всей стратегией движения

к финалу. Оба гола забил тот же Росси. Итальянцы продолжали наращивать свою мощь от игры к игре и к главной, к финалу, пришли преисполненными верой в успех.

А что же французы? Видно, много сил — и физических и душевных — отнял у них полуфинал. И хотя тренер Идальго заменил половину игроков, в матче с поляками за третье место они и отдаленно не напоминали ту команду, которая самоотреченно сражалась всего за два дня до того. Да и честно сказать, не то что за два дня, за два месяца не проходят бесследно переживания, выпавшие за долю французов в Севилье.

Сборная Польши выиграла 3 : 2, подтвердив тем самым не только свое право на почетное третье место, но и прогноз Пеле о том, что она сыграет в Испании лучше многих других признанных команд.

А Испания, а мир жили подготовкой к финалу.

На матч сборных Италии и ФРГ стекались самые жизнерадостные на свете паломники. За те десять часов, что находился в пути наш автобус, мы увидели на дороге Барселона — Мадрид по меньшей мере сотню машин, из окон которых были высунуты трехцветные итальянские флаги. Было много машин с номерами ФРГ. Но я не помню, чтобы хоть одна перегнала нас, нарушив тем самым дорожные правила. У дальнего пригорода Мадрида впереди оказался западногерманский «шевроле». В пригороде отказала система светофоров: нас встречал только красный свет. Итальянские, испанские, французские и прочие водители не обращали на него внимания, ехали себе вперед. Немец же не обращал никакого внимания на сетования следовавших за ним шоферов, останавливался у каждого знака, демонстративно не желая делать того, к чему не привык. Его готовы были сбросить в обочину.

В строгом соответствии с правилами вели финальный поединок футболисты ФРГ. Защитники пристально следили за «своими» форвардами, решительно вступали в борьбу, а выиграв мяч, посылали вперед только тех полузащитников, которым это было положено делать по предварительной разнарядке. Никто не нарушал хода, заготовленного тренером. Расписание и режим матча выдерживались точно. Можно сказать, безукоризненно. В такой игре тоже была своя прелесть — она могла бы послужить примером того, как надо выполнять тренерские установки.

Примером противоположного свойства могла служить и послужит финальная игра итальянцев. Можно было подумать, что Беарзот сказал им перед началом:

«Ребята, все вы хорошо знаете футбол, но еще лучше — своих товарищей, я хочу еще раз показать, как доверяю вам. Соперники имеют над вами преимущество, и выражается оно словом «расчетливость». Так превзойдите их импровизацией. Неустанно ищите неочевидные, неожиданные решения».

А вот слова, которые действительно были сказаны. Правда, не после финала, а после такого важного для итальянцев матча с бразильцами. Сказал их Зофф, капитан и вратарь итальянцев:

— Я не боялся проигрыша, хотя все время помнил о матче Бразилия — Италия в семидесятом году в Мексике. Но я знал, что

если мы хотим выиграть, должны вытравить в себе воспоминания о той игре. И я все время напоминал защитникам: при первой же возможности идите вперед. Как бы трудно им ни было, я требовал от них: идите вперед, участвуйте в атаках. Вратарю легче играется и дышится, когда он знает, что его команда нацелена на атаку, ведет борьбу за победу.

В финале иные игроки итальянской обороны делали рывки на сорок, на пятьдесят метров, сообразуясь с обстановкой. Партнеры старались, чтобы ни один такой рывок не оказался незамеченным и невознагражденным. Из отчета о матче: «Итальянцы в линии атаки постоянно держали только двух нападающих — Росси и Грациани (на десятой минуте матча в финале его заменил Альтобелли). Зато не только четверка хавбеков, возглавляемая блестящим техником и тактиком Конти, практически все защитники итальянской команды были заряжены поистине неудержимым стремлением чтобы перехватить мяч, атаковать ворота. Закономерно, что первый мяч в ворота сборной ФРГ Росси забил после подачи Джентиле... С передачи защитника Ширеа был забит и второй гол (Тарделли)».

Перед началом финального матча я встретился с редактором западногерманского футбольного журнала Карлом Хайнцом Хайманом. Что думает он о своей команде, каким видится ему результат?

— На этом чемпионате труднее всего предсказать, что можно и чего нельзя ждать от наших. Кто мог предвидеть, что они уступят алжирцам? Кто мог предсказать, что они спасут матч с французами? Несколько человек травмировано. Я, например, не уверен, что сможет играть Румменигге. И потом, осталось ли у наших столько сил, сколько необходимо для победы в таком матче? Конечно, я хотел бы верить, что мои земляки соберутся и хорошо проведут игру. Только кто скажет, как и за счет чего смогут они одолеть итальянцев? Сделать то, чего не удалось ни одной другой команде. Я думаю, что наши надежды колеблются в пределах между сорока и пятьюдесятью процентами. Впрочем, поживем — увидим, — совсем по-русски закончил Хайман.

Стадион «Сантьяго Бернабеу», собравший одиннадцатого июля на финал сто тысяч зрителей, был свидетелем спортивного зрелища, которому суждено долго жить в памяти.

Как не вспомнить снова и снова пенальти, не забитый на двадцать пятой минуте итальянцем Кабрини. Как не вспомнить всеобщее джентльменское прощение этой неудачи и коллективное желание итальянцев исправить ошибку своего товарища! Не размагнитились, а зарядились, заиграли с удвоенным рвением. Симпатии стадиона, поначалу равномерно делившиеся между командами, стали постепенно, но верно склоняться на сторону итальянцев.

...Когда за девять минут до конца встречи Альтобелли провел в ворота ФРГ третий гол, запахло разгромом. Немцы давно никому так не проигрывали. И лишь за семь минут до финального свистка судьи их полузащитник Брайтнер привел игру к более или менее приемлемому счету — 3 : 1.

Случалось, в предыдущих чемпионатах мира правомерность исхода ставилась иными обозревателями под сомнение. В 1966 году

говорили, что англичане выиграли финал у сборной ФРГ с помощью судьи, засчитавшего гол, которого на самом деле не было. И в наши дни нет-нет да и промелькнет на страницах спортивного журнала или газеты сообщение о том, что якобы даже современные электронные средства не позволяют обнаружить мяч в воротах ФРГ на видеолентах. В 1978-м уже другие обозреватели опровергали право на чемпионство аргентинцев, которые (тоже у себя дома) вколотили в ворота земляков-перуанцев такое обилие мячей, какое только и способно было вывести их в следующий этап.

Не думаю, что найдется человек, который поставит под сомнение абсолютную чистоту победы-82. Враз стали чуть не национальными героями итальянские футболисты. Два дня страна не работала, два дня ликовала. Через час после того, как закончился финал, толпа радостно возбужденных итальянцев вышла на улицу Горького в Москве: размахивали знаменами, пели, танцевали и вообще всем своим видом показывали, какое это счастье испытывать футбольную победу земляков.

— Я не смог удержаться, чтобы не выйти на улицу и не пожать руки этим славным ребятам, — говорил живший в гостинице «Москва» азербайджанский писатель Максуд Ибрагимбеков. — Скажите, как по-вашему, мы доживем когда-нибудь до такого дня, когда и наши футболисты начнут приносить радость?

Если не верить, зачем тогда вообще ходить на футбол, переживать за него, писать о нем?

Пусть будут полезны уроки чемпионата. Разумны выводы. И четки намечаемые пути.

Слишком много сил сошлось в нашем спорте, чтобы мы не могли стронуть с места одну тольку Игру.

Голсуорси говорил: «Кто не думает о будущем, не имеет его».

Перефразируя писателя, можно сказать: будущее имеет тот, кто думает о нем, приближает его.

Относится это не только к футболу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 3

Часть первая. Искра, живущая в кремне

Глава 1 4
Глава 2 7
Глава 3 23
Глава 4 29

Часть вторая. Младшие сестры победы

Глава 1 40
Глава 2 59
Глава 3 80

Часть третья. Назидательные истории

Глава 1 89
Глава 2 102
Глава 3 115

Часть четвертая. Олимпийское противостояние

Глава 1 130
Глава 2 143
Глава 3 149

Часть пятая. Не забудется!

Глава 1 158
Глава 2 174
Глава 3 192

Часть шестая. Уроки на завтра

Глава 1 208
Глава 2 214
Глава 3 225

Александр Васильевич Кикнадзе
СТЕЗЯ ГЕРАКЛА

Заведующий редакцией
В. Л. ШТЕЙНБАХ

Редактор
Г. С. БОТАШОВА

Художник
А. Д. СУИМА

Художественный редактор
Е. С. ПЕРМЯКОВ

Технический редактор
Н. А. СУРОВЦОВА

Корректор
Р. Б. ШУПИКОВА

ИБ № 1477. Сдано в печать 24.03.83. Подписано к печати 26.10.83. А 03285. Формат 60×90/16. Бумага газетная. Гарнитура «Обыкновенная новая». Офсетная печать. Усл. п. л. 16,50. Усл. кр.-отт. 16,50. Уч.-изд. л. 19,95. Тираж 100 000 экз. Издат. № 6942. Зак. № 303. Цена 1 р. 50 к.

Ордена «Знак Почета» издательство «Физкультура и спорт» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 101421. Москва, Каляевская ул., 27.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Новинки издательства «Физкультура и спорт»

От Афин до Москвы:
Альбом/Авт.-сост. Штейнбах В. Л.

История олимпийских игр увлекательна и драматична. Читатель альбома «От Афин до Москвы» (1-е изд. вышло в 1979 году) станет свидетелем всех олимпиад современности, познакомится с чемпионами — героями Игр. Особое место в альбоме отведено Играм XXII Олимпиады в Москве.

Для широкого круга читателей.

ТРЕСКИН А. В.
Спорт в Скандинавии: прошлое и настоящее.

В книге рассказывается об истории возникновения и развития физической культуры и спорта в Скандинавских странах, содержится много интересных сведений и фактов, не публиковавшихся ранее в печати.

Для широкого круга читателей.

АЛЕКСАНДР КИКНАДЗЕ
СТЕЗЯ ГЕРАКЛА